

МЕЖПАРАЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

часть I

2013

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2013

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2014

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
члена научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
А.Б. Николаева

Рецензенты: д-р ист. наук, зав. кафедрой философии, истории
педагогике Чебоксарского кооперативного института (филиал) Рос-
сийского университета кооперации Е.М. Михайлова; д-р ист. наук,
профессор кафедры философии и истории Госуниверситета-УНПК
(г. Орел) С.М. Санькова

Т 13

Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентариз-
ма: история и современность. Международная научная конферен-
ция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11—12 декабря 2013 г. Сбор-
ник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х частях. СПб.:
Издательство «ЭлекСис», 2014. Ч. 1.

ББК 67.400.6
ISBN 978-5-904247-94-2

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2014.

ISBN 978-5-904247-94-2

Содержание

Предисловие	6
Приветственное слово к участникам международной конференции от Совета МПА СНГ	13
Приветствие от Центральной избирательной комиссии Российской Федерации участникам и гостям ежегодной международной научной конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность»	16

Государственная дума и монархия

Куликов С.В. Династия Романовых и Государственная дума начала XX века	18
Аронов Д.В. Теоретические аспекты определения статуса монарха и монархической составляющей государственной власти в либеральных конституционных проектах начала XX в. как основа думского законотворчества либеральных партий 1906—1907 гг.	37
Омельянчук И.В. Народное представительство в идеологии российских консерваторов начала XX века	45

Думские выборы

Томилов И.С. Выборы в I Государственную думу и «дело десяти» — первый политико-парламентский процесс в Тобольской губернии в начале XX века	54
Богоявленский Д.Д. Консервативная публицистика и законодательные учреждения Российской империи: «Московский голос» о выборах в I и II Государственные думы	62
Гронский А.Д. Отражение выборов во II Государственную думу в белорусскоязычной прессе начала XX века	73

Костылев А.В. Выборы в Государственные думы Российской империи в городах с правом отдельного представительства	82
Глушковецкий А.Л. Организация выборов в III Государственную думу в Подольской губернии: национальный фактор	92
Запевалин П.П. Выборы в IV Государственную думу в Санкт-Петербургском уезде	101
Парламент Российской империи: создание, деятельность, партии, фракции, блоки и повседневные практики депутатов	
Островский А.В. Подписание и обнародование Манифеста 17 октября 1905 года	108
Новиков А.В. Государственная дума Российской империи в надеждах и иллюзиях дореволюционных рабочих: динамика восприятия	114
Кириянов И.К. Пиджак в российской политике: первая примерка	122
Патрикеева О.А. Зарождение парламентского ораторского искусства в России в начале XX столетия	130
Соловьев К.А. Думское законотворчество в 1906—1914 гг.: организация экспертизы	138
Котюкова Т.В. Туркестанское направление имперской политики России через призму Государственной думы	146
Кара-Мурза В.В. Попытка образования ответственного министерства в I Государственной думе	157
Портнягина Н.А. Дебаты по проблеме амнистии в I Государственной думе	168
Беседина Е.А. Фракция трудовиков I Государственной думы Российской империи: повседневные практики парламентария	177
Циунчук Р.А. Холмский вопрос в Государственной думе: католики — православные — униаты / поляки — русские — малороссы	188
Селезнев Ф.А. Фракция кадетов и вопросы торгово-промышленной политики (по речам А.И. Шингарева в III Государственной думе)	198

Дёмин В.А. Государственная дума, Государственный совет и борьба с пьянством.....	204
Златина М.А. Обсуждение законопроекта «О мерах по обеспечению участи беженцев» на закрытых заседаниях IV Государственной думы и Государственного совета: столкновение мнений и принятие итоговых решений.....	212
Глушков А.В., Лукьянов М.Н. Прогрессивные националисты: путь в блок и в блоке.....	221
Лукоянов И.В. 27 апреля 1916 г.: первый юбилей Государственной думы.....	229
Дорская А.А. Парламентаризм как конституционная ценность: уроки российского парламента начала XX века	235
Николаев А.Б. Частные совещания членов Государственной думы в марте 1917 года.....	241

Думская биографика

Муромцева Л.П. С.А. Муромцев во главе I Государственной думы.....	265
Кулегин А.М. От царского губернатора до советского служащего. Судьба депутата I Государственной думы князя С.Д. Урусова.....	276
Сутягина Л.Э. Думские впечатления. Деятельность С.Н. Булгакова во II Государственной думе.....	288
Некрасов Н.В. «Это ужас, коль не враки»: избрание и парламентская деятельность П.А. Крушевана в освещении периодической печати (1907 г.).....	297
Иванов А.А. Как Н.Е. Марков с О.Я. Пергаментом стрелялись: к истории депутатской дуэли.....	316
Сидоренко Н.С., Мусатов В.В. Депутаты регионов в Государственной думе и общественно-политическая жизнь страны (штрихи к портрету уральского депутата А.А. Бубликова).....	335
Гордеев П.Н. Н.Н. Львов — комиссар ВКГД и Временного правительства над Дирекцией императорских театров.....	344

Предисловие

11—12 декабря 2013 года в Санкт-Петербурге прошла международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2013»). Это уже седьмая конференция, посвященная изучению различных проблем российского и зарубежного парламентаризма, которая ежегодно проходит в Таврическом дворце, начиная с 2007 года. По итогам каждой из них выходят сборники научных статей¹, которые высоко оцениваются специалистами по истории парламентаризма.²

Организатором «Таврических чтений 2013», как и предыдущих, выступил Центр истории парламентаризма при МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма Л.А. Крохина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН С.В. Куликов, доктор исторических наук, заведующий Научно-исследовательским архивом СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев, доктор исторических наук, профессор, начальник отдела экспертно-аналитического управления МПА СНГ и председатель НМС при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко. Помощь оргкомитету оказывали сотрудники Центра истории парламентаризма В.А. Березина, А.В. Богунова, М.А. Долгая и Е.Ю. Ярыгина.

Оргкомитет провел ряд рабочих заседаний, в ходе которых выработал план подготовки конференции, определил проблемы, которые предполагалось обсудить в ходе ее работы. Кроме этого, оргкомитет принял решение провести конкурс студенческих и аспирантских работ в рамках и по теме конференции. Сотрудники Центра

---

¹ См., напр.: Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева СПб., 2013. Ч. 1 и 2.

² См., напр.: *Омельянчук И.В.* Рецензия на сборник по итогам международной научной конференции «Таврические чтения 2012». Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность // Клио. Журнал для ученых. 2014. № 9(93). С. 143—147.

истории парламентаризма, следуя указаниям оргкомитета, составили информационное письмо, которое было разослано в высшие учебные заведения и научные учреждения, а также ведущим российским и зарубежным специалистам по истории парламентаризма. На основе поступивших заявок оргкомитет сформировал программу конференции. Информация о предстоящей международной научной конференции «Таврические чтения 2013» была помещена на различных сайтах в Интернете³.

Конференция открылась 11 декабря 2013 года пленарным заседанием, в ходе которого ее участники выслушали приветствия, четыре научных доклада и одно сообщение⁴.

Затем состоялась презентация выставки, посвященная отражению деятельности Государственной думы на страницах российских журналов в 1907 году. Выставка была подготовлена Центром истории парламентаризма совместно с кафедрой русской истории РГПУ. Необходимый материал для выставки был отобран студентами 2-го курса магистратуры по кафедре русской истории в рамках научно-исследовательской практики, проходившей в Центре истории парламентаризма. Практиканты А.О. Дружевский, А.Е. Литинская, Е.В. Спицина, А.М. Трофимова, М.И. Тягур и аспирант Н.В. Некрасов получили благодарность Центра истории парламентаризма⁵.

В программу конференции был включен круглый стол «Романовы и Дума», на котором были обсуждены доклады С.В. Куликова и О.А. Островского. В дискуссии приняли участие доктора исторических наук Д.В. Аронов, В.А. Демин, А.А. Иванов, И.К. Кирьянов и И.В. Омелянчук, а также магистр истории Кембриджского университета В.В. Кара-Мурза. Руководил круглым столом доктор исторических наук К.А. Пшенко.

³ Конкурс студенческо-аспирантских исследовательских работ в рамках конференции «Таврические чтения» / Таврические чтения // Ломоносов. Молодежный научный портал [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://conf.msu.ru/rus/event/1887/>; Ежегодная международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения») // Конференции. ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.konferencii.ru/info/104679>

⁴ В.А. Демин сообщил о выходе нового издания энциклопедии «Государственная дума Российской империи: 1906—1917». Текст сообщения в данном сборнике не публикуется.

⁵ Эти материалы были представлены затем на 18-й университетской выставке научных достижений РГПУ им. А.И. Герцена (22—24 апреля 2014) и удостоены дипломом 2-й степени в номинации «Разработка студентов в области гуманитарных и общественных наук».

В дальнейшем работа «Таврических чтений» проходила по трем секциям: первая из них была посвящена думскому источниковедению⁶; вторая — истории британского парламентаризма⁷, а третья — парламентаризму в государствах — участниках СНГ⁸.

12 декабря 2014 года работало шесть секций: «Российский парламентаризм начала XX века: теория, идеология, практика»⁹, «Выборы в Государственную думу Российской империи»¹⁰, «Думская биография»¹¹, «Партии, фракции, блоки»¹² и две секции, посвященные изучению отдельных вопросов думской деятельности¹³.

В ходе второго дня конференции также были подведены итоги конкурса студенческих и аспирантских работ. Диплом 1-й степени получил аспирант ЛГУ им. А.С. Пушкина П.П. Запевалин, дипломом 2-й степени была отмечена работа аспиранта РГПУ им. А.И. Герцена Н.В. Некрасова, а дипломом 3-й степени награжден лаборант Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН И.С. Томилов.

Информация о прошедшей конференции была дана на сайтах МПА СНГ¹⁴, Центра истории парламентаризма¹⁵, Парламентской библиотеки Российской Федерации¹⁶, Казанского федерального университета¹⁷, Института современной России (Вашингтон,

---

⁶ Руководитель секции: Д.М. Усманова.

⁷ Руководитель секции: Н.В. Дронова.

⁸ Руководитель секции: К.А. Пшенко.

⁹ Руководитель секции: С.В. Куликов.

¹⁰ Руководитель секции: И.В. Лукоянов.

¹¹ Руководитель секции: А.А. Иванов.

¹² Руководитель секции: И.К. Кирьянов.

¹³ Первой из них руководил А.Б. Николаев, а второй — Р.А. Циунчук.

¹⁴ Международная научная конференция «Таврические чтения — 2013» / Мероприятия МПА / Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств // [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.iacis.ru/activities/events/sekretariat_mpa_sng/mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentsiya_tavricheskie_chteniya_2013/

¹⁵ Международная научная конференция «Таврические чтения — 2013», 11—12 декабря 2013 // Центр истории парламентаризма [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parliament-history.ru/?page_id=2578

¹⁶ Международная научная конференция «Таврические чтения — 2013» // Парламентская библиотека Российской Федерации // Парламентская [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://parlib.duma.gov.ru/ru/about/detail.php?ID=1923>

¹⁷ Таврические чтения 2013: «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» // Казанский федеральный университет [Элек-

США)¹⁸ и др.¹⁹ В студенческой газете ФСН РГПУ «Двадцатый корпус» А. Балькин и К. Макаров опубликовали статью «Заглянуть в мир большой науки», посвященную «Таврическим чтениям 2013». И если сообщения на сайтах и в студенческой газете «Двадцатый корпус» дают или общую информацию о прошедшей конференции, или информацию о выступлениях отдельных докладчиков, то публикация доктора исторических наук Н.В. Дроновой полностью посвящена работе «британской секции»²⁰.

Доклады, прочитанные на конференции, были затем переработаны их авторами в научные статьи, которые и публикуются в седьмом сборнике «Таврические чтения», выходящем в двух частях.

Первая часть сборника открывается приветствиями Генерального секретаря Совета МПА СНГ А.И. Сергеева и председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В.Е. Чурова.

В первом разделе — «Государственная дума и монархия» — опубликованы статьи С.В. Куликова, Д.В. Аронова и И.В. Омелянчука. Открывает раздел статья С.В. Куликова, в которой доказывается, что «в начале XX в. династия Романовых сыграла активную роль в создании Государственной думы и сознательно способствовала сначала упрочению ее позиций в системе дуалистической монархии, а затем, особенно в годы Первой мировой войны, превращению Думы в институт парламентарной монархии». Д.В. Аронов, изучая либеральные проекты Основных государственных законов, приходит к выводу о том, что «в них речь идет о конституционной монархии, где власть монарха ограничена участием общества в осуществлении законодательной власти». И.В. Омелянчук, рассуждая о взглядах российских консерваторов на «народное представительство», отмечает их эволюцию («постепенную коррекцию»), которая вылилась в признание целесообразности «наличия в политической системе Рос-

тронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://kpfu.ru/imoiv/tavricheskie-chteniya-2013-39aktualnye-problemy-67880.html>

¹⁸ Таврические чтения — 2013 // Институт современной России [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://www.imrussia.org/ru/imr-news/625-the-2013-tauride-readings-in-st-petersburg>

¹⁹ Проблемы парламентаризма обсуждают участники Таврических чтений в Петербурге // Вместе-РФ [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://vmeste-rf.tv/news/32788.do?setMobile=true>

²⁰ Дронова Н.В. Британская парламентская история на «Таврических

сии представительного органа власти с законодательными полномочиями, и направивших свои основные усилия на изменение избирательного законодательства с целью обеспечить лояльность к самодержавию депутатского корпуса».

В следующем разделе — «Думские выборы» — опубликовано 6 статей. Заметим, что в предыдущих сборниках такого раздела не было, хотя статьи отдельных авторов публиковались о них с завидной регулярностью²¹. Но «дефицит» авторов, изучающих эту тему, не позволял выстроить отдельный раздел. Теперь это стало возможно благодаря статьям А.В. Костылева, уже не раз публиковавшегося на страницах «Таврических чтений»²², И.С. Томилова, Д.Д. Богоявленского, А.Д. Гронского, А.Л. Глушковецкого и П.П. Запевалина.

Третий раздел — «Парламент Российской империи: создание, деятельность, партии, фракции, блоки и повседневные практики депутатов» — включает семнадцать статей. Обратим внимание лишь на некоторые из них. Так, И.К. Кирьянов посвящает свою статью «политизации пиджака». В ней автор делает ряд ценных замечаний. В частности, он выделяет «два основных типа костюма, носимых тогдашними парламентариями, — унаследованный от XIX в. сюртучный, преобладавший в среде членов Государственного совета и правой части Государственной думы, и входивший в моду пиджач-

---

²¹ *Мальшева О.Г.* Избирательная система и выборы в Государственную думу Российской империи // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. С. 100—111; *Миныхов А.С.* Губернаторы и думские избирательные кампании в начале XX века // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 38—50; *Глушковецкий А.Л.* Региональные особенности организации выборов в I Государственную думу Российской империи в Подольской губернии // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013. Ч. 1. С. 70—81; и др.

²² *Костылев А.В.* Избирательная кампания в IV Государственную думу в Санкт-Петербурге // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. Научно-практический семинар, С.-Петербург, Таврический дворец, 11 декабря 2007 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008; и др.

ный, получивший широкое распространение в депутатском корпусе Государственной думы». Кирьянов также подчеркивает, что «для традиционной бюрократии появление во власти людей в пиджаках было одним из символов крушения старого порядка». Интерес представляет и работа К.А. Соловьева, который, изучая организацию экспертизы через призму думского законотворчества, пришел к выводу, что «отличить эксперта от представителя “лобби” чаще всего не представлялось возможным». Обратим внимание и на статью Ф.А. Селезнева о торгово-промышленной политике кадетов. Автор, изучив ее на основе речей А.И. Шингарева в III Государственной думе, заканчивает свою статью вопросом: «насколько корректно кадетскую партию считать выразительницей интересов буржуазии?».

Закрывает первую часть сборника раздел «Думская биографика». В нем помещены семь статей. Л.П. Муромцева пишет о председателе I Государственной думы С.А. Муромцеве. Л.Э. Сутягина сообщает о деятельности С.Н. Булгакова во II Государственной думе. А.М. Кулегин рассказывает о судьбе перводумца князя С.Д. Урусова. Любопытный материал приводит Н.В. Некрасов в своей работе о черносотенце П.А. Крушеване. Автор замечает, что П.А. Крушеван не только не стал главным скандалистом II Государственной думы, но еще и полевел, если верить слухам, распространявшимся другими депутатами-монархистами. Интерес представляет и статья А.А. Иванова, в которой излагаются подробности дуэли между депутатами III Государственной думы Н.Е. Марковым 2-м и О.Я. Пергаментом. Две статьи посвящены депутатам IV Думы, прославившимся во время революции 1917 года: Н.С. Сидоренко и В.В. Мусатов кратко сообщают об А.А. Бубликове, а П.Н. Гордеев, привлекая новые источники, дает красочную картину деятельности Н.Н. Львова на посту комиссара ВКГД и Временного правительства над Дирекцией императорских театров.

Вторая часть сборника включает в себя четыре раздела. В первом из них — «Из истории Государственного совета Российской империи» — опубликовано две статьи. Р.Я. Юрковский пишет о члене Государственного совета в 1906—1910 гг. И.О. Корвин-Милевском, которого благодаря полемическим речам «звали в Петербурге “пузырьком с ядом”». Автор подчеркивает, что Корвин-Милевский был лоялистом и сторонником монархии, но ценили его не только за это, но и за «парламентский талант и юридические знания». А.Н. Мичурин, опираясь на различные источники, пишет о политических взглядах членов Государственного совета.

Второй раздел, состоящий из пяти статей, посвящен думскому источниковедению. В двух статьях раздела содержится обзор думских документов, отложившихся в различных архивах — РГАДА

(Н.Ю. Болотина) и ЦГИА СПб (Е.А. Деревнина). Примыкает к этим статьям исследование Д.И. Раскина, в котором анализируются письма, телеграммы и прошения в Государственную думу, хранящиеся в РГИА, как форма связи депутатов с избирателями. В работе Д.М. Усмановой изучается «роль думских фотографов во взаимосвязи парламента и парламентариев с медийным пространством и общественностью». Закрывает раздел статья С.И. Корниенко, в которой «рассматривается интернет-портал “Парламентская история поздней имперской России” как комплексный научно-образовательный ресурс».

Раздел «Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ» включает в себя восемь статей. Обратим внимание на исследования Е.С. Андреевой о Парламентской Ассамблее ОДКБ, А.В. Курьяновича о попытке эволюции белорусского парламентаризма в 1996 г. и А.А. Марышева о Парламенте Кыргызской Республики. Ценные замечания содержатся в статье В.А. Ачкасова, в которой изучены некоторые проблемы представительности современных парламентов.

Новинкой сборника стало появление раздела, посвященного истории британского парламентаризма. Всего в этом разделе опубликовано восемь исследований, авторами которых являются известные ученые-англоведы. Среди них — М.П. Айзенштат, Н.В. Дронова, С.Б. Семенов и др. Анализируя доклады, которые опубликованы в данном сборнике в виде статей, Н.В. Дронова обратила внимание «на важное обстоятельство: с одной стороны, имела место постановка общих для многих докладов концептуальных вопросов о природе, механизме и значении развития конституционализма на разных этапах истории Британии, влиянии традиций британского парламентаризма на политические системы Нового и Новейшего времени; с другой — вопроса о факторе личности в истории парламентаризма»²³.

В приложении к сборнику дана статья Н.И. Кореневой о баллотировочных ящиках, хранящихся в Тотемском музейном объединении.

Надеемся, что и настоящий сборник «Таврических чтений» найдет своего заинтересованного читателя.

А.Б. Николаев

---

²³ Дронова Н.В. Британская парламентская история на «Таврических чтениях — 2013» // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 216.

Приветственное слово к участникам международной конференции от Совета МПА СНГ

Уважаемые участники международной конференции «Таврические чтения-2013»!

Позвольте мне приветствовать вас от имени Совета межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств и его Председателя Валентины Ивановны Матвиенко.

В седьмой раз в Думском зале Таврического дворца собираются ведущие ученые-историки России, стран СНГ для обсуждения актуальных проблем истории и современности парламентаризма. И как всегда в зале очень много молодых лиц, это очень отраднo, — студентов и аспирантов университетов Санкт-Петербурга и других городов России. Я особо приветствую молодых людей и выражаю уверенность в том, что «Таврические чтения» станут хорошим стартом вашей научной карьеры.

Конференция открывается накануне знаменательной даты. Завтра в России будут отмечать 20-летие Конституции и 20-летие современного парламента Российской Федерации — Федерального Собрания.

Действующая Конституция России принималась в непростое время серьезнейшей трансформации в нашей стране. И многие скептики предрекали ей недолгую жизнь. Однако прошедшие годы подтвердили правильность исторического выбора, сделанного российским народом, — выбора реальной демократии, выбора свободы, выбора правового государства и эффективной исполнительной власти.

В современную эпоху важнейшим институтом государственного строительства, главным демократическим институтом в большинстве стран стал парламентаризм. Россия шла к нему непростым путем, вы это прекрасно знаете, и знаете, наверное, лучше, чем кто-либо иной. Достаточно вспомнить, что в XX век Россия вступила государством, в котором не было ни парламента, ни тем более развитого парламентаризма. К этому можно добавить, что и в начале XX века, и в недавние 90-е годы, когда шло формирование парла-

мента, это время пришлось на периоды очень острых общенациональных кризисов. Это, конечно, наложило свой отпечаток и на возникшие в то время парламентские структуры, и на специфику их взаимоотношений с другими ветвями власти. Тем не менее сегодня мы можем сказать с полным основанием, что в нашей стране создана государственная система, отвечающая всем современным критериям парламентаризма. Это, без всякого преувеличения, достижение исторического характера, наше общенациональное достояние, которое надо беречь и развивать.

Этому будет способствовать и новый праздник, который мы впервые отметили в этом году, — День российского парламентаризма. Этому будет способствовать и ваша конференция, ибо вследствие усилий людей, находящихся в этом зале, в последние годы интерес в обществе к истории и современности парламентаризма значительно возрос, в том числе и благодаря научным трудам, которые ежедневно публикуются по итогам «Таврических чтений».

Все, что я сказал о демократических преобразованиях в нашей стране, в полной мере можно соотнести с теми процессами, которые происходят в странах Содружества Независимых Государств. Вот уже почти двадцать два года свой вклад в эти позитивные преобразования вносит и Межпарламентская Ассамблея СНГ, которая располагает весь этот период в Таврическом дворце Санкт-Петербурга. За эти годы опыт совместной законотворческой работы здесь, в Думском зале, приобрели почти 3,5 тысячи депутатов тринадцати палат парламентов девяти государств СНГ. В этом историческом зале Межпарламентской ассамблеей рассмотрено и принято более 400 модельных законодательных актов, которые сегодня составляют основу национальных законодательств государств Содружества. Эти документы позволили сблизить, гармонизировать национальные законодательства и, самое главное, сделать так, чтобы они отвечали самым высоким европейским и мировым стандартам.

И еще одну миссию выполнял все эти годы Совет Межпарламентской ассамблеи и его Секретариат. Это миссия сохранения и восстановления исторического облика Таврического дворца, которому в будущем году исполняется 225 лет. Выступая на «Таврических чтениях» в 2012 году, я обещал, что следующая конференция пройдет в обновленном Думском зале. Это обещание выполнено, и вы сегодня сами сможете оценить работу реставраторов — насколько новый облик зала стал соответствовать своему первоначальному историческому облику. Мы очень гордимся тем, как много удалось сделать с точки зрения сохранения и восстановления Таврического дворца за последние годы.

Уважаемые участники конференции!

Я искренне желаю вам успешной и плодотворной работы, я желаю вам, чтобы вы полностью выполнили ту программу конференции, которую наметили. И, конечно, все мы с большим интересом будем ждать публикации ваших научных трудов в сборнике «Таврические чтения — 2013».

Великий русский историк Василий Осипович Ключевский любил очень часто повторять такие слова: «Изучайте историю России, это очень полезная вещь». Мне кажется, что это выражение стало кредо профессиональной деятельности каждого из вас. И, честно говоря, мы в этом вам искренне завидуем.

Успехов вам! И благодарю за внимание.

*Генеральный секретарь Совета МПА СНГ
А.И. Сергеев*

**Приветствие от Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации участникам и гостям
ежегодной международной научной конференции
«Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность»**

Сердечно приветствую участников и гостей ежегодной международной научной конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность», которая по традиции проводится в Санкт-Петербурге!

В настоящее время в Российской Федерации и в странах Содружества Независимых Государств активно идут процессы совершенствования организации и функционирования политической системы, демократическая направленность которой стала магистральным направлением развития общества. При этом обязательным условием поступательного развития демократических процессов выступает дальнейшее совершенствование избирательных систем.

Вся история парламентаризма, российская и зарубежная политическая практика свидетельствуют о том, что многопартийность, динамическое развитие которой в настоящее время происходит в Российской Федерации, выступает в качестве одной из его основ.

Свободные демократические выборы стали необходимым условием существования представительной демократии. В Российской Федерации и других государствах они справедливо рассматриваются в качестве базового принципа конституционного строя страны, поскольку только зрелость и целостность избирательной системы и сами выборы способны обеспечить подлинное, активное и постоянное политическое и юридическое участие граждан в решении важнейших вопросов жизни общества.

Перед Российской Федерацией и другими государствами сегодня стоит важная задача повышения доверия граждан к парламентаризму и демократическим избирательным системам, придания этому процессу необратимого характера.

В решении этой непростой задачи большая роль отводится Межпарламентской ассамблее государств — членов СНГ. Документы, принятые МПА СНГ, служили и продолжают служить ориентиром и основой для национальных законов, обеспечивая сближение, гармонизацию, а в ряде случаев и унификацию законодательства стран Содружества в соответствии с общепризнанными нормами международного права. Очень важным является то, что члены парламентов государств — участников СНГ в статусе международных наблюдателей вместе с представителями экспертного сообщества отслеживают выборные процессы в странах СНГ, анализируют законодательство в выборах, делают выводы, указывают на достижения и недочеты.

В связи с этим задачи, стоящие перед конференцией, новые идеи, вырабатываемые научным сообществом, представляют несомненный интерес для организаторов избирательного процесса.

Надеюсь, что участники форума внесут свой вклад в развитие теории и практики парламентаризма, взвешенно и объективно рассмотрят его историю и современные проблемы.

Уверен в том, что высказанные участниками и гостями предложения, идеи и рекомендации окажутся востребованными всеми слоями общества, а также послужат делу развития избирательных систем государств — участников СНГ.

Желаю вам успешной и плодотворной работы и всего самого доброго.

*Председатель Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации В.Е. Чуров*

10 декабря 2013 года

Государственная дума и монархия

С.В. КУЛИКОВ

Династия Романовых и Государственная дума начала XX века

В историографии дореволюционной Государственной думы существует лакуна, связанная с тем, что до сих пор особое внимание не уделялось изучению роли династии Романовых в ее создании, их отношению к последующему функционированию народного представительства и мнению Романовых о месте Думы в политической системе Российской империи и перспективах возможной эволюции высшего представительного органа. Вызвано это прежде всего тем, что многие годы сознание советских, да и зарубежных историков было буквально загипнотизировано примитивно-агитпроповскими представлениями о беспросветной реакционности института монархии вообще и в России — в частности, а значит, и о реакционности всех деятелей, персонифицировавших этот институт, не только императора Николая II, но и его родственников, великих князей и княгинь и князей и княгинь императорской крови, которые, собственно, в совокупности, и образовывали династию. По мнению А.Я. Авреха, царизм и камарилью (под ней он подразумевал прежде всего великокняжеское окружение Николая II) «объединяли общее происхождение, реакционность и паразитизм, необходимость единым фронтом противостоять прогрессивным силам страны»¹, в том числе — и олицетворяемым Государственной думой.

Полная ошибочность приведенной точки зрения объясняется тем, что авторы, подобные Авреху, если и затрагивали (впрочем — весьма косвенно и в основном применительно к проблеме так называемой «великокняжеской фронды» кануна Февральской революции в 1917 г.) тему «Романовы и Дума», то делали это вне исторического контекста начала XX в. Между тем необходимо иметь в виду, что в 1906—1917 г. среди независимых государств преобладала монархическая форма правления, которая существовала в 46 странах Европы (до

---

¹ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 65.

1910 г. — в Португалии) и всех 7-ми — Азии (до 1912 г. — в Китае) и в одной стране Африки (Абиссиния). В тот же период республиками являлись 7 европейских государств (Бремен, Гамбург, Любек, Сан-Марино, Франция, Швейцария и с 1910 г. — Португалия), все (21) американские государства и одно — азиатское (Китай с 1912 г.) и африканское (Либерия). Следовательно, к 1906 г. из 83 независимых государств 56 (более двух третей) были монархиями и 27 (менее одной трети) — республиками, а потому ничего реакционного в исповедании монархизма в начале XX в. не было.

Именно европейские монархии и в рассматриваемое время продолжали вести свои страны по пути процветания и прогресса. «Нет ни малейшего сомнения в том, что монархическое начало, — подчеркивал Б.Н. Чичерин, — от первых зачатков политической жизни до наших дней, имело в государственном развитии народов выдающееся значение»². В этом смысле самодержавная монархия в России не являла собой исключения, поскольку ее история, по наблюдениям того же Б.Н. Чичерина, «доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения»³. Водворившаяся в России в 1906 г. представительная монархия оценивалась идеологами монархического либерализма выше республики, поскольку, подытоживал многолетние исследования Б.Н. Чичерин, именно указанная монархия, «по своей идее, наиболее приближается к совершенному образу правления»⁴. Только с учетом того, что в начале XX в., а точнее — и ранее, на протяжении всего XIX в., монархический либерализм оказывал решающее воздействие на внутреннюю политику большинства цивилизованных стран того времени, можно получить адекватное представление об отношениях между династией Романовых и Государственной думой.

Упомянутые отношения детерминировали общие политические (а не узко партийные) взгляды, разделявшиеся Романовыми как особой социальной стратой, формально находившейся на позиции аполитичности, а фактически — испытывавшей на себе влияние либеральной, в самом широком смысле слова, идеологии. Конечно, нелепо изображать из Романовых неких адептов партийного либерализма, но столь же нелепо вообще отрицать наличие у них политических пристрастий. Предпосылками политизации Романовых были их родственные связи с европейскими правящими домами, получав-

---

² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки: в 3-х ч. М., 1898. Ч. 3. С. 510—511.

³ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. XVI—XVII, 51.

⁴ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 127.

шееся ими западное, по сути, воспитание и образование, наконец, и традиции реформаторских царствований Екатерины II, Александра I и Александра II, который являлся «монархом весьма либеральных взглядов»⁵, уже тогда не составляя исключения, если вспомнить о его брате Константине Николаевиче, лидере либеральной бюрократии, и тете, великой княгине Елене Павловне, хозяйке либерального салона.

Беседуя 23 марта 1881 г., т.е. уже после кончины 1 марта Александра II и воцарения Александра III, брат последнего, Алексей Александрович, заявил А.Ф. Тютчевой, бывшей фрейлине и жене лидера славянофилов И.С. Аксакова: «Что бы ни говорил ваш муж, а России придется, в конце концов, прийти к конституции». При этом великий князь полагал, что «нужно быть либеральным, и сделать что-нибудь либеральное для страны». После разговора с Алексеем Александровичем Аксакова пришла к важному выводу: великие князья, как и «большая часть петербургского общества», думают, что «достаточно заимствовать у Запада некоторые либеральные учреждения и применить их к России как непогрешимую панацею для того, чтобы все устроилось», причем «никто из них ни на минуту не останавливается на том простом соображении, что Россия совершенно своеобразный организм»⁶.

Явное предпочтение, отдававшееся Романовыми западному либерализму, а не русскому консерватизму, представлялось очевидным и обер-егермейстеру графу С.Д. Шереметеву, близко наблюдавшему, как и Тютчева, жизнь Императорской фамилии в течение нескольких десятилетий. Шереметев писал про «семейные традиции» Романовых, лежавшие в основе «того ожесточенного сопротивления, которое выражалось издавна против всякого проявления русской, самостоятельной, исторически-созидательной мысли, которое по известным понятиям было лишь выражением чего-то отжившего, квасного и ультрареакционного», по причине чего представители Императорской фамилии «не понимали холопства либерализма известных людей»⁷. Показательно, что идеолог позднего славянофильства генерал А.А. Киреев в конце XIX — начале XX в. «наличный состав царской семьи ... ценил очень невысоко» и «подчас у него вырыва-

---

⁵ Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника Дворцовой канцелярии. 1900—1916. М., 2006. С. 77 (это издание, являющееся переводом с английского, имеет существенные отличия от русских изданий).

⁶ Тютчева А.Ф. Дневники // Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: воспоминания и дневники. М., 2004. С. 555, 556.

⁷ Шереметев С.Д. Мемуары. М., 2001. С. 612.

лись очень резкие выражения о разных членах семьи»⁸. Между тем генерал также на протяжении десятилетий входил в «ближний круг» династии.

Институциональной причиной широкого распространения среди Романовых либеральных идей стало издание Александром III в 1886 г. нового «Учреждения об Императорской фамилии», ограничившего круг великих князей и княгинь только внуками и внучками царей и тем самым как бы уравнившего всех представителей династии, за исключением собственно царской семьи, с простыми смертными. Следствием этого было размывание грани между Романовыми и интеллигенцией, в большинстве своем настроенной либерально, а значит — и оппозиционно. Другая фрейлина, А.А. Вырубова, констатировала, что к началу XX в. великие князья уже принадлежали к интеллигенции, с которой их объединяло «критическое отношение к государству и его аппарату»⁹. Разделяя либеральные взгляды, Романовы были склонны к эгалитаризму. «Буржуазные идеи, — вспоминала Мария Павловна (младшая), — бытовали и при дворах монархов, где тоже выступали за сглаживание различий. Нивелирование применялось здесь задолго до возникновения идеи всеобщей уравнительности»¹⁰. По свидетельству Шереметева, «ближайшая к престолу родственная среда» была пропитана «определенною, последовательно, прочувствованною ненавистью к дворянскому сословию», которая «процвела после 1894 г.»¹¹, т.е. после вступления на престол Николая II.

В начале XX в. либеральные взгляды, неопределенные по содержанию, но бесспорные по проявлениям, имели подавляющее большинство представителей династии, начиная с вдовствующей императрицы Марии Федоровны, по инициативе которой состоялось назначение в августе 1904 г. управляющим МВД князя П.Д. Святополк-Мирского, официально поставившего на повестку дня вопрос о создании народного представительства. Единственным консерваторм в полном смысле слова среди Романовых являлся только Сергей Александрович, выступивший на совещании 8 декабря 1904 г. под председательством Николая II, в отличие от Алексея, Владимира и Михаила Александровичей, против идеи учреждения высшего выборного органа, однако в феврале 1905 г. Сергей был убит эсерами. На

---

⁸ Тихомиров Л.А. Последний могиқан. А.А. Киреев // Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 663.

⁹ Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 213.

¹⁰ Мария Павловна (Младшая), вел. кн. Мемуары. М., 2003. С. 103.

¹¹ Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 611, 612.

заседаниях Совета министров 3, 11 и 18 февраля под августейшим председательством, Совета министров под председательством графа Д.М. Сольского, Особого совещания под председательством Николая II, обсуждавшего проект законосовещательной Государственной думы, Александр Михайлович, Алексей, Владимир и Михаил Александровичи, Николай Николаевич неизменно поддерживали представителей бюрократической элиты во главе с Сольским, выступавших в противовес консервативным сановникам за создание более полноценного народного представительства¹². Решающая роль Николая Николаевича при подготовке Манифеста 17 октября 1905 г. общеизвестна.

Владимиру Александровичу современники вменяли в вину руководство в качестве главнокомандующего Гвардией и Петербургским военным округом расстрелом демонстраций, происходивших в столице 9 января 1905 г. — в «Кровавое воскресенье». Между тем никакого отношения к расстрелу великий князь не имел, а его виновником являлся командир Гвардейского корпуса генерал князь С.И. Васильчиков. Командир Преображенского полка генерал В.С. Гадон доносил вечером 9 января, что «приказание открыть огонь» дал «Его сиятельство командир [Гвардейского] корпуса», т.е. князь С.И. Васильчиков¹³, который тогда же признавался дочери, что «его должность за этот день убийственная»¹⁴. «Вообще, душа так ноет — за папа страшно, — сообщала княжна С.С. Васильчикова 10 января будущему мужу, — ведь все знают, что от него идут приказания!»¹⁵. Внук С.И. Васильчикова, И.И. Васильчиков, честно засвидетельствовал, что именно его дед «велел открыть огонь» по толпе¹⁶. К выводу о том, что С.И. Васильчиков передал «на усмотрение» подчиненных ему офицеров решение вопроса о применении оружия, еще в начале 1920-х гг. пришли историки революции из большевистского лагеря, не заинтересованные в реабилитации Владимира Алексан-

---

¹² См. подробн.: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991.

¹³ Рапорт командира л.-гв. Преображенского полка генерала В.С. Гадона. 9 января 1905 г. // *Начало Первой русской революции. Январь — март 1905 г.* М., 1955. С. 59.

¹⁴ С.С. Васильчикова — А.А. Щербатову. 9 января 1905 г. // *О войне, любви и вере. Переписка мичмана князя А. Щербатова со своей невестой княжной С. Васильчиковой. 1904—1905 гг.* М., 2008. С. 312.

¹⁵ С.С. Васильчикова — А.А. Щербатову. 10 января 1905 г. // Там же. С. 313.

¹⁶ *Васильчиков Г.И.* Предки // *Васильчиков И.С.* То, что мне вспомнилось. М., 2002. С. 25.

дровича¹⁷. Подразумеваемая стрельбу по демонстрациям, И.Е. Репин писал: «Великий князь ничего не знал о том, что будет — это уже не его компетенция. Мне лично известно, — отмечал выдающийся художник, хорошо знавший Владимира Александровича как президента Академии художеств, — что Владимир плакал, когда узнал, что было»¹⁸. Тем не менее миф о «кровожадности» (а значит — и «консервативности»!) великого князя сразу же получил широкое распространение.

Относительно Николая Николаевича в историографии бытует мнение, будто в конце 1905 г. он сошелся с черносотенцами, приверженцем которых оставался и впоследствии, хотя в действительности вскоре после образования Союза русского народа великий князь жестко дистанцировался от этой консервативной партии. По просьбе «союзного» лидера А.И. Дубровина, переданной Николаю Николаевичу через его ближайшего сотрудника по должности главнокомандующего Гвардией и Петербургского военного округа генерала Г.О. Рауха, великий князь дал согласие встретиться с Дубровиным и двумя его единомышленниками. Однако 16 декабря 1905 г. через того же Рауха Николай Николаевич заранее предупредил крайне правых политиков: «Он, во всяком случае, если даже примет их, то все-таки своим основным принципам не изменит», а потому встреча состоится «в нейтральном месте» и «с условием, чтобы они твердо знали, что никаких реальных результатов от этого не будет». Объясняя Дубровину позицию шефа, Раух объявил, что «великий князь твердо решил не выступать на арену политики и держаться совершенно в стороне от политической деятельности, как то надлежит военному»¹⁹. Другой информации о прямых контактах Николая Николаевича и остальных Романовых с черносотенными лидерами, как таковыми, в достоверных исторических источниках не содержится. Генерал князь В.Н. Орлов писал 1 декабря 1915 г. назначенному члену Государственного совета А.В. Кривошеину, что Николай Николаевич «не боялся иметь дело с людьми даже левого направления, при условии, что они умны»²⁰.

¹⁷ *Невский В.И.* Январские дни [1905 г.] в Петербурге // Красная летопись. 1922. № 1. С. 43.

¹⁸ И.Е. Репин — В.Д. Полену и В.А. Серову. Январь 1905 г. // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников: в 2-х т. Л., 1971. Т. 1. С. 196.

¹⁹ *Раух Г.О.* Дневник // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 89.

²⁰ *Благодетельность и политика: новые источники по истории отношений Земского и Городского союзов с царским правительством в 1915—1916 гг.* / Публ. С.В. Куликова // *Благодетельность в истории России. Новые документы и исследования.* СПб., 2008. С. 48.

На происходивших в декабре 1905 г. и феврале и апреле 1906 г. под председательством Николая II особых совещаниях, рассматривавших проекты избирательного закона, новых учреждений Государственной думы и Государственного совета и Основных государственных законов, Владимир Александрович и Николай Николаевич поддерживали более либеральные точки зрения. Совещание 13 апреля 1906 г. под председательством Владимира Александровича, членами которого были Александр Михайлович, Андрей Владимирович, Константин Константинович и Николай Николаевич, спроектировало вошедшие в новые Основные законы два постановления: 1) об изменении, либо пополнении, Учреждения об Императорской фамилии только лично императором (без участия Думы), если предполагаемые изменения и дополнения не касаются общих законов и не влекут нового расхода из государственной казны и 2) о принадлежности императору права распоряжаться удельными имуществами (оба постановления не противоречили мировой конституционной традиции начала XX в.²¹). Таким образом, династия Романовых внесла весомую лепту в создание Государственной думы.

Поскольку и после появления народного представительства династия Романовых как царствующий дом играла роль аполитичной институции, оплотом великокняжеского либерализма стал основанный в 1846 г. Императорский яхт-клуб, который посещали не только великие князья, но и придворные, дипломаты, высокопоставленные бюрократы и гвардейские офицеры. Почетным членом клуба являлся Михаил Александрович, а действительными членами были Андрей и Борис Владимирович, Александр, Георгий, Сергей и Николай Михайловичи, Николай и Петр Николаевичи, князь крови Гавриил Константинович, принц П.А. Ольденбургский²². По наблюдениям последнего директора Императорских театров В.А. Теляковского, яхт-клуб «играл большую роль в петербургском высшем свете — не только общественную, но и политическую»²³. В царствование Николая II там «открыто критиковались поступки и поведение

---

²¹ Куликов С.В. Народное представительство Российской империи (1906—1917 гг.) в контексте мирового конституционализма // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906—1917 гг.). СПб., 2010. С. 45—46.

²² Алфавитный список почетных, непрременных, действительных и недействительных членов, постоянных посетителей и временных членов Императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба по 1 мая 1912 г. СПб., 1912. С. 3, 6.

²³ Теляковский В.А. Воспоминания. 1898—1917. [С]Пб., 1924. С. 138—139.

молодой императрицы»²⁴. К числу столпов Яхт-клуба принадлежал Николай Михайлович. «В Яхт-клубе, где его любили слушать, — писал о нем А.А. Мосолов, — едкая критика великого князя немало способствовала ослаблению режима. Всеразлагающий сарказм порождал в обществе болезненное отрицание авторитета царской власти»²⁵. В декабре 1910 г., объясняя, почему общественное мнение повернуло «влево», граф А.А. Бобринский отметил: «Это значит: Яхт-клуб и эти боязливые великие князья»²⁶. На заседании Совета министров 24 августа 1915 г. управляющий МВД князь Н.Б. Щербатов заявил: «Императорский яхт-клуб на Морской улице революционен и требует перемен»²⁷. Благодаря великим князьям яхт-клуб являлся если не самым либеральным, то, по крайней мере, одним из либеральных факторов политического процесса.

Открытие I Государственной думы Романовы восприняли восторженно, хотя и неоднозначно. Ксения Александровна, сестра Николая II и жена Александра Михайловича, записала 27 апреля 1906 г.: «День, полный эмоций (и надежд на лучшее будущее!!). Слава Богу, все прошло отлично и торжественно — как и следовало... Прямо против нас — все члены Государственного совета и высшие чины, с левой стороны — члены Думы, между ними несколько человек с препротивными лицами и нахально презрительными выражениями! Они не крестились, не кланялись, стояли, держа руки за спиной, а некоторые в карманах, и мрачно смотрели на всех и все. Но среди крестьян были такие славные лица, несколько солдат — георгиевские кавалеры, казаки и т.д.». Описав то, как ее брат произносил приветственную речь, обращенную к депутатам, Ксения тем не менее отметила: «Когда он кончил — грянуло ура — подхваченное *всеми* (выделено автором дневника. — С.К.) и в других залах, что звучало великолепно». «Вчерашний выход, — подытожила великая княгиня 28 апреля, — сделал огромное впечатление на многих — такого величия не ожидали. Ники так хорошо говорил, его твердый голос и спокойствие поразили всех и, наконец, почувствовали, что

²⁴ Николай Михайлович, вел. кн. Записки // Красный архив. 1931. Т. 49. С. 106–107.

²⁵ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 146.

²⁶ Бобринский А.А. Дневник // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 140.

²⁷ Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.) / Сост. А.Н. Яхонтовым, быв. помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 103.

он все-таки есть (выделено Ксенией Александровной. — С.К.)!»²⁸. Однако искренний восторг буквально в считанные дни сменился скепсисом: «Чего доброго ждать от так называемых «лучших людей», от якобы представителей народа, от желанной Государственной думы, — писал 29 апреля Константин Константинович, — когда именно по ее открытию, когда был ею избран в председатели Муромцев и еще до его вступительной речи, по его приглашению взошел на кафедру мерзавец Петрункевич, потребовал от правительства амнистии всем находящимся в заключении политическим преступникам, и когда это требование не только принято единогласно, но и покрыто рукоплесканиями? Если бы Дума занялась вопросами благоустройства крестьянства и нуждами просвещения — можно было бы надеяться, что она будет делать дело; но по началу уже видно, что этого не будет»²⁹.

Тем не менее некоторые Романовы не теряли надежды на достижение компромисса между властью и «Думой народного гнева» посредством образования думского или общественно-бюрократического кабинета, т.е. через установление парламентаризма. В июне 1906 г. мысль об образовании «коалиционного кабинета» проникла «в круги Яхт-клуба и развивалась там на все лады Николаем Михайловичем, прямо заявлявшим, что она нравится государю»³⁰. В июле 1906 г., действуя в пользу образования кадетского кабинета, Николай Николаевич высказывался против осуществления мер, которые могли бы «повредить» этой «комбинации»³¹. Однако в конечном итоге отношения как с I, так и со II Думой, отличавшейся еще большей оппозиционностью, у Романовых не сложились. Уже 4 мая 1907 г. Владимир Александрович заявил своему другу, гофмейстеру Высочайшего двора графу И.И. Толстому, что «состав [Государственной] Думы совершенно непригоден для серьезной законодательной работы»³². Положение изменилось только после Третьеиюньского переворота 1907 г., с появлением более лояльной III Думы. «Посмотрим, что будет дальше, — писал 5 ноября 1907 г. Константин Константинович назначенному члену Государственного совета А.Ф. Кони, — обстоятельства, сопровождавшие открытие Государственной думы

---

²⁸ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 291—292.

²⁹ Константин Константинович, вел. кн. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 289—290.

³⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг.: в 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 182.

³¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра: в 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 55.

³² Толстой И.И. Дневник: в 2-х т. СПб., 2010. Т. 1. С. 316.

третьего созыва, представляются мне утешительными и положительно невероятными после того, что пережито Россией за последние два-три года. Можно ли было при открытии Первой Думы, и особенно Второй, предугадать, что настроение настолько изменится? Поверил ли бы кто-нибудь, если бы тогда сказали, что через полтора года избран будет в председатели человек, подобный Хомякову?»³³. Романовы содействовали упрочению позиций народного представительства, воплощенного III Думой: она стала для царских родственников «гласом народным», к которому необходимо внимательно прислушиваться.

На заседании нижней палаты 27 мая 1908 г. лидер октябристов А.И. Гучков выступил против пребывания Николая и Петра Николаевичей, Сергея Михайловича и Константина Константиновича на высших военно-административных должностях³⁴. Реакция со стороны Николая Николаевича, возглавлявшего Совет государственной обороны, последовала незамедлительно. «Я никого не обвиняю, — писал он Николаю II по поводу речи, — Гучков мог иметь недостаточно полный материал для правильного вывода. Государственная дума при сделанной Гучковым оценке фактов не могла отнестись иначе к речи». Характерно, что Николай Николаевич упрекал не Гучкова, а военного министра генерала А.Ф. Редигера и председателя Совета министров П.А. Столыпина — в том, что они не защитили репутацию великих князей. «Впечатление, произведенное речью Гучкова на Россию, налицо, — отмечал Николай Николаевич, — Нельзя не считаться с выводом, сделанным Россиею, ввиду того, что не было опровержения. Лица, которые могли ответить, — на местах, следовательно, Государь признает слова, сказанные Гучковым, верными. Если это так, то нам, великим князьям, следует просить об увольнении... Оставить дело в настоящем положении немислимо. Престиж великих князей подорван окончательно, и Россия к ним не может относиться с доверием. В недалеком будущем в Государственной думе нападки возобновятся в несравненно большей степени, с последствиями роковыми»³⁵. Признавая правоту Николая Николаевича, уже 26 июля 1908 г. самодержец уволил великого князя с по-

³³ Константин Константинович — А.Ф. Кони. 5 ноября 1907 г. // Константин Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 414.

³⁴ Выступление А.И. Гучкова. 27 мая 1908 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 1598—1600.

³⁵ Записка вел. кн. Николая Николаевича Николаю II об окончательном падении престижа великих князей. Не ранее 27 июня 1908 г. // *Войсков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 347—348.

ста председателя Совета государственной обороны, хотя и с императорским рескриптом, проект которого был подготовлен самим Николаем Николаевичем³⁶.

Олицетворением нового, представительного государственного строя для Романовых, как, впрочем, и для большинства россиян того времени, являлся Петр Аркадьевич Столыпин. Ольга Александровна, сестра Николая II, вспоминала, что «некоторые члены Императорской фамилии», в частности Николай Николаевич (вероятно, помнивший о поведении главы правительства в мае 1908 г.), «были настроены враждебно» к премьеру, но «большинство из нас, — подчеркивала Ольга, — находились целиком на стороне Столыпина»³⁷. Показательно поведение Романовых в марте 1911 г., когда, в связи с политическим кризисом, вызванным проведением по 87-й статье Конституции 1906 г. закона о введении земства в Юго-Западном крае, возникли беспочвенные слухи о желании Николая II дать отставку Столыпину. Находясь под впечатлением от этих слухов, Романовы оживились: 6 марта — Сергей Михайлович, 7 марта — Александр Михайлович, 8 марта — Георгий Михайлович и принц П.А. Ольденбургский, 9 марта — Мария Федоровна и Николай Николаевич (даже он!), а также Николай Михайлович непосредственно или письменно «умоляли государя не принимать отставки Столыпина и согласиться на все его требования»³⁸. Однако царские родственники ломались в открытую дверь — уже 9 марта царь написал премьеру, что не может допустить его ухода и что его доверие к Столыпину «осталось таким же полным, каким оно было в 1906 г.»³⁹. Кончину великого государственного мужа Романовы восприняли как трагедию. «Ах вот, дорогой дядя, — писал 28 сентября 1911 г. Николаю II его племянник Дмитрий Павлович, — я много о Вас думал в тяжелое время Вашего пребывания в Киеве. Хотел написать, да думал, что и без меня писем было достаточно. Воображаю, бедная тетя, ей это не послужило к улучшению»⁴⁰.

³⁶ Проект рескрипта вел. кн. Николаю Николаевичу, написанный им самим от имени Николая II // *Войков В.Н.* Указ. соч. С. 349.

³⁷ *Воррес Й.* Последняя великая княгиня // *Ден Л.* Подлинная царица. *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 279.

³⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: в 2-х т. СПб., 2003. Т. 1. С. 881. См. также: *Куликов С.В.* Столыпин и Николай II: соперничество или сотрудничество? // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина. М., 2012. С. 104—111.

³⁹ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 219—220.

⁴⁰ Дмитрий Павлович — Николаю II. 28 сентября 1911 г. // *Войков В.Н.* Указ. соч. С. 365.

Именно III Государственная дума, способствуя изоляции семьи Николая II от его родственников, легитимировала в глазах Романовых миф о Г.Е. Распутине, когда 25 января 1912 г. с думской кафедры А.И. Гучков затронул распутинскую тему при выступлении с мотивированным запросом о конфискации номеров газет «Голос Москвы» и «Вечернее Время». Эти газеты напечатали письмо фактотума лидера октябристов, религиозного публициста М.А. Новоселова к церковным властям с необоснованными обвинениями старца в хлыстовстве. Видимо, сразу после запроса, в конце января 1912 г., Мария Федоровна пригласила к себе князя Ф.Ф. Юсупова-старшего и спросила у него, что представляет собой председатель III Думы М.В. Родзянко как человек и «может ли председатель Думы ей все откровенно сказать». Юсупов ответил: «Это единственный человек, хорошо осведомленный, на которого вполне можно положиться, он вам скажет лишь святую правду». В начале февраля 1912 г. Юсупов сообщил Родзянко, что Мария Федоровна «очень взволновалась тем, что ей пришлось слышать о Распутине» и что, по мнению князя, Родзянко следовало бы к ней поехать и «все доложить». Вскоре после этого к председателю нижней палаты явился состоявший при вдовствующей императрице, по ее поручению, генерал С.С. Озеров и сообщил, что она желает видеть Родзянко и «все» от него узнать. Императорская фамилия, не без самодовольства вспоминал Родзянко, «с трепетом ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутине, и какое впечатление произведет мой доклад». За несколько дней до доклада председателю Думы позвонили по телефону и сообщили, что Мария Федоровна ждет его на другой день, в 11 утра. Императрица встретила Родзянко словами: «Прежде всего, я хочу, чтобы вы объяснили мне причины и смысл запроса. Не правда ли, в сущности, цель была революционная, почему же вы тогда этого не остановили». Родзянко, вопреки очевидности, попытался уверить Марию Федоровну, что «это было необходимо для успокоения умов». Председатель нижней палаты прочел императрице выдержки из брошюры Новоселова и рассказал «все, что знал». Мария Федоровна заявила, что «только недавно узнала обо всей этой истории», и хотя, «конечно, слышала о существовании Распутина, но не придавала [ей] большого значения». Зная о намерении Родзянко доложить Николаю II о Распутине, императрица первоначально просила председателя Думы отказаться от своего намерения, однако, поддавшись уговорам Родзянко, по его просьбе благословила собеседника на всеподданнейший доклад. Родзянко ошибочно полагал, опираясь на информацию Юсупова, что именно после состоявшегося 26 февраля доклада председателя нижней палаты Николаю II Мария Федоровна поехала к сыну и сказала

ему: «Или я, или Распутин», заявив, что «она уедет, если Распутин будет здесь»⁴¹.

В действительности, уже 15 февраля 1912 г. Мария Федоровна была у сына и беседовала с ним и невесткой, императрицей Александрой Федоровной, о Распутине, причем никаких ультиматумов не предъявляла, а просто, согласно Ксении Александровне, «советовала его (Распутина. — С.К.) отпустить теперь, когда в Думе ждут ответа (на запрос. — С.К.)»⁴². Николай II учел совет матери, и по просьбе царя старец уехал на родину. Когда 26 февраля Родзянко умолял Николая II «прогнать от себя грязного проходимца», монарх сообщил, подразумевая Распутина: «Его теперь здесь нет»⁴³. Между тем 9 марта, при обсуждении сметы Св. Синода, Гучков еще активнее муссировал миф о Распутине, сказав, что он «хозяйничает на верхах» и «вертит ту ось, которая тащит за собою и смену направлений, и смену лиц»⁴⁴. Большинство Романовых поверили в миф о Распутине (ведь «правду о хлысте» огласил едва ли не самый авторитетный народный избранник!) и впоследствии, не зная о подлинной цене гучковских откровений, именно сквозь призму этого мифа оценивали отношения царской семьи и старца. Однако у Николая II были и более пронизательные родственники. «Вы сожалеете о забаллотировании Гучкова при избрании его в Государственную думу, — писал 2 декабря 1912 г. Константин Константинович А.Ф. Кони, подразумевая IV Думу. — Я не разделяю Ваших сожалений. Гучков мне не знаком, о нем и его деятельности я знаю слишком мало. Но его выступление в Думе по поводу Распутина весною текущего года произвело на меня неприятное впечатление... Мне показалось, он более бил на политический скандал, а не говорил по требованию истинного патриотизма. Его речь ничему не могла помочь и не помогла, а только сильнее разогрела страсти»⁴⁵. Трагедией Романовых явилось то, что Константин Константинович оказался едва ли не единственным из них, кто имел приведенное мнение относительно истинной цели муссирования Гучковым мифа о Распутине.

С началом Первой мировой войны, после того, как ранее оппозиционная IV Государственная дума, стремившаяся к установлению

---

⁴¹ Родзянко М.В. Крушение Империи // Архив русской революции. 1926. Т. 17. С. 41—42, 43.

⁴² Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 346.

⁴³ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 46.

⁴⁴ Выступление А.И. Гучкова. 9 марта 1912 г. // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. III. Стб. 583—584.

⁴⁵ Константин Константинович — А.Ф. Кони. 2 декабря 1912 г. // Константин Константинович, вел. кн. Указ. соч. С. 429.

парламентаризма, откликнулась на призыв Николая II об объединении перед лицом внешнего врага власти и общества, стала происходить постепенная переориентация Романовых с особы венценосца, воплощавшего собой дуалистическую монархию, введенную Основными законами 1906 г., на Думу, большинство депутатов которой мечтали о введении в России парламентарной монархии де-факто («министерство доверия») либо де-юре («ответственное министерство») ⁴⁶. Первым заявил о себе как о стороннике парламентаризма верховный главнокомандующий Николай Николаевич. Уже после Февральской революции он сообщил Андрею Владимировичу, что в начале ноября 1916 г. говорил императору: «Дай ответственное министерство. Еще в июне сего года я тебе говорил об этом» ⁴⁷. В июне 1915 г. начальник Штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич рассказал ординарцу верховного князя Д.Д. Тундутову, что на происходившем тогда в Ставке совещании Николая II с двоюродным дядей он «требовал ответственного министерства со Львовым, Гучковым и Родзянко во главе, говоря, что раз мы требуем от народа напряжения и жертв, мы должны идти навстречу его желаниям и считаться с мнением его избранных — Государственной думой» ⁴⁸. Предпосылку парламентаризации верховного управления Николай Николаевич, в унисон с Гучковым, видел в удалении от императора Александры Федоровны и Распутина. Так, 20 июня 1915 г. верховный заявил протопресвитеру армии и флота Г.И. Шавельскому, что «всему виной» царица, а потому «только один может быть выход: запрятать ее в монастырь, тогда все пойдет по-хорошему, и распутинщины не станет» ⁴⁹. Неудивительно, что великий князь пользовался популярностью у думцев и вообще оппозиционной общественности.

Усилению ориентации Романовых на IV Думу способствовало принятие Николаем II в августе 1915 г. верховного главнокомандования и назначение Николая Николаевича кавказским наместником.

---

⁴⁶ См. подробн. об отношении Романовых к Государственной думе в годы Первой мировой войны: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004; Битюков К.О., Петрова Е.Е. Великокняжеская оппозиция в России 1915—1917 гг. СПб., 2009.

⁴⁷ Андрей Владимирович, вел. кн. Военный дневник. М., 2008. С. 251. Слово «сего» надо заменить словом «того», поскольку с августа 1915 по ноябрь 1916 г. Николай Николаевич с императором не встречался.

⁴⁸ Марковчин В. Три атамана. М., 2003. С. 278.

⁴⁹ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: в 2-х т. М., 1996. Т. 1. С. 294.

Против удаления из Ставки великого князя, пользовавшегося популярностью у Думы и общества, перед императором выступили Мария Федоровна, Ольга Александровна и Дмитрий Павлович. Как вспоминал последний в письме от 23 апреля 1917 г., адресованном отцу, Павлу Александровичу, в августе 1915 он, Дмитрий, «умолял Ники не брать командование армиями, относиться с большим доверием к народному представительству и обращать большее внимание на общественное мнение, говоря, что в противном случае все рухнет!»⁵⁰. Вместе с тем решение Николая II одобрили Кирилл, Борис и Андрей Владимировичи и Николай Михайлович. После образования в августе 1915 г. Прогрессивного блока как в Думе, так и в Государственном совете большинство Романовых выступало за ту или иную форму компромисса между ним и Николаем II. В связи с этим в конце 1915 — начале 1917 г. контакты с лидерами Прогрессивного блока в обеих палатах и их сторонниками поддерживали: Мария Федоровна, Михаил Александрович, Мария Павловна (старшая), Кирилл Владимирович, Виктория Федоровна, Андрей Владимирович, Елизавета Федоровна, Павел Александрович, Дмитрий Павлович, Гавриил Константинович, Николай Николаевич, Николай, Александр и Сергей Михайловичи, Ольга Константиновна, князь С.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский и др.

Солидаризация знаковых фигур династии Романовых с оппозицией привела к дальнейшему оформлению «великокняжеской фронды», усилившейся в июле 1916 г. после замены министра иностранных дел С.Д. Сазонова Б.В. Штюрмером, в чем царские родственники безосновательно увидели следствие влияния Александры Федоровны и Распутина. Первыми из Романовых за отставку Штюрмера с постов председателя Совета министров и министра иностранных дел и назначение вместо него премьера, приемлемого для Прогрессивного блока, выступили перед Николаем II во время пребывания царя 28—29 октября 1916 г. в Киеве Мария Федоровна, Александр Михайлович и Ольга Александровна. Затем о необходимости создания «министерства доверия» или «ответственного министерства» Николаю II говорили — Николай Михайлович (1 ноября 1916 г.), Николай Николаевич (7—8 ноября 1916 г.) и Павел Александрович (20 ноября 1916 г.), писали — Михаил Александрович (11 ноября 1916 г.), Георгий Михайлович (11 ноября 1916 г.) и Михаил Михайлович (15 ноября 1916 г.). Реальным результатом активности царских родственников явилась отставка Штюрмера с обоих министерских постов.

---

⁵⁰ Письма вел. кн. Д.П. Романова к отцу / Публ. А.С. Рахлина // Красный архив. 1928. Т. 30. С. 203.

В конце ноября 1916 г. Павел Александрович по совету Александра Михайловича собрал в Петрограде во дворце Андрея Владимировича Семейный совет Романовых, на котором Павлу Александровичу было поручено от имени династии просить Николая II 6 декабря 1916 г. (в день его тезоименитства) «даровать конституцию», т.е. ввести парламентарную систему. Параллельно о необходимости уступок оппозиции говорили Александре Федоровне Виктория Федоровна (29 ноября 1916 г.) и Елизавета Федоровна (30 ноября — 1 декабря 1916 г.). Павел Александрович довел до царя мнение Семейного совета 3 декабря 1916 г., попросив «на худой конец» немедленно даровать если не «конституцию», то «министерство доверия», однако получил отрицательный ответ⁵¹. Именно стремление к созданию предпосылки для введения парламентаризма стало главной причиной организации князем Ф.Ф. Юсуповым-младшим и Дмитрием Павловичем убийства Распутина. В начале ноября 1916 г. князь говорил правому кадету В.А. Маклакову, что когда Николай II «освободится от влияния Распутина и своей жены (которая, потеряв старца, — был уверен Юсупов, — сойдет с ума. — С.К.), все переменится, и «он сделается хорошим конституционным монархом»⁵². Что в данном случае речь шла именно о создании предпосылки для введения парламентаризма, подтверждается письмом матери Юсупова, княгини З.Н. Юсуповой, которая писала сыну 25 ноября 1916 г.: «Теперь, кроме ответственного министерства, ничего не остается»⁵³. Дмитрий Павлович, подобно Юсуповым, также видел в убийстве старца «попытку дать возможность государю открыто переменить курс»⁵⁴.

Александр Михайлович, совещавшийся накануне с Марией Павловной (старшей), Кириллом, Борисом и Андреем Владимировичами и Павлом Александровичем, выражая общее мнение родственников, 22 декабря 1916 г. уговаривал Николая II отказаться от возбуждения дела против убийц Распутина и высказался перед императором за создание «министерства доверия». О необходимости прекращения дела против Дмитрия Павловича и Юсупова телеграфировала сыну и Мария Федоровна, причем ее просьбу царь учел. Однако за участие в убийстве Распутина Дмитрий Павлович был отправлен Николаем II в русский экспедиционный корпус, находившийся в Персии. По-

---

⁵¹ Палей О.В. Воспоминания. М., 2005. С. 13.

⁵² Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки. 1928. Т. 34. С. 265.

⁵³ К истории последних дней царского режима / Публ. П.А. Садикова // Красный архив. 1926. Т. 14. С. 237.

⁵⁴ Письма вел. кн. Д.П. Романова к отцу. С. 206.

скольку убийство старца вызвало одобрение практически всех царских родственников, кара, наложенная на Дмитрия Павловича, вызвала у них возмущение. В письме, адресованном 29 декабря 1916 г. Николаю II и подписанном 16-ю Романовыми (из 41-го взрослого Романова, жившего тогда в России), они просили царя «смягчить суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича». Среди подписавшихся были: Мария Павловна (старшая), Кирилл Владимирович, Виктория Федоровна, Борис и Андрей Владимировичи, Павел Александрович и Мария Павловна (младшая), Елизавета Маврикиевна, Иоанн Константинович и Елена Петровна, Гавриил, Константин и Игорь Константиновичи, Николай и Сергей Михайловичи, Ольга Константиновна.

Письмо Романовых, несмотря на кажущуюся аполитичность, имело политический подтекст. Он заключался в демонстрировании ими решимости добиться введения парламентаризма путем устранения от дел императрицы. «В декабре уж своей шкуры ради, — сообщил Николай Михайлович 3 марта 1917 г. в Думе, намекая на двоюродного племянника, — собрались мы, великие князья, и послали ему депутацию: заточай жену, давай ответственное министерство»⁵⁵. В появлении письма 16-ти последний директор Департамента полиции А.Т. Васильев резонно видел доказательство существования «либеральной группы среди великих князей»⁵⁶. Политический подтекст письма предопределил отрицательное отношение к нему Николая II, запечатленное его резолюцией: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай»⁵⁷. Некоторые Романовы (Николай Николаевич, Александр и Николай Михайловичи, Гавриил Константинович, князья А.Г. и С.Г. Романовские герцоги Лейхтенбергские) в конце 1916 — начале 1917 г. были осведомлены заговорщиками из числа лидеров оппозиции и их сторонников об обсуждении ими вопроса о свержении Николая II, однако, вопреки двойной присяге (не только служебной, но и династической⁵⁸), ничего не сообщили об

⁵⁵ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // Станкевич В.Б. Воспоминания 1914—1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 261.

⁵⁶ Васильев А.Т. Охрана. Русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений: в 2-х т. М., 2004. Т. 2. С. 447.

⁵⁷ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 216—217.

⁵⁸ Статья 206 «Учреждения об Императорской фамилии» гласила: «При достижении совершеннолетия лицами обоего пола, по крови к Импера-

этом императору. Только князь А.Г. Романовский, герцог Лейхтенбергский, 4 февраля 1917 г. просил Николая II потребовать от всей Императорской фамилии вторичной присяги себе, на что царь отреагировал словами: «Напрасно Сандро так беспокоится о пустяках! Я не могу обижать мою семью, требуя от них присяги!»⁵⁹. Реакция Николая II объяснялась тем, что он и Александра Федоровна, вспоминала А.А. Вырубова, не придавали серьезного значения великокняжеской фронде, видя в ней только «семейные интриги» и полагая, что «верность народа и армии достаточная гарантия устойчивости трона»⁶⁰.

«Даже наиболее высшие классы фрондировали перед революцией, — вспоминал последний руководитель МВД Российской империи А.Д. Протопопов. — В великосветских салонах и клубах подвергалась резкой и недоброжелательной критике политика правительства; разбирались и обсуждались отношения, которые сложились в царской семье; распространялись анекдотические рассказы про главу государства; писались стихи; многие великие князья открыто посещали эти собрания, и их присутствие придавало особую достоверность в глазах публики карикатурным рассказам и злостным преувеличениям. Сознание опасности этой игры не пробуждалось до последнего момента; жило какое-то убеждение в незыблемости основ того строя, который давал картину Великой России и на котором зиждилось благополучие его близоруких и избалованных великосветских порицателей. Государь, с которым мне несколько раз случалось говорить по этому поводу, сознавал вред активной роли, которую играли в оппозиционной среде некоторые члены его семьи; ему каза-

---

торскому дому принадлежащими, они приносят по высочайше установленным церемониалам торжественную присягу, как в верности царствующему государю и Отечеству, так равно в соблюдении права наследства и установленного семейного распорядка. Лица мужского пола, достигшие совершеннолетия, вместе с сей присягой приносят присягу на верность службы». Ст. 220 «Учреждения» постановляла: «Каждый член Императорского дома обязуется к лицу царствующего, яко к главе Дома и самодержцу, совершенным почтением, повиновением, послушанием и подданством» (Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. // Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сб. законодательных актов. М., 1995. С. 39—40, 43).

⁵⁹ *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2005. С. 132.

⁶⁰ *Танеева (Вырубова) А.А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 211.

лось лучшим средством удаление их из пределов России. Война помешала ему привести в исполнение свою мысль»⁶¹.

Император ограничился тем, что 31 декабря 1916 г. выслал на два месяца (до 1 марта 1917 г.) Николая Михайловича как одного из лидеров великокняжеской фронды в его имение «Грушевка». Между тем Романовы продолжали кампанию по оказанию давления на Николая II в пользу дарования парламентаризма («ответственного министерства»), о чем ему говорили 10 февраля 1917 г. Александр Михайлович (ранее, 4 февраля, пославший царю письмо на эту тему) и Михаил Александрович. Как и ранее, предпосылкой для сотрудничества власти и общества Романовы считали, как минимум, удаление Александры Федоровны в Ливадию либо в монастырь. Несмотря на это, накануне падения монархии Николай II и его жена намеревались пойти на примирение с родственниками, для начала вернув из Персии Дмитрия Павловича, чему помешала Февральская революция 1917 г. В ходе нее 28 февраля и 1 марта по инициативе Павла Александровича были подготовлены две редакции так называемого «манифеста великих князей» о введении парламентаризма, первая — более умеренная, вторая — менее⁶². Вторую редакцию, провозглашавшую учреждение «конституционного строя», в отсутствие Николая II, находившегося в Ставке, 1 марта подписали Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и сам Павел Александрович. Тем самым лидеры Прогрессивного блока получили уникальный и абсолютно беспроегрышный шанс осуществить мечты об «ответственном министерстве», но проигнорировали его, поскольку слепо пошли на поводу у республиканцев. Так или иначе, но в начале XX в. династия Романовых сыграла активную роль в создании Государственной думы и сознательно способствовала сначала упрочению ее позиций в системе дуалистической монархии, а затем, особенно в годы Первой мировой войны, превращению Думы в институт парламентарной монархии.

---

⁶¹ Протопопов А.Д. Предсмертная записка. Август 1918 г. // Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001. С. 559.

⁶² См. подробн.: Куликов С.В. «Вполне присоединились к новому правительству...». Великие князья как участники революции (февраль — март 1917 г.) // Страницы истории. Сб. науч. ст. СПб., 2008.

Д.В. АРОНОВ

**Теоретические аспекты определения статуса монарха
и монархической составляющей государственной власти
в либеральных конституционных проектах начала XX в.
как основа думского законотворчества либеральных партий
1906—1907 гг.**

Изучение истории российского либерализма конца XIX — начала XX в. имеет достаточно давнюю исследовательскую традицию уже и в современной, постсоветской историографии. Вместе с тем нельзя не отметить, что в результате расширения исследовательского поля, отказа от определенного детерминизма, априорного предполагающего от либеральных политиков и ученых начала XX в. поведения, представление о котором было во многом результатом не критической экстраполяции понимания типологии и сущности либерализма второй половины XX в. на предшествующую эпоху.

В значительной мере усилиями представителей правой части политического спектра российского общества, а равно их современных продолжателей в прежде всего массовом историческом сознании, утвердился тезис о том, что антимонархизм и антипатриотизм либеральной части политически активной части российского общества были решающими причинами краха исторической государственности в России в феврале 1917 г.

Во многом вышеописанное относится и к либеральному законотворчеству. В историографии в целом наблюдается две тенденции, одна из которых рассматривает либеральное и, прежде всего думское законотворчество, не более чем как средство политической борьбы, лишенное собственно нормативного смысла, предполагающего использование данного регулятора в правовом поле страны. Второй подход, к числу сторонников которого относит себя и автор настоящей статьи, исходит из исследовательской гипотезы о том, что имея в своем теоретическом арсенале либеральную модель реформирования страны¹, российский либерализм настойчиво и последовательно занимался его реализацией в ходе парламентского этапа законотворчества. Система доказательств основана на постатейном анализе того законотворческого багажа, который во всем многообразии представлен в программатике либеральных партий, теоретическом наследии виднейших российских правоведов начала XX в., материалах Государственной думы.

---

¹ См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

Переводя данную дискуссию в плоскость прикладного исторического исследования, полагаем целесообразным проанализировать базовые документы российского либерализма начала XX в., в которых в наиболее концентрированном виде нашли выражение базовые подходы, лежащие в основе либеральной модели реформирования страны, построения в России гражданского общества², понимаемого применительно к изучаемой эпохе³. Одним из перспективных направлений в изучении истории российского либерализма, как представляется, выступает проведение поисковых исследований в таких направлениях, как проявление имперской и монархической идеи в либеральной идеологии на рубеже XIX—XX вв.

В этом ряду предстоит исследовать комплекс теоретического наследия российских либералов, пласт партийной программатики, законотворческое наследие (прежде всего думского периода)⁴. В общем ряду потенциальных источников, необходимых для понимания места и роли имперской и монархической составляющей в либеральной идеологии, представляется возможным выделить в отдельную группу либеральные конституционные проекты начала XX в., представляющие своего рода квинтэссенцию либерального мировоззрения. Тем более что исследование либеральных проектов Основного закона, созданных незадолго до перехода российского либерализма к стадии думского законотворчества, традиционно выступает одним из направлений деятельности исторической науки. Данные проекты, вкуче с материалами съездов и конференций либеральных партий, теоретическими разработками видных либеральных правоведов, философов, политологов и историков, либеральной публицистики дают материал, необходимый для понимания отношения либералов к месту и роли монарха в созданной ими модели реформирования социально-политического строя России. Полагаем, что либеральные проекты Основного закона выступали в качестве системы основы той совокупности либеральных законопроектов, кото-

---

² См.: *Аронов Д.В.* Гражданское общество в либеральной теории и политико-правовой практике российского либерализма конца XIX — начала XX века: методологические проблемы изучения // *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2011. № 3.

³ См.: *Аронов Д.В.* Методологические проблемы изучения понятия «гражданское общество» в теории и политико-правовой практике российского либерализма рубежа XIX—XX вв. // *Современное общество и право.* 2012. № 1. С. 87—90.

⁴ См.: *Аронов Д.В.* Конституционное наследие российской либеральной правовой мысли — проблемы и перспективы использования на современном этапе становления российского конституционализма // *Современное общество и право.* 2013. № 1. С. 18—25.

рые предполагалось внести в Государственную думу России в контексте попытки реализовать либеральную модель реформирования страны через масштабную правовую реформу⁵. Совокупность законопроектов, выступавших в качестве средства ее реализации, предполагала с одной стороны создание основы для развития базовых институтов гражданского общества, а с другой — учет таких факторов как специфика российского социума и принципиальный отказ от форсированных темпов реформирования социально-политической системы.

Известную актуальность данному вопросу придает и известная дискуссия, относящаяся к периоду конституирования либеральных политических партий и связанная с необходимостью закрепления в партийной программатике того типа государственной власти, который выступал наиболее приемлемым для конкретных политических сил. Дополнительную политическую остроту результатам научного и партийного анализа места и роли монарха в проектируемой либералами системе государственной власти в России придавало приближение в начале века 300-летия дома Романовых, а также специфика восприятия института монархии императором Николаем II. Попытки либеральных кругов убедить власть предрешающих допустить политически активную часть общества к управлению страной накладывались на мессианское восприятие монархической власти самим императором, осложненное кризисом, связанным с подписанием Манифеста 17 октября 1905 г. И, наконец, как нам представляется, собственно академическую актуальность проблеме статуса монарха в либеральных проектах Основного закона Российской империи придает необходимость обращения исследовательского интереса к такому нетрадиционному элементу либеральной идеологии как ее монархическая и имперская составляющие.⁶

Традиционную источниковую базу исследования составляют четыре проекта. К ним относится так называемый «Освобожденческий

---

⁵ Обоснование данного тезиса было предпринято автором настоящей статьи в предшествующих работах, см., напр.: *Аронов Д. В., Садков В. Г.* Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел; М., 2005; *Аронов Д. В.* Либеральное дореволюционное законодательство — опыт выявления структурно-логических связей // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Гуманитарные науки.* 2007. № 4. С. 8—12; *Аронов Д. В., Бухвостова Д. В.* Перспективы исследования либерального конституционного законодательства в России // *История государства и права.* 2008. № 20. С. 7—9 и др.

⁶ Рассмотрению имперской и монархической составляющих либеральной идеологии предполагается посвятить VI Муромцевские чтения (2014 г.), с 2009 г. традиционно проходящие в г. Орле.

проект», подготовленный в целях пропаганды конституционных идей В.М. Гессеном, К.Ф. Анненским, И.В. Гессеном, Ф.Ф. Кокоскиным, П.Н. Новгородцевым, С.А. Котляревским, И.И. Петрункевичем, Г.И. Шрейдером. Важной характеристикой проекта была его преимущественно агитационная направленность, обуславливающая специфику его структуры — отсутствие деления на параграфы и явную неравномерность в их объеме и содержании.

Развитием идей «освобожденческого проекта» стала работа над «муромцевским» проектом Основного закона. Он стал результатом трудов группы либеральных юристов в составе Ф.Ф. Кокоскина, Н.Н. Львова, Н.Н. Щепкина, В.В. Водовозова, но С.А. Муромцев изначально был признан фигурой, игравшей ведущую роль в разработке проекта.

Практически одновременно с «муромцевским» был подготовлен и проект Основного закона, получивший название «герценштейновский», или «проект Московской городской думы». Несмотря на неоднократные исследования, его достоверное авторство установлено не было. Анализ его текста показывает, что он содержит многочисленные прямые текстовые заимствования из текста «муромцевского» проекта, что говорит о знакомстве авторов с его текстом, но ввиду обсуждения материалов работы С.А. Муромцева и его коллег на съездах общественных деятелей, эта информация была широко доступна. Сравнительный анализ «герценштейновского» проекта с его аналогами показывает, что он далеко не столь тщательно разработан; «герценштейновский» проект не может быть назван проектом Основного закона в полной мере. Результаты анализа его структуры, степени разработанности основных положений, точности формулировок и используемых в нем терминов показывают, что он является скорее чем-то средним между политической декларацией и партийным заявлением предвыборного характера.

Еще один документ, упоминаемый в данном ряду, это так называемый «проект Екатеринославского земства», еще менее чем «герценштейновский» напоминающий классику структуры проекта Основного закона страны.

В указанных документах собственно раздел, посвященный статусу монарха, присутствует только в четвертом разделе «освобожденческого» проекта. Там в 13 статьях содержится подробный и последовательный перечень прерогатив монарха, норм, определяющих его место в системе управления государством. Наличие подобного раздела в данном законопроекте можно объяснить как стремление избежать революционных потрясений в ходе реформирования социально-политического устройства страны, так и использованием в качестве образца современных ему конституций европейских стран.

Согласно статьям проекта Россия объявлялась Империей, в которой «Верховная власть ... определяется Императором при участии Государственной думы» (ст. 1.). В стране сохранялся царствующий дом, для которого Императорский Всероссийский престол оставался наследственным. Предусматривались институты регентства и опеки (ст. 23—26). Устанавливалась норма, согласно которой содержание императорского двора осуществлялось за счет государственных средств, размер которых определялся Государственной думой. При этом он не мог быть изменен на протяжении всего царствования без согласия императора (ст. 27).

Принципиально важным для понимания позиции либералов, авторов проекта, является та часть раздела (п. 28), где речь идет о месте императора в системе государственной власти. Она определяет, что «Император есть верховный глава государства. Его особа неприкосновенна». Он был верховным главнокомандующим вооруженными силами (п. 34). Ему принадлежала власть верховного управления, он объявлял войну, заключал мир и иные международные соглашения (п. 30). Император утверждал и обнародовал законы. В их пределах издавал необходимые для их исполнения указы (п. 31). В его прерогативы входил созыв Государственной думы и закрытие ее сессий. Он был наделен правом ее роспуска (п. 32). Императору принадлежало «право помилования или смягчения наказаний» (п. 35)⁷.

Вместе с тем следует учитывать, что практически каждый из пунктов проекта наряду с масштабными полномочиями императора содержит и их определенное ограничение со стороны иных органов власти. Так, в ст. 25 указывалось, что император при вступлении на престол «приносит присягу в соблюдении и охранении основного государственного закона, а чем извещает народу особым манифестом». То же правило действовало и в отношении регента. Хотя особа императора объявлялась неприкосновенной, лица, выполнявшие его повеления, подлежали ответственности на общем законном основании (ст. 25).

Принципиально важным был институт контрассигнатуры, согласно которому «Ни один акт Императора по управлению государством не может иметь силы, если он не скреплен подписью министра, который тем самым принимает на себя ответственность за него» (ст. 29).

Заключение императором международных соглашений также ограничивалась участием Государственной думы в той части, которая касалась обязательств для госбюджета или изменения законодатель-

⁷ Проект Основного закона Российской империи (проект конституции, опубликованный П.Б. Струве — «Освобожденческий проект») // Право. 1905. № 21. 29 мая. Стб. 1735—1746.

ства (ст. 30). Они вступали в действие только после одобрения Думой. Можно отметить, что аналогичные права Думы содержит и современная Конституция России (ст. 106) и изданные на ее основе законы⁸.

Издание указов, необходимых для исполнения законов, ограничивалось нормой, согласно которой они не могли приостанавливать действие законов и делать из них изъятия и издавались только в том случае, если их предусматривал соответствующий закон (ст. 31). Право роспуска Думы, принадлежавшее императору, уравнивалось нормой об одновременном объявлении тем же указом новых выборов не позднее шести месяцев со дня роспуска (ст. 32).

Таким образом, можно говорить о том, что «освободительский» проект в общем виде содержал модель ограниченной (конституционной) монархии с известным креном в сторону исполнительной власти, где prerogatives монарха были наиболее широкими.

В проекте С.А. Муромцева особый раздел, посвященный prerogatives монарха, отсутствовал. Однако это отнюдь не говорит о том, что данный важнейший государственный институт был оставлен без внимания авторами проекта. Ответ на этот вопрос дает история создания проекта и цели, которые преследовали его авторы на завершающей стадии работы. Главной идеей в этом отношении была попытка создать проект, который не просто отражал бы либеральные взгляды на модель конституции, но мог быть максимально безболезненно включен в текст Основных законов России в случае октроирования Конституции. Соответственно необходимость в специальном разделе, посвященном статусу монарха, отсутствовала. Более того, наличие данного раздела могло только технически затруднить.

Однако отсутствие необходимости в особом разделе не исключало наличия в проекте указанных норм. Они были изложены по преимуществу в разделах о правах народного представительства и исполнительной власти. В общей сложности в проекте prerogatives монарха упоминаются в 16 статьях. Среди них есть статьи, где непосредственно используются идеи из «освободительского» проекта, есть новые, привнесенные собственно в ходе работы над ним. В качестве примера можно назвать статью 94, где при определении статуса членов императорской фамилии (Императорского дома) идет отсылка к действующему законодательству, содержится указание на ее изменение в новом законодательном порядке, но не иначе как по указанию императора⁹. Финансирование Императорского двора (ст. 87)

---

⁸ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Ст. 14-17.

⁹ Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384—406.

по смыслу аналогична «освобожденческому» проекту (ст. 27). Сохранялся принцип контрсигнатуры (ст. 100); аналогичной по смыслу ст. 31 «освобожденческого» проекта о месте и роли указов императора в правовой системе страны была ст. 13 «муромцевского проекта». Аналогичным был порядок роспуска и созыва Государственной думы (ст. 47), хотя в целом эта часть проекта С.А. Муромцева была наиболее отработанной в техническом плане. Так, выборы в новую Думу также назначались не позднее шести месяцев, но, и это было новое положение, не ранее трех месяцев с момента роспуска. День выборов также совмещался с воскресным (т.е. выходным) днем.

Изучение иных работ С.А. Муромцева в области конституционного права позволяет сделать вывод о том, что он остался на твердой позиции необходимости поиска компромисса между властью и общественным движением. Он не шел в своем проекте так далеко, как это делал, например, Ф.Ф. Кокошкин и другие его коллеги по законодотворческой работе, занимавшиеся также проектом введения в России Учредительного собрания¹⁰. В то же время С.А. Муромцев и авторы «освобожденческого» проекта были едины в столь принципиальном вопросе как целесообразность для России конституционной монархии.

Проект С.А. Муромцева, как центристский и компромиссный, попадал под критику как слева — за отсутствие требования созыва Учредительного собрания¹¹, установления демократической республики и сохранения значительных прерогатив монарха, так и справа — за введение законодательной составляющей государственного строя, ограничение власти императора, требование общедемократических прав и свобод. Этот центризм был выражением его давних взглядов, ориентированных на поиск компромисса между властью и обществом с целью предотвращения опасных для страны социальных потрясений.

Что же касается «герценштейновского» и «екатеринославского» проектов, то в первом из них отсутствует не только раздел, но и совершенно не употребляется сам термин монарх и/или император (государь). В проекте Екатеринославского земства термин «государь император» упоминается четырежды и исключительно в связи с процедурой законодотворчества, в которой монарху отводилась роль субъекта, утверждающего или отвергающего законопроект своей подписью. Также указывалось на исключительные прерогативы в области законодотворчества Государственной думы, Государственного совета и государя императора, без общего согласия которых закон не мог вступить в силу¹².

¹⁰ ГА РФ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 18; Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 29.

¹¹ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 29.

¹² Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. № 21. 29 мая. Стб. 1735—1746.

Таким образом, на основании анализа текстов либеральных проектов Основного закона в части определения прерогатив монарха в либеральной модели реформирования страны, а, как следствие и программы думского либерального законотворчества, мы можем говорить о том, что в них речь идет о конституционной монархии, где власть монарха ограничена участием общества в осуществлении законодательной власти. Вместе с тем в проектах не идет речь о парламентской монархии, так как в них речь не идет ни об участии Думы и политических партий в формировании правительства на основании конституционных норм, ни о превращении монарха в декоративную фигуру с представительскими функциями. Однако тенденции к трансформации монархии в России в нечто близкое, как минимум, к ее месту в английской политической системе, в либеральной среде присутствовали. Собственно программа конституционно-демократической партии допускала дуализм мнений по вопросу о государственном устройстве России. Они, как известно, нашли свое отражение в иных источниках по проблематике либерального законотворчества начала XX в. Их привлечение позволит показать все богатство того интеллектуального поля, в котором развивалась монархическая и имперская составляющие либеральной идеологии, нашедшая известное выражение в либеральных проектах Основного закона, отражавших далеко не все богатство мнений, бытовавших в то время в либеральной среде.

И.В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Народное представительство в идеологии российских консерваторов начала XX века

Нарастание политического кризиса в Российской империи в начале XX столетия поставило на повестку дня вопрос о реформировании политической системы, в частности о создании представительного органа власти. Российские консерваторы не могли остаться в стороне от развернувшейся дискуссии, направив острие своей критики против возможного введения в России парламентаризма. По мнению Л.А. Тихомирова, в парламентских демократиях народ «совсем не имеет своего представительства, а имеет лишь представителей *партий*, господствующих над народом»¹. Председатель Харьковского отдела «Русского собрания», будущий лидер правой фракции в III Думе профессор А.С. Вязигин² также доказывал, что в конституционных государствах народы попали в еще худшую зависимость, сделавшись рабами бессердечной и безжалостной плутократии, прикрывшей свое господство мнимым народовластием»³.

Монархисты утверждали, что парламентаризм не может функционировать в «многоплеменном» государстве. Обширность территории, разнообразие культур, языков, обычаев, традиций делает невозможным существование парламента, в котором бы началась вражда и борьба принципов, утверждал член «Русского собрания» М.М. Бородин⁴. Подчеркивая чужеродное происхождение парламентаризма, консерваторы указывали, что заимствование государственных институтов, не соответствующих национальным традициям и политической культуре народа, приводит к самым печальным последствиям. Известный славист, член «Русского собрания» А.С. Будилович утверждал, что конституционный режим «не приносит никакой пользы» славянству, что доказал пример Балканских стран⁵. Правый публицист Н. Черников считал, что «перенесение английского парламентаризма или французской “демократической республики” равносиль-

---

¹ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999. С. 353.

² А.С. Вязигин писал иногда под псевдонимами «П. Хорсов» (от аббревиатуры ХОРС — Харьковский отдел «Русского собрания») и «А. Каут».

³ Хорсов П. Новые отделы Русского Собрания // Мирный труд. 1904. № 6. С. 104.

⁴ Бородин М. Необходимость самодержавия для России // Мирный труд. 1904. № 10. С. 185.

⁵ Будилович А.С. Наука и политика. СПб., 1905. С. 56.

но пересадке в наши родные степи и равнины померанцевых и апельсиновых деревьев»⁶.

Однако, критикуя парламентаризм как принцип, монархисты в то же время признавали, что «истинная монархия... почти не может существовать без присутствия около себя «голоса земли»... той или иной формы «Земского собора»⁷. За воссоздание этого средневекового института выступили консерваторы, декларировавшие свою приверженность славянофильству. Так, осенью 1904 г. эту мысль развивал правый публицист П.С. Пороховщиков⁸. Чуть позже в пользу Земского собора высказались А.С. Будилович⁹ и А.А. Киреев¹⁰. Член «Русского собрания» Г.А. Шечков доказывал, что существовавшие в старину земские соборы являлись идеальной формой взаимоотношений основ русской государственности — православия и самодержавия — пришедших в лице данного представительного учреждения «в полное единение между собой»¹¹.

Представитель Союза русских людей (СРЛ) известный историк Д.И. Иловайский в феврале 1905 г. выдвинул проект преобразования высших государственных учреждений, предполагавший создание Земского собора под названием «Великая Земская Дума». В ее составе, по мнению автора проекта, должно насчитываться «приблизительно 500—600 человек, 10—12 от каждой русской губернии», избранных исключительно от православного населения. Выборы предполагались не прямые, с назначением (!) выборщиков по приходам или благочиниям. «Затем в эту совещательную Думу *eo ipso* (автоматически — *И.О.*) включается в полном своем составе Государственный совет и Святейший Синод, как преемники первый боярской Думы, а второй — Освященного Собора». Таким образом, Великая Земская Дума должна явиться практически полным аналогом земских соборов XVI—XVII вв. Д.И. Иловайский также предложил поставить Государственный совет в не зависимое от правительства положение и «снабдить до известной степени контролирующей функцией», усилив «его лучшими людьми, т.е. выборными»¹².

---

⁶ Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1906. № 2. С. 200.

⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 96.

⁸ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 296.

⁹ Будилович А.С. Указ. соч. С. 109.

¹⁰ Новое время. 1905. 8 июля.

¹¹ Шечков Г. Истинное значение земских соборов // Мирный труд. 1905. № 2. С. 111, 119.

¹² Кремль. 1905. 24 февраля. №№ 21 и 22.

Примечательно, что за восстановление Земского собора в начале XX в. выступали не только консерваторы-славянофилы, видевшие в нем инструмент достижения единства «земли» и «власти», утраченного в «петербургский» период русской истории, но и прогрессисты, рассматривающие Земский собор и как эффективный способ вовлечения общественных сил в государственное управление и как первый шаг России на пути к представительной демократии. «...Вся наша печать (за исключением «Гражданина») в один голос требует либо Земского собора, либо парламента», — писал В.А. Грингмут¹³. А.С. Вязигин также подчеркивал, что даже «крайние и непримиримые противники существующего строя... кричат о созыве земского собора в надежде на быструю замену его “Учредительным собранием”»¹⁴.

Именно А.С. Вязигин выступил с критикой идеи созыва Земского собора, утверждая, что произошедшие за три столетия социально-экономические изменения просто не позволят возродить его в прежнем виде. Во-первых, доказывал А.С. Вязигин, «Земский собор действовал в ту пору..., когда мировоззрение верхов и низов общества было одинаково», ныне же «Русский мир утратил его и раскололся на множество слоев». Во-вторых, «Московская Русь была в пору Земских соборов страной земледельческой... Поэтому экономическое единообразие не вызывало расчленения населения на борющиеся на экономической арене классы». И, наконец, в-третьих, в Московской Руси «государственная централизация» действительно «требовала представительства, как средства для осведомления» власти и ознакомления «населения с правительственными мероприятиями». Однако в настоящее время эти цели гораздо легче достигаются с помощью периодической печати, телеграфа и телефона. «Зачем же нам, — заключал свои рассуждения А.С. Вязигин, — прибегать к этому непригодному и неповоротливому орудию, которое скоро найдет свое упокоение на историческом кладбище, ибо наука и экономика уже выкопали могилу этому одряхлевшему детищу... иных культурных условий, иных экономических и социальных отношений?»¹⁵.

Приблизительно те же аргументы приводел и Н.И. Черняев, добавлявший, что пока существует угроза, «что земские соборы могут сделаться орудием... антимонархических манифестаций, они, уж конечно, не будут созываться»¹⁶.

Против возрождения Земского собора выступил и лидер московских монархистов В.А. Грингмут, считавший, что в случае воссозда-

¹³ Грингмут В.А. Собрание статей. М., 1910. Вып. 3. С. 127.

¹⁴ Вязигин А.С. Мертвое учреждение // Мирный труд. 1905. № 2. С. 175.

¹⁵ Там же. С. 176, 177, 178, 179.

¹⁶ Черняев Н.И. Русское самодержавие. М., 2011. С. 376, 377.

ния этого института в него попадут отнюдь не представители народа, а оппозиционная интеллигенция и начнется «борьба между Русским Царем и фикцией Русского народа», которая «может кончиться... либо страшной междоусобной войной... либо свержением Самодержавия демократической, а вероятно, и социалистической, революцией»¹⁷.

Неудивительно, что Булыгинская дума, являвшаяся в известном смысле вариантом Земского собора, получила негативную оценку правых. К.Н. Пасхалов поначалу вообще не поверил в подлинность опубликованного в «Новом времени» булыгинского проекта, обвинив издателя А.С. Суворина в фальсификации¹⁸. А.С. Вязигин же указал, что это учреждение не будет содействовать успокоению умов, так как «ни одно из современных общественных течений в России не может найти в Думе полного удовлетворения своих заветных стремлений» — левые считают совещательную Думу полумерой и критикуют ее за недостаточный демократизм, а правые недовольны недостатком монархизма во вновь созданном учреждении¹⁹.

Манифест 17 октября произвел на монархистов еще более тягостное впечатление. Характерно высказывание В.А. Грингмута: «...Царя у нас украли»²⁰. «Боже мой, сколько сраму...», — писал по этому поводу один из лидеров «Русского собрания» Б.В. Никольский²¹. По мнению Л.А. Тихомирова, Манифест представлял собой «уступку» революции, ошибочно сделанную в тот момент, когда «смуты уже, видимо, кончались»²². Однако отношение консерваторов к Государственной думе не было столь однозначным: с одной стороны, их политические убеждения обуславливали неприятие любых ограничений самодержавия; с другой — Российский парламент был создан повелением августейшей особы, что придавало ему известную легитимность в глазах монархистов. Эту двойственность выразил В.А. Грингмут, заявив, что ни выборов, ни Думы он не признает, «но мы, как монархисты, обязаны повиноваться закону нашего государя»²³.

---

¹⁷ Грингмут В.А. Указ. соч. С. 127.

¹⁸ Пасхалов К.Н. Русский вопрос. М., 2008. С. 80, 102.

¹⁹ Вязигин А.С. Государственная дума // Мирный труд. 1905. № 7. С. 204.

²⁰ Восторгов И. Памяти В.А. Грингмута // Мирный труд. 1907. № 10. С. 187.

²¹ Цит. по: Черникова Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский и революция (1904—1907 гг.) // Консерватизм в России и мире. Воронеж, 2004. Ч. II. С. 168.

²² Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 288.

²³ Третий Всероссийский съезд Русских Людей в Киеве: Протоколы. Киев, 1906. С. 29.

Разрешить стоящую перед правыми дилемму можно было лишь признанием за Российским парламентом только законсовещательных прав, чего монархисты и пытались добиться вплоть до Февральской революции. Наиболее последовательным сторонником пересмотра «конституции 1906 г.» являлся Л.А. Тихомиров. Считая создание народного представительства «единственной удачной чертой преобразований, совершенных за времена смуты», он в то же время указывал, что результат этот достигнут «ценой потрясения двух важнейших устоев нашего строя: Царского Самодержавия и правильного положения Церкви», платой за которое и являются продолжающиеся «нестроения»²⁴. Единственным выходом в данной ситуации Л.А. Тихомиров считал немедленную реформу представительных учреждений в «монархическом» духе.

Высшим органом законодательной власти, полагал Л.А. Тихомиров, должен быть Законодательный совет, в функции которого входило бы только «рассмотрение» и «составление» законопроектов, передаваемых затем на «Высочайшее воззрение». Формироваться этот орган должен из лиц, назначенных государем и избираемых «от организованных общественных учреждений», таких как «земства, городские, сословные и профессиональные организации». В дополнение к законодательному органу Л.А. Тихомиров предлагал создать и представительный — Народную думу, задачи которой состоят «в рассмотрении всего, о чем Государь Император пожелает посоветоваться с народом»²⁵. Он решительно отказался от принципа депутатской неприкосновенности (монарх мог исключать депутатов из состава Думы), сохранив, правда, за народными представителями право на свободу «суждений». Дабы депутаты не утратили связь с избравшим их «рядом» населения и не превратились в «политиканов», Л.А. Тихомиров предлагал созывать Думу раз в три (!) года на 3—4 месяца.

Законодательный совет и Народная дума должны действовать при «обычном» порядке управления, в чрезвычайных же случаях, полагал Л.А. Тихомиров, «должен быть созываем» Земский собор, в состав которого должны войти Законодательный совет, министерства, высшая церковная власть, высшая судебная власть, высшие воинские чины, Народная дума, представители сословий и частные лица, «известные особыми заслугами перед Отечеством»²⁶. Характерно, что из всех учреждений Народная дума поставлена в этом списке на последнее место.

---

²⁴ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 421.

²⁵ Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. М., 1907. С. 9—10, 11.

²⁶ Там же. С. 16—17.

Однако проект Л.А. Тихомирова подвергся критике не только слева, но и справа. Так, К.Н. Пасхалов, согласившись лишь с частными сторонами проекта Л.А. Тихомирова (сословные выборы, короткие думские сессии и т.п.), утверждал, что саму положенную в основание проекта мысль о том, что «народное представительство и Самодержавие совместимы... едва ли можно признать бесспорной»²⁷.

К лету 1907 г. и правительство пришло к выводу о необходимости реформы народного представительства. Однако, распустив II Думу, власть не решилась на кардинальные преобразования русского парламента в «монархическом духе», ограничившись лишь изменением избирательного закона. А.А. Киреев писал по этому поводу: «Нам, монархистам-славянофилам, приходится пожалеть лишь о том, что правительство остановилось на полдороге, не решилось довершить переворот и возвратиться к *Думе совещательной*»²⁸.

Созванная по новому избирательному закону Третья, самая «верноподданная», Дума, также не заслужила у монархистов позитивной оценки, поэтому к концу ее легислатуры требования правых реформировать народное представительство усилились. Первую скрипку в этом «концерте» продолжал играть Л.А. Тихомиров, заявивший на страницах редактируемых им «Московских ведомостей»: «*окончательный*» государственный строй России, при создании которого уже «не должно быть никаких ошибок». Одним из обязательных его элементов наряду с «юридически неограниченной» верховной властью являлось и народное представительство²⁹. Данный проект представлял собой дальнейшее развитие проекта 1907 г. с некоторыми дополнениями и уточнениями. В частности, Л.А. Тихомиров предложил председателя Думы не избирать, а назначать, значительно ограничить «неприкосновенность и неподсудность» ее членов и в то же время расширить контроль Думы над исполнительной властью³⁰. Компетенция же народного представительства зависела от возложенной на него задачи: «...Иногда нужен решающий голос, иногда совещательный, иногда простая работа по порученному делу...»³¹. Дабы избавить Законодательный совет от «думской вермишели» (огромного количества второстепенных законопроектов) Л.А. Тихомиров предлагал ограничить право законодательной инициативы правительства и Думы, ос-

²⁷ Пасхалов К.Н. Указ. соч. С. 423.

²⁸ Киреев А. Голос старого славянофила // Мирный труд. 1907. № 8—9. С. 249.

²⁹ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003. С. 451.

³⁰ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. С. 447, 448, 449.

³¹ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 463.

тавив его только за Законодательным советом³², а также расширить права администрации, «чтобы законодательные учреждения не обязаны были тратить время на обсуждение таких «законов», как отпуск ста рублей на физический кабинет какой-нибудь гимназии»³³.

Действующий избирательный закон Л.А. Тихомиров оценивал весьма критически: «Система наших выборов отдаёт все в руки профессиональных политиканов», что хуже не только бюрократии, «но быть может, хуже иноземного порабощения»³⁴. Электоральная система, считал Л.А. Тихомиров, должна быть построена таким образом, чтобы «Русский народ оставался господином в устроенной им Империи... и... чтобы он в лице депутатов имел... верных слуг *своего интереса*, а не каких-то новых господ над собой». Для этого следует проводить выборы «организованными группами населения, так, чтобы каждая группа знала своего депутата, и он... знал своих доверителей»³⁵.

Идея Л.А. Тихомирова о созыве в чрезвычайных ситуациях Земского собора получила свое развитие в работе А.Г. Щербатова «Государственная оборона России» (М., 1912). Ее автор разделял мнение В.О. Ключевского, видевшего основное отличие Земского собора от народного собрания в том, что в первом случае «правительство имело дело не с народными представителями... а со своими орудиями»³⁶, т.е. с правительственными агентами на местах. Поэтому в своем проекте А.Г. Щербатов также настаивал, чтобы выборы депутатов Земского собора, созываемого сразу после манифеста об объявлении войны, проводились только из среды «должностных лиц» от крестьянского, дворянского, купеческого, мещанского и казачьего сословий. Окончательный состав депутатов должен определяться жеребьевкой среди трех выдвинутых каждым избирательным собранием претендентов. Дабы не допустить превращения Земского собора в парламент, «суждения» его, по мнению А.Г. Щербатова, как и встарь, должны представляться самодержцу «на высочайшее благоусмотрение без необходимости решения большинством голосов»³⁷.

Не оставляли надежд на превращение Думы в совещательный орган и крайне правые. Так, Съезд Всероссийского Дубровинского СРН (Москва, ноябрь 1911 г.) принял решение указать Государствен-

³² Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 469, 470.

³³ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. С. 449.

³⁴ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 472, 473

³⁵ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. С. 472, 486.

³⁶ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1959. Т. VIII. С. 109.

³⁷ Щербатов А.Г. Православный приход — твердыня русской народности. М., 2010. С. 233.

ной думе «ея роль, по мысли, как учреждения законосовещательного» и просить, «чтобы воля Государя Императора только одна видоизменяла бы законы без всякого участия в сем Государственной думы»³⁸.

Но большинство представителей правого лагеря к этому времени уже не выступали против Государственной думы, направляя стрелы своей критики только против избирательного закона, позволяющего оппозиции проводить в парламент своих представителей.

Даже К.Н. Пасхалов, в свое время раскритиковавший предложенное Л.А. Тихомировым «сочетание» самодержавия и народного представительства и называвший членов Думы не иначе, как «таврической бандой», скорректировал свои позиции. В октябре 1911 г. он писал: «В мой идеал государственного устройства “парламент” совсем не входит. Я ввожу его скрепя сердце, как зло, кажется, при теперешнем состоянии общественных и государственных умов, неизбежное». «...Если этого зла избежать невозможно, — продолжал он, — то при настоящей раздробленности сословий, земства даже в настоящем виде являются единственными группами, из которых наиболее разумно можно было образовать собрание «достоинейших»... при условиях... чтобы жалованья им платили земства, а отнюдь не казна, чтобы они обязаны были отчетом своим избирателям, т.е. земскому собранию». В этом случае, по мнению К.Н. Пасхалова, «в Думе: 1) не было бы места евреям, каторжникам, распропагандированным невеждам из крестьян и рабочих, либеральным адвокатам, профессорам, коновалам и прочей разрушительной челяди; 2) была бы затруднена возможность образования партийности — этой главной язвы выборных учреждений и 3) не поощрялась бы «классовая» борьба и устанавливалась бы наиболее возможная разумность выборов»³⁹.

Однако после выборов в IV Думу вопрос о народном представительстве в значительной степени утратил для правых свою актуальность, а начавшаяся затем Мировая война и вовсе сняла его с повестки дня. Лишь накануне Февральской революции из монархического кружка А.А. Римского-Корсакова вышла «Записка», адресованная Николаю II, целью которой было предотвратить надвигающуюся революцию. В пояснении к этой «Записке» предлагалось ограничить законодательные полномочия обеих палат, предоставив монарху полную свободу при «утверждении рассмотренных палатами законопроектов» ввести одностепенные сословные выборы с окончательным

---

³⁸ Постановление Всероссийского съезда СРН и примыкающих к нему организаций. 25 ноября — 1 декабря 1911 г. в г. Москве. СПб., 1912. С. 28.

³⁹ Переписка и другие документы правых 1911 года // Вопросы истории. 1998. № 11—12. С. 137, 138.

определением состава депутатов жеребьевкой, а еще лучше волей монарха. Обязательным условием нормализации политического процесса авторы «Записки» считали создание проправительственного думского большинства — «партии власти»⁴⁰. Однако «Записка» осталась без ответа, вероятно, не дойдя до адресата.

Таким образом, несмотря на категорическое неприятие принципа парламентаризма, вступавшего в противоречие с неограниченным самодержавием, отношение правых к представительным органам не было однозначно отрицательным, ибо третий член формулы графа С.С. Уварова — «народность», понимаемый как единение царя с народом, по-прежнему оставался краеугольным камнем идеологии русских монархистов. Для восстановления этого единения, утраченного в «петербургский» период, часть правых предлагала возродить Земский собор, надеясь тем самым еще и перехватить инициативу у оппозиции, требовавшей привлечения общественных сил к государственному управлению. Другая же часть монархического лагеря (по своему политическому влиянию, несомненно, превосходящая первую) выступала против реанимации этого учреждения, опасаясь, с одной стороны, постепенного превращения Земского собора в полноценный парламент, а с другой — указывая, что изменившиеся социально-экономические условия просто не позволят воссоздать его в прежнем виде.

После Манифеста от 17 октября 1905 г., будучи вынужденным признать существование созданной волей монарха законодательной Государственной думы, российские консерваторы не оставляли надежд на ее ликвидацию или превращение в законосоветательный орган, выдвигая соответствующие проекты, суть которых, как правило, сводилась к созданию народного представительства, не посягающего на прерогативы самодержца и представляющего собой адаптированный к современным условиям вариант Земского собора.

Со временем общее полевение российского общества, а также позиция верховной власти, склоняющейся к использованию элементов конституционализма в своей политической практике, обусловили постепенную коррекцию взглядов консерваторов, признавших (хотя и с определенными оговорками) целесообразность наличия в политической системе России представительного органа власти с законодательными полномочиями и направивших свои основные усилия на изменение избирательного законодательства с целью обеспечить лояльность к самодержавию депутатского корпуса.

---

⁴⁰ Правые партии. М. 1998. Т. 2. С. 592—594.

Думские выборы

И.С. ТОМИЛОВ

Выборы в I Государственную думу и «дело десяти» — первый политико-парламентский процесс в Тобольской губернии в начале XX века

В современной России резонансные процессы, связанные с политической системой и институтом Государственной думы, стали неотъемлемой частью работы нижней палаты российского парламента. Во время избирательных кампаний отмечаются многочисленные нарушения действующего законодательства. В период думских сессий происходят скандалы, отставки и прочие события, притягивающие внимание общественности своими результатами и сенсационными открытиями.

Не стоит думать, что это явление в политической жизни — дань моде и появилось совсем недавно, уже в новейшей истории страны. Как свидетельствуют факты, данная тенденция впервые проявила себя еще во времена образования Государственной думы в начале XX века даже в таком периферийном и отдаленном от бурной деятельности регионе как Западная Сибирь.

Естественно, условия формирования ситуации в 1900-х гг. и столетие спустя существенно отличаются друг от друга, но механизм функционирования главных элементов парламентаризма оставался прежним.

После опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. в Тобольской губернии начинается настоящий бум — мгновенный процесс образования различных политических организаций. С разницей в несколько недель и месяцев возникают либеральный «Союз гражданской свободы», умеренно-консервативная «Партия центра», отдельные от общеимперских группы социал-демократов (объединенная) и эсеров, а также правомонархический отдел «Союза русского народа». У каждой организации имелся свой устав и программа в соответствии с выбранным идеологическим направлением, но связи с одноименными российскими партиями у них не было — в Тобольской губернии они существовали как самостоятельные учреждения.

Вынужденные работать в нелегальном положении, группы РСДРП и эсеров не представляли для тобольских властей никакой угрозы даже в условиях напряженной обстановки революции 1905—1907 гг. Периодически проводившиеся аресты лишили левых ценных кадров и оборудования, практически сведя на нет их деятельность. «Союз русского народа» и «Центр» вообще придерживались проправительственного курса, монархической идеи и были тесно связаны с клерикальными кругами губернии.

Единственным реальным конкурентом для поддерживаемых тобольской администрацией сил перед выборами в городскую и Государственную думы являлся в то время «Союз гражданской свободы». Отстаивая завоеванные «гражданские свободы 17 октября», он смог сплотить в своих рядах многих неравнодушных, активных и авторитетных в регионе личностей. Членами влиятельного «Союза» являлись видные деятели сельского хозяйства, культуры, печати, публицистики, средние чиновники (как правило, бывшие) разных правительственных ведомств и др. Их политическая мощь заключалась в народной известности и профессиональности на ниве наиболее важных сфер жизни, а также в огромном вкладе в развитие края.

Еще задолго до выборов в Государственную думу в ноябре-декабре 1905 г. в Тобольске разгорается первый политико-партийный конфликт, противостояние первых и единственно существовавших на тот момент организаций — консервативного «Тобольского отделения партии «Центра»» и образовавшегося чуть ранее либерального «Союза гражданской свободы». Это выразилось в острых дебатах и фактическом срыве общего митинга, организованного правыми 7 декабря, искажении фактов и открытого неприличия со стороны либералов, а также насмешках в их печатном органе «Сибирском листке» в адрес консерваторов¹.

В дальнейшем члены «Союза» и их соратники не раз попадали в поле зрения полиции. Причинами являлись собрания и митинги организации, политические воззвания, критические статьи в «Сибирском листке», вечер-посвящение декабристам 14 декабря, в организации и проведении которого активно участвовали «союзовцы». Надо отметить, что практические с момента появления организации местная охранка очень пристально наблюдала за самыми видными его деятелями и членами их семей. Многочисленные рапорты, составленные по итогам негласного надзора, отмечают любое с их точки зрения отклонение от нормы закона и распространение крамолы и смуты. Так, после слежки и опросов свидетелей, нескольким допросам подверглась жена Н.Л. Скалозубова Ариадна Васильевна. Ее вина

---

¹ Неофициальные Тобольские губернские ведомости. 1905. 13 декабря.

заклучалась в том, что она «за 2 дня до вольного крестьянского съезда ездила по окрестным деревням, собирала сходы, на которых призывала крестьян соединиться тесно <...>, предупреждала, что теперь самим крестьянам нужно заботиться о себе, т.к. начальство заботиться теперь не будет, власть по манифесту от них откажется, все теперь между собою равны»². Кроме того, практически все основные деятели «Союза» или им сочувствующие были замечены в компаниях «политически неблагонадежных лиц», состоявших на особом учете, а также в «противоправительственной деятельности».

Последней каплей, переполнившей чашу терпения тобольской полиции, стал крестьянский съезд. Желая разъяснить безграмотным и мало информированным крестьянам суть манифестов 6 августа и 17 октября о Думе и гражданских свободах, а также узнать их отношение к происходящей реформе органов государственного управления, ряд членов «Союза» фактически организовал и провел первый в губернии крестьянский съезд. Прошедший 15—17 декабря 1905 г. съезд собрал 123 уполномоченных крестьян от 22 волостей региона и, кроме того, 12 небезразличных сельских жителей. А открылся он речью губернского агронома Н.Л. Скалозубова, который напомнил об изменении государственного устройства³. Под руководством либералов делегаты обсудили вопросы о земле, лесах, государственном устройстве, школах, податях, воинской повинности и др. и по каждому пункту приняли резолюцию с политическими требованиями.

Опасаясь распространения «революционной заразы» на территорию губернии и вредной агитации, в ночь на 19 января 1906 г. начальник Тобольского губернского жандармского управления задержал 10 человек, большая часть которых имела отношение к «Союзу гражданской свободы». В секретном рапорте начальника об этом говорится: «Принимая во внимание сведения, указывающие на прикосновенность к государственному преступлению <...>, в Тобольске произведены обыски и аресты: 1) отставного мирового судьи Александра Антоновича Лещинского, 2) старшего чиновника поземельно устроительного отряда Алексея Николаевича Ушакова, 3) дворянина Виктора Федоровича Костюрина, 4) крестьянина Алексея Ивановича Степанова, 5) сургутского мещанина Алексея Степановича Суханова, 6) тобольского губернского агронома Николая Лукича Скалозубова, 7) сургутского мещанина Павла Степановича Суханова, 8) частного поверенного Станислава Людвиговича Вилькошевского, 9) чиновника временной партии по образованию переселенчес-

² Дело по обвинению в государственном преступлении Н.Л. Скалозубова, А. Ушакова, А. Суханова и др. // ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 576. ЛЛ. 5—5 об., 7—8 об.

³ Неофициальные Тобольские губернские ведомости. 1905. 16 декабря.

ких и иных участков подпоручика запаса армии Фаддея Николаевича Рошковского и 10) шадринского крестьянина Ивана Яковлевича Уфимцева»⁴. Чуть позднее к ним присоединилась и супруга Николая Лукича А.В. Скалозубова.

А исполняющий должность Тобольского временного генерал-губернатора от 20 января 1906 г. устранил «от занимаемых должностей на время объявленного военного положения старшего чиновника по составлению отводных записей Ушакова, старшего специалиста по сельскохозяйственной части и губернского правительственного агронома Скалозубова»⁵. Практически одновременно — с 1 января 1906 г. и вплоть до окончания судебного процесса над редактором М.Н. Костюриной — было приостановлено на 5 месяцев издание «Сибирского листка», главного печатного рупора либералов. 30 мая Омской судебной палатой Мария Николаевна была оправдана «за неимением состава преступления», выпуск «Листка» возобновился, и лишь 8 июня вышел второй номер газеты.

Подвергнутая таким образом предварительному аресту «десятка» была заключена в Тобольский тюремный замок на время расследования процесса «за противоправительственную агитацию, устройство крестьянского съезда в Тобольске и пропаганду идей Всероссийского крестьянского союза»⁶. После изучения найденных у арестованных документов и их допросов 27 февраля дело было передано губернатору Н.Л. Гондатти. Он усмотрел по отношению к каждому обвиняемому следующие «государственные преступления» и нарушения. Из обвинений и характеристики губернатора стоит отметить деятели, принявших в будущем участие в выборах и работе Государственной думы:

1. Н.Л. Скалозубов — использовал заседания общества при созданной им сельскохозяйственной школе для «обсуждения чуждых его уставу политических вопросов в совершенно противоправительственном направлении» с целью своей агитации на предстоящих выборах в Государственную думу; вредное влияние на другие агрономические общества губернии; негативно относится к «Партии центра», «деятельность которой направлена к поддержке правительства и к прекращению революционного движения»; «принадлежал к числу либеральных чиновников и вел знакомство исключительно с неблагонадежными лицами»; «стал прямо вреден со времени издания Высочайшего указа от 18 февраля 1905 г. <...> и принялся выступать на всяких собраниях с критикой на действия правительства и, требуя, чтобы мест-

---

⁴ ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 576. Л. 76 об.

⁵ Тобольские губернские ведомости. 1906. 31 января.

⁶ ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 576. Л. 102.

ные власти не исполняли тех из ныне существующих законов, которые шли наперекор его личным убеждениям»;

2. А.Н. Ушаков — «внес страшную смуту в мирное крестьянское население, которую не в скором времени можно будет прекратить», организовав вместе со Скалозубовым крестьянский съезд; у него был найден манифест Сибирской прогрессивной партии, в котором говорится об учреждении Сибирской областной думы и введении подоходного налога, праве народов на культурное самоопределение, требование немедленного созыва Учредительного собрания и т.д., а сам манифест — не что иное, как проект отделения Сибири от Европейской России; вообще он, «будучи умным и хитрым революционером, не может быть терпим на государственной службе, а его пребывание в Тобольской губернии является прямо опасным для спокойствия населения»⁷.

В середине марта все 10 арестованных ранее лиц были отправлены в северные (Березовский и Сургутский) уезды губернии для отбывания ссылки административным порядком во время военного положения на 3 года каждый. В мае в ссылку вместе с 3-мя дочерьми (от 3 до 9 лет) отправилась в суровый северный край Ариадна Васильевна Скалозубова. 30 марта министр внутренних дел П.Н. Дурново приказал установить за всеми высланными гласный надзор на весь период ссылки⁸. При этом правительство особо было обеспокоено местом ссылки для трех наиболее опасных с их точки зрения «возмутителей спокойствия» — организаторов крестьянского съезда Н.Л. Скалозубова, А.Н. Ушакова и И.Я. Уфимцева. О высылке их в Европейскую Россию не могло быть и речи. Приводя аргументы в пользу высылки в Восточную Сибирь директору Департамента полиции, губернатор был уверен, что «...эти лица крайне популярны во всей губернии и руководят всем революционным движением, так что высылка не достигнет цели прекращения смуты. Они имеют и там своих сторонников. С другой стороны, в северные уезды высылаются более 250 человек поднадзорных со всей России, руководство которыми эти лица примут, и при неимении войск могут произойти крупные волнения». Но сомнения были беспочвенны, и место ссылки для троих оставлено прежним⁹.

После спада революции в Европейской России и снятия в губернии военного положения к середине 1906 г. местные власти уже не так жестко относились к проявлениям антиправительственных выпа-

---

⁷ ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 576. ЛЛ. 102—106, 110—112.

⁸ Дело о состоящих под надзором полиции Н. Скалозубове, А. и П. Сухановых, А. Ушакова // ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 273. Л. 1 об.

⁹ ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 576. ЛЛ. 19—22.

дов и пошли на снисхождение для ссыльных по «делу 10-ти». Сначала администрация разрешила им краткие отлучки домой по различным причинам: для приведения в порядок дел и решения домашних проблем, устройства детей, по болезни и отсутствию в местах проживания компетентной врачебной помощи и пр. Следом последовали переводы некоторых ссыльных по их прошениям с Севера в более южные и комфортные в климатическом отношении уезды для отбывания наказания (Тюкалинский, Тарский, Ишимский). А П.С. Суханову был разрешен даже выезд за границу в Германию в апреле 1907 г. После окончания Первой русской революции и прекращения министром внутренних дел П.А. Столыпиным «тобольского дела» в июле 1907 г. все сосланные по «делу десяти» получили право вернуться домой. Впрочем, почти все к этому времени уже заканчивали срок ссылки в родных местах, и единственной переменной для них стало снятие гласного надзора¹⁰. При этом ни один из них в период наказания ни в чем предосудительном полицией замечен не был.

Отдельным случаем из всех десяти сосланных был А.Н. Ушаков. В отличие от своих соратников, находясь в ссылке, он не жаловался на свое здоровье или здоровье близких, не просил снисхождения при высылке. Более того, в прошении на имя губернатора 1 марта 1906 г. Алексей Николаевич считал, что не виновен в предъявленных ему обвинениях, проступки его ничтожны для такого наказания, доказательств его «политической неблагонадежности» нет. Арестованный на время делопроизводства и следствия, после его окончания и отсутствия состава преступления (как выяснилось в ходе процесса) А.Н. Ушаков справедливо полагал, что юридических причин для его задержания просто нет. Следовательно, он должен быть освобожден из тюремного заключения, а дело и преследование в отношении него — прекращены. То есть он не защищался, а шел в атаку, предпочитая борьбу жалобам. Надо сказать, что принципиальность Ушакова, его характер и деятельность не прошли незамеченными для избирателей. 16 мая 1906 г. гораздо большим и подавляющим числом голосов выборщиков, чем трое других избранных (38 против 19) на Губернском избирательном собрании, он был избран депутатом I Государственной думы от Тобольской губернии¹¹. Заметим, что Ушаков даже во время выборов все еще находился в ссылке в Сургуте¹². В отношении него 24 мая 1906 г. министр внутренних дел приказал отклонить Постановление Особого совещания от 30 марта. Освобожден

---

¹⁰ ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 273. ЛЛ. 24, 211, 220, 234, 243, 245.

¹¹ Там же. Д. 576. Л. 97; Дело о выборах в I Государственную думу // ГАТ. Ф. 463. Оп. 1. Д. 4. ЛЛ. 13, 20 об.

¹² Сибирский листок. 1905. 27 ноября.

денный теперь от гласного надзора и высылки в Сургут и «не имея препятствий для выезда» в Санкт-Петербург, Алексей Николаевич прибыл с семьей в Тюмень 3 июня на пароходе «Фортуна». За день до этого тобольский губернатор дал распоряжение тюменскому уездному исправнику «принять меры во избежание противоправительственных манифестаций». Однако опасения были беспочвенны — Ушакова никто не встречал и не провожал. В рапорте исправник отметил, что «вероятно о его приезде не было известно, или у него нет здесь знакомых». Наиболее убедительным кажется первая версия. Даже не имея сторонников (что также маловероятно — о деятельности Ушакова в первом по экономико-демографическим показателям городе губернии наверняка было известно), избранного депутата по сибирскому гостеприимству обязательно встретила бы часть местного общества с традиционным поднесением «хлеба-соли». Но не зная ни о времени, ни о факте самого прибытия депутата, сделать это было невозможно. А спустя 11 часов А.Н. Ушаков выехал на поезде из Тюмени в Санкт-Петербург¹³. Укажем, что после роспуска I Государственной думы Ушаков подписал воззвание, вошедшее в историю под названием «Выборгского»¹⁴.

Любопытны характеристики некоторых проходивших по «делу 10-ти» — будущих деятелей Думы. Иван Лукич Скалозубов был уверен, что его брат Н.Л. Скалозубов — «человек, чуждый политике, беззаветно преданный службе и науке, имеющий много печатных трудов и, по мнению высших чиновников, лучший агроном в Сибири»¹⁵. А министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов при переводе А.Н. Ушакова из Иркутской губернии в Тобольскую сказал, что «Ушаков — умный, но очень красный человек»¹⁶.

После выборов в I Думу активность и популярность фигурантов процесса не снизилась. Двое из них участвовали во всех трех остальных думских кампаниях, по итогам которых были избраны народными представителями от Тобольской губернии: Н.Л. Скалозубов — во II и III Думу¹⁷, А.С. Суханов — в Государственную думу IV созыва¹⁸. Интересным кажется и то, что в Государственной думе всех четырех

---

¹³ ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 273. ЛЛ. 255, 257, 258 об., 260—262.

¹⁴ Ушаков Алексей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 642.

¹⁵ ГАТ. Ф. И152. Оп. 20. Д. 273. Л. 17.

¹⁶ Там же. Д. 576. Л. 112.

¹⁷ Резепин П.П. Скалозубов Николай Лукич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 560—561.

¹⁸ Николаев А.Б. Суханов Алексей Степанович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 598.

созывов заседадо по одному фигуранту «процесса 10-ти» — три депутата (почти треть от числа сосланных по делу), а Н.Л. Скалозубов даже был избран дважды.

Таким образом, «Союз гражданской свободы», значительно ослабев после такого оборота дел, не смог полноценно участвовать в кампании по выборам народных избранников в первый парламент страны. Однако даже в этих условиях, несмотря на уничтожение единственного реального конкурента, умеренно-консервативные и откровенно клерикально-монархические круги не смогли воспрепятствовать победе на выборах в I Государственную думу А.Н. Ушакова. Одна из причин этого крылась в новой идее гражданских свобод, провозглашенных Манифестом 17 октября и заинтересовавших все слои населения. Свобода слова, совести и собраний и прочие буржуазные блага — именно их отстаивали и проводили в жизнь «союзники» и сторонники либералов. В то же время их противники отстаивали преимущественно консервативно-патриархальные ценности с упором на «доброго царя» и «милостивого Бога», явно устаревшие и терявшие значимость к началу XX в. даже на периферии страны. С другой стороны, «вольнодумцы» губернии были известны в среде практически всех сословий, получив широкое признание своими теоретическими работами и практической деятельностью, принесли огромную пользу для основных категорий населения. Поверив и отдав свой голос либералам, выборщики от губернии, как показала работа в Государственной думе избранных ими депутатов, не ошиблись в своем решении. Тобольские народные избранники не забыли своих корней и отстаивали интересы жителей, прежде всего сибирского края, заботясь об инфраструктуре, экономике, вопросах связи, социокультурной жизни своей малой родины.

Д.Д. БОГОЯВЛЕНСКИЙ

**Консервативная публицистика и законодательные учреждения
Российской империи: «Московский голос» о выборах в I и II
Государственные думы**

Газета «Московский голос» издавалась с апреля 1906 г. по май 1907 г. Ее редактором-издателем был художник Клавдий Петрович Степанов — убежденный сторонник необходимости сохранения в Российской империи самодержавного строя, бывший членом Союза русских людей (СРЛ). Однако газета не получила статус официального органа СРЛ, что позволяло ей претендовать на объединение монархистов различного спектра взглядов, а не только сторонников «неославянофильства», которые группировались вокруг СРЛ¹.

Среди публицистов, отражавших свои воззрения на преобразования в государственном строе России в начале XX в. можно выделить известных теоретиков и практиков монархического движения — Л.А. Тихомирова, К.Н. Пасхалова, Д.А. Хомякова, А.А. Киреева и др.

До начала работы I Государственной думы правые четко не определились о своем отношении к новому органу власти. Хотя уже после публикации Манифеста 17 октября выразили обеспокоенность дальнейшей судьбой самодержавия.

Если принять классификацию правого движения, которую предложил А.В. Давиденко², то можно констатировать, что ни «неославянофилы», ни «абсолютисты» не были уверены в сохранении в стране прежнего режима.

После выхода Манифеста 17 октября 1905 г. сторонники В.А. Грингмута, так называемые «абсолютисты», говорили о потере самобытности и установлении «конституционализма»³.

Массовое проявление недовольства населением и поражение на выборах в I Государственную думу привели и «неославянофилов» к сомнениям относительно перспектив этого представительного учреждения в России. Так, К.Н. Пасхалов на страницах «Московского голоса» сомневался в жизнеспособности новых учреждений: «...с поразительной ясностью обнаружилась вся фальшь требований, вся ненужность того громоздкого, неуклюжего законодательного аппарата, того кабинетно-книжного и едва ли жизнеспособного измышления бюрократии, которое народится 27 апреля в виде Государствен-

---

¹ Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 209.

² См.: Давиденко А.В. Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 — февраль 1917). Хабаровск, 2006.

³ Там же. С. 11.

ной думы, с усиленным выборной надстройкой столь же неудобопостижимым Государственным советом»⁴.

Ссылаясь на результаты явки⁵ на выборы, Пасхалов считал, что «произведенная реформа государственного управления нужна не народу, не вызывалась его насущными потребностями, а навязана ему бюрократией под давлением земских и городских его «представителей», беспочвенной интеллигенции и инородцев всех наименований, а в особенности евреев, добывающихся всеми средствами и во что бы то ни стало гражданской равноправности, вопрос о которой, вероятно, и будет одним из первых поднятых и решенных утвердительно будущей Думой»⁶.

Редакция «Московского голоса», оценивая результаты выборов в Москве, вопрошала: «... Действительно ли они (*депутаты — Д.Б.*) представители народа? ... мы все знаем, что депутаты явились не как представители *народа*, а как представители *партий*... Достаточно вспомнить, что Москву в Думе «представляют»: один еврей, два крайних радикала интеллигента и один рабочий, такой, какого согласился допустить «блок» кадетско-социалистических партий... Это ли *Московское* представительство? Это ли голос *Московского* народа?». И, подводя итог предвыборной кампании, заявляла, что «Россия была затерта интеллигенцией»⁷.

Резкой критике стала подвергаться система выборов, которая, по мнению правых, была «скопирована с наихудших европейских» образцов, в то время как была отвергнута идея Земского собора, приводившего к Царю не ставленников партий, а «людей, которые сами принадлежат к народу»⁸.

Кроме того, публицисты из «Московского голоса» обращали внимание на нивелировку сословного состояния населения в процессе выборов, отмечали слабое влияние на выборный процесс национального вопроса, имущественного и образовательного ценза при градации населения на группы и писали о неподготовленности населения к политической деятельности⁹.

⁴ Пасхалов К. Сомнительные ожидания // Московский голос. 1906. 6 апреля.

⁵ Пасхалов отмечал «полное равнодушие к своим правам» выборщиков московского региона, подкрепленное статистическими данными (в Москве явилось 20 % из общего числа участников съездов мелких земледельцев) (Пасхалов К. Указ. соч.).

⁶ Пасхалов К. Указ. соч.

⁷ Москва, 27 апреля // Московский голос. 1906. 27 апреля.

⁸ Там же.

⁹ Пасхалов К. Сомнительные ожидания // Московский голос. 1906. 6 апреля.

В этом вопросе «Московскому голосу» вторило «Русское дело», издававшееся еще одним видным правомонархистом — С.Ф. Шараповым. Еще до начала выборов в I Государственную думу Шарапов на страницах своей газеты писал, что система выборов по установлениям 6 августа 1905 г. и дополнениям 11 декабря 1905 г. «словно прямо на то и рассчитана, чтобы отпугнуть от «урн» Русских людей и вызвать к представительству все, что Русскому человеку враждебно и чуждо»¹⁰.

Предвыборная кампания, по мнению правых публицистов, сопровождалась изобилием подлогов и фальсификаций: например, формальное увеличение числа квартировладельцев путем деления квартир на покомнатные владения, оплата фиктивных квартировладельцев из числа люмпенизированного и маргинального населения за определенную плату и т.д.¹¹

Важной причиной поражения правых на выборах считалось отсутствие у них опыта политической борьбы: «...вместо избрания выразителей мнений различных слоев населения фабрикуется за казенной печатью лжепредставительство, при котором более умелые мастера избирательной агитации вырывают у всех остальных право голоса и сразу заводят у нас то, что так хорошо нам известно из примера Франции, Италии и других стран»¹².

Л.А. Тихомиров высказывал сомнение, что корень проблемы правых в падении популярности монархической идеи, так как не верит этому. По сведениям Тихомирова из 124 тыс. человек с правом выбора за монархистов подали голоса всего лишь 2 тыс., что, по мнению автора, не отражает политических убеждений москвичей. Среди причин поражения он выделял: во-первых, умело проведенную предвыборную кампанию соперниками монархистов (организованность, энергичность, популизм лозунгов, большое количество «громких» имен); во-вторых, многоступенчатость выборов (отпугивавшая часть избирателей, позволявшая интриговать наиболее активным партиям); в-третьих, четкое осознание своих желаний кадетами, в отличие от монархистов, взгляды и представления которых о своих интересах достаточно расплывчаты¹³.

Еще одной проблемой, волновавшей правомонархистов и обострившейся после издания Манифеста 17 октября 1905 г., стал воп-

---

¹⁰ Русское дело. 1906. 8 января.

¹¹ Там же.

¹² По поводу выборов в Государственную думу // Московский голос. 1906. 13 апреля.

¹³ Тихомиров Л. Причины избирательной победы конституционалистов над монархистами // Московский голос. 1906. 20 апреля.

рос о сосуществовании представительных органов власти и Церкви.

Л.А. Тихомиров, сравнивая Государственную думу и Земский собор, отмечал, что последний представлял Русский народ, который и составлял Церковь, а современная Тихомирову Государственная дума «ни с русской народностью, ни с каким-либо вероисповеданием, ...прямо не связана», т.е. становилась актуальной угрозой того, что иноверцы будут оказывать влияние на финансирование Церкви или на назначение обер-прокурора¹⁴.

По мнению Киреева, «безверный» парламент неизбежно столкнется с церковью из-за совпадения сфер деятельности (внешний культ, школа, брачные отношения, имущественные права) и противоположности взглядов¹⁵.

До начала заседаний Думы у некоторых правых еще теплилась надежда. Так, Пасхалов видел единственным «сравнительно здоровым элементом» в будущей Государственной думе крестьянина. Однако он предполагал, что при «полном незнакомстве ни с государственными вопросами, ни с деловой процедурой» крестьяне попадут «...под влияние правительственных чиновников или, что еще хуже, под влияние наиболее хлестких вожаков разных партий, за которыми и пойдут слепо». Та же участь постигнет и большинство членов собрания, «всегда склонное подчиняться более деятельной воле и смелому уму»¹⁶.

Сходные взгляды высказывались и в редакторской статье, автор которой возлагал надежды на крестьянство: «На этом слое «представительства», единственно выражающего русскую Земско-Соборную идею в Думе, можем мы останавливаться с надеждою... Крестьянские выборные, озабоченные судьбами своего сословия, ...обязаны озаботиться судьбами всей России. России больше не на кого в этом отношении здесь надеяться». Автор статьи приходит к выводу, что «для крестьян лишь два пути — обманываться миражами или идти старым путем: Конституция уподобляется Сатане, посулы которого никогда не исполнятся, а другой путь — верность, Царство Божьего Помазанника»¹⁷.

А.А. Киреев надеялся на плодотворное сотрудничество Думы и правительства, которое возможно при наличии у правительства программы работы с Думой, в обратном случае Дума, по мнению Кирее-

¹⁴ Тихомиров Л. О созыве Поместного собора // Московский голос. 1906. 6 апреля.

¹⁵ Киреев А. Государственная дума и русская православная церковь // Московский голос. 1906. 1 июня.

¹⁶ Пасхалов К. Сомнительные ожидания // Московский голос. 1906. 6 апреля.

¹⁷ Москва, 27 апреля // Московский голос. 1906. 27 апреля.

ева, может «заняться критикой, красноречием, восхвалением «свободы», «братской любви», «равенства» и т.п. отвлеченных понятий, весьма, конечно, интересных и симпатичных, которые однако могут быть разрабатываемы с успехом лишь в тиши кабинета, а отнюдь не в многолюдных собраниях, где ими большей частью злоупотребляют, где их часто «проституируют»¹⁸. Отсутствие программы работы с Думой у правительства может привести к желанию Думы самой захватить бразды управления государством¹⁹.

Однако оказались правы те из монархистов, кто не ждал ничего хорошего от крестьян. По их мнению, депутаты-крестьяне «готовы заключить союз с самим сатаной в надежде получить побольше земли, хотя во многих других вопросах они могут оказаться консервативными»²⁰.

С начала деятельности Думы и до ее роспуска правая печать дает российскому парламенту негативную оценку, призывая к трансформации системы выборов и изменению полномочий Государственной думы.

Написание Государственной думой адреса вызвало резкое недовольство сотрудников и авторов «Московского голоса», которые были склонны оценивать такие действия Думы как попытку государственного переворота: «Созванная для укрепления законности Государственная дума становится сразу на нелегальный путь, и в своем адресе Государю открыто заявляет свое намерение произвести государственный переворот». В вину Думе ставится «нелегальное заявление адреса», «недоверие Министерству», требование его отставки, на что «отнюдь не уполномочена законом». Единственную надежду для России «Московский голос» видел в решительной позиции правительства и поддерживал заявление нового главы правительства И.Л. Горемыкина, «категорически отвергшее притязания Думы»²¹.

Еще больше негативных эмоций вызывал аграрный вопрос, рассмотрение которого началось в Думе. В этом вопросе «Московский голос» видел только два пути: конструктивный (эволюционный) и негативный (революционный). В первом случае — это интенсификация хозяйства, что представлялось долгим путем, а во втором случае — отчуждение земель соседа, путь быстрый, но сопровождающий-

---

¹⁸ Киреев А. Как встретятся правительство и Дума // Московский голос. 1906. 13 апреля.

¹⁹ Там же.

²⁰ Московские ведомости. 1906. 26 мая. Цит. по: Давиденко А.В. Правомонархические интерпретации думской монархии (октябрь 1905 — февраль 1917). Хабаровск, 2006. С. 27.

²¹ Наш политический кризис // Московский голос. 1906. 18 мая.

ся эксцессами: вытравливание соседа из деревни «дымом подоженных усадеб», или так называемым приемом «иллюминацией усадеб»²².

Часть правых возвратилась к мысли о создании Земского собора: «Царская власть — «власть высшей правды», верховная власть, которая видит перед собой народ посредством воплощения земско-соборной идеи, а народ видит ее действия, активно соприкасаясь с «управительным механизмом» через структуры самоуправления. Привлечение царской властью различных представителей из сословий и классов, а не выборы от населения»²³.

Другие были склонны видеть в Думе законосовещательный орган. Так, С.А. Петровский призывал сохранить за Думой законосовещательные права, основываясь на неограниченной власти самодержца. При этом Петровский считал более уместным проведение выборов по сословному принципу, так как, по его мнению, бессловные выборы приводят к тому, что выборщики, собираясь, не имеют ничего общего: «Все друг друга не знают, никогда не встречались; какие у кого из них взгляды, убеждения — неизвестно; что у них общего — ничего; кого им выбирать — сами не знают; и находятся в величайшем затруднении при самом искреннем желании исполнить по совести свою высокую обязанность». Такие выборщики попадают под влияние агитаторов, движимых партийными интересами. Успех за организованными, хорошо финансируемыми, беспринципными партиями, какими являются кадеты²⁴.

В своей критике трансформации системы государственного управления Петровский дошел до идеи пересмотра Великих реформ²⁵ и подверг сомнению необходимость сохранения Государственного совета²⁶.

Реакция «Московского голоса» на роспуск I Государственной думы была положительная: «Выборные от народа в Государственную думу люди не оправдали того доверия, которым были обличены, и вместо удовлетворения народных нужд путем законодательной работы, они пытались расширить свои полномочия в ущерб власти Государевой»²⁷. По мнению редакции «Московского голоса», высказанному незадолго

²² Москва, 6 июля // Московский голос. 1906. 6 июля.

²³ Живая связь верховной власти и народа // Московский голос. 1906. 18 мая.

²⁴ Петровский С.А. Основы русского устройства // Московский голос. 1906. 18 мая.

²⁵ Там же.

²⁶ Петровский С.А. Основы русского устройства // Московский голос. 1906. 25 мая.

²⁷ Московский голос. 1906. 13 июля.

до роспуска Думы, в неудачном эксперименте с I Государственной думой была повинна и поспешность, с которой этот представительный орган создавался²⁸.

Роспуск I Государственной думы правые восприняли как сигнал для возможной корректировки законодательства. По мнению авторов «Московского голоса», необходимо было введение сословного начала в процедуру выборов, допущение мнения меньшинства для представления его государю наравне с мнением большинства и, несомненно, придание Думе характер законосовещательного учреждения.

Так, К.Н. Пасхалов, отдавая должное Думе, что она не скрыла под маской лицемерия свое отрицательное отношение ко всему, «что дорого русскому человеку», видел два пути дальнейшего развития:

— сопротивление старого состава Думы (что происходило в Финляндии (т.н. «Выборгское воззвание»), и тут Пасхалов призывает к более решительным действиям правительства, усматривая в деятельности бывших депутатов преступные деяния;

— созыв нового состава Думы, но со старыми идеями «...помехи всякому благому начинанию правительства...» в деле «...успокоения и благоустройства страны»²⁹.

Лекарство, по мнению Пасхалова, — новая система выборов, так как старая — «приноровлена так, чтобы разъединить и раздробить все коренные слои населения и дать возможность сплотиться тому неустойчивому и несвязанному органически с землей слою, известному под общим именем интеллигенции, в которой идеалистические вожделения и теоретическая натасканность на далеко не бесспорных политических идеалах значительно преобладают над практическим знанием потребностей своего отечества и его населения»³⁰.

Некоторые правые были убеждены, что «сам акт роспуска Думы послужил для крестьянства твердою точкою опоры в его политическом понимании положения», так как «“освободительное движение”», в огромном большинстве своих приверженцев и в своем признанном представительстве в Государственной думе, ...возбуждая все более низменные, жестокие страсти, ...обречено идти по пути, на который указывает пример казенных в Кронштадте матросов, заколовших 90-летнюю старуху, мать офицера, и защищавшую своего брата, сестру другого, затем — отказавшихся от приобщения Святых Тайн перед казнью»³¹.

---

²⁸ Москва, 20 июля // Московский голос. 1906. 6 июля.

²⁹ Пасхалов К. Близкое прошедшее и недалекое будущее // Московский голос. 1906. 27 июля.

³⁰ Там же.

³¹ Мансуров П. Великая борьба // Московский голос. 1906. 24 августа.

Новые выборы возродили надежды правых на победу в предвыборной гонке.

Пресекаются попытки отдельных правых вступить в соглашение с другими партиями. Так, академик А.И. Соболевский подвергает критике воззвание партии 17 октября, одного из претендентов на предвыборное соглашение с правыми. Он убежден, что главная задача октябристов добиться равенства прав для евреев и отказа от привилегированного положения русского народа. Кроме того, ставится под сомнение способность и желание октябристов отстаивать неделимость России³².

Уже и кадеты представляются менее опасным соперником. По мнению Киреева, «кадеты не представляют никакой реальной силы, что все их значение состояло в тесной связи с революционными элементами, трудовиками»³³.

Даже гипотетически допускаемое поражение видится не столь ужасным. Редактор «Московского голоса» К.П. Степанов писал: «Думаем мы, что и опыт второй Думы, если и повторится призыв к новым Печенегам, в лице освободительного...» движения «...сынов Израиля и Тьмутаракани, то он послужит лишь к вящему укреплению той власти, которая одна действительна и жива в понятиях народа»³⁴.

Раскол в ряды правых был внесен политикой правительства. Многие правые увидели в законе 9 ноября 1906 г. насилие над русской самобытностью, фактически признав правительство одним из своих противников. Так, Д.А. Хомяков писал: «Петровское насаждение принципа культурного насилия над народом, его обычаями и понятиями, как и подобало, разделилось на два лагеря: один, насилующий сверху, это — лагерь прямых потомков, по закону получивших наследство Петрово; и они-то после двухсотлетнего искажения самодержавия в абсолютизм, наконец, его уже и принципиально заклали 17 октября 1905 года, а теперь еще законом 9 ноября 1906 года окончательно добились, сломав (или попытавшись сломать) его единственный живой устой, заключавшийся в крестьянстве, том особом мире, который, сплоченный своими (впрочем, уже сильно расшатанными тем же — сверху — насилием) особым бытом и учреждениями, кое-как отстаивал все русское, с самодержавием во главе против натиска интеллигенции вообще; а второй лагерь — по нынешне-

---

³² Соболевский А. Новое воззвание октябристов // Московский голос. 1906. 31 августа.

³³ Киреев А. Мнения английской печати о русских делах // Московский голос. 1906. 28 сентября.

³⁴ Москва, 5 октября // Московский голос. 1906. 5 октября.

му виду с первым враждующий, бросающий даже в него бомбы и пускающий пули из браунингов, но совершенно с ним в конечных целях солидарный. Лозунг той и другой фракции один: *«уничтожить все русское, и да царствует общемировая культура на его развалинах!»* (курсив Хомякова — Д.Б.)³⁵.

Вскоре, после статьи Д.А. Хомякова, резкой критике подвергло правительство редакция «Московского голоса». «Подкопом под... русский вековой крестьянский строй» объявлялся закон от 9 ноября 1906 г.: «Под шумок революции, протестов, заверений, всяких происков и исканий, когда всю политическую жизнь страны стараются вдвинуть в заранее уготовленные формы, в это самое время правительство одной рукой старается подавить революцию, а другой — подготавливает такие законы, которые должны перевернуть весь жизненный строй той многочисленной части населения, которая одна не может представлять собой организованной политической партии, могущей отстаивать свои жизненные интересы; во всей современной смуте она являлась лишь предметом всяких соблазнов и искушений, но до сих пор твердо стояла в своей вере в отеческую заботливость о ней верховной власти. Не призванное и не опрошенное, крестьянство завтра узнает, с какой предусмотрительностью о нем позаботились царские слуги — его непрощенные благодетели г.г. Столыпины и кн. Васильчиковы, когда в протянутых за хлебом руках оно увидит положенный в них камень»³⁶.

Критике подверглась политика правительства в отношении крестьянства за последние десятилетия: «Со времени освобождения крестьян — что было сделано для него в смысле поднятия его благосостояния и его духовного развития? Учреждены были кабаки, с блестящими для казны доходами с акциза на спирт, отравляющие народ вернейшим способом, испытанным не только у нас, но и в колонизаторских попытках англичан, когда им нужно было вытравливать местное население колоний»³⁷.

В вину правительству ставилось и полное отсутствие политики расселения крестьян, что привело к перенаселенности. Кроме того, «Московский голос» отмечал, что земство, посредством системы налогов, высасывало из деревни «последние ее соки, не давая ей взамен никаких выгод». Просветительство земства привело к ослаблению вековых устоев и укреплению смуты в представлениях о юридическом праве, способствовало утверждению «атмосферы чиновного

---

³⁵ Д.Х. [Хомяков Д.А.]. Разгром общины — указ 9 ноября // Московский голос. 1906. 30 ноября.

³⁶ Москва 7 декабря // Московский голос. 1906. 7 декабря.

³⁷ Там же.

и земского бесправия, в котором жило крестьянство последние 45 лет»³⁸.

Суммируя недовольство политикой правительства, редакция «Московского голоса» писала: «Министерство Столыпина получило такой абсолютный авторитет власти, каким не пользовалось до него ни одно министерство». Но использовало этот «авторитет» не только на подавление революции, но и «против существовавшего строя народной русской жизни». Не отрицая необходимости реформ, «Московский голос» отмечает, что реформы были необходимы отнюдь не такого характера, на котором настаивало правительство³⁹.

Уповая на поддержку населения, сторонники незыблемости самодержавия высказались против каких-либо союзов с другими политическими организациями, не разделяющими их уверенность в сохранении самодержавного строя. Кадеты обвинялись в стремлении к блоку с революционными партиями, а октябристы — в соглашении с обществами, имеющими широкую народную поддержку, но не разгадавшими проправительственную суть октябристов. Союз с последними представлялся невозможным, так как октябристы потеряли народную почву под ногами, отстаивая народное представительство, совершенно чуждое народным представлениям⁴⁰.

Основными задачами монархистов на выборах во II Государственную думу «Московский голос» называл:

— объяснить, что реформы плодотворны, если отвечают потребностям русского народа, а не отдельных партий и их представителей, которые именуют себя народными представителями;

— уяснить, что народные представители по своей сути не лучшие представители народа, а всего лишь ловкие и умелые партийные деятели;

— отстаивать независимость бытовых и духовных интересов русского народа как господствующего перед всеми другими народами России⁴¹.

Однако не все правые были настроены критично к политике правительства П.А. Столыпина. Некоторые из правомонархистов полагали нужным в условиях революции поддержать правительство⁴².

В ситуации роста внутренних противоречий, переоценки своих возможностей и бескомпромиссности трудно было рассчитывать на победу.

³⁸ Там же.

³⁹ Москва, 14 декабря // Московский голос. 1906. 14 декабря.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Богоявленский Д.Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012. С. 78—79.

Поражение на выборах во II Государственную думу и изменение выборного законодательства окончательно раскололо правое движение, да и правительству уже не нужно было поддерживать его видимое единство.

Подводя итог борьбы правых, Киреев пишет о проблеме, стоящей перед правыми на выборах. Несмотря на их уверенность в своей правоте и логичную аргументацию, он отмечает, что до сих пор актуален вопрос о строе Российской империи после 17 октября: монархическое или конституционное государство, самодержавие сохранено или не сохранено и т.д. Так как правительство не разъясняет этот вопрос, то между правыми и октябристами нет возможностей для союза, «что крайне необходимо, в особенности в виду сплоченности партии революционных левых». Правым непонятно, чего желает сама власть⁴³.

Причины неудачи правых Киреев также видит в следующем:

— недостаток опыта у консервативных партий в сравнении с революционными, которые «работают уже сильно с самого начала 70-х годов»;

— малый опыт в деятельности консервативной печати (революционеры существовали десятки лет, несмотря на цензуру, а правые как законопослушные подданные не могли идти наперекор цензурным требованиям)⁴⁴.

Таким образом, можно проследить некоторую цикличность в отношениях правых публицистов, публиковавшихся в газете «Московский голос», к Государственной думе первого и второго созывов. На фоне постоянного недовольства полномочиями Думы и местом, которое этот орган занимал в системе государственного управления, среди правых росло чувство собственной значимости для политической жизни страны. Страх от происходящего (будь то Манифест 17 октября 1905 г. или поражение на выборах в I Государственную думу) сменялся активизацией сопротивления противникам самодержавия (усиление агитации на выборах в Думу и призывы к ее роспуску), а затем перерастал в уверенность в победе на выборах.

Кроме того, следует отметить, что резкая антипатия правительства П.А. Столыпина к части правых организаций была, скорее всего, рефлексией на менторский тон правомонархистов и критику правительства консерваторами, в том числе публиковавшими свои статьи в «Московском голосе».

---

⁴³ Киреев А. Опрос русского народа // Московский голос. 1906. 12 октября.

⁴⁴ Там же.

А.Д. ГРОНСКИЙ

Отражение выборов во II Государственную думу в белорусскоязычной прессе начала XX века

Информация о выборах во II Государственную думу стала появляться в газете «Наша нива» практически с момента начала ее выпуска в конце 1906 г. Однако основное количество статей, посвященных выборам, сосредоточено в номерах за январь и февраль 1907 г. Это естественно, поскольку именно на данное время приходилась избирательная кампания. Выборы в Думу были главной темой, которая отражалась в двух вариантах статей. Некоторые тексты имели направление, которое можно назвать философствованием или, с большой натяжкой, аналитикой. Но большинство статей описывали и комментировали ход выборов или всевозможные сплетни, происходящие в процессе выборов. Головная статья в первом номере газеты за 1907 г. посвящена именно думской проблематике и представляет пример то ли аналитики, то ли пропаганды.

«Дождлся народ тяжелыми муками Государственной думы и по кусочку «свобод». Другие свободы правительство обещает, но из рук не выпускает!...»¹, — писала газета. По мнению редакции, за время революции рабочие и крестьяне узнали кто их враги и друзья, и теперь народ рвался к свободе и лучшим порядкам. «Крестьяне ждут от Думы земли и свободы, работники на фабриках ждут, чтобы Дума дала им все, что написано на их штандартах»². Если учитывать, что, упоминая надписи на пролетарских штандартах, редакция имела в виду лозунги Первой русской революции, то можно сказать, что надежды на возможность проигрыша власти еще теплились у некоторых оппозиционно настроенных сил. Проблема того, каким образом достичь исполнения чаяний крестьян и рабочих, газета также решала легко: «Это все может дать только полновластная Дума с wybranными из депутатов министрами, которые будут слушать команды Думы и отвечать перед народом за все, что они делают»³. Именно с такими теориями входили белорусские националисты в период избирательной кампании.

Чтобы читатели газеты представляли, что должны делать в Думе депутаты, «Наша нива» кратко напоминает, чего требовали депутаты I Государственной думы. Далее перечисляется перечень либераль-

---

¹ [Наступиў Новы Год...] // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 1–2.

но-революционных требований, суть которых сводится к тому, что власть должна выполнить все условия «народа», вплоть до смены всех высших чиновников. Допускалось лишь то, что новые законы «устанавливать будут народные депутаты вместе с царем». Но в I Думе ничего этого выполнено не было. Поэтому задачи II Думы — это повторение всего того, что предлагалось I Думой, и «вместе с тем выставить новые требования»⁴.

Стремление видеть события в революционном свете осталось в газете на всем протяжении избирательной кампании. В частности, в номере, вышедшем накануне открытия II Государственной думы, газета писала, что «весь народ, измученный небывалым ущемлением, ждет, что Дума даст свободу, лучшие порядки, землю, положит конец лишениям и обиде народной...» и тут же предлагала способ это сделать: «<...> нужно сначала упразднить все старые и написать совсем новые законы <...>»⁵.

Популярным было также приведение в пример того, как якобы работают парламенты за границей. Например, о работе европейской парламентской системы писалось: «всюду за границей, где только есть народная “дума” (парламент), “роспись” государственных доходов и расходов утверждает сам народ через своих выбранных депутатов. Когда же не будет их согласия, то никто налогов платить не будет». В статье утверждалось, что если в России Дума не получит контроль над доходами и расходами, государство станет банкротом. По смыслу текста можно разглядеть намек на то, что кредит, который Россия взяла за границей, не является благом для народа. В то же время упоминается, что депутаты как представители чаяний народа должны выполнять его волю. Автор статьи провоцирует читателя на мысль о том, что «истинно народная» Дума вправе не платить долги. «Пусть же новая “Дума” постарается, чтобы настал этому конец»⁶, — говорится в статье. Указания на то, каким образом Дума, если вдруг она будет полностью левой, сможет решить проблему финансов, автор умалчивает. Но по тексту становится ясно, что именно такая Дума решит все вопросы.

Интересно проанализировать и повествование о возникновении парламентаризма в Англии. В статье «Аб свободах» рассказывается про то, что король Иоанн Безземельный любил сажать людей в тюрьму

---

⁴ [Па валасцех пачалися ужо выбары...] // Наша нива. 1907. 13 (26) января (стычня). № 2. С. 1—2.

⁵ [20 лютаго збярэцца ў Пецербургу...] // Наша нива. 1907. 18 лютаго (февраля). № 7. С. 1.

⁶ Г. Гасударственая «роспись» у Расеи // Наша нива. 1907. 19 января (стычня). № 3. С. 2.

и лишать добра. Но людям надоело это терпеть, поэтому «поднялся народ» и заставил короля подписать манифест, по которому король не имел права наказывать без суда. В тексте указывается, что именно народ, низы, а не аристократия добился парламентаризма в Англии⁷. Таким образом откровенно упрощается представление о причинах появления парламентаризма в средневековой Англии, вместо английской аристократии борцом за парламентское строительство становится английский народ. Данное упрощение, видимо, должно было заставить крестьян примерить на себя роль борцов за создание такой Думы, которая серьезно ограничила бы права императора.

Вообще, если анализировать статьи газеты «Наша нива», то сразу же бросается в глаза четкое разделение на «своих» и «чужих» выборщиков и кандидатов. Причем это разделение было актуально не для массы местного населения, а для корреспондентов газеты. Однако «своих» и «чужих» обозначали в терминах разного порядка. Например, один из корреспондентов жаловался, что власти не дают «хорошим людям» собираться для обсуждения кандидатов. Кто понимается под хорошими людьми, газета не уточняет, но в этой же статье «хорошим людям» противостоят не «плохие люди», что было бы логично, а «истинно-русские»⁸. Т.е. появляется противопоставление: «хорошие люди» — «искренне-русские люди». Уже по факту противопоставления «истинно-русские» не могут быть «хорошими». Методы работы «хороших людей» всегда одобряются, даже если они незаконны, а методы, которыми действовали «истинно-русские» люди, описаны следующие: «задуривали голову темному народу»⁹, «очень сладенько говорили»¹⁰.

Помимо «истинно-русских» противниками «хороших людей» становятся «попы и разное начальство»¹¹, «попы и некоторые крестьяне, которые купили землю без банка»¹². А самих черносотенцев газета даже назвала врагами мира¹³. Оппоненты «хороших людей» об-

⁷ Г. Аб свабодах. // Наша нива. 1907. 25 января (стычня). № 4. С. 2—3.

⁸ З Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 4.

⁹ З Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 4; *Минчук*. Выбары у Минску // Наша нива. 1907. 11 лютаго (февраля). № 6. С. 6.

¹⁰ З Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 4.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ *Минчук*. Выбары у Минску // Наша нива. 1907. 11 лютаго (февраля). № 6. С. 6.

винялись газетой в том, что после их пропаганды крестьяне «сами не знают, чего придерживаться»¹⁴.

Также «Наша нива» предлагала характеристики того человека, который должен был быть избранным в Думу от белорусских крестьян. Депутат должен быть «человек смелый, языкастый, который способен заступиться за бедный народ». Непременным условием для будущего депутата должно стать то, что таких людей не должна была любить полиция¹⁵.

После сенатских разъяснений многие крестьяне потеряли право выбирать своих уполномоченных на выборы. Это дало возможность помещикам легче выбрать в губернию своих людей¹⁶, констатировала газета. Но, когда начались выборы, журналисты с радостью писали, что практически везде в Белоруссии выборщиками становятся приверженцы левых взглядов, «прогрессивные», твердо добивающиеся «народной свободы»¹⁷. Правда, газета не делала из этой информации далеко идущих выводов. Интересной особенностью газетных статей является то, что журналисты старались называть фамилии левых выборщиков и откровенно замалчивали фамилии правых¹⁸. В качестве примера подобной ситуации служит информация из местечка Плисса, где от волости выбрали крестьянина Казимира Белого и «унтера» маньчжурца» (видимо, участника русско-японской войны). Имя крестьянина, т.е. «своего», названо, а имя «унтера» не названо¹⁹. Для правых было сделано исключение лишь по итогам выборов, когда стало ясно, что от белорусских губерний в Думу попали именно правые (и это несмотря на то, что якобы большинство выборщиков были левыми). Тогда депутаты были перечислены по фамилиям, чтобы читатели знали тех, кто выступает «против народа»²⁰. Причем белорусские крестьяне не разбирались в том, кто такие правые и левые, поэтому газета специально давала разъяснения, что «левые» — это те, «которые очень не любят правительства», «правые» — «ко-

---

¹⁴ 3 Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Там же. С. 6.

¹⁷ Выбары // Наша нива. 1907. 19 января (стычня). № 3. С. 6; [3 усих старон идуць весьци...] // Наша нива. 1907. 25 января (стычня). № 4. С. 1; Выбары // Наша нива. 1907. 25 января (стычня). № 4. С. 4, 5; Выбары // Наша нива. 1907. 2 лютаго (февраля). № 5. С. 4—6.

¹⁸ Выбары // Наша нива. 1907. 25 января (стычня). № 4. С. 4, 5; Выбары // Наша нива. 1907. 2 лютаго (февраля). № 5. С. 4, 6.

¹⁹ Выбары // Наша нива. 1907. 19 января (стычня). № 3. С. 6.

²⁰ Выбары // Наша нива. 1907. 18 лютаго (февраля). № 7. С. 2.

торые за правительство»²¹. Однако для крестьян правые воспринимались как те, кто прав, а левые, соответственно, должны были быть не правы. Такие народные представления создавали для оппозиционно настроенных элементов дополнительные трудности.

Достаточно много места в газете уделено проблеме конфессионального фактора в выборах. Православные священники в подавляющем большинстве выступали на стороне русских правых, а католические (за небольшим исключением) — на стороне польских правых. Особо часто упоминался на страницах газеты «Наша нива» бывший депутат I Думы католический епископ барон Э.Ю. Ропп²². Естественно, упоминался лишь как отрицательный персонаж²³. «Наша нива» призывает крестьян выбирать без учета конфессиональной принадлежности, «лишь бы человек был справедливый»²⁴. Далее, чтобы как-то оторваться от конфессиональной риторики, следуют рассуждения автора, что «мы не русские и не поляки, а белорусы, и каждый это должен помнить. Кто говорит, что человек, когда он православный, значит, веры русской и должен быть русским, тот врет»²⁵. Однако крестьяне не были подвержены подобным идеям. Они однозначно рассматривали католиков и православных как поляков и русских. Слово «белорус» вообще практически не было никому известно²⁶, а попытки назвать крестьян белорусами воспринимались ими с агрессией²⁷. Видимо, понимая, что этно-конфессиональная риторика абсолютно не воспринимается крестьянами, автор в конце призывает их не смотреть «кто какой веры придерживается, лишь бы только был человек справедливый, смелый, чтобы крепко стоял за трудовой народ, а на начальство не оглядывался»²⁸. «Не смотрите на то,

²¹ Выбары // Наша нива. 1907. 25 января (стычня). № 4. С. 5.

²² Ропп (Рооп) Эдуард Юльевич фон дер // Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 531.

²³ З Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 13 (26) января (стычня). № 2. С. 7; [Па валасцех ужо выбралі...] // Наша нива. 1907. 19 января (стычня). № 3. С. 1; [З усих старон ідуць вёсці...] // Наша нива. 1907. 25 января (стычня). № 4. С. 1; Аб усем па троху // Наша нива. 1907. 2 лютаго (февраля). № 5. С. 6; Ад рэдакцыі // Наша нива. 1907. 2 лютаго (февраля). № 5. С. 8; Выбары // Наша нива. 1907. 11 лютаго (февраля). № 6. С. 1.

²⁴ З Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ Карский Е.Ф. Белорусы: В 3-х тт. Минск, 2007. Т. 3. Кн. 2. С. 382; Лесік Я. Творы. Мінск. 1994. С. 252, 278.

²⁷ Лесік Я. Указ. соч. С. 133, 239, 255.

²⁸ З Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 4.

кто какой веры, — призывал другой автор, — Выбирайте католика, или православного, или кого, лишь бы он стоял искренне и твердо за трудящийся народ»²⁹. Однако крестьяне в вопросе кого выбирать в основном солидаризировались со священниками. Заявления о том, что пусть «попы думают о делах духовных, о спасении душ, а в Думе нет для них никакой работы»³⁰ или «что нужно законы в Думе писать юристам (которые учились законам), а ксендзам — молиться в костелах»³¹, были достаточно редки.

Еще одна проблема, которой посвящено относительно большое количество статей еженедельника «Наша нива» — рассуждения о том, кто вправе и не вправе в период выборов вести пропагандистскую работу среди крестьянских выборщиков. Газета отвечала на этот вопрос однозначно. Вправе заниматься пропагандой своих взглядов среди крестьян были только левые. Причем речь шла об одобрении не только переговоров выборщиков для выяснения за кого из кандидатов отдать голос. Газета положительно оценивала любую пропаганду посторонних лиц, если эти лица были настроены оппозиционно по отношению к правительству. Один из журналистов возмущался тем, что чиновники удалили из квартиры, где проживали крестьянские выборщики, посторонних лиц, «которые крестьянам помогали создать согласие между собой», а «доброе ксендза», занимавшегося тем же, вытянул за руку. Но любые попытки выборщиков-помещиков или государственных чиновников договориться с крестьянами оценивались газетой негативно³². Таким образом, в газете четко проявлялись двойные стандарты. Борьба за доступ к сознанию выборщиков-крестьян порой выливалась в забавные или странные случаи. Так, после голосования несколько крестьянских выборщиков Виленской губернии написали жалобу, что выборы прошли не по закону. Часть претензий была вполне логична. Например, то, что чиновники призывали выборщиков голосовать за определенных лиц. Но были и более интересные эпизоды. Так, помещики пригласили часть крестьян-выборщиков в буфет, где провели с ними переговоры по вопросу того, за каких кандидатов голосовать. Другая часть крестьян в буфет не попала. Не очень понятным остается то, почему это возмутило непопавших в буфет крестьян. Или по причине того, что находящиеся в буфете предали интересы социальной группы, или потому, что

---

²⁹ Выбары у Государственную Думу // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 6.

³⁰ З Беларуси и Литвы // Наша нива. 1907. 6 января (стычня). № 1. С. 4.

³¹ Выбары // Наша нива. 1907. 11 лютаго (февраля). № 6. С. 5.

³² Там же. С. 2.

совершить чаепитие в буфете получилось не у всех. Нарушением избирательного законодательства также было объявлено то, что некоторые крестьянские выборщики сначала поддались на пропаганду левых, но проголосовали все равно за правых. Данный факт был упомянут левыми как нарушение. Подготовленную жалобу выборщики захотели подать прямо в новую Думу³³.

Еще более интересным образчиком пропаганды «прогрессивных лиц» является случай в г. Лиде, где некий крестьянин угрожал крестьянским выборщикам, что если те проголосуют за М.С. Готовецкого — депутата I Думы³⁴, тогда дома им поломают ноги и разобьют головы. Автор заметки, в которой упомянут эпизод, не дает такому способу пропаганды отрицательной оценки, но с удовольствием подчеркивает, что крестьяне за Готовецкого не голосовали³⁵.

Очень интересно анализировать в газете идеологические штампы белорусских националистов. Так, например, в одной из статей было указано, что польский католический священник барон Ропп произнес черносотенную речь перед крестьянскими выборщиками³⁶. Черносотенцы, как известно, являлись русскими националистами. Насколько объективным было подобное обвинение Роппа, если сам епископ обвинялся теми же националистами в стремлении ополячить белорусов? Однако по другим текстам газеты, не связанным с избирательной тематикой, можно проследить, что под черносотенцами авторы понимают все силы, использующие национальную, но не белорусскую риторику, если эта риторика противоречит взглядам белорусского национализма. Русские черносотенцы, которые признавали белорусов лишь составной частью русского народа, естественно, не могли получить положительных оценок своей деятельности. Но ряд польских националистических лидеров также рассматривал местное население не как отдельный народ, а как русифицированных поляков. Именно за эти взгляды, признающие, по сути, бессмысленность существования особого белорусского национализма, ряд польских деятелей также получили определение черносотенцев. Кстати, крестьяне, по-видимому, не толковали понятие черносотенцы так расширительно. Для крестьян черносотенцы часто были людьми, оцениваемыми положительно, потому что черносотенцы выступали против помещиков-поляков. К последним у крестьян были большие претензии, связанные с распределением земельных угодий.

³³ Там же.

³⁴ Готовецкий (Готовицкий) Михаил Станиславович // Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 143.

³⁵ Выборы // Наша нива. 1907. 2 лютаго (февраля). № 5. С. 6.

³⁶ Выбары // Наша нива. 1907. 11 лютаго (февраля). № 6. С. 6.

Трактовка русского и польского национализма как одного и того же явления и игнорирование реального положения дел приводили белорусских националистов к некорректным выводам. Корректные же выводы не могли для них быть построены по причине используемой идеологической оптики. Например, под влиянием черносотенцев в Минске крестьянские выборщики отказались объединиться как с городскими выборщиками, так и с помещиками. И если деятельность черносотенцев по разрыву союза между крестьянскими и городскими выборщиками представлялась газете закономерной, исходившей из идеологии черносотенцев, то стремление разорвать союз крестьян и помещиков газету удивило³⁷. Причина этого в том, что, по мнению белорусских националистов, и черносотенцы, и помещики-поляки желают белорусскому народу зла, поэтому и те, и другие являются единой антибелорусской силой. Черносотенцы, действительно, видели в контактах крестьянских выборщиков с городскими опасностью. Дело в том, что любой белорусский город вплоть до начала Великой Отечественной войны более, чем наполовину, был населен евреями. Черносотенцы видели в евреях одну из основных опасностей. Помимо того, город, в отличие от деревни, был намного более революционизирован. Это также способствовало стремлению черносотенцев минимизировать влияние горожан на крестьянских выборщиков. «Наша нива» эту ситуацию понимала и логично предполагала, что черносотенцы постараются разорвать любые попытки договориться городу и деревне в вопросе выборов. Но газета, видимо, абсолютно не понимала того, что за редким исключением практически все местные помещики являются поляками и католиками. Польские организации достаточно активно действовали в Северо-Западном крае и, ведя пропаганду на местное население, сталкивались с пропагандой черносотенцев. Для последних польская пропаганда представляла угрозу, именно поэтому черносотенцы не могли позволить крестьянским выборщикам объединиться с землевладельцами. Однако этого «Наша нива», видимо, не хотела понимать, поэтому и с удивлением относилась к антипомещичьей риторике черносотенцев³⁸.

Таким образом, избирательная кампания по выборам во II Государственную думу Российской империи была представлена в газете «Наша нива» с левых позиций. Белорусские националисты, ориентировавшиеся на крестьянскую массу, не могли исповедовать иные взгляды. Тем не менее они понимали, что национальная белорусская

---

³⁷ [Па валасцех пачаліся ужо выбралі...] // Наша нива. 1907. 13 (26) января (стычня). № 2. С. 1.

³⁸ Там же. С. 1–2.

риторика абсолютно неинтересна крестьянам, поэтому апеллирование к «этническим корням» встречалось в предвыборной пропаганде крайне редко. Национальная оптика, через которую белорусские националисты смотрели на процесс выборов, мешала им адекватно оценивать происходящее, что серьезно сказывалось на качестве прогнозов и явно проявлялось в двойных стандартах и при описании деятельности правых и левых сил предвыборного периода.

А.В. КОСТЫЛЕВ

**Выборы в Государственные думы Российской империи
в городах с правом отдельного представительства**

Выборы в Государственные думы дореволюционной России представляют собой важную страницу в истории российского парламентаризма. Впервые относительно широкий круг избирателей был привлечен к формированию народного представительства в масштабах всей страны. Все сколько-нибудь активные партийные кадры, политически развитые избиратели жили в городах, поэтому не удивительно, что именно городская курия явилась главной ареной предвыборной агитации. В городах было проще всего созвать предвыборные собрания. Здесь сосредотачивалась вся печатно-издательская база, концентрировались все крупные организационные партийные структуры. Сам избирательный механизм во многом определял выдвижение на первый план именно партийной политической борьбы. Голосование производилось печатными бюллетенями, а не шарами. Выборы были двух-, а не трех- и четырехстепенными. Наиболее крупные города выделялись в особые избирательные округа. Наиболее острой, принципиальной, интенсивной была избирательная борьба как раз в этих центрах. Поэтому будет интересным и актуальным проследить ход и результаты выборов именно тут, в крупнейших городах Российской империи.

Согласно избирательному законодательству, 26 самых многонаселенных городов с населением более 100 тыс. жителей или приближавшихся к этому показателю получили право отдельного, вне губернских избирательных собраний, представительства в Думе. К ним принадлежали, разумеется, обе столицы империи — Санкт-Петербург и Москва, столица Царства Польского — Варшава, другие крупнейшие региональные и национальные центры — Рига, Киев, Тифлис, Баку, Одесса, Лодзь, Казань, Ташкент. Но количественное преимущество было отдано вполне в духе всей избирательной системы коренным великорусским губернским городам. В их число входили Ярославль, Воронеж, Нижний Новгород, Орел, Саратов и другие, всего пятнадцать.

Право отдельного представительства не означало, что избиратели голосовали непосредственно за кандидатов в депутаты или партийные списки таковых. Город делился на участки, соответствующие полицейским частям. В них избиратели голосовали за выборщиков, которые затем образовывали городское избирательное собрание для избрания непосредственно депутатов. В столицах количество таких выборщиков равнялось 160, в других городах — 80. Тем не менее в этих городах связь избирателей с основными агентами выборов —

партиями была самой прочной, а само количество избирателей — наибольшим в процентном отношении ко всему населению. По городской курии правом голоса пользовались: 1) лица, владеющие в городах уезда недвижимостью, обложенной государственным налогом или городским и земским сбором; 2) собственники торгово-промышленных предприятий, расположенных в городе и его уезде; 3) лица, уплачивающие государственный квартирный налог; 4) плательщики основного промышленного налога; 5) лица, снимающие на свое имя в пределах городов отдельную квартиру; 6) государственные, земские, городские, сословные, железнодорожные пенсионеры (кроме «нижних служителей» и рабочих) в пределах города и его уезда¹. В целом даже с учетом высокого по современным меркам возрастного ценза — 25 лет избирательными правами в крупнейших городах пользовались от 5 до 10 % населения.

Неудачные для правительства результаты двух первых выборов побудили кабинет П.А. Столыпина серьезно изменить избирательный закон. В части городских выборов это выразилось в некотором сокращении числа избирателей, а также в перегруппировке их разрядов. Согласно закону 3 июня 1907 г., в крупнейших городах Российской империи впервые в отечественной парламентской практике вводился прямой порядок голосования. Избиратели выбирали не выборщиков, как ранее, а непосредственно депутатов Думы. В целях вольготного прохождения в Думу лидеров октябристов городские выборщики были разделены на два разряда по имущественному признаку с избранием в равной доле депутатов (в городах с отдельным представительством) и выборщиков (во всех остальных) отдельно друг от друга. Причем требования к цензу избирателей первого разряда в столицах были значительно выше, чем в других городах. В первом избирательном съезде в столицах участвовали: владельцы недвижимости, оцененной для взимания городского сбора в сумму не менее 3 тыс. рублей (в остальных городах — 1500); владельцы торговых предприятий, требующих выборки промыслового свидетельства только первого разряда (в остальных первых двух); владельцы промышленных предприятий со свидетельством первых трех разрядов и парходовладельцы, чей налог составлял от 500 и более рублей (в других городах — соответственно, первых пяти разрядов и 50 руб. налога)². Фактически это относилось к первой городской курии только домовладельцев, крупных и средних оптовых купцов и торговцев, владельцев заводов, фабрик, крупных ремесленных мастерских. Даже многие министры, не говоря уже об академической интеллигенции, голосовали только по второй курии.

---

¹ ПСЗ-3. Т. XXV. С. 878.

² Там же. Т. XXVII. С. 326.

Еще одним важным дополнением было существенное сокращение количества городов с правом отдельного представительства. Отныне только обе столицы, Варшава и Лодзь в Царстве Польском, Одесса, Киев и Рига во всей остальной России пользовались возможностью прямого выбора депутатов, т.е. только 7 городов вместо прежних 26. Общее количество депутатов, избираемых мегаполисами, снизилось с 36 до 16.

Главными агентами избирательной борьбы на городских выборах являлись, разумеется, партии. Ввиду тактики бойкота, объявленной главными левыми, социалистическими партиями (РСДРП и эсерами), основная борьба на первых парламентских выборах проходила между двумя основными либеральными политическими силами — партиями кадетов и октябристов. Собственно, официально они представляли своих кандидатов в выборщики в разных городах под разными названиями — чаще непосредственно от партий, в других случаях в составе официально оформленных блоков (так в Петербурге и Москве октябристы и их более мелкие союзники объединились в так называемый «Соединенный комитет конституционных партий»), но везде речь шла о неких предвыборных союзах, объединяющих разные группы и организации. Союзниками кадетов, как правило, являлись различные национальные меньшинства, например еврейские и польские избирательные комитеты. В Риге и Вильне, где русские не составляли большинства, кадеты сами поддерживали наиболее прогрессивные национальные группы. «Союз 17 октября» в большинстве случаев заключил соглашение с мелкими торгово-промышленными организациями — Всероссийским торгово-промышленным союзом, прогрессивной экономической партией, партией правового порядка. В Москве и Петербурге октябристов поддержало немецкое землячество, а в Риге, наоборот, октябристы сами стали младшими партнерами немецкой «Прибалтийской конституционной партии». Впрочем, в значительной мере заключение предвыборных соглашений диктовалось непосредственными тактическими интересами на местах, а это приводило к весьма специфическому блокированию. Так, в Саратове кадеты и левый «Союз трудящихся» выступили единым избирательным списком выборщиков против октябристов. Последние же, в свою очередь, ввиду малочисленности не рассчитывая самостоятельно победить в Саратове, Вильне и Екатеринославе, объединили списки с монархистами. Совсем редкий случай имел место в Туле: здесь под угрозой справа объединились сами кадеты и октябристы, что облегчалось старыми земскими связями и тождественностью некоторых позиций преобладавших здесь левых октябристов и правых кадетов.

На городских выборах во вторую Думу активно заявил о себе так называемый «Левый блок», включавший представителей всех основ-

ных социалистических организаций. Он составил серьезную конкуренцию кадетам и октябристам. Для второй избирательной кампании было также характерно массовое бегство представителей мелких партий промышленников и предпринимателей от октябристов к монархическим блокам, которые сумели одержать победу в ряде городов.

На третьих выборах основная предвыборная борьба в плане результатов развернулась опять-таки между кадетами и октябристами. Причем введение отдельных разрядов избирателей как бы «развело» соперников по разным «вотчинам», где они практически не чувствовали никакой конкуренции друг другу. В рамках отдельных разрядов октябристы скорее противостояли правым — по первому, а кадеты — социал-демократам — по второму.

Наконец, для четвертых выборов было характерно участие в выборах по первому разряду прогрессистов, которые действовали в неформальном союзе с кадетами.

Победа на городских выборах была невозможна без существования четкой организационной партийной базы. В наиболее крупных центрах успех в избирательной кампании зависел от активности членов партий в каждой отдельно взятой части города, поэтому как кадеты, так и октябристы начинают образовывать партийные комитеты в каждом избирательном участке. В столицах и в некоторых других отдельных городских избирательных округах европейской части России эти комитеты были образованы во всех частях. Более того, петербургские кадеты даже разбили город на маленькие подрайоны, которыми заведовали отдельные лица, обязанные обходить все квартиры и вступать по возможности в собеседования с их жителями с целью вербовки в партию новых членов и выяснения политической физиономии населения. В каждом районе велись подробные списки, в которых регистрировались члены всех партий, сочувствующие им лица. Таким образом, столичные кадеты имели возможность координировать агитационные усилия в каждом отдельном участке, направляя все силы в районы с сомнительной политической физиономией. При городском комитете образовалась особая комиссия по выборам под председательством Е.И. Кедрина, избранного в I Государственную думу от Петербурга³. Комиссия занималась устройством собраний в районах, вербовкой новых членов, сбором денег, необходимыми для выборов, изучением политических настроений избирателей⁴.

---

³ Кедрин Евгений Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 244.

⁴ *Старцев В.И.* Петербургский комитет кадетской партии и выборы в Государственную думу (По неизданным мемуарам кн. Д.И. Бебутова) // История парламентаризма в России. СПб., 1996. Ч. II. С. 62—63.

В Одессе в период выборной кампании центр партийной жизни также фактически переместился из городского бюро партии в агитационную комиссию при нем. Кадеты здесь демонстрировали активное участие на всех стадиях избирательного марафона. Одесские кадеты еще в декабре 1905 г. составили список желательных для партии членов участковых избирательных комиссий и разослали его всем гласным городской думы. Таким образом они попытались обезопасить себя от возможных злоупотреблений противников на выборах и фальсификаций результатов выборов. Участие кадетов в избирательных комиссиях Одессы было настолько значительным, что не на шутку встревожило их оппонентов. Одесские «истинно-русские» даже отослали П.Н. Дурново телеграмму, жалуясь на якобы имевшие место злоупотребления при составлении избирательных списков участковыми комиссиями и, по примеру кадетов, просили включить туда по два члена от монархических партий⁵.

В Петербурге и Москве кадетами были созданы специальные бюро прогрессивной печати, поддерживавшие постоянные связи с провинциальной прессой, осуществлявшие идейное руководство ею. При Петербургском отделе кадетского ЦК существовало особое бюро по рассылке газет и журналов по всей стране. При Петербургском и Московском комитетах существовали специальные исполнительные комитеты по выборам, занимающиеся составлением брошюр и воззваний, их печатанием и рассылкой, а также распределением ораторов по собраниям⁶. Подобные исполнительные комитеты существовали практически во всех крупнейших городах. В Москве действовало даже нечто вроде «школы ораторов». На ее собраниях, как свидетельствует ее завсегдатай В.А. Маклаков, «совместно обсуждали вопросы, которые задавались на митингах и обдумывали как лучше на них отвечать»⁷.

Значительную роль в предвыборной агитации выполняла пресса. Именно на ее страницах во множестве публиковались воззвания и обращения участвующих в выборах партий и организаций. Сам подбор и содержание публикуемых материалов призваны были склонить сочувствие читателей в ту или иную сторону, в зависимости от направленности печатного органа. Лидерами в этой войне средств массовой информации являлись, несомненно, кадеты и октябристы. В распоряжении или под контролем первых находились помимо та-

---

⁵ Штерн С. Десятилетие кадетской партии в Одессе. Одесса, 1915. С. 2; РГИА. Ф.1327.Оп.1.Д.40(б). ЛЛ. 3—4.

⁶ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания, 1881—1914. Прага, 1929. С. 411.

⁷ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 348.

ких общеизвестных центральных рупоров как «Речь», «Путь», «Русские ведомости» и др. еще не менее 50 провинциальных газет. Октябристы издавали в 1906 г. 56 газет, в том числе 5 на латышском и немецком языках⁸. Практически в каждом губернском центре или крупном городе у конституционалистов и октябристского блока имелись свои органы печати. Пожалуй, только в Москве, Киеве и Кишиневе значительным влиянием пользовались органы правых — соответственно, газеты «Московские ведомости», «Киевлянин» и «Друг». Вокруг второго издания организовывалась почти вся избирательная кампания националистов на выборах в III и IV Думы.

Предвыборные собрания, вообще устная агитация играла на выборах в I Думу неизмеримо большую роль, чем в других кампаниях. Это было связано с некоторой неопределенностью и неустойчивостью политических настроений масс, еще не имевших никакого избирательного опыта. На собраниях происходило первое знакомство избирателей со своими будущими избранниками. В этих условиях личное живое общение могло оказаться подчас решающим фактором в определении пристрастий того или иного избирателя. В числе наиболее часто выступавших на предвыборных собраниях можно отметить кадетов В.А. Маклакова, П.Н. Милюкова, Ф.И. Родичева, Н.В. Тесленко; октябристов А.И. Гучкова, Ф.Н. Плевако; правых В.А. Бобринского, В.М. Пуришкевича, А.И. Дубровина и др. В период предвыборной кампании в III и IV Думы через предвыборные собрания непосредственно происходило «представление» кандидатов в депутаты от разных партий избирателям.

Главнейшими из обсуждаемых на предвыборных собраниях проблем являлись: 1) Манифест 17 октября и его трактовка различными политическими силами; 2) будущая деятельность представителей той или иной партии в Государственной думе; 3) целостность России и автономность Польши; 4) аграрная реформа; 5) рабочий вопрос; 6) проблема еврейского равноправия. На последующих выборах к ним прибавились обсуждение деятельности каждой партии в Думе, дискуссии вокруг отношения правительства к народному представительству.

В принципе все кадетские собрания, собрания октябристов и их союзников строились по единому сценарию, в который входили чтение и трактовка партийной программы, ознакомление публики с взглядами оппонентов, полемика (выступление противников). Как правило, именно кадеты посещали собрания других партий и только в достаточно редких случаях наоборот.

---

⁸ *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 89—90.

Кадеты, в отличие от своих соперников, уделяли огромное внимание чисто технической стороне выборов. Уже на ранней стадии они не только публиковали обращения к избирателям с просьбой проверить свое присутствие в избирательных списках, но и занимались обходом населения, принимая от квартирноманимателей соответствующие заявления, а также агитируя в пользу своей партии. В этом смысле они являлись родоначальниками подобной практики, распространенной в советских и современных российских выборах кампаниях. В Воронеже, Киеве, да и в других крупных городах этим активно занимались сочувствующие партии студенты.

Согласно правилам 1906 г., бюллетени для голосования можно было как получить на избирательных участках, так и подать уже готовыми, отпечатанными партиями, лишь бы они соответствовали установленному образцу. В день первоначальных выборов города с отдельным представительством были буквально наводнены печатными бюллетенями, большинство из которых приходилось на долю кадетов. В Петербурге, где число избирателей не превышало 120—150 тыс., типографии получили заказов на 960 тыс. избирательных бланков. Из них более половины приходилось на партию народной свободы и только по 160 тыс. на октябристский блок и городскую управу, которая заказывала незаполненные бланки для непосредственной раздачи на избирательных участках⁹. Это значит, что теоретически каждый избиратель мог получить по 5—6 избирательных бюллетеней. Законодательство первоначально фактически никак не регулировало порядок агитации в день выборов и более того, не воспрещало избирателям подавать заранее полученные печатные бюллетени. Этим пользовались партийные агенты, преследовавшие голосующих чуть ли не до дверей избирательных помещений. Впрочем, хотя на последующих выборах практика подачи печатных бюллетеней незарегистрированных городскими управами была прекращена и был введен запрет на агитацию в день выборов, это не оказало существенного влияния на их результаты.

Выборы в I Думу в городах с отдельным представительством закончились полной победой кадетов и их союзников. В 17 из 20 крупнейших центров Европейской России в выборщики прошли в огромном большинстве их кандидаты. Из общего количества выборщиков в 20 городах (1760) кадеты провели 1468, или 83 %¹⁰. Особенно ошутим был их успех в столицах. В Петербурге и Москве во всех избирательных участках прошли списки, выставленные кадетской партией. В северной столице за представителей октябристского блока было подано более чем на половину голосов меньше. В различных райо-

---

⁹ ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 14. Л. 185.

¹⁰ Там же. ЛЛ. 230—249.

нах за кадетов проголосовало от 57 до 68 % избирателей, принявших участие в выборах. Октябристы и их союзники получили лишь 20—30 %¹¹.

Помимо столиц, полностью кадетские списки прошли также в Воронеже, Курске, Самаре, Харькове, Ярославле. В Курске во всех 4-х участках города кадеты получили более 50 % бюллетеней, в то время как их основные конкуренты, октябристы и «Народная партия порядка», собрали по 3—4 раза меньше. В Харькове, где главными противниками демократов были местные черносотенцы, успех кадетов являлся еще более значительным: они получили до 70 % голосов. В Нижнем Новгороде монархистам и умеренно-прогрессивной партии удалось провести своих 4-х кандидатов в выборщики (из 80) только потому, что избирательная комиссия в одном из участков признала 152 кадетских бюллетеня недействительными¹².

В ряде других городов победа партии народной свободы не была такой бесспорной. В Орле в городское избирательное собрание было избрано 55 кадетов, 22 монархиста и 3 кандидата, чьи фамилии фигурировали в обоих списках. В Астрахани кадеты проиграли в двух из пяти участков города. В результате выборщиками стали 27 представителей местной «Народно-монархической партии». В Ростове-на-Дону велась очень острая борьба с октябристами. В некоторых участках кадеты побеждали с разницей всего в 50—60 голосов. По трем участкам были назначены перевыборы вследствие многочисленных протестов той и другой стороны, но они почти никак не изменили состав выборщиков. Ими стали 58 кандидатов — кадетов и только 22 октябриста¹³.

Еще более острым было противостояние кадетов и черносотенной «Бессарабской партии центра» на первых выборах в Кишиневе. Кадеты заключили здесь союз с еврейскими организациями, и это определило характер почти всей предвыборной кампании. Напористость, организованность пропаганды правых, что не так уж часто наблюдалось на выборах, и самое главное, действительные экономические противоречия между различными национальностями и конфессиями на юге Империи принесли свои плоды. Большинство русских избирателей поддержало националистов. Кадеты победили в участках со смешанным или с преобладающим еврейским населением. В итоге этого, впрочем, хватило для общей победы. В городское избирательное собрание было избрано 44 кадетско-еврейских и 36 «центристских» выборщиков.

---

¹¹ Подсчитано автором по материалам: ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 5. ЛЛ. 194—219.

¹² ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 6. Л. 52.

¹³ Там же. Т. 6. Л. 190 об.; Т. 1. Л. 61; Т. 3. ЛЛ. 128—129.

В целом 24 города Империи с правом прямого представительства, в которых выборы успели состояться, избрали в общей сложности 33 депутата. В 18 из 20 городов Европейской России в депутаты были избраны кадеты. Только в одном (Екатеринославе) — октябрист. В Вильне, где имела место национальная группировка выборщиков, победил еврейский кандидат, союзный кадетам. В Баку, где также велась борьба на национальной почве, прошел автономист-азербайджанец, в Тифлисе — социал-демократ, меньшевик Ной Жордания. Варшава и Лодзь, как следовало ожидать, выбрали депутатами польских национал-демократов. Таким образом, члены Думы от городов распределялись следующим образом: 26 кадетов, 2 близких к ним кандидата национальных сил, 2 социал-демократа, в том числе 1 сочувствующий им рабочий (от Москвы), избранный только потому, что кадеты отказались от 1 места депутата в пользу рабочей курии и 3 представителя польского кола, национал-демократы. В Ташкенте и Иркутске выборы так и не были проведены до закрытия Думы.

Изменившаяся общая политическая обстановка в стране, массовое и организованное участие в выборах левых, административный нажим на выборы привели к существенной перегруппировке депутатских мест в результате второй избирательной кампании в городах с правом отдельного представительства. Кадетам и их союзникам удалось провести своих депутатов только в 10 городах, левые (в составе блока или отдельно социал-демократы) победили в 8, 4 города выбрали октябристов¹⁴. Наконец, в результате весьма скандальных выборов в Киеве и Кишиневе победили правые. Весьма специфическим был выбор от коренного населения Ташкента — в Думу избрали муллу, который в нарушение требований закона даже не знал русского языка¹⁵.

На результаты выборов в III Думу самым прямым образом повлиял избирательный закон. Как и ожидалось, в большинстве случаев по первому разряду прошли октябристы, по второму — кадеты. Из 5 городов с правом отдельного представительства (без Царства Польского) на выборах кадеты провели своих кандидатов в 4-х (7 депутатов по 2-й курии и один по первой). Октябристы получили 6 мест (1-я курия в Петербурге, Москве, Риге). Депутатом от Киева по 1-й курии был националист, от Риги по 2-й — социал-демократ¹⁶.

---

¹⁴ Здесь и далее подсчитано автором по изданию: *Боиович М.М.* Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Второй созыв, 1907—1912 гг. М., 1907.

¹⁵ Там же. С. 500.

¹⁶ Подсчитано автором по изданию: *Боиович М.М.* Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Третий созыв, 1907—1912 гг. М., 1913.

Выборы в IV Думу принесли октябристам неприятные сюрпризы — они не провели в крупнейших центрах ни одного депутата, проиграв повсеместно даже по первому разряду. В Петербурге по нему в совместном списке прошли 2 прогрессиста и кадет, в Москве — 2 кадета. В целом, от 7 городов с отдельным представительством в Думу прошло 11 кадетов или присоединившихся к ним (по 4 от Петербурга и Москвы, по одному от 2-й курии Киева и Риги, 1 — от Лодзи), 3 прогрессиста (все по 1-й курии — 2 в Петербурге, 1 — в Риге), 2 националиста (1 — от Киева, 1 — от русского населения Варшавы), 2 правых (оба от Одессы). Оба депутата от Варшавы традиционно представляли коло (точнее, были членами польской национально-демократической партии). Все будущие лидеры и активисты кадетской фракции в Думе прошли от столиц — от Петербурга — П.Н. Милуков¹⁷, Ф.И. Родичев¹⁸, А.И. Шингарев¹⁹, от Москвы — В.А. Маклаков²⁰, Н.Н. Щепкин²¹.

Думские избирательные кампании в городах с отдельным представительством продемонстрировали приверженность средних городских слоев политической программе ведущей оппозиционной либеральной партии — партии кадетов, их внутреннюю готовность к сознательному и самостоятельному осуществлению избирательных прав. Со стороны главных участников избирательной борьбы — партий, городские выборы в I Думу показали различную степень организационной и мотивационной подготовленности к жесткой электоральной конфронтации, борьбе за голоса. В этом смысле лидерство кадетов в избирательной кампании было не только следствием созвучности их лозунгов настроению избирателей, представлявших в основном, говоря современным языком, «средний класс», но и результатом куда лучшей, чем у конкурентов, мобилизованности и сплоченности, обладания отличными навыками ведения политической агитации.

---

¹⁷ *Канищева Н.И.* Милуков Павел Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 373.

¹⁸ *Антохина Е.А., Канищева Н.И., Николаев А.Б.* Родичев Федор Измайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 526.

¹⁹ *Николаев А.Б.* Шингарев Андрей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 702.

²⁰ *Дедков Н.И.* Маклаков Василий Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 341.

²¹ *Николаев А.Б.* Щепкин Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 712.

А.Л. ГЛУШКОВЕЦКИЙ

**Организация выборов в III Государственную думу
в Подольской губернии: национальный фактор**

Начало XX века в истории Российской империи ознаменовалось масштабными социально-политическими процессами, которые привели к существенным метаморфозам в государственном устройстве. Важным элементом этих изменений стало введение института Государственной думы. Подольская губерния, несмотря на провинциальность, не стояла в стороне от этих важных процессов. Напротив, в связи с особенностями географического расположения, социального и национального состава населения и других факторов избирательный процесс на ее территории помимо общеимперских тенденций имел определенную специфику.

Характерной особенностью предвыборной борьбы в Государственную думу Российской империи всех четырех созывов в Подольской губернии было то, что здесь в основном соревновались между собой не партийные организации и кандидаты, а представители разных национальностей: еврейской, польской, «русской» (украинской). Это было обусловлено этнонациональным составом населения Подольской губернии. Украинский этнос на рубеже XIX—XX вв. составлял, по разным данным, более 75—80 %¹ населения края и значительно преобладал над евреями и поляками. Однако он был представлен преимущественно крестьянством, не отмечавшимся общественной активностью. В то же время евреи составляли около половины городских и местечковых жителей². Поляки численно были представлены гораздо скромнее — 2,3 %³, но они составляли весомую

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXII. Подольская губерния. 1904. С. 98—101; *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века — 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006. С. 290; *Малий В.В.* Етнічний і релігійний склад населення Поділля наприкінці XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Кам'янець-Подільського державного педагогічного інституту. Кам'янець-Подільський, 1995. Т. 1. С. 119.

² *Гуменюк А.О.* Етнічний склад міського населення Правобережної України в 60—90 рр. XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Кам'янець-Подільського державного педагогічного інституту. Кам'янець-Подільський, 1995. Т. 1. С. 108.

³ *Малий В.В.* Етнічний і релігійний склад населення Поділля наприкінці XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Кам'янець-Подільського державного педагогічного інституту. Кам'янець-Подільський, 1995. Т. 1. С. 120.

долю крупных землевладельцев края. Так, право избирать члена Государственного совета от Подольской губернии в 1906 г. имели 622 дворянина. Из них русских и украинских по происхождению 243 человека или 39 %, а поляков — 379 или 61 %⁴. Кроме того, евреи и поляки подвергались притеснениям со стороны самодержавия на национальной почве, а потому считали выборы в Думу серьезным шансом для улучшения своего положения.

Согласно думскому избирательному законодательству, основанному на куриальной системе, крупные землевладельцы имели значительные преимущества, в частности, избирали выборщиков непосредственно на губернские избирательные собрания, которые формировали состав депутатского корпуса губернии. При таких обстоятельствах численность в крае землевладельцев-поляков заставляла власть, стремившуюся не допустить избрания в Думу сколько-нибудь значительного числа польских депутатов, при организации избирательного процесса административными мерами ограничивать их избирательные права.

Однако во время выборов в I и II Государственную думу, которые проходили в условиях острой революционной ситуации в государстве, центральная и губернские власти не решались открыто ограничивать права избирателей по национальному признаку. При таких условиях полякам и евреям Подолья удалось достичь определенных успехов в избирательной гонке. На первых думских выборах польские представители одержали победу на выборах уездных землевладельцев, проведя в губернское избирательное собрание 38* выборщиков из 76⁵. Евреи губернии смогли убедительно выиграть выборы в городской курии. По нашим подсчетам, на выборах в I Государственную думу из 37 выборщиков-горожан 32 были евреями. Правда выборы в городской курии Каменец-Подольского были отменены, и число вы-

---

⁴ Материалы подготовки уездных съездов в земские учреждения // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 637. Д. 545. Л. 22; *Федьков О.М.* Політичні партії і селянство в 1905—1907 роки (діяльність партійних та непартійних організацій в селах Правобережної України): Монографія. Кам'янець-Подільський, 2007. С. 24.

* Избрание выборщиками еще 5 польских землевладельцев в Литинском уезде было отменено избирательной комиссией. Следовательно, было избрано 43 выборщика-поляка.

⁵ Подсчитано по: Циркуляры особого делопроизводства МВД по выборам в Государственную думу, рапорты уездных исправников о представлении отчета о ходе выборов, сведения о лицах, избранных выборщиками по уездам губернии, анкеты о них; отчет о ходе выборов в Летичевском уезде и др. // ГАХМО. Ф. 117. Оп. 2. Д. 16. 361 л.

борщиков-евреев сократилось до 28⁶. Однако, учитывая, что согласно избирательному законодательству общее число выборщиков в губернии составляло 199, это не позволило полякам и евреям вмешаться в распределение депутатских мест. В члены Думы были избраны исключительно украинские крестьяне.

На выборах в Думу второго созыва выборщиками было избрано 46 поляков, причем 42 — на съездах землевладельцев⁷. В этот раз поляки смогли провести в парламент своего кандидата В.К. Лисовского⁸. Он стал единственным депутатом-поляком от всех трех губерний Правобережной Украины⁹. Евреи вновь одержали победу в городах и местечках губернии, но уже со значительно меньшим перевесом — 23 выборщика из 37¹⁰.

3 июня 1907 г. указом императора Николая II прекратила свою деятельность II Государственная дума. Одновременно было издано «усовершенствованное» Положение о выборах в Государственную думу. Новый избирательный закон существенно ограничил права низших слоев населения. Особенно это касалось крестьянства, поскольку царское правительство полностью разочаровалось в его политической благонадежности. Так, в Подольской губернии на выборах в Государственную думу первого и второго созывов число выборщиков от разных курий составляло: крестьянская — 82 (41,2 %), землевладельческая — 76 (38,2 %), городская — 37 (18,6 %), рабочая — 4 (2 %) ¹¹. На выборах в III Государственную думу число выборщиков было значительно уменьшено — со 199 до 150 человек. Причем это сокращение совершенно не коснулось выборщиков от курии землевладельцев, доля которых в Губернском избирательном собрании выросла до 50,7 %. В то же время число выборщиков от крестьян и

---

⁶ См.: Глушковецкий А.Л. Демократія в провінції: вибори та діяльність депутатів Подільської губернії у Державних Думах Російської імперії. Кам'янець-Подільський, 2010. 400 с.

⁷ Материалы подготовки уездных съездов в земские учреждения // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 637. Д. 545. ЛЛ. 15 об.—16.

⁸ Боиович М.М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Второй созыв. М., 1907. С. 251.

⁹ Бовуа Д. Битва за землю в Україні. 1863—1914: Поляки в соціо-етнічних конфліктах. К., 1998. С. 221.

¹⁰ Материалы подготовки уездных съездов в земские учреждения // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 637. Д. 545. ЛЛ. 15 об.—16.

¹¹ Подсчитано по: Порядок выборов в Государственную думу. Систематический свод относящихся к сему предмету узаконений и правительственных распоряжений / Сост. Н. Хлебников. СПб., 1905. С. 68; Государственная дума. Систематический свод относящихся к сему предмету узаконений и распоряжений / Сост. Н. Хлебников. СПб., 1906. С. 85.

рабочих уменьшилось практически вдвое и составило соответственно 42 (28 %) и 2 (1,3 %). Представительство горожан уменьшилось численно, но в процентном отношении незначительно выросло: квота I-го съезда городских избирателей составила 16 (10,7 %) выборщиков, а 2-го съезда — 14 (9,3 %)¹².

Таким образом, в связи с национальным составом избирателей в куриях землевладельцев и горожан Подольской губернии, новый избирательный закон резко повышал шансы польских и еврейских избирателей увеличить/получить свое представительство в Государственной думе. Понятно, что такая перспектива совсем не удовлетворяла ни губернскую администрацию, ни царское правительство. Поэтому вскоре последние сделали все возможное, чтобы свести на нет парламентские амбиции польских землевладельцев и евреев Подолья.

Между тем центральная власть в экстренном режиме начала подготовку к третьим выборам. Уже 9 июня 1907 г. подольский губернатор получил телеграмму от министра внутренних дел с приказом немедленно начать составление новых избирательных списков. Выполняя распоряжение, губернатор на следующий день разослал циркуляры уездным, городским и мещанским управам, которыми обязал их приступить к формированию избирательных списков. Он подчеркивал, что в списках должны быть указаны фамилия, имя, отчество избирателя, избирательный ценз. Устанавливались кратчайшие сроки выполнения этой задачи. В неуездных городах и местечках составление списков нужно было завершить до 22 июня, а к 26 июня подать их в городские управы уездных городов, которые обязывались составить общий свод городских избирателей уезда и не позднее 1 июля представить его губернатору, а также обнародовать для ознакомления в своих помещениях. Такой же срок был отведен и уездным управам¹³.

Впоследствии, 19 июня, министр внутренних дел в очередной телеграмме счел необходимым обязательно указывать в избирательных списках помимо всех прочих сведений еще и национальность избирателей. Причиной таких изменений была гипотетическая возможность распределения избирательных съездов по национальному признаку¹⁴. Вскоре мысль центральной власти о распределении представителей разных национальностей на отдельные избирательные съезды приобрела более четкие очертания.

¹² Положение о выборах в Государственную думу. СПб., 1912. С. 196.

¹³ Дело о выборах в Государственную думу третьего созыва // ГАВО. ФД. 255. Оп. 1. Д. 16. ЛЛ. 1—2.

¹⁴ Циркуляры по выборам в Государственную думу третьего созыва // ГАВО. ФД. 255. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

Уже 20 июня 1907 г. товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский в письме на имя губернатора А.А. Эйлера предоставил четкие предписания относительно выборов в III Государственную думу. Прежде всего они касались разделения предварительных и выборных съездов избирателей в соответствии с новым законодательством. В каждом уезде губернии требовалось созвать такие отдельные предварительные съезды:

1. Первый съезд в составе настоятелей православных церквей, которые или причты которых обладают в уезде землей.

2. Второй съезд в составе собственников недвижимого имущества в размере менее половины ценза, но не менее его одной пятой.

3. Третий съезд в составе остальных землевладельцев, имеющих право на участие в предварительном съезде и владеющих землей в размере менее одной пятой полного ценза.

4. Четвертый съезд в составе владельцев иных, кроме земли, недвижимых имуществ, стоящих, по земской оценке, менее одной пятой полного ценза¹⁵.

Товарищ министра также обязывал губернатора выделить в отдельный предвыборный съезд землевладельцев польской национальности. Разделение предвыборных съездов польских землевладельцев в зависимости от размера имущественного ценза, как было указано в представленной выше схеме, чиновник оставлял на рассмотрение самого губернатора. Все съезды было необходимо созвать только в губернском или уездных городах¹⁶.

Устанавливались четкие требования к процедуре проведения избирательных съездов землевладельцев и городских избирателей. В частности, съезд землевладельцев разделялся на два отделения с отношением к одному из них поляков, которые обладают полным цензом, а также уполномоченных от предварительного съезда лиц польского происхождения, а в другой — остальных землевладельцев. Съезды городских избирателей в случаях, когда избирались два и более выборщика, подлежали разделению на отделения таким образом, чтобы избиратели-евреи устраивали особые отделения съезда и проводили избрание выборщиков отдельно от остального населения или, наоборот, чтобы в особые отделения были выделены городские избиратели российского происхождения¹⁷.

---

¹⁵ Дело с высочайшим указом по поводу роспуска 2-й и созыва 3-й Государственной думы и бумагами, относящимися к выборам в 3-ю Государственную думу // ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 6. ЛЛ. 15—15 об.

¹⁶ Там же. Л. 15 об.

¹⁷ Там же.

Следовательно, искусственно создавалась ситуация, когда даже при значительном численном преобладании землевладельцев-поляков и городских избирателей еврейской национальности они не смогли бы избрать более одного выборщика из своей среды.

Эти инструкции не были формально приняты к сведению администрацией губернии. С целью их наилучшего исполнения в местных условиях 30 июня 1907 г. в г. Жмеринка было проведено заседание специально созданного предвыборного Комитета русских землевладельцев под председательством подольского губернатора А.А. Эйлера. Этот Комитет, по свидетельству губернатора, был организован еще 6 июня. Его задачей было «собрание точных данных, необходимых для решения вопросов, которые были поставлены новым законом о выборах»¹⁸. Такой факт, безусловно, свидетельствует о том, что подольская губернская администрация к вопросу избрания «нужных» депутатов отнеслась с большой тщательностью. Членами Комитета были уездные предводители дворянства: каменецкий — И.Е. Ракович, новоушицкий — М.О. Патон, брацлавский — П.Н. Балашев, литинский — А.Н. Львов, ольгопольский — А.С. Гижицкий, винницкий — граф Д.Ф. Гейден; представители уездов: Могилевского — В.В. Красовский, Балтского — И.И. Балаклеев, Литинского — князь В.С. Мещерский, Летичевского — А.А. Потоцкий, Проскуровского — Г.А. Миткевич, Ушицкого — К.М. Львов, Гайсинского — А.А. Савостьянов, от г. Каменца-Подольского — П.Н. Александров, а также губернский предводитель дворянства барон П.П. Местмахер.

Участники собрания, выяснив количество земли и состав избирателей в каждом уезде, пришли к выводу, что выборы нужно проводить на национальной основе. Было установлено, что соотношение голосов в пользу поляков имеет место только в двух уездах — Каменецком и Проскуровском. Поэтому было решено количество выборщиков, избираемых в этих уездах, разделить поровну между русскими и поляками¹⁹.

Члены Комитета русских землевладельцев также посчитали целесообразным: «Дабы предоставить возможность избирателям на предстоящих съездах более тщательно отнестись к выбору уполномоченных и оградить интересы средних землевладельцев, в том числе священнослужителей, выделить в особые предварительные съезды всех владельцев, владеющих землей в размере менее одной десятой полного ценса, а съезды настоятелей церквей и владельцев земли в размере более одной десятой полного ценса объединить в одно отделе-

---

¹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 17.

ние»²⁰. Так как на съездах мелких и средних землевладельцев преобладали «русские», было решено не разделять такие съезды по национальному признаку, поскольку это «может только повредить делу выборов, дать возможность пройти в избирательный съезд лицам польского происхождения»²¹. Решения, принятые на съезде, стали ориентиром для дальнейшей деятельности местной власти по организации выборов.

Циркулярами МВД в конце июля 1907 г. перед губернатором была поставлена задача собрать точные цифровые данные по каждому уезду о количестве русского и польского землевладения, польских лиц женского пола и военных, которые могут передать свои избирательные цензы, и сведения о числе крестьян польского происхождения, которые могут участвовать в съездах землевладельцев. Как можно быстрее губернатор обязывался представить на основе указанных данных свои предложения о распределении избирательных съездов на отделения по национальному признаку²².

В связи с этим между членами Комитета русских землевладельцев и губернской администрацией происходили систематические консультации по этому поводу. Так, в ответ на телеграмму губернатора от 12 августа 1907 г. один из организаторов Комитета, брацлавский уездный предводитель дворянства, будущий член III Думы П. Н. Балашев высказал свои соображения о философии распределения предыдущих съездов мелких землевладельцев и духовенства. Он предлагал создать в каждом уезде разное количество предварительных съездов с целью усиления влияния православного духовенства. При этом Балашев жаловался, что в отдельных уездах духовенство плохо организовано, поэтому еще не определилось со своими предложениями по распределению съездов²³.

В сообщении губернатору от 25 августа П. Н. Балашев подчеркивал, что, признавая необходимым создание в уездах нескольких предварительных съездов мелких землевладельцев и православного духовенства, Комитет российских землевладельцев руководствовался двумя

---

²⁰ ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 6. Л. 17 об.

²¹ Там же.

²² Циркуляры МВД подольскому губернатору, инструкции и телеграммы уездных предводителей дворянства, сообщения уездных комиссий по делам о выборах в Государственную думу, рапорты уездных исправников о количестве избирателей разных групп и количестве принадлежащий им земли, о порядке выборов в Государственную думу, перечень изменений внесенных в списки избирателей по уездам губернии и др. // ГАХМО. Ф. 117. Оп. 2. Д. 19. ЛЛ. 1, 24, 27.

²³ Там же. ЛЛ. 155—155 об.

критериями: во-первых, чтобы при делении на отдельные съезды не терялись духовные цензы; во-вторых, чтобы все представители духовенства без труда смогли принять участие в съездах. В связи с этим предводитель дворянства выражал пожелание, чтобы район каждого предварительного съезда определялся для духовенства благочинными округами, а для всех остальных избирателей считал необходимым оставить прежнее деление по волостям. Таким образом, убеждал он, удастся избежать дробления голосов священников²⁴.

Такие предложения нашли поддержку у губернатора А.А. Эйlera. В своем донесении министру внутренних дел 29 августа он выразил окончательные мотивировки относительно распределения предварительных избирательных съездов землевладельцев и духовенства. Они были полным копированием мыслей, высказанных П.Н. Балашевым. Губернатор считал необходимым разделить предыдущие съезды землевладельцев, владевших более 15 дес. земли (1/10 полного ценза), только в семи крупнейших уездах (Ямпольском, Проскуровском, Могилевском, Балтском, Ушицком, Ольгопольском, Гайсинском). При этом он отмечал, что намеревается обеспечить преобладание лиц российского происхождения с помощью православных священников. С этой целью предполагалось не допустить разделения благочинных округов избирательными съездами, а остальных участников съездов прикрепить к ближайшим районам благочинных округов. Было также решено создать в каждом уезде по одному съезду неполных цензовиков, владевших 15 и менее десятинами земли, т. е. менее 1/10 избирательного ценза. Губернатор подчеркивал, что количество таких избирателей значительное, но их цензы позволяют выбрать не более 2—3 уполномоченных на каждом съезде. Поэтому создание более чем одного съезда на уезд может привести к ситуации, когда земельного ценза не хватит даже на избрание одного уполномоченного²⁵.

Курс подольской губернской администрации при организации выборов в курии землевладельцев на дискриминацию представителей польской национальности и совместные действия православных священников и помещиков принесли свои плоды. Число выборщиков-поляков в III Государственную думу по сравнению с двумя предыдущими выборами сократилось в несколько раз и составило 10 человек, причем только 8 из них были избраны в курии землевладельцев²⁶.

---

²⁴ Там же. ЛЛ. 157—158.

²⁵ Там же. ЛЛ. 161—161 об.

²⁶ Подсчитано по: Zanim przyszła «połoga»: dokumenty i materiały dotyczące działalności polityczno-społecznej Polaków na Podolu w latach 1905—1910 / wstęp, wybór i opracowanie R. Jurkowski. Olsztyn, 2011. S. 343—347.

Неудивительно, что в III Думу от Подольской губернии не прошел ни один польский представитель. В то же время четыре члена указанного выше Комитета русских землевладельцев (И.И. Балаклеев, П.Н. Балашев, А.С. Гижицкий, А.А. Потоцкий) и три православных священника (Г.Т. Маньковский, В.И. Подольский, М.И. Сендерко) стали депутатами III Государственной думы²⁷.

Не менее тщательно подольская губернская администрация подошла к ограничению влияния на выборы представителей еврейской национальности. Так, в письме к товарищу министра внутренних дел С.Е. Крыжановскому губернатор А.А. Эйлер отмечал: «Что касается съездов городских избирателей, то в соответствии с таблицей распределения выборщиков по уездам, я полагаю бы выделить в особые отделения евреев по обоим съездам избирателей Каменецкого и Винницкого уездов и по первому съезду Могилевского и Проскуровского уездов»²⁸.

Итак, в уездах с преобладающим количеством еврейских избирателей, образуя отдельные их съезды, власть исключала возможность избрания евреями большего количества выборщиков, чем православные избиратели. Несмотря на это, еврейским кандидатам удалось выиграть выборы в городской курии. Из 30 выборщиков-горожан — 22 были представителями еврейства²⁹. Однако для избрания хотя бы одного своего депутата этого количества было явно недостаточно.

Таким образом, органы власти Российской империи, в частности подольская губернская администрация во время организации и проведения избирательного процесса в Государственную думу третьего созыва, использовали различные формы и методы влияния на его ход и результаты. Активно применялся административный ресурс с целью препятствия избранию польским и еврейским населением края выборщиков и депутатов из своей среды. Местные власти тесно сотрудничали с российскими землевладельцами и православным духовенством, обеспечивая им наилучшие условия для проведения своих кандидатов.

---

²⁷ *Боювич М.М.* Члены Государственной думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907—1912. М., 1907. С. 237—246.

²⁸ ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 658. Д. 95. Ч. 6. ЛЛ. 19 об.—20.

²⁹ *Zanim przyszia «poioğa»: dokumenty i materiaiy dotyczące dziaiałości polityczno-spoiecznej polaków na Podolu w latach 1905—1910 / wstęp, wybór i opracowanie R. Jurkowski.* Olsztyn, 2011. S. 342.

Выступление Генерального секретаря Совета МПА СНГ Сергеева А.И.
на пленарном заседании

Думский зал Таврического дворца. Пленарное заседание

Выступление на пленарном заседании
д.и.н. Лукьянова И.В.

Выступление на пленарном заседании
д.и.н. Кирьянова И.К.

Участники конференции

П.П. ЗАПЕВАЛИН

Выборы в IV Государственную думу в Санкт-Петербургском уезде

История IV Государственной думы в целом не осталось за рамками внимания ученых. В советское время данной проблемой плодотворно занимались В.С. Дякин, В.И. Старцев, Е.Д. Черменский и др.¹ В современной историографии крупным событием стал выход в свет фундаментальной монографии А.Б. Николаева, посвященной роли IV Думы в дни Февральской революции². Вместе с тем малоизученным остается вопрос о выборах в Думу, в том числе и на региональном материале.

Законодательной базой для проведения выборов явилось Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г. Накануне выборов в IV Государственную думу министр внутренних дел издал распоряжение «Об утверждении инструкции о порядке составления списков лиц, имеющих право участие в выборах в Государственную думу»³.

Отличительной чертой выборов в IV Государственную думу в сравнении с предыдущими было широкое участие в них представителей духовенства⁴. По Положению о выборах в Государственную думу «уполномоченные от настоятелей церквей и молитвенных домов всех вероисповеданий, если церковь либо молитвенный дом владеют в уезде землей»⁵ участвовали в съезде землевладельцев.

Фактически среди священнослужителей по Санкт-Петербургскому уезду землевладельцев не было, о чем свидетельствуют письма из Духовной консистории в Санкт-Петербургскую земскую уездную управу⁶. Однако, руководствуясь вышеуказанным Положением, церкви, владеющие землей в уезде, заявили 16 священнослужителей для

¹ Дякин В.С. Что такое «Прогрессивный блок». Ответ на письма в редакцию // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 200—204; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

² Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

³ Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1912. 5 августа.

⁴ Русская земля. 1912. 30 сентября.

⁵ Списки избирателей г. Петербург и Петербургского уезда по выборам в Государственную думу // ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д. 930. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 47.

участия в предварительном съезде уездных землевладельцев⁷. Практически лишённые возможности количественно влиять на выборы ввиду отсутствия большого количества цензовых земель у церквей, духовенство предпринимало шаги к качественному изменению состава выборщиков.

В Санкт-Петербургском уезде духовенство в ходе выборов было скорее «избирательным материалом», а не самостоятельной политической силой. Священникам через благочинных, руководимых архиереем, передавали списки возможных кандидатов с отметкой лиц, обречённых забаллотированию. Эти списки даже получили особое название среди духовенства — «синодики». Причем в случае непопечения непокорных грозили лишить прихода⁸. Священнослужители и вообще лица, принадлежавшие к клиру, могли выставлять свою кандидатуру в члены Государственной думы, но «не иначе как с благословения своего епархиального Архиерея, а Архиереи с благословения Святейшего Синода»⁹.

Для выборов в IV Государственную думу характерно возрастание контроля над ходом выборов не только на общегосударственном уровне, но и на местном. Лица, желавшие принять участие в выборах, должны были доказать свое право на это, пройдя множество бюрократических инстанций.

Согласно избирательному закону от 3 июня 1907 г., электоральный состав в ходе выборов в Государственную думу формировался исходя из принадлежности избирателей к той или иной курии. Не менее важным является рассмотрение избирателей с точки зрения деления по иному принципу: имевших и не имевших право самостоятельно участвовать в выборах. Лица, имевшие такое право, вносились в списки автоматически. Все остальные (квартиросъемщики, арендаторы земель, управляющие имением и лица, получающие пенсию), если они желали воспользоваться правом участия в выборах, должны были заявить об этом учреждению, составлявшему избирательные списки до их опубликования.

Помимо заявления требовалось представить все необходимые удостоверения: договор о найме квартиры для квартиросъемщиков, для лиц, получающих пенсию — удостоверение полиции о проживании не менее года в пределах города или уезда и удостоверение казначей-

---

⁷ Списки избирателей г. Петербург и Петербургского уезда по выборам в Государственную думу // ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д. 930. Л. 44.

⁸ *Симонов М.И.* Первые дни Государственной думы IV созыва. Выборы президиума 15-го ноября — 1-го декабря 1912 г. СПб., 1913. С. 7.

⁹ Об участии духовенства в выборах в Государственную думу 1912 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 104. Д. 9. Л. 55.

ства или другого учреждения, выдающего пенсию о получении пенсии; для арендаторов и управляющих — договор на аренду земли и договор или договоренность на управление имением соответственно, действительные не менее одного года, а также свидетельство комиссара по крестьянским делам, крестьянского начальника или местного полицейского управления. Все договора или договоренности должны были заверяться нотариально, полицией или мировым или городским судьей.

Таким образом, часть избирателей должна была преодолеть эти бюрократические препоны, чтобы воспользоваться своим избирательным правом, и далеко не все спешили это право реализовать. «Петербургская газета» отмечала, что «до сих пор в городскую канцелярию по выборам весьма слабо поступают заявления о включении в списки избирателей квартирантов, платящих за квартиры менее 300 рублей, и пенсионеров государственного казначейства»¹⁰.

Соответственно, это давало местной администрации возможность количественно воздействовать на число избирателей, что она активно делала. Накануне выборов по Санкт-Петербургскому уезду было исключено из списков избирателей по съезду землевладельцев — 31 чел., по предварительному съезду настоятелей церквей — 2 чел., 340 мелких землевладельцев, участвующих в предварительном съезде, по I съезду городских избирателей — 2 чел., по II съезду городских избирателей — 89 человек¹¹.

Депутат IV Государственной думы от Оренбургской губернии М.И. Гродзицкий¹², выступая на заседании 29 мая 1913 г., отметил: «от губернатора вверх и вниз, от простого деревенского священника до Святейшего Правительствующего Синода и обер-прокурора весь бюрократический механизм захватил в свои руки выборы и действовал с точностью и силою веками слаженного аппарата»¹³.

Проиллюстрировать работу этого «бюрократического механизма» можно, рассмотрев вопрос о составлении и проверке списков избирателей. Составлением списков городских избирателей занималась городская управа Санкт-Петербургского уезда, а проверку этих списков проводили городские старосты и Городские ратуши, которые

---

¹⁰ Петербургская газета. 1912. 4 июля.

¹¹ Списки избирателей Санкт-Петербургской губернии по выборам в Государственную думу // ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д. 894. Л. 3.

¹² Николаев А.Б. Гродзицкий Митрофан Иосифович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 150.

¹³ Фракция прогрессистов в 4 Государственной думе. Сессия 1. 1912 — 1913 год. Вып. второй. СПб., 1913. С. 28.

должны были подтвердить правильность составления списков и были ответственны перед вице-губернатором. Списки землевладельцев Санкт-Петербургского уезда составлялись уездной земской управой, на проверку отправлялись в Санкт-Петербургскую городскую управу. Конечной инстанцией, которой вменялось в обязанность проверять списки избирателей, являлся сам губернатор, который требовал от земской и городской уездной управы данные о выборщиках по съездам¹⁴. На всем протяжении избирательной кампании состав избирателей подвергался количественным изменениям.

Списки избирателей, направленные губернатору, проверялись по таким критериям, как возраст, звание, вероисповедание, народность, род занятий, место жительства и приписка и, что являлось ключевым, ценз, который определял, в каком именно съезде участвовал избиратель. Этот вопрос являлся важным для некоторых избирателей. Так, в Санкт-Петербургском уезде барон В.А. Каульбарс направил прошение о переоценке своего недвижимого имущества в сторону повышения стоимости¹⁵, что дало бы ему право участвовать в предварительных съездах лиц, владеющих недвижимым имуществом свыше 1/5 части полного ценза (более 3000 рублей)¹⁶.

Списки избирателей были опубликованы в начале сентября 1912 г. на страницах «Санкт-Петербургских губернских ведомостей» и «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства»¹⁷. Объявления о съездах по всем куриям печатались в газетах «Речь», «Новое время», «Петербургский листок», «Петербургская газета» не ранее чем за 6—7 дней до начала выборов. Помимо периодических изданий информация о выборах вывешивалась в волостных правлениях, камерах земских начальников, полицейских квартирах, у церквей по усмотрению управы и в местах «наиболее многолюдных»¹⁸, то есть было отдано на откуп местной администрации.

По официальным заявлениям Государственной думы от 28 ноября 1912 г., рассматривавшей вопрос о законности прошедших выборов, никаких нарушений со стороны администрации выявлено не было, и выборы были признаны состоявшимися¹⁹. Однако частные

---

¹⁴ Списки избирателей города Санкт-Петербург и уезда по выборам в Государственную думу // ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д. 930. Л. 48.

¹⁵ Там же. Л. 125.

¹⁶ Там же. Л. 80.

¹⁷ Списки избирателей г. Петербург и Петербургского уезда по выборам в Государственную думу // ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 21. Д. 525. Л. 56.

¹⁸ Списки избирателей города Санкт-Петербург и уезда по выборам в Государственную думу // ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д. 930. Л. 51.

¹⁹ Русская земля. 1912. 5 декабря.

жалобы на ход выборов в Санкт-Петербургском уезде были. Один из избирателей подал протест в губернскую комиссию по делам о выборах в связи с тем, что «председатель, уездный предводитель дворянства г. Сомов допустил опускание в избирательную урну не запечатанных пакетов с бюллетенями и, кроме того, избиратель С.С. Богомоллов находился в избирательном зале до 7 часов вечера, что недопустимо для избирателей»²⁰.

Избирательная кампания в IV Государственную думу проходила в летний период, когда «деревня косит, жнет, убирает, не спит по ночам. Города торгуют, скупают у крестьян товар; помещики судятся у земских начальников с рабочими; духовенство жалуется на отсутствие богомольцев и церковных доходов, наскоро отправляет праздничные службы и уходит в лес за грибами»²¹. На этом фоне не могло происходить усиление предвыборного движения, каким его зачастую описывали на страницах партийных изданий.

Поэтому далекие от политики рядовые избиратели старались выдвигать каждый себя в выборщики и уж если не себя, то хотя бы из своего села или, по крайней мере, сословной группы (на съездах мелких землевладельцев и губернских собраниях) или вообще игнорировать выборы. В Санкт-Петербургском уезде из 550 избирателей в съезде первого разряда принимало участие 150. По второму разряду из примерно 8500 избирателей явилось около 2500²².

Разобщенность в ходе выборов прослеживалась в рядах горожан. При выборах выборщиков в губернское собрание от города явившиеся руководствовались личными интересами, вписывая в бюллетени своих родственников, начальников и т.д. Данные факты свидетельствуют, с одной стороны, о низком уровне политического сознания населения, с другой — о плохом знании избирателями закона о выборах, а также и своих прав и обязанностей.

В противовес вышеупомянутым съездам большую политическую активность проявили представители съезда уполномоченных от фабрично-заводских предприятий. Они заседали три раза. Участие приняли уполномоченные от 76 фабрик и заводов в количестве 82 человек из 89 возможных.

Рассматривая проблему хода выборов в Государственную думу в Санкт-Петербургской уезде, нельзя обойти стороной вопрос, касающийся представителей прессы, тем более что в печати неоднократно указывалось на незаконность запрета присутствия представителей печати на подготовительных собраниях избирателей²³. Ссылаясь на

---

²⁰ Петербургская газета. 1912. 1 октября.

²¹ Петербургская газета. 1912. 6 июля.

²² Речь. 1912. 1 октября.

²³ Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1912. 16 сентября.

ст. 76—82 Положения о выборах в Государственную думу, МВД постановило, а печатный орган петербургского градоначальства огласил: «На подготовительных собраниях избирателей могут присутствовать только лица, внесенные в списки избирателей данного избирательного разряда или съезда, а посему представители печати, не удовлетворяющие приведенному требованию закона, не могут иметь доступа в помещения, в коих происходят подготовительные собрания избирателей»²⁴. В силу этого решения присутствовать на выборах на каком-либо участке могли лишь те представители печатных органов, которые сами и являлись избирателями по данному участку.

В целом в ходе подготовки к выборам усилилось давление на прессу и отдельных ее представителей со стороны администрации. Примером этому служат произведенные чинами С.-Петербургского губернского жандармского управления обыски в редакциях газет «Биржевые ведомости» и «Русское слово», а также арест редактора «Русского слова» А.В. Руманова²⁵.

Если обратиться к статистике, то по данным Канцелярии старшего инспектора по надзору за типографиями, литографиями и тому подобными заведениями и книжной торговлей в Санкт-Петербурге, за период с 1906 по 1913 гг. арест был наложен на 641 издание. Наибольшая активность Канцелярии с целью прекращения работы того или иного издания наблюдается именно во время выборов в Государственную думу. В 1912 г. арест наложен на 88 изданий. При этом за год до выборов в IV Государственную думу и через год после них пострадали 48 и 37 печатных изданий соответственно²⁶.

Еще одним спорным вопросом в ходе выборов в Государственную думу четвертого созыва, требующим разъяснений, стало участие в избирательном процессе евреев. МВД издало рапорт от 12 мая 1912 г. «<...> о разъяснении вопроса, надлежит ли считать имеющими право участия в выборах в Государственную думу всех евреев, удовлетворяющих условиям избирательного ценза. Или только тех из них, которые в месте обладания цензом имеют право постоянного жительства»²⁷. В нем говорилось, что общим для всех полноправных русских подданных объемом гражданских и политических прав, а соответственно и избирательным правом, пользуются лишь евреи, располагающие правом жительства в определенных местностях или

---

²⁴ Там же.

²⁵ Петербургская газета. 1912. 3 июля.

²⁶ Подсчитано по: Канцелярия старшего инспектора по надзору за типографиями, литографиями и тому подобными заведениями и книжной торговлей в Петрограде за 1876—1917 гг. // ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1.

²⁷ Ведомости С.-Петербургского градоначальства. 1912. 25 августа.

повсеместно в Империи, безусловно. Евреи, пользующиеся условным правом пребывания вне мест для постоянного жительства евреев, такого права не имеют. Это распоряжение существенно снизило количество евреев, которые могли участвовать в выборах по Санкт-Петербургскому уезду, так как большинство из них являлось квартиросъемщиками, а не постоянными жителями.

Итак, отличительной чертой выборов в IV Государственную думу стало широкое участие духовенства, что привело к серьезной полемике на страницах периодических изданий, направленной против участия духовенства в выборах в целом. Применительно к Санкт-Петербургскому уезду священнослужители не могли рассчитывать на успех в ходе выборов ввиду отсутствия достаточного количества избирателей-священнослужителей.

Серьезных изменений в законодательную базу, по сравнению с предшествующими выборами, внесено не было. Нововведения в законодательстве затронули только евреев, лишив избирательного права тех из них, кто проживал не по месту постоянной прописки, что резко сократило число избирателей-евреев, так как многие из них являлись квартиросъемщиками.

Избирательный процесс в Санкт-Петербургском уезде находился в целом под весьма жестким контролем со стороны администрации. В Санкт-Петербургском уезде это наглядно проявилось в усилении давления на прессу. Возросло число изданий, на которые был наложен арест, были проведены обыски в редакциях некоторых изданий.

Административный «патронаж» над избирательным процессом начинался с момента составления избирательных списков и продолжался на всех его стадиях. Бюрократизация избирательного процесса значительно затруднила участие населения в выборах. Однако следует отметить, что и сами избиратели нередко проявляли пассивность и равнодушие как к предвыборной кампании, так и к участию в самих выборах.

Парламент Российской империи: создание, деятельность, партии фракции, блоки и повседневные практики депутатов

А.В. ОСТРОВСКИЙ

Подписание и обнародование Манифеста 17 октября 1905 года

---

17 октября 1905 г. император Николай II подписал Манифест, который провозгласил переход России от абсолютизма к конституционной монархии. Этот факт хорошо известен. Однако как происходило подписание и обнародование этого исторического документа, еще требует выяснения.

В связи с этим следует напомнить, что вокруг Манифеста шла острая закулисная борьба. И когда накануне, вечером 16-го, император подписал компромиссный вариант манифеста, в дело вмешался С.Ю. Витте. Он поставил Николая II перед выбором: или отказаться от принятого им решения и подписать его, виттевский вариант, или же отказаться от назначения его, Витте, на пост главы Совета министров¹.

Попытавшиеся в ночь с 16 на 17 октября убедить Витте не настаивать на таком ультиматуме министр императорского двора барон В.Б. Фредерикс и начальник канцелярии этого министерства А.А. Мосолов вернулись в Петергоф ни с чем². О результатах этой поездки Фредерикс мог доложить царю 17-го около 11.00³.

---

¹ 15—17 октября 1905 г. в царской резиденции. Из записок А.А. Будберга / Публикацию подготовили А.В. Островский и М.М. Сафонов // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 403—404.

² Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 57—60.

³ Там же. С. 60; КФЖ. 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 21. Л. 335.

Вспоминая об этом визите Фредерикса, Мосолов писал: «Он вернулся и объявил мне, что государь решил подписать манифест и приказал вызвать Витте. Я отправился в канцелярию наблюдать за перепиской всеподданнейшего доклада Сергея Юльевича»⁴.

Поскольку приглашение Витте было передано по телефону и поскольку в его распоряжении был специальный паровой катер, то в Петергоф он мог прибыть через два-три часа, однако появился в Петергофе только под вечер и был принят императором около 17. 00⁵. Это дает основание предполагать, что после встречи с Фредериксом Николай II на некоторое время взял паузу.

Чем он был занят между 11 и 17 часами еще требуется установить. В данном случае можно отметить два факта. В 12.00 императрица приняла князя Николая Оболенского⁶, который был братом составителя виттевского проекта Манифеста Алексея Оболенского и в ночь с 16 на 17-е присутствовал на переговорах Фредерикса и Мосолова с Витте⁷. А от 13.20 император и императрица завтракали вместе с великим князем Николаем Николаевичем⁸, которого император вызвал из его имения, находившееся под Тулой⁹, и которого, по некоторому сведению, он готов был наделить диктаторскими полномочиями¹⁰.

Когда именно Витте получил приглашение в Петергоф, мы не знаем, но, по свидетельству Мосолова, сразу же после этого «несколько экземпляров манифеста были переданы на телеграф с указанием немедленно отправить по подписании оригинала его величеством, дабы еще 17-го манифест получили на местах»¹¹. Вряд ли Мосолов или же Фредерикс приняли такое решение сами. Но тогда напрашивается вывод, что это было сделано по распоряжению Витте.

А пока Витте находился в дороге, «часов около четырех» к министру внутренних дел А.Г. Булыгину явился начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард и ознакомил его с *коррек-*

---

⁴ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. С. 60.

⁵ КФЖ. 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 21. Л. 335

⁶ Там же.

⁷ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. С. 58; Витте С.Ю. Воспоминания. Таллин; Москва, 1994. Т. III. С. 38.

⁸ КФЖ. 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 21. Л. 335

⁹ Островский А.В. Витте и Ушаков. К истории Манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX века. СПб., 1999. С. 369.

¹⁰ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. С. 57; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. III. С. 40.

¹¹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. С. 60.

турой еще не подписанного императором манифеста, распоряжение о наборе которого он получил непосредственно от Витте¹².

Из камер-фурьерского журнала явствует, что «от 5 ч. его величество изволил принимать с докладом великого князя Николая Николаевича, статс-секретаря Витте и министра императорского двора барона Фредерикса»¹³. Вопрос о манифесте был решен сразу. «Подписал манифест в 5 час. — читаем мы в дневнике царя, — После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию!»¹⁴.

Расставшись со своим первым премьером, Николай II между 18.30 и 19.00 имел непродолжительную беседу с царицей, а затем принял своего флигель-адъютанта В.Н. Орлова¹⁵. «...Когда акт был подписан и все разъехались, — говорится в дневнике великого князя Андрея Владимировича, — Ники позвал Влади и попросил его подождать. Он хотел прогуляться. Потом позвал его в кабинет. Влади говорил, что Ники сидел с поникнутой головой и крупные слезы капали на стол, когда Влади вошел, он сказал ему: «Не покидайте меня сегодня, мне слишком тяжело. Я чувствую, подписав этот акт, что я потерял, теперь все кончено»»¹⁶.

Хорошо знавший своего императора и опасавшийся пересмотра уже принятых им решений, Витте, едва выйдя из кабинета Николая II, сразу же предал гласности факт подписания Манифеста.

«Сейчас же по телефону был вызван директор Петербургского телеграфного агентства П.И. Миллер, которому было дано приказание встретить графа Витте на пристани к моменту прихода яхты «Нева» в Петроград, чтобы, не откладывая ни минуты, манифест разослать по всей России. Одновременно было дано распоряжение держать наготове типографию «Правительственного вестника», чтобы ни одной минуты не было упущено». «Миллер тут же сообщил радостную весть о манифесте всем высшим сановникам и редакциям петроградских газет»¹⁷.

«Около шести часов дня, — сообщал из Петербурга в Москву корреспондент газеты «Русское слово», — от имени вновь назначенного премьер-министром графа Витте во всех редакциях газет через

---

¹² Любимов Д. На рубеже 1905 и 1906 гг. События и люди. По личным воспоминаниям и документам // Возрождение. 1934. 27 мая.

¹³ КФЖ. 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 21. Л. 335.

¹⁴ Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 285.

¹⁵ КФЖ. 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 21. Л. 335.

¹⁶ Из дневника Андрея Владимировича Романова // Красный архив. Т.1(26). 1928. С. 199.

¹⁷ Кольшко И.И. Витте и реформа 17 октября 1905 г. // Русское слово. 1915. 1 марта.

посредство Петербургского телеграфного агентства было получено известие, что этот манифест будет опубликован в десять часов вечера и граф Витте просит принять меры, чтобы питерские газеты вышли с этим манифестом завтра»¹⁸.

Таким образом, С.Ю. Витте еще плыл из Петергофа в Петербург, а весть о подписании манифеста, обгоняя его, уже выпорхнула из его дома на Каменноостровском проспекте и Петербургского телеграфного агентства и начала распространяться по столице.

Разные люди познакомились с нею в разное время. Вот два газетных сообщения. «Русское слово»: «Весть о даровании свободы и о законодательных функциях Государственной думы облетела Петербург в семь часов вечера»¹⁹. «Торгово-промышленная газета»: «В восьмом часу по городу распространился с быстротой молнии слух о том, что государь подписал манифест...и премьером назначен граф Витте»²⁰.

Одним из тех, кто вынес эту весть из Петербургского телеграфного агентства, был корреспондент «Нашей жизни» А. Бродский. Вспоминая об этом, он писал: «Был уже седьмой час. Уходя (из ПТА — А.О.), встретился с директором агентства г. Миллером. Обыкновенно спокойное его лицо было чем-то взволновано; наскоро поздоровавшись, он сказал: «Вы, как видно, ничего не знаете: государь подписал манифест о конституции и гражданских правах; граф Витте сейчас сообщил мне из Петергофа; он едет сюда и везет манифест»»²¹.

По всей видимости, именно в это время начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов приехал с докладом к петербургскому генерал-губернатору Д.Ф. Трепову, который сообщил: «...Только что звонил Сергей Юльевич. Слава Богу, манифест подписан. Даны свободы. Вводится народное представительство. Начинается новая жизнь». Если верить Герасимову, находившийся в это время в кабинете Трепова вице директор Департамента полиции П.И. Рачковский «встретил это известие восторженно»: «Слава Богу, слава Богу... Завтра на улицах будут христосоваться». По свидетельству Герасимова, такая же атмосфера царила и в градоначальстве. Прочитав текст манифеста, градоначальник В.А. Дедюлин «в заключение поцеловал бумагу»²².

---

¹⁸ Телефон // Русское слово. 1905. 18 октября.

¹⁹ Телефон // Русское слово. 1905. 18 октября.

²⁰ Минувшие дни: до манифеста // Торгово-промышленная газета. 1905. 22 октября.

²¹ Бродский А. Ночь 17—18 октября в Петербурге (из воспоминаний) // Столичная почта. 1905. 17 октября.

²² Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Воспоминания руководителей политического сыска // «Охранка». М., 2004. Т. 2. С. 177.

По прибытии в столицу Витте прямо на Английской набережной, где его уже должен был ждать Миллер, сделал все необходимые распоряжения о публикации и рассылке Манифеста и предложил ему срочно разыскать журналиста Н.В. Васильева. Когда тот прибыл к графу, то получил предложение немедленно связаться с Петербургским советом рабочих депутатов и договориться с ним если не о прекращении всеобщей стачки, то о приостановке забастовки типографий для публикации манифеста. Однако Совет на это предложение дал отрицательный ответ²³.

Прежде чем передать Манифест в типографию, его должен был скрепить своей подписью министр юстиции²⁴. А так как типографии бастовали, то даже в типографии «Правительственного вестника» для набора и тиражирования Манифеста пришлось поставить к наборным и печатным машинам военных чинов, имевших в этом отношении опыт.

Сколько понадобилось для этого времени, сказать пока трудно. Но можно утверждать, что печатание Манифеста началось после 10 часов вечера. «Часов в 10 вечера, — вспоминал Д. Любимов, — я поехал в редакцию «Правительственного вестника» узнать, в каком положении дело. Оказывается, только что было получено главным редактором профессором П.А. Кулаковским письмо от временно управляющего делами Комитета министров Н.И. Вуича» с предложением срочно отпечатать как Манифест, так и всеподданнейший доклад Витте²⁵.

Между тем весть о подписании Манифеста продолжала распространяться по городу (большевик Н. Дорошенко вспоминал, что услышал об этом около 10 вечера от своего соседа по дому)²⁶. Более того, началось размножение текста этого документа. Причем в его размножении участвовал и Совет рабочих депутатов²⁷. Как явствует из воспоминаний и газетных сообщений, вечером 17-го в городе появились как рукописные, так и гектографированные тексты манифеста.

---

²³ *Васильев Н.* Из воспоминаний о 17 октября // Петроградский курьер. 1915. 17 октября.

²⁴ 15—17 октября 1905 г. в царской резиденции. Из записок А.А. Будберга. С. 403.

²⁵ *Любимов Д.* На рубеже 1905 и 1906 гг. События и люди. По личным воспоминаниям и документам // Возрождение. 1934. 27 мая.

²⁶ *Дорошенко Н.* Социал-демократическая организация района Петербургской стороны во второй половине 1905 г. // Пролетарская революция. № 3(27). 1928. С. 183.

²⁷ 1905 г. Воспоминания членов Петербургского Совета рабочих депутатов / Сост. П.Ф. Куделли и Г.Л. Шидловский. Л., 1926. С. 24.

Так, рукописный экземпляр был принесен на собрание представителей петербургских газет, которое собралось в 21.00 в редакции газеты «Слово». Когда собрание уже подходило к концу, «кто-то принес только что выпущенный манифест, который тут же громко и торжественно прочитал взобравшись на стол Кузьмин-Караваев»²⁸.

Прямо с собрания Кузьмин-Караваев отправился к Витте. Вид города поразил его: «Ночью главные улицы Петербурга представляли необычное зрелище. На полуосвещенном Невском проспекте с фонарями, горящими через один, через два или через пять, то там, то тут попадались кучки людей, тесными кольцами охватившими читающего рукопись или печатный текст. Проходили небольшие группы манифестантов. Раздавалось «Ура». Вместе со студентами и рабочими внимательно слушали чтение солдаты и городовые»²⁹.

Если еще в 11 час. вечера на улицах раздавали «гектографированные экземпляры манифеста»³⁰, то «в 12 час. разносчики продавали уже вечернее прибавление к «Правительственному вестнику» с напечатанным в нем манифестом и запиской Витте»³¹.

«В первом часу манифест уже продавался. Мальчишки с криком «конституция» предлагали его проходящим. Во всех ресторанах и людных местах манифест читали вслух».

Одним из свидетелей этих событий стали Д. Морган-младший. «Почти целый час весь город...кричал и рукоплескал. — писал он домой, — Люди приветствовали даже казачьи патрули и полицейских». «Мы стали свидетелями смерти старой и рождения новой России»³².

Получив прибавление к «Правительственному вестнику» с текстом Манифеста, товарищ министра внутренних дел П.Н. Дурново связался по телефону с А.Г. Булыгиным, после чего лично отправился на телеграф для того, чтобы организовать рассылку этого документа губернаторам и градоначальникам³³. В результате этого, несмотря на продолжающуюся забастовку, уже утром 18-го о Манифесте стало известно почти во всех городах России.

---

²⁸ М.Ф. Граф С.Ю. Витте и 17 октября. Из воспоминаний // Петроградский листок. 1915. 2 марта.

²⁹ Кузьмин-Караваев В.Д. За месяц. 1 ноября 1905 г. // Из эпохи освободительного движения. СПб., 1907. Вып. 2. С. 5—6; Кузьмин-Караваев В.Д. Через 10 лет // Биржевые ведомости. 1915. 17 октября.

³⁰ Рассвет. 1905. 22 октября.

³¹ Там же.

³² Струус Дж. Морган / Пер. с англ. М., 2002. С. 713.

³³ Любимов Д. На рубеже 1905 и 1906 гг. События и люди. По личным воспоминаниям и документам // Возрождение. 1934. 27 мая.

А.В. НОВИКОВ

Государственная дума Российской империи в надеждах и иллюзиях дореволюционных рабочих: динамика восприятия

В современной историографии преимущественное внимание уделяется законодательным и институциональным основам деятельности Государственной думы начала XX века, оценке ее полномочий, законодательной деятельности, избирательным кампаниям. Пристально изучается расстановка партийных и фракционных сил как в ходе предвыборной борьбы, так и в самих Думах¹, исследовано и участие IV Государственной думы в Февральской революции 1917 года². В меньшей степени изучено отношение самого общества к ее возникновению и деятельности, которые связывали различные слои населения с Государственной думой.

В данной статье мы сосредоточимся на восприятии избирательного процесса, непосредственной работы Государственной думы и ее депутатов в среде дореволюционных рабочих. Не следует рассматривать эту среду изолированно от интересов иных общественных и политических сил. Источники показывают, как в надеждах и запросах рабочих воплощались крестьянские нужды, как на отношение рабочих к Думе пытались влиять владельцы предприятий, какую активность в рабочей среде проявляли партийные группы.

Исследователями верно было отмечено, что «подавляющее большинство населения страны не понимало полезности представительного строя», идею создания в той или иной форме представительных учреждений в России в начале XX века вынашивала либеральная интеллигенция и часть дворянства³. В среде рабочих идеи парламентаризма не были укоренены. Наиболее активной формой выражения нужд и требований рабочих в конце XIX — начале XX века стали забастовки или волнения. Стачки зачастую сопровождались собраниями, сходками, митингами, демонстрациями, другими формами

---

¹ *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998; *Демин В.А.* Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996; *Патрикеева О.А.* Российская общественность и выборы в I и II Государственные думы (1905—1907 гг.). СПб., 2005; *Малышева О.Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. Ростов н/Д., 2004.

² *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

³ *Демин В.А.* Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 6.

общественной активности, в ходе которых звучали речи партийных агитаторов, но источники зафиксировали и реакцию участников этих выступлений, их отношение к звучащим лозунгам.

Нами проанализированы протестные выступления рабочих Костромской и Ярославской губернии за 1895—1907 гг. и во Владимирской — в 1905—1907 гг. До начала первой русской революции требования каких-либо форм народного представительства в рабочих выступлениях не звучали, при том, что в 1895—1904 гг. в Костромской губернии было зафиксировано 53 стачки и 13 волнений, а в Ярославской — 38 стачечных выступлений⁴. Привлечение материалов «Хроники рабочего движения России», составленной Институтом российской истории РАН, подтверждает данное наблюдение. При явном переплетении в 1903—1904 гг. в рабочих выступлениях экономических и политических требований среди политических лозунгов звучали: «Долой самодержавие!», «Долой полицию!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует социализм!», набирало силу празднование 1 Мая, звучали здравницы в честь социалистов. В 1904 г. распространились антивоенные лозунги. Только однажды в 1903 году прозвучал призыв «требуйте созыва Земского собора!» во время первомайской демонстрации в с. Сормово Нижегородской губернии⁵. В 1904 г. лишь в единичных случаях звучали такие требования как «созыв Земского собора, свободно выбранного путем всеобщего прямого, равного и тайного голосования» (Одесса, нелегальное собрание рабочих, организованное комитетом РСДРП 30 июня 1904 г.), «созыв Учредительного собрания, всеобщее избирательное право» (Саратов, собрание в чайной рабочих и интеллигенции 20 ноября 1904 г.), «Да здравствует Учредительное собрание!» (Санкт-Петербург, две демонстрации студентов и курсисток 28 ноября 1904 г.)⁶. Итого: в 1903 г. — 1 факт, в 1904 г. всего 4 факта выдвижения требования народного представительства во время собраний и демонстраций, из них 3 зафиксированы после «съезда» либералов, выработавших аналогичные требования и начавших «банкетную кампанию». Ни разу подобные лозунги и требования не звучали в ходе стачек и волнений. И это при том, что «Хроника» зафиксировала по России за 1903 год 2099 стачек

---

⁴ См.: *Новиков А.В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 — феврале 1917 гг. Хроника. Кострома, 2003. Вып. 1. 1895—1905 гг. С. 20—39; *Мейерович М.Г.* Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 — феврале 1917 гг. Хроника. Ярославль, 1995. С. 18—28.

⁵ Рабочее движение в России 1895 — февраль 1917 г. Хроника. М., 2005. Вып. IX. Ч. I. С. 159.

⁶ Рабочее движение в России 1895 — февраль 1917 г. Хроника. М., 2008. Вып. X. Ч. I. С. 110, 151, 152.

и 150 нестачечных выступлений, а за 1904 год — 419 стачек и 73 нестачечных форм протеста рабочих⁷.

В 1905 году во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях нам удалось зафиксировать 634 стачки и 128 волнений. В ходе 531 выступления было предъявлено 4024 требования. В том числе — требования созыва Учредительного собрания (предъявлены в ходе 7 стачек), выборов народных представителей (6 забастовок) и всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права (13 забастовок)⁸. Итого: требования формирования представительных учреждений составили лишь 0,64 % всех высказанных нужд и чаяний рабочих.

Проследим, как рабочие принимали данные требования, какие надежды были с ними связаны.

В ходе подготовки к Иваново-Вознесенской общегородской стачке, 9 мая 1905 г. на партийной конференции Иваново-Вознесенской большевистской группы Северного комитета РСДРП были выработаны 26 экономических требований, которые должны были предъявляться от имени всех рабочих. 11 мая прошла повторная партийная конференция, на которой составлены дополнительные требования, среди которых упоминался «немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права»⁹. Бастующие рабочие не приняли этих дополнений, заменив их экономическими требованиями. В ходе общегородских собраний 16—22 мая иваново-вознесенские большевики попытались внедрить в сознание рабочих политические лозунги. Было сформулировано «заявление» выборных от иваново-вознесенских рабочих Министру внутренних дел, подписанное депутатами Совета 28 мая. Это заявление содержало требование народного представительства, созданного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права с целью обсуждения рабочего вопроса¹⁰.

Под влиянием иваново-вознесенских событий стачечная борьба распространилась по всему текстильному краю, захватывая соседние губернии. 23 июня 1905 г. в г. Костроме на табачной фабрике сыно-

---

⁷ *Пушкарёва И. М.* Информационные ресурсы нового массового источника по истории дореволюционного рабочего движения в России // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Международной науч. конф. / Отв. ред. А. М. Белов. Кострома, 2007. Ч. I. С. 28.

⁸ *Новиков А. В.* Требования рабочих Верхнего Поволжья в революционном движении 1905 г. Как отражение их менталитета // Клио. 2002. № 2. С. 142, 148.

⁹ Всеобщая стачка Иваново-Вознесенских рабочих в 1905 г. Сб. документов и материалов. Иваново, 1955. С. 107—108.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 234. Л. 3.

вей М.Н. Чумакова состоялось собрание представителей цехов, на котором вырабатывались требования к предстоящей забастовке. Помимо экономических вопросов предложено требовать созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права и предварительных свобод. Эти требования были предъявлены в ходе последовавшей 25—30 июня забастовки¹¹. Вероятно, особого энтузиазма бастующих эти идеи не вызвали, так как в ходе общегородской стачки 4—22 июля политические вопросы не затрагивались.

Идеи выборного представительства в сознание рабочих стремились внедрять не только революционные агитаторы, но и фабриканты, многие из которых разделяли либеральные взгляды и, отказывая рабочим в выполнении их требований, настаивали на необходимости законодательной разработки рабочего вопроса. Анализируя ответы предпринимателей на требования рабочих, часто приходится встречать такие замечания: «этот пункт относится к вопросу государственного страхования, разрабатываемого в законодательном порядке», «вопрос о продолжительности рабочего дня решается законодательным путем», «вопрос о причислении рабочих к общему правилу фабричной инспекции может быть решен лишь законодательным путем» и т.д.¹² Не желая частным порядком регулировать продолжительность рабочего дня или обеспечения пострадавших от несчастных случаев, предприниматели перекладывали на власть ответственность за свои взаимоотношения с рабочими, способствуя тем самым политизации рабочего движения.

Рост интереса к вопросам формирования и деятельности представительных учреждений был связан с изданием Манифеста 17 октября 1905 года. Источники показывают, что рабочие, как и провинциальные городские обыватели, не понимали смысла в дарованных гражданских свободах, а Манифест 17 октября восприняли как панацею от всех бед. Выделим лишь крайние примеры. Так, 20 октября на собрании в дворянском клубе г. Муром Владимирской губернии, организованном купцами Суздальцевыми, прозвучало крайне широкое толкование Манифеста в духе передела земель, уравниения сословий, капиталов и имущества¹³. На митинге в г. Угличе Ярославской губернии 22 октября ораторы разъясняли смысл Манифеста, заявили о переходе «от прежнего порядка, при котором все, от высшего

---

¹¹ *Новиков А.В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 — феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895—1905 гг. С. 60—61.

¹² См., напр., ответы фабрикантов на требования бастующих рабочих: РГИА. Ф. 23. Оп. 30. Д. 4. ЛЛ. 20 об., 23 об.; Д. 53. Л. 323.

¹³ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 235. Л. 51 об.; Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1481. ЛЛ. 24—25, 31—32.

до низшего начальства брали взятки и воровали, к новому, когда этого не будет»¹⁴. Наиболее яркий и даже комичный пример неадекватного восприятия Манифеста сохранился в рапорте полицейского надзирателя при фабрике Красильщиковой с Сыновьями в селе Родниках Юрьевоцкого уезда Костромской губернии. Здесь 20 октября вечером, по получении поздравительной телеграммы от владельца, главный механик фабрики Борнеман организовал митинг с участием рабочих и интеллигенции. Борнеман разъяснил Манифест по пунктам и в завершении своей речи заявил, что произвол полиции окончен, она будет бороться только с грабежами и убийствами. Затем учитель Халезов грамотно и толково разъяснил смысл Манифеста. В завершение слово взял фабричный конторщик А.А. Ершов, «популяризовавший» речи предыдущих ораторов: «теперь, братцы, у кого коровы нет — дадут, у кого лошади нет — дадут, у кого земли нет — дадут...». Оратор, как и часть слушавших, был пьян. Расходилась публика с песней: «пей, товарищ, настало время свободы, долой синие мундиры, долой полицию»¹⁵. Интересно сравнить с этим сообщением газетную информацию: «20 октября в фабричном народном доме читался и комментировался Манифест; чтение сопровождается возгласами: «да здравствует рабочий народ», «да здравствует свобода!» На улице толпа рабочих пела революционные песни»¹⁶.

Непонимание перспектив нового представительного учреждения и дарованных Манифестом 17 октября свобод отразил в своих воспоминаниях костромской рабочий, участник революционных выступлений 1905 г. Иван Епифанович Щетинкин: «Ура, ура! Да здравствует свобода! А кому какое дело, кто и какую хочет свободу. В эти октябрьские дни всяк по-своему видит весну»¹⁷.

Неудивительно, что подобный сумбур в головах у значительной части рабочих, крестьян, торговцев спровоцировал настороженное, а порой враждебное отношение к происходившим изменениям, что вылилось по всей стране в погромы. В исследуемом регионе они начались сразу после опубликования Манифеста. 19 ноября погромами были охвачены Кострома, Владимир, Ярославль, Рыбинск. 23—24 октября страшный погром произошел в г. Иваново-Вознесенске. Черносотенные погромы продолжались по региону до конца 1905 года. Так, в Костроме на экстренном заседании городской думы с широким участием публики была принята резолюция о недостаточности Манифеста 17 октября и необходимости созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избиратель-

---

¹⁴ ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 414. ЛЛ. 497—499 об.

¹⁵ ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 122. ЛЛ. 4—5.

¹⁶ Северный край. 1905. 8 ноября.

¹⁷ ГАНИКО. Ф. 3785. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

ного права, а 19 октября городской митинг студентов с аналогичными лозунгами спровоцировал крестьян, торговцев и извозчиков на жестокий погром¹⁸. В Твери 18 октября была разгромлена губернская земская управа.

Рассмотренные обстоятельства показывают, что идея создания представительного учреждения не была укоренена в сознании рабочих. Она привносилась в рабочую среду революционной и либеральной агитацией и воспринималась либо как панацея от всех бед, либо как нечто враждебное, подрывающее привычные устои.

В свете недопонимания и недоверия, которое вызывало новое учреждение в рабочей среде, становится объяснимым распространение тактики бойкота выборов в I Государственную думу. В ходе кампании по выборам уполномоченных типичными были донесения жандармских чинов, что «по случаю малого собрания фабричных рабочих выборы в Думу не состоялись, и все рабочие разошлись»¹⁹. Ограниченное избирательное право, дарованное высочайшим указом 11 декабря 1905 г., усиливало это недоверие. Так, 5 марта 1905 г. в Кинешемском уезде Костромской губернии 300 рабочих с фабричным селам Тезино, Филипенки и Бонячки с красным флагом, на котором было написано: «Долой Государственную думу, Да здравствует Учредительное собрание!»²⁰. Данная альтернатива — Учредительное собрание вместо Государственной думы — внедрялась в сознание рабочих партийными агитаторами по всей стране. На собрании для избрания выборщика в Рыбинских железнодорожных мастерских в Ярославской губернии 5 марта 1906 г. Председатель собрания Камбалов, разъяснив порядок выборов, заявил, что «Государственная дума не отвечает требованиям народа и необходимо требовать Учредительное собрание», после чего мастеровые приняли соответствующую резолюцию с требованием всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права²¹.

Масштабы бойкота хорошо иллюстрирует переписка полицейских надзирателей при фабриках города Иваново-Вознесенска с городским полицмейстером, а того, в свою очередь, с Владимирским губернатором. По нашим подсчетам, на городских фабриках в избрании уполномоченных приняло участие только 18,23 % рабочих, имевших пра-

---

¹⁸ *Новиков А.В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 — феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895—1905 гг. С. 79—80.

¹⁹ Донесение унтер-офицера доп. штата Костромского ГЖУ 7 марта 1906 г. с. Бонячки // ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 609. ЛЛ. 11—11 об.

²⁰ ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 609. ЛЛ. 12—13 об.

²¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 713. ЛЛ. 1—71.

во голоса²². На схожие масштабы бойкота выборов в Костромской губернии указывала участница революционных событий в Костроме Мария Растопчина, отмечая, что «Из 50 тысяч Костромских рабочих не бойкотировали Государственную думу, вероятно, не более 10—15 тысяч»²³.

Начало деятельности Государственной думы по отчетам полицейских чинов на фабриках региона прошло совершенно спокойно. По мере работы I Государственной думы на митингах и собраниях началось составление телеграмм с выражением поддержки Государственной думе. Ожидания и надежды рабочих от деятельности I и II Государственной думы хорошо прослеживаются из полицейских отчетов о встречах избранных депутатов со своими избирателями. Так, от фабрики братьев Разореновых депутатом I Думы был избран рабочий Александр Иванов Смирнов. Уже 21 мая 1906 г. он прибыл к своему отцу в родное фабричное село Вичугу, где состоялась встреча с местными рабочими и крестьянами. Речь шла о наделении землей и улучшении крестьянского быта. Какие-либо специфические нужды рабочих не обсуждались. Подобно этому, 23—24 апреля 1907 г. член II Думы Павел Евлампиев Юницкий рассказывал рабочим фабричных сел Майдакова и Родников Юрьевецкого уезда Костромской губернии о подробностях обсуждения земельного вопроса в Государственной думе²⁴. П.Е. Юницкий на сходках вел беседы о необходимости «учреждения общественных банков, из коих бы крестьяне, в случае надобности, имели получать ссуды»²⁵.

Эти факты показывают, что рабочие в фабричных селах оставались тесно связанными с крестьянским хозяйством своих родственников и крестьянские нужды имели для них первостепенное значение²⁶.

По поводу роспуска I Государственной думы и Выборгского воззвания в регионе прошли немногочисленные разрозненные митинги в селе Вичуге Кинешемского уезда, в г. Макарьеве Костромской губернии и в г. Иваново-Вознесенке Владимирской губернии. Больше

---

²² Подсчитано на основе дела: Переписка с Владимирским губернатором о выборах в Государственную думу // ГАИО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 967.

²³ *Растопчина М.А.* Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1922. С. 53.

²⁴ ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 690. ЛЛ. 14—15 об.

²⁵ Список кооперативных учреждений, существующих в Юрьевецком уезде, с поименованием лиц, являющихся учредителями, входящих в состав их Правлений или Советов // ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 589. ЛЛ. 114—114 об.

²⁶ ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 609. ЛЛ. 28—28 об.

всего собраний и митингов прошло в г. Макарьеве, куда вернулся бывший депутат Думы, местный мещанин Петр Алексеев Сафонов. На протяжении июля — сентября, накануне воскресных и праздничных дней здесь то в городском лесу, то в земской управе собирались дети чиновников, земских служащих, купцов и священника, требуя «отменить полицию» и следовать призывам Выборгского воззвания. Рабочие в этих акциях участия не принимали²⁷.

Роспуск II Государственной думы, как известно, также не повлек за собой значительных выступлений.

Для рабочих Государственная дума оставалась внешним, наносным учреждением, которое оказалось не в состоянии дать зримые и быстрые плоды.

В отношении дореволюционных рабочих к Государственной думе следует, таким образом, отметить несколько особенностей и тенденций: 1. Идея создания представительного учреждения не была укоренена в сознании рабочих; 2. Идеи выборного представительства в сознание рабочих стремились внедрять не только революционные агитаторы, но и фабриканты, многие из которых разделяли либеральные взгляды; 3. Рабочие зачастую не понимали смысла в дарованных гражданских свободах, а Манифест 17 октября воспринимали либо как панацею от всех существующих бед, либо как потрясение основ, несущее, как и революционные события этого периода, серьезные неудобства. На фоне такого отношения и недоверия к сложной избирательной системе в рабочей среде легко распространялись погромные настроения и находили благоприятную почву призывы к бойкоту Государственной думы; 4. Рабочие не смогли сформулировать своих специфических требований и пожеланий к работе Государственной думы. Для них важное значение сохраняли крестьянские нужды, решение поземельного вопроса, поскольку значительная часть рабочих и их семьи в фабричных поселках Центральной России оставалась тесно связанной с сельским хозяйством; 5. Роспуск как I так и II Государственной думы не встретил широких протестов в рабочей среде, что еще раз демонстрирует специфику интересов промышленных дореволюционных рабочих, в системе ценностей которых вопросы политических реформ занимали второстепенное место.

---

²⁷ ГАИО. Ф. 349. Оп. 1. Д. 605. ЛЛ. 36—36 об., 50 об. 52—52 об., 68—69.

И.К. КИРЬЯНОВ

Пиджак в российской политике: первая примерка

---

27 апреля 1906 г. стало не только днем рождения отечественного парламента, но с этого дня началась и политическая история пиджака в России. В позднеимперский период пиджак превратился в символ качественных изменений в российской политике. Политическая модернизация начала XX в. явилась первым, однако, незавершенным опытом перехода России к демократии, в рамках которого произошло становление нового политического пространства дуалистической монархии, сочетавшей элементы политических систем, с одной стороны, неограниченной и самодержавной монархии, с другой, — конституционной монархии. Превращение подданных российского императора из объекта политического управления в системе неограниченной и самодержавной монархии в субъект политического процесса в системе дуалистической монархии привело к рождению феноменов человека политического, публичной политики и политической повседневности. Наиболее ярким воплощением человека политического выступал слой публичных политиков, основу которого составляли парламентарии — члены Государственной думы и Государственного совета. В публичной политике наряду с ее социальной заостренностью, принципиальное значение приобретает и внешность политика, и его ораторские способности, и его манера одеваться.

Для традиционной бюрократии появление во власти людей в пиджаках было одним из символов крушения старого порядка. По замечанию В.Д. Набокова, в дни заседаний дореформенного Государственного совета среди военных и придворных мундиров «человек в пиджаке показался бы какой-то неприличной и дикой аномалией»¹. Далеко неслучайно накануне ожидаемого открытия заседаний обновленного Государственного совета и Государственной думы престарелые сановники сетовали: «Да, недолго нам придется заседать так торжественно и так спокойно: в новом Государственном совете будут, вероятно, сидеть в пиджаках и в поддевах и говорить друг с другом на ты или ругаться скверными словами»².

Между тем на императорский прием в Зимний дворец и первое общее собрание Государственной думы кадеты решили придти в одеж-

---

¹ См.: *Набоков В.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 73. Визуальным подтверждением тому является парад мундиров на знаменитой картине И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения».

² См.: [Толстой И.И.] Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 234.

де попроще, а не во фраках, что должно было, с одной стороны, подчеркнуть независимость рождавшегося парламента от самодержавия, с другой, — указать на близость ведущей парламентской партии к народу, к тем же самым крестьянским депутатам. И эта демонстрация не прошла незамеченной, она запомнилась надолго, особенно серый поношенный пиджак князя Г.Е. Львова³.

Практически во всех журналистских репортажах о приеме в Зимнем дворце акцентировалось внимание на внешнем облике депутатов. В одной только «Речи» 28 апреля были помещены три материала, посвященные данному событию, и в каждом из них содержались пассажи об одежде первых отечественных парламентариев: «Небывало пестрая картина, невиданная до сих пор: армяки, свитки, пиджаки, сюртуки, фраки перемещены с мундирами»; «... мелькает несколько фраков, мундиров, многие в сюртуках, но подавляющее большинство в поддевках, пиджаках»; «кое-где среди черных фраков, пиджаков и крестьянских свитков мелькают расшитые золотом мундиры членов государственного совета»⁴.

О восприятии демократичности костюмов первоумцев в качестве вполне определенного знака свидетельствуют оценки, содержащиеся в воспоминаниях современников, такие как «нарочито неряшливый вид»; «демонстративно одетые в затрапезные платья»; «как будто нарочно, демонстративно»; «едва ли такая одежда была без цели», «умышленно будничные костюмы депутатов»⁵.

Исключение составил С.А. Муромцев, уверенный в своем избрании первым думским председателем, он явился во фраке и в белом галстуке. М.М. Винавер в своих воспоминаниях мимоходом отметил особенную торжественность внешнего вида своего коллеги по партии в тот памятный день⁶. И этот торжественный наряд Муромцева, привыкшего все продумывать, не был случайным. Осенью 1905 г.,

---

³ См.: *Оболенский В.* О князе Львове // Последние новости. 1925. 16 апреля.

⁴ См.: *Н-в В.* Первые впечатления // Речь. 1906. № 60. 28 апреля. С. 2; В Зимнем дворце // Там же; Открытие Государственной думы // Там же.

⁵ См., напр.: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 551; *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 328; *Коковцов В.Н.* Из прошлого: Воспоминания 1903—1919. М., 1992. Кн. 1. С. 155—156; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 351; *Бок М.П.* П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 97.

⁶ См.: *Винавер М.* Недавнее. (Воспоминания и характеристики). Париж, 1926. С. 82.

когда и выборы в саму Думу еще не были объявлены, он уже мысленно репетировал будущую роль думского председателя и говорил во время обеда в «Эрмитаже» с Ф.А. Головиным о костюме председателя — о сюртуке более скромном, чем «обыкновенный модный сюртук», который должен был быть достаточно свободным и длинным. Но на первое заседание после своего избрания председателю, по его мнению, надлежало явиться во фраке. Именно Муромцев ввел в обычай думских председателей представляться императору по случаю своего избрания «во фраке и без орденов», дабы «подчеркнуть независимость от Государя»⁷. Так одевались на царские аудиенции Ф.А. Головин, Н.А. Хомяков, А.И. Гучков.

Свалившаяся на перводумцев свобода выбора костюма во многом была связана с тем, что правящая бюрократия не предусмотрела форменной одежды для будущих парламентариев. Во многом это было связано с неоднозначностью ее представлений о статусе и функциях института депутата в законодательном процессе: от нового типа царской службы до народных представителей.

Всех посетителей Государственной думы первого созыва поражала оригинальность внешнего вида ее членов. В частности, М. Бэринг, английский литературный критик, в начале мая 1906 г. записал в своем дневнике: «Здесь можно увидеть крестьян в длинных черных армяках. Некоторые из них носят военные медали и кресты. Тут встречаются попы, татары, поляки, люди в самой разной одежде, а не только в форменной. <...> Вот взгляд падает на достойных пожилых людей во фраках; вот агрессивные «интеллигенты» демократической внешности с длинными волосами и в пенсне; вот польский епископ в пурпурном одеянии, люди без воротничков, представители пролетариата, мужчины в подпоясанных русских рубахах навыпуск; часть депутатов в костюмах от Дэвиса или Пула, а одежда других сшита словно два века назад»⁸.

Подобных свидетельств множество. И в них перводумцы в большинстве своем предстают не корпорацией законодателей, а пока только народными представителями, олицетворяющими социальное и этноконфессиональное разнообразие Российской империи⁹. Но уже к концу короткой деятельности Думы первого созыва стала намечаться тенденция к унификации внешнего вида парламентариев. О том, что

---

⁷ Головин Ф.А. Воспоминания (черновик). «Сергей Андреевич Муромцев» [1917] // РГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 20, 21.

⁸ Цит. по: *Петибридж Р.* Русская революция глазами современников. Мемуары победителей и побежденных. 1905—1918. М., 2006. С. 42.

⁹ См.: *Циунчук Р.* Открытие I Государственной думы: народы, регионы, власть // *Acta Slavica Iaponica.* 2005. Vol. 22. P. 310—323.

пиджачный костюм играл в этом процессе существенную роль, косвенно свидетельствует весьма любопытный диалог, состоявшийся между Николаем II и государственным контролером П.Х. Шванебахом в январе 1907 г. На вопрос сановника: «Что может быть в действительности сегодня Земский собор?», император ответил: «Собрание бояр в пиджаках»¹⁰. Кстати, подобная тенденция в среде членов Государственного совета обозначилась с самого начала. Еще накануне 27 апреля 1906 г. они решили, что кроме первого собрания, будут заседать в «штатском платье», так как далеко не все из них имели мундиры¹¹.

С первых заседаний второго созыва наблюдателям бросалось в глаза почти полное отсутствие «зипунов», редко можно было увидеть депутатов в «самотканых» народных костюмах, за исключением представителей окраин Российской империи. Все больше народных избранных примеряли на свои плечи городской костюм¹².

Указанная тенденция получила дальнейшее развитие в Думе третьего созыва. По наблюдению В.В. Розанова, на смену «обдерганным пиджакам» первого и второго созывов в третьем пришел «элегантный пиджак»¹³. Стильной манерой одеваться и, прежде всего, редкими в те времена костюмами в «клетку» выделялся старший товарищ думского председателя В.М. Волконский. Другим любителем пиджака в «клетку» был П.Н. Крупенский.

Показателен дресс-кодовый конфуз, случившийся в день открытия заседаний третьего созыва. Вопреки «общепринятым обычаям» (выражение депутата четвертого созыва М.М. Новикова¹⁴), многие кадеты 1 ноября 1907 г. явились в Таврический дворец во фраках и смокингах. Парадностью своих костюмов они диссонировали с деловым внешним видом большинства думцев. П.Н. Милюков, расстроенный своим нарядом, вынужден был дать швейцару 25 рублей, чтобы тот немедленно привез ему из дома его поношенный сюртук¹⁵. После этого эпизода Милюков в Думу одевался предельно просто (все

---

¹⁰ [Шванебах П.Х.] Записки сановника. Политика П.А. Столыпина и Вторая Государственная дума // Голос минувшего. 1918. № 1—2. С. 120—121.

¹¹ См.: В Государственном совете // Речь. 1906. 27 апреля.

¹² См.: Герасимов Л. В кулуарах второй Государственной думы // Современный мир. 1907. № 3. С. 2—3.

¹³ См.: Розанов В. Силуэты третьей Думы // Русское слово. 1908. 26 апреля.

¹⁴ См.: Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 170.

¹⁵ См.: Богданович А.В. Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 448.

тот же поношенный костюм и целлулоидный воротничок), хотя карикатуристы еще долго изображали лидера кадетской фракции в смокинге.

На основе богатого фотоматериала той поры можно выделить два основных типа костюма, носимых тогдашними парламентариями, — унаследованный от XIX в. сюртучный, преобладавший в среде членов Государственного совета и правой части Государственной думы¹⁶, и входивший в моду пиджачный, получивший широкое распространение в депутатском корпусе Государственной думы.

Деятельность парламентских учреждений привела к усложнению процесса элитаобразования в Российской империи, способствовала притоку в состав политической элиты представителей общественности, обеспечивая для них участие в принятии государственных решений. Формирование парламентского дресс-кода, пусть и не обладавшего еще жесткой нормативностью и оставлявшего простор для проявления личного вкуса, было связано с растущим осознанием членами законодательных палат своей принадлежности к отдельной профессиональной корпорации.

Рубежным в этом отношении стал период деятельности Государственной думы третьего созыва — 1907—1912 гг. Изменение избирательного закона одновременно с досрочным роспуском Думы второго созыва привело к большей социальной однородности депутатского корпуса, сократилось национальное представительство, меньше в Таврическом дворце можно было встретить крестьян и рабочих. Краткосрочность деятельности первых двух созывов сменилась пятилетием регулярной работы третьего созыва, а соответственно и длительным пребыванием депутатов в столице Российской империи. С 1908 г. принципиально изменились форма и размер денежного содержания думцев, позволившие им перейти к новым стандартам потребления. Так или иначе, но звание «господин депутат» заставляло соответствовать ему хотя бы внешне и рабочему от станка, и крестьянину от сохи.

Манера одеваться у членов Государственной думы следовала развитию городской мужской моды, законодателем которой на рубеже XIX—XX вв. был Лондон. Ассоциируясь с современными европейскими ценностями, пиджак на плечах депутатов отчасти подчерки-

---

¹⁶ Весьма ценным свидетельством в этом отношении является воспоминание А.Ф. Редигера о заседании Государственного совета 9 февраля 1916 г. Утром этого дня бывший военный министр, имевший право на ношение генеральского мундира, был специально предупрежден по телефону из Совета, что вечером надо быть, «по обыкновению», в сюртуке, несмотря на то, что ожидался приезд императора (*Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 413*).

вал западное происхождение самого института парламента. Важнейшим источником формирования отечественной парламентской процедуры явились традиции европейских законодательных собраний. На данное обстоятельство неоднократно обращали внимание современники. Так, С.А. Муромцев в рецензии на книгу А.А. Пиленко «Русские парламентские прецеденты» подчеркивал, что «русскому законодательному собранию не было надобности задумываться над самостоятельным изобретением форм, которые до него уже были изобретены и испытаны». «Государственная Дума — продолжал первый ее председатель, — восприняла свои руководящие принципы и основные формы делопроизводства от западноевропейских парламентов. Каждый из «прецедентов» образовывался более или менее под непосредственным влиянием заимствованных идей и представлял собою попытку их приложения на русской почве. Из этого не следует, однако, чтобы творчество русского законодательного собрания носило характер исключительного подражания или непосредственного заимствования. На русской почве западным формам нужно было считаться, во-первых, с особенностями отечественного законодательства, своеобразно определившего основные черты в устройстве русского парламента, и, во-вторых, с некоторыми особенностями психологического настроения думской среды, которое, естественно, не могло не отражаться и на внешнем порядке законодательной работы Думы»¹⁷.

Наиболее полно ассоциации с западным парламентским опытом и своей деятельностью, и своим внешним видом олицетворял переводумец В.Д. Набоков. «Европеец-парламентарий до кончиков ногтей» (по отзывам современников), «изрядный англоман» (по выражению Дж. Апдайка), Набоков (по воспоминания его сына) был постоянным клиентом «Английского магазина» на Невском проспекте, где им приобреталась «бесконечная череда удобных и добротных изделий», в том числе и пиджачные костюмы, а часто они выписывались непосредственно из британской столицы. Думской легендой стали набоковские галстуки. Он каждый день появлялся в новом галстуке, «еще более изысканном, чем галстук предыдущего дня», что вызывало «классовое» раздражение у членов трудовой группы. А.Ф. Аладьин, один из лидеров трудовиков, пытался конкурировать с Набоковым не только в произнесении речей с думской трибуны, вслед за ним он начал часто менять галстуки, но угнаться за стильным кадетом оказался все же не в силах¹⁸.

---

¹⁷ Муромцев С. Формализм в Государственной думе // Право. 1907. № 19. Стб. 1359.

¹⁸ См.: Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 403—404.

Симптоматично то, что для отечественных критиков современной европейской цивилизации, например для философа К.Н. Леонтьева, именно пиджак был одним из символов ее упадка. В частности, в письме В.В. Розанову от 13—14 августа 1891 г. он признавался в своей «философской ненависти», сформировавшейся у него в начале 1860-х гг., к «формам и духу новейшей европейской жизни (Петербург, литературная пошлость, железные дороги, пиджаки и цилиндры, рационализм и т. п.)»¹⁹. В этой связи В.В. Розанов отмечал: «Большого проклинания, чем у Леонтьева, Европа XIX века, Европа революции, конституции и пиджака ни от кого не слыхала»²⁰. С Розановым был солидарен Н.А. Бердяев, в свою очередь заметивший, что Леонтьева «слишком отталкивала современная буржуазная Европа. <...> То, что европейские люди надели фрак и пиджак, он считал роковыми и для их духа. Он видел в этом знак внутреннего процесса разложения и смерти»²¹.

Политизация пиджака в России начала XX в. нашла свое воплощение в событиях 1917 г. В этой связи следует обратить внимание на некоторые детали отречения Николая II 2 марта 1917 г. За актом об отречении монарха от Временного комитета Государственной думы на станцию Дно под Псковом, где был остановлен императорский поезд, прибыли октябрист А.И. Гучков и националист В.В. Шульгин. По дороге Шульгина мучила «совсем глупая» мысль: «Мне было неприятно, что я являюсь к Государю небритый, в смятом воротничке, в пиджаке»²². Когда он и А.И. Гучков вышли из вагона отрекшегося императора, к Шульгину подошел кто-то из свиты и тихо сказал: «Вот что, Шульгин, что там будет когда-нибудь, кто знает. Но этого «пиджачка» мы вам не забудем»²³. И действительно, не забыли. Княгиня Брасова (Н.С. Шереметьевская, вдова вел. кн. Михаила Александровича) говорила М.С. Маргулиесу, что монархист Шульгин «нарочно не брился» и «надел самый грязный пиджак», «когда ехал к Царю, чтобы резче подчеркнуть свое издевательство над ним»²⁴.

---

¹⁹ Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854—1891. СПб., 1993. С. 587.

²⁰ Розанов В.В. О Конст. Леонтьеве // Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 652.

²¹ Бердяев Н. Константин Леонтьев // Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 5. [Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев.]. Париж, 1997. С. 421.

²² Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 250.

²³ Иоффе Г. Василий Витальевич Шульгин. 1878—1976 // Новый журнал. 2006. Кн. 242. С. 201.

²⁴ См.: Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961. С. 233 (прим.).

Пришедшее на смену рухнувшей монархии Временное правительство, по характеристике А.Ф. Керенского, «в своем целом не поражало воображения толпы (культурной и некультурной одинаково), не привлекало к себе, не увлекало за собой. Это была в своем обиходе, в своих выступлениях слишком скромная, слишком простая, слишком доступная власть, <...> «власть в пиджаке»»²⁵.

Однако пиджаку во власти пришлось конкурировать с френчем. Моду на него ввел все тот же А.Ф. Керенский. «Он говаривал, — писал в эмиграции о Керенском П.Н. Милюков, — что массы не умеют признавать власть «в пиджаке». Он облекся во френч и очень быстро усвоил себе наполеоновские позы, повелительный тон, не допускающий возражений, гремящий голос, переходивший в нервический крик при попытке сопротивления, отрывистую рубленую речь в распоряжениях и торжественные карамзинские периоды в декларациях»²⁶.

Эта конкуренция продолжилась и в первые десятилетия Советской власти. Тело В.И. Ленина, предпочитавшего в период своей активной деятельности пиджак, в Мавзолее первые семнадцать лет покоилось во френче. Пиджак одержал верх уже после смерти И.В. Сталина, и до сих пор рассматривается в качестве официального костюма власти.

---

²⁵ Керенский А. О князе [Г.Е. Львове] // Дни. 1925. 12 марта.

²⁶ Цит. по: Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Анто-на Деникина. М., 1992. С. 75.

О.А. ПАТРИКЕЕВА

Зарождение парламентского ораторского искусства в России в начале XX столетия

В конце декабря 1905 г. в России развернулась компания по выборам в первое общенациональное представительство. Политические партии занялись организацией предвыборных митингов и собраний. «Городская интеллигенция валом валила на митинги, упивалась новым для нее искусством красноречия»¹, — вспоминала журналистка А.В. Тыркова. В ход шли простые и доходчивые лозунги, нейтральные и разговорные слова, отдельные элементы высокого стиля, понятные широкой аудитории. «От политической речи, сказанной на митинге, нет необходимости требовать ни строгого теоретического обоснования, ни строгого логического развития мысли, — писал юрист-кадет В.М. Гессен. — Цель этой речи — создание определенного настроения, укрепление или завоевание политических симпатий»². Само слово «оратор», по свидетельству современников, «было брошено революционной волной в оборот» в 1905 г. именно «в смысле митингового агитатора»³. Политическим партиям и союзам, участвовавшим в выборах, крайне не хватало опытных ораторов. Прежде чем приступить к публичным выступлениям, брали уроки декламации, даже пения и таким образом вырабатывали хорошую дикцию. Профессионально красноречивы были только священники, адвокаты и преподаватели университетов. Определенный опыт публичных выступлений имели гласные городских дум, губернских и уездных собраний.

Думские выступления потребовали от ораторов более сложных и разнообразных речевых средств, большей строгости и точности языка, юридической и экономической терминологии, сложных оборотов официально-деловой речи. «Речь в законодательном собрании должна доказывать и убеждать, — отмечал В.М. Гессен. — Аудитория, с которой приходится иметь дело оратору в законодательном собрании, существенно отличается от аудитории политических митингов; она отличается прежде всего тем, что состоит из людей, принадлежащих к разным политическим партиям»⁴. В стенах парламента становились неуместными разговорные, а тем более жаргонные вы-

---

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе: Воспоминания. М., 1998. С. 388.

² Гессен В.М. Парламентское красноречие // Речь. 1906. 10 мая.

³ Маклаков В.А. Плевако. М., 1911. С. 4.

⁴ Гессен В.М. Парламентское красноречие // Речь. 1906. 10 мая.

ражения. По свидетельству современников, «Дума облегчила политические карьеры людям, обладавшим даром произносить яркие речи»⁵.

Если содержательная часть думских выступлений начала XX в. изучена в отечественной исторической науке достаточно подробно, то способ их подачи, форма изложения затрагивались лишь попутно и эпизодически, не становясь предметом отдельного рассмотрения. Между тем современные специалисты в области политической лингвистики отмечают настоятельную необходимость исторических исследований этой проблемы, которые позволят лучше понять особенности современного российского политического дискурса⁶. Настоящая статья — одна из первых попыток проанализировать стиль и манеру выступлений выдающихся ораторов дореволюционной Государственной думы.

Даже сегодня, спустя столетие, можно получить исчерпывающее представление о содержании ораторских баталий, разыгрывавшихся в зале заседаний Таврического дворца, благодаря высокому уровню стенографирования деятельности Думы. Однако самые безупречные стенограммы думских заседаний не способны передать живой интонации разговорной речи, возможности в устном выступлении выразить свое отношение к произносимому не только словами, но и мимикой, жестом, тембром голоса, системой логических ударений и пауз. Такие внеязыковые средства речи очень оживляют выступление, экономят слова, компенсируют недоговоренное. «В отчетах мы только слушаем Думу, и то без интонаций, страшно важных, — с сожалением отмечал известный писатель и публицист В.В. Розанов, часто посещавший думские заседания. — Это очень мало. Это одна логика и грамматика. Нет колорита, цветов, запаха»⁷. Отчасти восполнить этот пробел, почувствовать «колорит», «цвета» и «запах» думских дебатов начала XX в. помогают воспоминания, письма, дневники их участников и свидетелей — депутатов, членов правительства, журналистов, служащих аппарата Государственной думы⁸. В

⁵ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 543.

⁶ См., напр.: Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. М., 2006. С. 237; Громыко С.А. Язык российского парламента: становление отечественнойпарламентской коммуникации в начале XX века // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 83.

⁷ Розанов В.В. В Таврическом дворце // Новое время. 1906. 4 июня.

⁸ См., напр.: Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001; Милюков П.Н. Воспоминания: В 2-х тт. М., 1990; Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе: Воспоминания. М., 1998.

характеристиках думцев, как правило, присутствуют рассуждения об их манере говорить.

С точки зрения эмоционально-языковой выразительности, в риторике еще со времен Цицерона различают три стиля ораторского выступления: эмоционально-экспрессивный, рационально-аналитический и синтетический, вбирающий в себя особенности первых двух. «В Государственной думе не было недостатка в способных, талантливых ораторах, производящих впечатление, увлекающих слушателей; при этом каждый из них имел свои особенности»⁹, — отмечали публицисты того времени.

Эмоционально-экспрессивный стиль в полной мере присущ выступлениям Федора Измайловича Родичева — известного столичного адвоката, члена ЦК конституционно-демократической партии, депутата дореволюционной Государственной думы всех четырех созывов. «Он был художник слова, оратор Божьей милостью»¹⁰, — свидетельствовала А.В. Тыркова. Ф.И. Родичева часто сравнивали с Мирабо. Как и великий французский трибун, он начинал говорить очень медленно, тихо, постепенно все более и более воодушевляясь. Лучший оратор кадетов великолепно владел техникой речи: сильным выразительным голосом, четкой дикцией. «У Родичева громадный темперамент, какая-то дикая сила. Он бьет врага молотом, толчет его в ступке, мелет жерновами... Он потрясает залу. Бешеные аплодисменты не заглушают его громовой голос»¹¹, — восхищались современники. Примечательно, что сравнение особого ритма ораторских выступлений Ф.И. Родичева с «ударом молота» приводят самые разные его слушатели. В их воспоминаниях он то «разражается целым каскадом эффектных фраз, производящих впечатление ударов молота»¹², то придает словам, «раздельно и с ударением произносимым, как бы силу удара молота по наковальне»¹³.

Впечатление от выступлений «русского Мирабо» и воздействие их на аудиторию усиливались благодаря его выразительной жестикуляции. Жест, как известно, уточняет мысль, оживляет ее, в сочетании со словами обостряет ее эмоциональное звучание, способствует лучшему восприятию. А.В. Тыркова вспоминала: «У Родичева, когда он

---

⁹ Воронов Л.Н. Пора за дело. К выборам в Государственную думу. М., 1906. С. 5.

¹⁰ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 407.

¹¹ Дневник Смирновой-Сазоновой С.И. Январь—сентябрь 1906 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48. Л. 424.

¹² Могиланский М.М. Первая Государственная дума. СПб., 1907. С. 70.

¹³ Головин Ф.А. Воспоминания Ф.А. Головина о Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 6. С. 68.

говорил, была привычка высоко подымать правую руку, точно сбрасывать с пальцев фразу за фразой»¹⁴.

Любимым риторическим приемом Ф.И. Родичева, к которому он часто и охотно прибегал, была политическая метафора. Приведем лишь некоторые из них: «гнилой труп прошлого режима»¹⁵, «апостолы положения об усиленной охране»¹⁶, «рак лжи и произвола»¹⁷, «змея русского правосудия»¹⁸. Подобные обороты речи насыщали ее выразительными образами, удерживали внимание слушателей, надолго сохранялись в памяти. Самая известная политическая метафора Ф.И. Родичева, «столыпинский галстук», прочно вошла в ряд крылатых выражений того времени.

Федор Измайлович Родичев — яркий пример публичного политика, регулярно появлявшегося на думской трибуне для артикуляции социально значимых интересов, которые необходимо учитывать при принятии законов. Однако Ф.И. Родичев, непревзойденный обличитель произвола властей, оказался мало приспособлен к каждодневной, кропотливой законодательной работе. «Лучшие его речи были произнесены по поводу событий, возмущавших общественную совесть, — вспоминал один из депутатов-перводумцев М.М. Винавер. — Я не могу себе представить его докладчиком по вопросу, требующему логической разработки. Партия выпускала его всегда, когда ставились вопросы боевые»¹⁹. На этот факт указывали и недоброжелатели кадетов: «Это первый тенор кадетской партии... Его выпускают не для того, чтобы он проводил ту или иную мысль, но чтобы создал непременно то, а не иное настроение. Когда настроение готово, выходит кто-нибудь из разряда дельцов партии и делает, что предположено»²⁰.

Оратором «родичевского типа» называли депутата-трудовика Алексея Федоровича Аладьина. Правда, поклонники Ф.И. Родичева считали, что «копии далеко до оригинала»²¹. «Он говорит в высокой степени неприятным горловым голосом с самой утрированной аффек-

¹⁴ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 477.

¹⁵ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. II. Стб. 1494.

¹⁶ Там же. Стб. 1882.

¹⁷ Там же. Стб. 1885.

¹⁸ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Созыв второй. СПб., 1907. Т. II. Стб. 739.

¹⁹ Цит. по: Винавер Р.Г. Вожди кадетской партии: Из воспоминаний // Новый журнал. 1945. № 10. С. 255—256.

²⁰ Васильев Н.П. Правда о кадетях. СПб., 1907. С. 39.

²¹ Могилянский М.М. Первая Государственная дума. СПб., 1907. С. 71.

тацией. Говорит с ухватками уличного оратора самого последнего разбора»²², — писала об А.Ф. Аладьине пресса.

Одним из лучших думских ораторов по праву считался Василий Алексеевич Маклаков — член ЦК партии кадетов, популярный московский адвокат, ученик знаменитого Ф.Н. Плевако. «Благодаря своему исключительному ораторскому таланту, Маклаков был незаменимым украшением партии, был ей нужен, как в опере нужна примадонна»²³, — писала А.В. Тыркова. Ораторскому мастерству В.А. Маклакова отдавали должное и его политические противники. Так, В.М. Пуришкевич посвятил В.А. Маклакову одну из своих эпиграмм:

С твоим характером, с общительностью русской
И с красотой твоих речей,
Стыдись, в кагале палачей
Быть утонченной закуской!²⁴

Ораторские выступления В.А. Маклакова выдержаны в так называемом «синтетическом» стиле, сочетающем в себе логически строгий анализ и эмоциональные взлеты, последовательность академической, научной речи и страстное, горячее обращение к аудитории. «...Речи Маклакова замечательны не только изяществом и яркостью формы, но и силой критической мысли, умением при помощи тонкого анализа, вскрыть самую суть дела и обнаружить внутреннюю несостоятельность доводов и позиции своего противника»²⁵, — подчеркивали современники. В отличие от Ф.И. Родичева сила В.А. Маклакова как оратора заключалась не в яростной атаке на политического оппонента, а в логике, в развитии стройных аргументов. «Он сразу наводил внимание на главное, распределял в правильной перспективе общее положение и детали, считался с психологией слушателей, понемногу подчинял их себе»²⁶, — свидетельствовала А.В. Тыркова.

В.А. Маклаков был не только прекрасным оратором, но и опытным педагогом, обучавшим ораторскому мастерству начинающих агитаторов-кадетов. С января 1906 г. в Москве и Петербурге работали специальные курсы для подготовки партийных агитаторов на вре-

---

²² Пиленко А.А. Из Государственной думы // Новое время. 1906. 30 апреля.

²³ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 464.

²⁴ Пуришкевич В.М. В.А. Маклакову // Мирный труд (Харьков). 1907. № 5. С. 4.

²⁵ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Новый энциклопедический словарь. В 86-ти тт. Пг., 1916. Т. 25. С. 444.

²⁶ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 462—463.

мя избирательных кампаний. «В Москве присяжный поверенный Маклаков делает кадетских «ораторов» в пять уроков, если только придет не заика»²⁷, — иронизировало «Новое время». Сам же Василий Алексеевич отмечал, что специально «ораторству» не учил, поскольку «старание быть красноречивым» всегда считал большим недостатком. Выдержать чувство меры в использовании выразительных средств, не растворить содержание в «красивых» словах — в этом, по его мнению, заключалось мастерство оратора. В ораторах В.А. Маклаков прежде всего ценил свободу речи — умение «без запинок, без остановок находить нужные слова, располагать их в правильные и плавные фразы»²⁸, а также «колоритность и яркость языка»²⁹. Со своими учениками он просто обсуждал самые злободневные вопросы избирательной кампании и вместе с ними обдумывал, как на них отвечать. «...Самые слова «оратор» и «красноречие» как-то мало подходят к Маклакову. Его речи — это разговор со слушателями, но разговор, который ведется большим мастером слова»³⁰, — писал впоследствии историк-эмигрант М.М. Карпович.

При деятельном участии В.А. Маклакова в 1913—1914 гг. в Петербурге выходил ежемесячный журнал «Голос и речь» — специальное издание для «ораторов, юристов, проповедников, педагогов, певцов, лекторов, артистов и любителей красноречия». В особой рубрике журнала, озаглавленной «Парламентское красноречие», отмечались наиболее удачные выступления депутатов Думы.

В «синтетическом» стиле выступал с думской трибуны и известный столичный правовед, член ЦК конституционно-демократической партии Владимир Дмитриевич Набоков. Не секрет, что внешний вид оратора, его стиль, манера поведения часто более красноречивы, чем его слова. «Баловень судьбы, он был воспитан в тех светски-бюрократических верхах, где хорошие манеры были необходимой частью хорошего образования. Говорил он так же свободно и уверенно, как и выглядел. Человек очень умный, он умел смягчать свое умственное превосходство улыбкой, то приветливой, а то и насмешливой»³¹, — вспоминала А.В. Тыркова. Состоятельный русский аристократ и эстет В.Д. Набоков заслуженно считался самым элегантным депутатом дореволюционного российского парламента. Его

²⁷ Материалы В.А. Дмитриева-Мамонова // ОР РНБ. Ф. 1072. Т. 14. Л. 241 об.

²⁸ *Маклаков В.А.* Плевако. С. 6.

²⁹ Там же. С. 19.

³⁰ *Карпович М.М.* Библиография // Новый журнал. 1950. Кн. 24. С. 289.

³¹ *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. С. 389.

костюмы, галстуки и даже «сверкающие запонки»³² часто становились «предметом подражания и зависти»³³.

Современников покорял голос Владимира Дмитриевича, сильный, редкий по тембру, «задушевный и проникновенный»³⁴, восхищало умение спокойно и уверенно отстаивать занимаемую позицию. «Наиболее изысканным думским оратором был В.Д. Набоков, умевший резкие мысли облекать в самую корректную форму. Ему, между прочим, кадетская фракция поручила прочесть с трибуны и комментировать ответный Адрес Думы на тронную речь. Это выступление Набокова было по изяществу формы образцом парламентского красноречия»³⁵, — считал соратник В.Д. Набокова по кадетской партии князь В.А. Оболенский. «Набоков говорил на пятерку, лучше всех. И голос, и манеры у него прекрасные»³⁶, — восторгалось «Новое время», не замеченное в симпатиях к конституционным демократам.

Эталоном рационально-аналитического стиля, спокойного по тону, близкого к академической речи, выдержанного в строгих логических категориях, служили выступления лидера партии кадетов Павла Николаевича Милюкова. «В речах Милюкова, как и в его писаниях, не было блеска. — отмечала А.В. Тыркова. — Но он ясно, точно, умно ставил и развивал политические вопросы, делился с аудиторией своими обширными знаниями, развивал политическое понимание избирателей, будил в них сознательное отношение к общественным делам. Это были речи опытного лектора, привыкшего обучать студентов»³⁷. Схожие характеристики ораторского мастерства лидера кадетов содержатся и в газетных отчетах о думских заседаниях. «Речь депутата Милюкова по обыкновению была весьма содержательна, но очень суха и малорельефна»³⁸, — писало «Новое время». «Речь этого оратора всегда страдает длиннотами и больше похожа на профессорский доклад», — вторил ему октябристский «Голос Москвы»³⁹.

Доклады и выступления лидера конституционных демократов всегда находились «под особым прицелом» его политических противников. В Государственной думе появление П.Н. Милюкова на трибуне вызывало особенное раздражение депутатов ультраправых партий

---

³² Луначарский А.В. Три кадета. СПб., 1907. С. 128.

³³ Чуковский К.И. Дневник, 1901—1929. М., 1991. С. 238.

³⁴ Там же. С. 239.

³⁵ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 354.

³⁶ Пиленко А.А. Из Государственной думы // Новое время. 1906. 14 мая.

³⁷ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. С. 389.

³⁸ Пиленко А.А. Из Государственной думы // Новое время. 1908. 13 мая.

³⁹ Хроника. Из Государственной думы // Голос Москвы. 1911. 30 окт.

и союзов. «Когда наступала моя очередь говорить, — вспоминал лидер кадетов, — П.Н. Крупенский пускал по скамьям правых и националистов записку: «Разговаривайте» — и начинался шум, среди которого оратора невозможно было расслышать. Не говорю уже об оскорбительных выражениях, сыпавшихся с этих скамей по нашему адресу»⁴⁰. П.Н. Милюков достойно парировал эти выпады. «Он разбивает противника с высокомерной вежливостью, за которой чувствуется ясный, холодный ум»⁴¹, — свидетельствовала А.В. Тыркова.

Говоря о лучших ораторах Государственной думы Российской империи, нельзя не упомянуть ее первого председателя — талантливого русского юриста и общественного деятеля, одного из основателей конституционно-демократической партии Сергея Андреевича Муромцева. Его речь, манеры, стиль руководства думскими заседаниями вызывали неизменное восхищение депутатов и журналистов. «Он был изыскан в выражениях, как изыскан был в мыслях. В ответ на приветствия он не «благодарил», а «низко кланялся». И самую знаменитую первую речь свою к Государственной думе начал с простой, но торжественной, на старинный лад формулы: «Кланяюсь Государственной думе». Уродство слова, как уродство мысли, причиняло ему боль»⁴², — вспоминал М.М. Винавер. С.А. Муромцеву в полной мере было свойственно удивительное чувство ритма, столь необходимое хорошему оратору. Любопытный факт приводит В.В. Набоков, описывая в автобиографическом романе свою пешую прогулку с отцом и С.А. Муромцевым в окрестностях небольшого курортного городка в Германии. Сергей Андреевич тогда попросил юного Володю Набокова «не гоняться за бабочками», дабы не нарушать общий «ритм прогулки»⁴³.

К сожалению, в рамках одной небольшой статьи невозможно рассмотреть ораторское мастерство думских депутатов начала XX в. во всей его полноте и многообразии. Лучшие ораторы дореволюционной Государственной думы внесли неоценимый вклад в развитие парламентского красноречия, российской политической культуры в целом. Думские выступления Ф.И. Родичева, В.А. Маклакова, В.Д. Набокова, П.Н. Милюкова, А.С. Муромцева, яркие по форме и глубокие по содержанию, до сих пор остаются непревзойденными образцами парламентского ораторского искусства России.

⁴⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 13.

⁴¹ Дневник Тырковой А.В. 1906—1907 гг. // ГА РФ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

⁴² Винавер М.М. Муромцев — председатель Думы // Сергей Андреевич Муромцев: Сб. ст. М., 1911. С. 375.

⁴³ Цит. по: Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч. М., 1990. Т. 4. С. 208.

К.А. СОЛОВЬЕВ

Думское законотворчество в 1906—1914 гг.: организация экспертизы

Казалось бы, сам народных избранник должен быть экспертом, способным квалифицированно обсуждать вносимые в Думу законопроекты. На практике это было чаще всего не так. Депутатам не хватало знаний и опыта. Согласно воспоминаниям Н.Н. Покровского (в 1906—1914 гг. товарища министра финансов), в финансовой комиссии Думы специалистов, способных высказать авторитетное суждение об обсуждавшихся законопроектах, практически не было: «Были дельцы, были некоторые бывшие чиновники финансового ведомства. Но в массе за незначительными исключениями это были дилетанты, только здесь знакомившиеся с теми вопросами, которое им предстояло решать». Правда, Покровский считал, что ситуация имела тенденцию к улучшению. Некоторые депутаты выбирали себе какой-нибудь конкретный вопрос — сферу своей специализации, и со временем становились в нем вполне компетентными¹. И все же даже они нуждались в систематизированной информации, которую могли получить независимо от правительства.

Исполнительную власть это никак не могло устроить. Она желала быть единственным источником информации для депутатов. По этой причине она отказывала комиссиям в праве приглашать «сведущих лиц» на их заседания. Впервые с этой проблемой столкнулись депутаты II Думы. П.А. Столыпин обосновывал свой запрет тем, что, вызывая экспертов и, следовательно, независимо от исполнительной власти собирая необходимые сведения, депутаты подменяли собой Совет министров. 21 марта 1907 г. он объяснял председателю Думы Ф.А. Головину: «Правительство обязано посему рассматривать всякую попытку приглашения посторонних сведущих лиц в заседания Государственной думы, ее отделов и комиссий как прямое и весьма серьезное нарушение предоставленных ей пределов власти и противиться сему всеми имеющимися в его распоряжении средствами, а, следовательно, упоминание о приглашаемых сведущих лицах ни в каком случае не может иметь места в повергаемых на Высочайшее утверждение правилах»². Попытка председателя Думы проигнорировать это требование встретила самую жесткую реакцию со стороны

---

¹ Покровский Н.Н. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

² П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 149.

премьера. В письме на имя Головина от 29 марта 1907 г. Столыпин заявлял о готовности решительно пресечь эту практику и не допустить посторонних лиц на заседания комиссий³. И действительно, 31 марта охрана не пустила в Таврический дворец даже Н.И. Астрова, который работал в думской канцелярии в должности «состоящего при секретаре Государственной думы»⁴. Стремясь обойти правительственные запреты, депутаты иногда проводили комиссионные совещания на частных квартирах. Например, 9 мая 1907 г. у доктора Горбунова прошло заседание комиссии о безработных⁵.

Схожим образом дела обстояли и в III Думе. Правительство настаивало, что лишь его официальные представители имели право давать разъяснения депутатам⁶. Недовольные народные избранники внесли 46 и 47 ст. в Наказ III Думы, согласно которым комиссии могли приглашать экспертов на свои заседания. Однако Сенат объявил это положение не соответствовавшим российскому законодательству⁷. И вновь депутатам приходилось прибегать к различным ухищрениям. Летом 1908 г. при обсуждении вопроса о страховании рабочих члены Думы выступили с инициативой устраивать выездные собеседования с работниками промышленных предприятий⁸.

Для сбора необходимых сведений создавались специальные партийные и фракционные структуры или же использовались общественные объединения. Еще до начала работы I Думы, 8 апреля 1906 г., кадеты сформировали особую законодательную комиссию для подготовки наиболее важных законопроектов: об отмене смертной казни, положений об усиленной и чрезвычайной охране, о проведении в жизнь принципа гражданского равноправия и т. д. В нее вошли С.А. Муромцев, В.Д. Набоков, М.М. Винавер, И.В. Гессен, В.М. Гессен и А.И. Каминка. Также была создана комиссия для разработки решений об амнистии и о предании суду должностных лиц, виновных в злоупотреблении властью⁹. С осени 1906 г. комиссия при ЦК партии кадетов приступила к обсуждению рабочего законодатель-

³ Там же. С. 151—152.

⁴ Письмо Г.А. Алексеева 1 апреля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 188. Л. 43.

⁵ Русские ведомости. 1907. 11 мая.

⁶ П.А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 246—247.

⁷ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907—1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. Общие сведения. С. 94.

⁸ Письмо А. Никольского 2 августа 1908 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 314. Л. 77.

⁹ В эту комиссию вошли В.Д. Набоков, И.В. Гессен и Л.И. Петражицкий (Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3-х тт. М., 1997. Т. 1. 1905—1907. С. 535).

ства¹⁰. Зимой 1906/1907 гг. кадетами была образована группа для изучения государственного бюджета. В нее вошли И.И. Петрункевич, П.Б. Струве, Н.Н. Кутлер, А.С. Изгоев, А.Н. фон Рутцен, М.П. Федоров, М.И. Фридман¹¹. Тогда же при ЦК партии кадетов работали комиссии — аграрная, рабочая, церковная¹², о местном суде, о военно-полевых судах, о смертной казни и амнистии, о свободе совести, о свободе собраний и др.¹³

Во II Думе октябристы сформировали собственную вероисповедную комиссию, в которую вошли и депутаты, и члены Государственного совета, и партийные деятели, и специалисты по этому вопросу¹⁴. Трудовики же в свою очередь создали аграрную¹⁵, по народному образованию, о свободе совести¹⁶, бюджетную, по самоуправлению, юридическую и др. комиссии. В их заседаниях принимали участие не только депутаты, но и «партийные работники»¹⁷, а также члены I Думы¹⁸. При обсуждении вопроса о безработных социал-демократы пригласили на заседание фракции представителей Совета безработных Петербурга¹⁹.

В III Думе во фракции октябристов существовали уже три комиссии для подготовки вероисповедных законопроектов: по делам православной церкви, по вероисповедным делам и по старообрядческим вопросам²⁰. В октябре 1907 г. кадеты учредили комиссию для разработки законов о введении органов местного самоуправления в неземских губерниях²¹. Причем, одним из наиболее деятельных ее чле-

---

¹⁰ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3-х тт. М., 1997. Т. 1. 1905—1907. С. 544—545.

¹¹ Там же. С. 545.

¹² Там же. С. 546.

¹³ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии: В 6-ти тт. М., 1994. Т. 1. 1905—1911. С. 178.

¹⁴ *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной думе III созыва и отношение к ним «Союза 17 октября». М., 1909. С. 14.

¹⁵ Протоколы заседаний Трудовой группы, 1907 г. // ГА РФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

¹⁶ Отчет о работе Трудовой группы, 1907 г. // Там же. Д. 2. Л. 22.

¹⁷ Письмо М. Попова 10 марта 1907 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 184. Л. 10 об.

¹⁸ Письмо В.Д. Набокова 15 мая 1907 г. // Там же. Д. 205. Л. 83.

¹⁹ Пятый съезд РСДРП, май — июнь 1907 г. М., 1935. С. 210.

²⁰ Партия «Союз 17 октября»... Т. 2. С. 102.

²¹ Совещание кадетов, октябрь 1907 г. // ГА РФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 283. ЛЛ. 2—4.

нов был кн. Д.И. Шаховской, не входивший в состав III Думы²². Осенью 1908 г. прогрессисты составили комиссию для разработки Положения о Новочеркасском политехникуме, в которую, помимо депутатов, были включены М.М. Ковалевский, А.С. Посников, кн. Е.Н. Трубецкий и др.²³ В декабре 1907 г. Московский городской совет октябристов принял решение создать специальные комиссии для обсуждения наиболее острых вопросов общественно-политической жизни: аграрного, рабочего, о народном образовании, о положении торгово-промышленных служащих, об изменении городского положения, о ремесленном и кустарном труде, о народной трезвости, об организации мелкого кредита и т. д. В комиссии предполагалось приглашать наиболее квалифицированных специалистов по этим вопросам. Их мнения непременно сообщались во фракцию²⁴. В ряде случаев к разработке законов привлекались общественные организации. В 1909 г. кадетский проект реформы начальной школы был составлен Лигой образования²⁵. В январе 1912 г. законопроект о реформе финансирования земств и городов рассматривался в ЦК октябристов в присутствии 30 глав городов, прилежавших к Москве²⁶.

С начала работы IV Думы октябристы создали три фракционные комиссии: финансовую, по местному самоуправлению, о реформе Сената и административной юстиции²⁷. В 1912—1913 гг. во фракции прогрессистов работали две особые комиссии: об отмене исключительных положений и о свободе депутатского слова²⁸. Весной 1913 г. прогрессисты учредили комиссию по подготовке продовольственного устава, который долгое время не вносился правительством в нижнюю палату. В качестве эксперта был привлечен не входивший в состав Думы кн. Г.Е. Львов²⁹. Осенью 1913 г. прогрессисты

²² Письмо Д.И. Шаховского 31 июля 1908 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 313. Л. 61.

²³ Письмо И.Н. Ефремова 8 ноября 1908 г. // Там же. Д. 336. Л. 22.

²⁴ Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907—1915 гг.: В 2-х тт. М., 2000. Т. 2. С. 21.

²⁵ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 136.

²⁶ Письмо К.Э. Линдемана, 17 января 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 557. Л. 171.

²⁷ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 3.

²⁸ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Документы и материалы, 1906—1916 гг. М., 2002. С. 315.

²⁹ Письмо И.Н. Ефремова, 3 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 920. Л. 453.

создали комиссию по разработке земской реформы³⁰. Весной 1913 г. при ЦК «Союза 17 октября» была создана комиссия для обсуждения законопроекта о возврате пошлин при вывозе изделий. К работе этого совещания были привлечены представители московских промышленных кругов³¹. Периодически местные отделы «Союза 17 октября» высылали материалы своих собраний во фракцию, ожидая, что депутаты учтут их мнение при решении того или иного вопроса. Так, в ноябре 1914 г. московские октябристы выставили свои требования к будущей реформе налогообложения торговых предприятий. Соответствующий доклад был выслан депутатам в Петроград³².

Иногда депутаты привлекали к обсуждению законопроектов отдельных авторитетных специалистов, нередко непосредственно входивших в ту или иную партию. Так, в 1907 г. председатель комиссии по Наказу во II Думе В.А. Маклаков обсуждал с С.А. Муромцевым процедурные вопросы законотворчества³³. В октябре 1909 г. октябрист П.В. Каменский приглашал члена Государственного совета А.Ф. Кони для обсуждения законопроекта о религиозных обществах и союзах³⁴. В декабре 1909 г. С.А. Котляревский прочел доклад во фракции кадетов по Холмскому вопросу³⁵. В 1910 г. консультантом конституционных демократов по финскому законодательству выступил Ф.Ф. Кокоскин. Он писал подробные инструкции кадетам, как отвечать на возможные возражения оппонентов в ходе публичных прений, стараясь предвосхитить их контраргументы³⁶. Весной 1912 г. бывший чиновник Министерства народного просвещения, сенатор А.Р. Завадский давал советы октябристам относительно штатов учительских семинарий³⁷. В 1912—1913 гг. фракция «Союза 17 октября» обсуждала с московским городским головой Н.И. Гучковым законопроект о реформе налогообложения на городскую недвижи-

---

³⁰ Разрозненные бумаги П.А. Бурышкина // ОПИ ГИМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 72. Л. 48.

³¹ Письмо К.Э. Линдемана, 12 марта 1913 г. // Там же. Д. 921. Л. 508.

³² Письмо К.Э. Линдемана, 10 ноября 1914 г. // Там же. Д. 999. Л. 1833.

³³ Письмо В.А. Маклакова С.А. Муромцеву, 1907 // ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 36. Л. 102.

³⁴ Письмо П.В. Каменского А.Ф. Кони, октябрь 1909 г. // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2003. Л. 5.

³⁵ Письмо С.А. Котляревскому, 3 декабря 1909 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 404. Л. 1.

³⁶ Письма Ф.Ф. Кокоскина П.Н. Милюкову, 1910 г. // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4654. ЛЛ. 33—38.

³⁷ Письмо М. Завадского, 11 мая 1912 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 568. Л. 1249.

мость³⁸. В марте 1913 г. думская комиссия о печати привлекла представителей столичных изданий к разработке соответствующих законопроектов³⁹. В мае 1913 г. И.С. Ключев консультировался с представителями науки — А.С. Лаппо-Данилевским и Д.Н. Овсянниковым-Куликовским — при разработке положений об учительских институтах и семинариях⁴⁰.

В некоторых случаях фракции обращались за помощью и к западноевропейским коллегам. Так, в мае 1907 г. кадеты обсуждали аграрное законодательство с английскими парламентариями⁴¹.

Фракции вели конкурентную борьбу за источники информации. В мае 1913 г. член фракции прогрессистов В.А. Ржевский, выступавший по смете МВД, поручил В.А. Левицкому обратиться к редактору «Русских ведомостей» В.А. Розенбергу за необходимым ему материалом. Ржевский объяснял, что если с такой просьбой обратился бы лично он, об этом стало бы известно кадетам. В итоге они получили бы всю нужную информацию, а прогрессистам досталась бы лишь «труха»⁴².

Впрочем, и сами заинтересованные лица могли делать все возможное, чтобы стать источником информации для народных избранников. «Молодое поколение» московского купечества пыталось вовлечь в свою орбиту депутатов различных думских объединений. С 1909 г. члены фракции кадетов (М.В. Челноков, А.И. Шингарев) участвовали в совещаниях московских промышленников во главе с А.И. Коноваловым. Это происходило, несмотря на возражения П.Н. Милюкова, который считал, что такой альянс подразумевал полное подчинение кадетов буржуазным кругам⁴³. На этих встречах были и прогрессисты (например, Н.Н. Львов), и представители Польского коло (В.В. Жуковский). На совещаниях нередко ставились вопросы программного значения. В октябре 1910 г. в ходе одной из «экономических бесед» на квартире П.П. Рябушинского в качестве приоритетных тем были обозначены такие сюжеты как рабочее законодательство, размеры земского обложения, формы государственного вмешательства в экономическую жизнь, организация мелкого кредита⁴⁴. По

³⁸ Письмо Г.Г. Лерхе, 25 декабря 1912 г. // Там же. Д. 586. Л. 3102.

³⁹ Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 12—13.

⁴⁰ Ключев И.С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁴¹ Письмо П.Н. Милюкова, 20 мая 1907 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 207. Л. 19.

⁴² Письмо В. Ржевского, 5 мая 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 924. Л. 818.

⁴³ Кизеветтер Е.Я. Дневник // ОР РГБ. Ф. 566. К. 19. Д. 1. Л. 274.

⁴⁴ Московские экономические беседы // Утро России. 1910. 13 октября.

сведениям кн. Г.Н. Трубецкого, «резюми» этих собраний были чрезвычайно авторитетны даже для Министерства иностранных дел⁴⁵.

«Старшее поколение» московских предпринимателей тоже пыталось донести свою точку зрения до народных избранников. В декабре 1911 г. члены Московского биржевого комитета в частных беседах настаивали, чтобы инициированный октябристами вопрос об орошении Туркестанского края обсуждался совместно с «оросительной комиссией», созданной московским купечеством⁴⁶. В феврале 1912 г. близкий к октябристам промышленник И.В. Ковригин, выступая от имени московского и нижегородского купечества, убеждал руководство партии отказаться от законопроекта о торгово-промышленных палатах, утверждение которого могло нанести сокрушительный удар по интересам предпринимателей, а, следовательно, и по «Союзу 17 октября»⁴⁷. Наконец, представители промышленных и финансовых кругов, рассчитывая успешно отстаивать свои интересы в Государственной думе, искали личных контактов с наиболее влиятельными депутатами думского центра. Гучков признавался в письме к брату, что именно по этой причине осенью 1911 г. он был введен в состав правления Санкт-Петербургского Учетного и ссудного банка⁴⁸.

Некоторые депутаты были своего рода посредниками между законодателями и отдельными предпринимательскими группами. Так, в IV Думе сформировалась особое объединение народных избранников, отстаивавшее интересы нефтяной промышленности. Его неформальным лидером был А.С. Салазкин⁴⁹. Запросы «воротил» железнодорожного строительства были хорошо известны депутату III и IV Думы Н.Л. Маркову, председателю правления Юго-Восточных железных дорог, ближайшему сотруднику С.И. Мамонтова⁵⁰. При подготовке соответствующих законопроектов он всегда оказывался на первых ролях. Именно Марков привлекал к экспертизе законодательных инициатив Институт инженеров путей сообщения⁵¹, консульти-

---

⁴⁵ Письмо Г.Н. Трубецкого, 28 ноября 1911 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 514. Л. 70.

⁴⁶ Письмо К.Э. Линдемана, 14 декабря 1911 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 509. Л. 139.

⁴⁷ Письмо К.Э. Линдемана, 12 февраля 1913 г. // Там же. Д. 506. Л. 38.

⁴⁸ Письмо А.И. Гучкова, 11 июня 1908 г. // Там же. Д. 306. Л. 17.

⁴⁹ Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 5.

⁵⁰ Николаев А.Б. Марков (Марков 1-й) Николай Львович // Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 359.

⁵¹ Материалы к обсуждению проекта строительства Амурской железной дороги // РГИА. Ф. 990. Оп. 1. Д. 29. Л. 50.

ровался с независимыми специалистами⁵², получал прошения от органов местного самоуправления⁵³.

Отличить эксперта от представителя «лобби» чаще всего не представлялось возможным. К Думе «тянулись» самые разные люди, считывая на ее влияние и делясь имевшейся у них информацией. Таким образом, Дума становилась центром притяжения различных общественных сил: предпринимательских кругов, студенческих союзов, земских собраний и др. Они нуждались в Думе, но и Дума нуждалась в них. С депутатами связывались немалые общественные ожидания, а с этими ожиданиями приходилось считаться и исполнительной власти. Благодаря этому, представительное учреждение волей-неволей обретало новый, особый статус, в том числе и в глазах бюрократов.

---

⁵² Там же. ЛЛ. 31—32.

⁵³ Там же. ЛЛ. 16—17.

Т.В. КОТЮКОВА

Туркестанское направление имперской политики России через призму Государственной думы

В туркестанском направлении думской политики можно выделить пять основных вопросов: возможность края быть представленным в Думе (избирательный закон, особые правила проведения выборов и т.д.); участие депутатов от Туркестана в работе Думы второго созыва; политическая дискуссия о восстановлении избирательных прав населения края после принятия нового избирательного законодательства в 1907 г.; комплекс различных экономических вопросов, главным из которых был вопрос заселения края русскими крестьянами; и реакция думских политических кругов на восстание 1916 г.

Манифесту 17 октября предшествовали решение о создании законосовещательного проекта Думы и царские манифесты от 18 февраля и 6 августа 1905 г. По фамилии тогдашнего министра внутренних дел А.Г. Булыгина этот проект называли «Булыгинской думой».

Во второй половине июля в Петергофе, по инициативе царя, было созвано совещание, которое было призвано решить судьбу «булыгинского проекта». Опираясь на положение рескрипта от 18 февраля 1905 г., комиссия Булыгина первоначально считала, что выборы в Думу должны происходить повсеместно, так как в высочайшем рескрипте не содержалось прямых указаний о том «от каких именно местностей империи надлежит призывать выборных от населения». Но в дальнейшем, выполняя волю царя о сохранении незыблемости самодержавия, комиссия стала прибегать к таким оговоркам, которые свели «на нет» все предыдущие суждения.

В соответствии с ними некоторые категории населения, в том числе оседлое инородческое население национальных окраин и многочисленные кочевые народы Туркестана, так называемые «бродячие инородцы», вообще исключались из избирательной процедуры. Мотивировалось такое поражение в правах тем, что эти категории населения «стояли на крайне низкой ступени гражданского развития».

Выяснить причину такой позиции пытался генерал-губернатор Туркестана Н.Н. Тевяшов. В письме А.Г. Булыгину его желание отстоять краевые интересы отражено предельно четко: «Мне не известны мотивы, послужившие основанием к лишению почти половины населения края права (избирательного — Т.К.), предоставляемого всем русским подданным. <...> Считаюсь юридически кочевниками, эти инородцы не представляют неорганизованного элемента,

который не был бы в состоянии принять участие в выборах»¹.

Для пришлого европейского населения, по предварительным расчетам А.Г. Булыгина, планировалось от 15 до 17 депутатов от всего края, в том числе один представитель от Ташкента². «Булыгинская дума», в связи с нарастанием революционной ситуации в стране, так и не была созвана.

Избирательное законодательство и особенности его применения в Туркестане

В октябре 1905 г. после долгих и мучительных колебаний Николай II подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Это была важнейшая политическая декларация, которая нашла отклик и поддержку у всех народов Российской империи, в том числе многонационального населения Туркестана. Местная печать наперебой сообщала о проведении многолюдных митингов и собраний³.

Однако вопрос туркестанского представительства в формируемых органах законодательной власти продолжал оставаться открытым.

11 декабря 1905 г. появился закон о выборах, согласно которому выборы от Польши, Сибири, Кавказа, Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, а также от кочевых народов империи должны были производиться по особым правилам, разработанными для каждого региона в отдельности⁴.

«Особым совещанием» под председательством сенатора графа Д.М. Сольского была начата работа по подготовке «Правил о применении к областям Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской положения о выборах в Государственную думу и дополнительных к ним указаний». Первоначально в процессе обсуждения правил была высказана мысль о необходимости вовсе лишить коренное население Туркестана избирательного права. Мотивировалось это его неподготовленностью к законодательной работе.

Однако большинство членов совещания находило такую меру «в политическом отношении небезопасной» и предложило проводить выборы от коренного и русского населения края совместно. Поскольку, отмечали они, русское население указанных областей настолько незначительно, что предоставление ему права иметь даже одного

¹ Переписка Туркестанского генерал-губернатора 1905—1906 гг. // ЦГА РУз. Ф. И—1. Оп. 17. Д. 529. Л. 115.

² Там же. Д. 529. Л. 102.

³ Среднеазиатская жизнь. 1905. 12 ноября; Русский Туркестан. 1906. 13 мая; и др.

⁴ ПСЗ-3. СПб., 1908. Т. XXV. Отд. 1-е. С. 877—882.

представителя в Думе было бы чрезмерной привилегией. Вся аргументацию по этому поводу можно свести к трем основным тезисам: оно не знает насущных нужд и потребностей края; не интересуется политикой, проводимой центральным правительством; и, наконец, русское население Туркестана в силу высокого процента ссыльного революционного элемента не является политически лояльным и устойчивым.

Противники этой точки зрения делали акцент на то, что при подавляющем большинстве «инородческого населения», выборы приведут к фактически полному устранению «русского элемента» из Государственной думы. Поэтому для того чтобы «поднять и возвысить значение русской нации» в глазах коренного населения, необходимо предоставить первым право избирать членов Думы самостоятельно. Ни один «инородец», утверждали они, избранный в Думу, не будет содействовать проведению в Туркестане русской государственной политики⁵.

На решение дилеммы: увеличивать или нет представительство от европейской части населения Туркестана комиссия потратила несколько месяцев.

Противником увеличения инородческого представительства населения окраин был министр внутренних дел П.Н. Дурново. В марте 1906 г. он писал графу Д.М. Сольскому: «Система выборов не обеспечивает в той мере, как следовало, подобающего места в Думе представительству великорусского племени... Значение этого недостатка выступает с тем большей силой, что в настоящее время... замечается острое проявление окраинного сепаратизма, который сплотит, можно думать, в одно целое всех членов Думы от инородцев и инородческого населения окраинных местностей... В областях Туркестанского генерал-губернаторства оно приобретает особое значение. Окраина эта, недавно присоединенная к России завоеванием, а следовательно, закрепление внешних признаков принадлежности ее России представляется особенно желательным»⁶.

Далее, в письме П.Н. Дурново настаивает на сохранении депутатских мест от всего нерусского населения таким образом, чтобы оно не вредило количественно имперской доминанте, то есть не превышало представительства от русского населения, а если и превышало, то незначительно⁷.

---

⁵ Сидельников С.М. Образование и деятельность I Государственной думы. М., 1962. С. 81.

⁶ Докладная записка министра внутренних дел П.Н. Дурново о подготовке и проведении выборов на окраинах империи // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 122. Л. 42—44.

⁷ Там же.

Нужно сказать, что по первоначальному проекту, внесенному Дурново, весь Туркестан получал пятнадцать депутатских мандатов (7 — от пришлого, 8 — от коренного населения)⁸.

На заседании комиссии от 26 марта 1906 г. против этого проекта выступил председатель Совета министров С.Ю. Витте, фактический автор избирательного закона 11 декабря, который полагал, что 7 представителей от русского населения Туркестана, это слишком много⁹.

Вопрос продолжал оставаться открытым. Для полной ясности картины приведем цифры. Всего в Туркестане, по данным на 1906 г., приводимым генерал-губернатором, проживало 5 690 100 жителей, из них русских — около 266 тыс. чел.¹⁰ Если считать по стандартам Европейской России (1 депутат на 250 тыс. населения), то коренное население Туркестана могло рассчитывать на 21 (22) места в Думе. Допуская даже норму вдвое меньше (1 депутат на 500 тыс. населения), получается все-таки 10 (11) представителей, а не 8.

16 апреля 1906 г. С.Ю. Витте снял свои возражения, а 23 апреля «Особые правила» о выборах в Туркестане были утверждены Николаем II. Издав и утвердив их с большим опозданием, правительство, по сути, лишило население края возможности принять участие в работе I Государственной думы.

В результате общее количество депутатских мандатов от края было ограничено тринадцатью. Из них 6 избиралось коренным населением (5 — от областей и 1 — от Ташкента), 6 — русским населением края (по той же схеме), равным приблизительно, и 1 депутат выбирался Семиреченским казачьим войском.

Выборы проводились отдельно по национальному признаку. Лица, не владевшие русским языком, не могли быть избранными в Государственную думу. Заполнение всей избирательной документации, в том числе и бюллетеней для голосования, так же проводилось на русском языке. Для подавляющей части коренного населения эти ограничения делали их участие в избирательной процедуре номинальным.

Положение о выборах и дополнение к нему в Ташкенте получили поздно, 2 мая 1906 г. 3 мая известие об этом было опубликовано в «Туркестанских ведомостях». С этого момента в Туркестане развернулась избирательная кампания.

⁸ Зеравшан. 1906. 14 апреля.

⁹ О выборах в Государственную думу // ЦГА РУз. Ф. И—1. Оп. 17. Д. 530. Л. 154.

¹⁰ Переписка о выборах в Государственную думу в Туркестане // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3369. Л. 86.

Указом царя от 8 июля 1906 г. I Государственная дума была распущена¹¹. В Ташкенте об этом узнали 12 июля, после чего избирательная компания была остановлена. Таким образом, Туркестанские представители не приняли участие в работе I Думы.

Туркестанское представительство во II Государственной думе

Выборы во II Думу проводились в Туркестане на основании Закона о выборах от 11 декабря 1905 г. и «Особых правил» от 23 апреля 1906 г. Никаких новых законодательных актов на этот счет правительством издано не было. Избирательная компания началась в октябре 1906 г., а сами выборы были назначены на февраль 1907 г.

В результате выборов депутатами от Туркестана во II Государственной Думе стали Т. Абдухалилов, Т. Алабаergenов, М.А. Гаврилов, А.П. Друкарь, Я.И. Егошкин, А. Карьев, Н.Л. Коледзян (Лось-Коледзян), И.Ф. Миронов, С.А. Мухамеджанов, В.П. Наливкин, М. Нурбердыханов, М.Т. Тынышпаев. Депутаты, избранные от коренного населения все, кроме М.Т. Тынышпаева (кадет), примыкали к мусульманской фракции, близкой по своей политической ориентации к кадетам. От европейского населения было избрано три социал-демократа, один эсер, два трудовика и один беспартийный.

В ходе работы Думы туркестанские депутаты принимали участие в работе ряда комиссий. Членами аграрной комиссии были депутаты от Самаркандской области Т.А. Абдухалилов и К.М. Афрамович, а также депутат от Семиречинской области М. Тынышпаев. Представитель Сыр-Дарьинской области Н.Л. Коледзян (Лось-Коледзян) был задействован в работе комиссии по народному образованию. Депутат от европейского населения города Ташкента В.П. Наливкин входил в состав сразу нескольких думских комиссии: для выработки законопроекта об отмене действия военно-полевых судов, для рассмотрения законопроектов по местному управлению и самоуправлению, для рассмотрения депутатских запросов¹².

II Государственная дума просуществовала 102 дня. Количественное представительство большинства нерусских депутатов не соответствовало доли их народов в общем населении страны. Но как бы то ни было она оказала определенное воздействие на формирование политического сознания, в том числе у мусульман Туркестанского края, недавно присоединенного к империи, а потому еще слабо интегрированного в ее политические и гражданские институты.

---

¹¹ ПСЗ-3. СПб., 1909. Т. XXVI. Отд. 1-е. С. 738—739.

¹² Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв второй. СПб., 1907. С. 537.

С роспуском Думы второго созыва был обнародован новый избирательный закон. Объявив народы Сибири, Польши, Кавказа и Средней Азии «политически незрелыми», правительство, полностью лишало избирательных прав все население Туркестана.

Учреждение Государственной думы на практике (как казалось, можно было ожидать) не способствовало разрешению назревшего национального вопроса. Только 14 народов стали «думскими», то есть были стабильно представлены во всех Думах. Тем не менее думский опыт оказал определенное воздействие на формирование уровня политического сознания в среде национального движения в Туркестане.

И хотя количественное представительство большинства нерусских депутатов не соответствовало доли их народов в общем населении страны, все же этнический состав населения Туркестана был в определенной степени отражен во II Государственной думе.

Как бы то ни было в период существования I и II Думы во внутренней национальной политике появился принципиально новый момент — вовлечение народов, обладавших по российским законам ограниченными гражданскими правами, в систему реального законотворчества. Избирательное право было дано, и его реализация, пусть даже самая относительная, была возможна практически для всех этнических групп, населявших империю. Однако политический вес нерусских депутатов не соответствовал численному представительству, поскольку они не представляли собой единой политической силы, а распределились по национальным группам и фракциям.

Дума и имперская переселенческая политика

Проблему переселения можно считать основным вопросом, при обсуждении которого депутаты вспоминали Туркестан на своих заседаниях. Главным образом он был связан с изъятием «излишков» земли у местных жителей. При обсуждении в Думе вопроса об открытии Туркестана для переселенцев некоторые депутаты высказывали мысль о невозможности этого, и указывались две основные причины: первая — несоблюдение интересов местного населения и вторая — отсутствие в крае удобных, орошаемых земель. Однако эти заявления, как правило, игнорировались думским большинством.

Летом 1909 г. Семиреченскую и Семипалатинскую области со служебной поездкой посетил депутат Государственной думы, член переселенческой комиссии А.Л. Трегубов. Подводя итоги своей поездки, он выступал за дальнейшее расширение переселения¹³.

---

¹³ *Трегубов А.Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. (Впечатления и замечания члена Государственной думы по поездке летом 1909 г.). СПб., 1910. С. 42.

Политические и военное руководство Российской империи проблему переселения части русского населения из метрополии в Туркестан рассматривало как важнейшее стратегическое условие утверждения российского военно-политического господства среди потенциально враждебно настроенного населения, реальной опоры для властей и армии, призванных обеспечить контроль за новыми границами с Китаем, Афганистаном и Персией. Вторым важным фактором, о котором ни на минуту не забывали, — хлопковая независимость России.

Принимая в расчет достаточно высокую плотность населения в так называемых коренных областях Туркестана — Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской и агроклиматическую специфику — поливное земледелие, становится очевидным, что найти для заселения свободных, орошаемых земель было трудно. Кроме того, в соответствии с Положением об управлении Туркестаном, правительство обещало сохранить за местным населением земельные угодья¹⁴. Игнорирование этих обстоятельств при планомерной организации русских переселенческих поселков могло в дальнейшем привести к нестабильности в жизни переселенцев, поскольку возникала возможность соперничества между пришлым и местным населением из-за пользования земельно-водными ресурсами¹⁵.

В ходе столыпинских реформ положение изменилось. Новая аграрная политика предполагала массовое переселение крестьян за Урал, в том числе в Туркестан. В Туркестане переселенцы в основном устремились в степные районы Семиречья и Сырдарьинской области¹⁶. Тем не менее в переселенческом деле царил «полнейший хаос»¹⁷, а значительная часть неустроенных переселенцев возвращалась обратно в Россию.

Нужен был закон, по которому государство беспрепятственно могло конфисковывать земли у коренного населения. Статья 270 Положения об управлении Туркестанским краем предоставляла земли, находящиеся в распоряжении местного кочевого населения, в их бессрочное пользование. В 1910 г. Главное управление землеустройства и земледелия обратилось в Государственную думу с ходатайством о дополнении этой статьи.

---

¹⁴ Свод законов Российской империи. Изд. 1886 г. Т. II. Ч. 1—2. С. 32.

¹⁵ Брусина О.И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы конец XIX — конец XX века. М., 2001. С. 20.

¹⁶ Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX вв. Ташкент, 1983. С. 53.

¹⁷ Пален К.К. Отчет о ревизии в Туркестанском крае. (Переселенческое дело в Туркестане). СПб., 1910. С. 41.

В чем же был смысл этого дополнения? Главное управление просило внести в прежний закон поправку, а именно, что «земли, могущие оказаться излишними для киргизов», передаются в ведение Управления.

Между тем ревизия графа Палена установила, что земельный запас, пригодный для использования переселенцами в Туркестане, крайне незначителен¹⁸. Кстати, о том, что изъятие земли у местного хлопководы и передача ее не умеющему сеять хлопок русскому крестьянину, затея совершенно бессмысленная, говорил и С.Ю. Витте.

Обсуждение законопроекта в Думе было бурным. Мнения депутатов разделились. Но 19 декабря 1910 г. III Государственная дума приняла дополнение к статье 270 Положения об управлении Туркестаном.

По мнению ряда исследователей вопроса русской колонизации Туркестана, переселение не привело к интеграции региона в общеимперское государственное здание¹⁹.

Следует отметить, что в отличие от Думы первого и второго созывов, имевших очень короткий период фактической законодательной деятельности, а потому не сумевших выработать четкой линии по интересующему нас вопросу, III и IV Думы нельзя отказать в комплексном подходе к решению переселенческих проблем в Туркестане. Они твердо стояли на позиции, что переселение должно преследовать цель в широком смысле этого слова, а не просто насаждение на окраинах «русского элемента». Было четко сформулировано положение — переселение невозможно без освоения дополнительных земель, а освоить эти земли значило оросить их. Для этого стали использоваться, так сказать, внебюджетные поступления — частные капиталы. Считая дело колонизации окраин и переселенческий вопрос неотъемлемым государственным делом, Дума четвертого созыва особенно охотно шла навстречу заявлениям о необходимости их расширения и качественного улучшения. Но и метод «изымания излишков» продолжал исправно действовать.

В 1916 г. Переселенческое управление начало понемногу сознавать, что правительство, благодаря своей политике на окраинах, сидит на бочке с порохом. Это станет окончательно ясным, когда во время «министерской чехарды» пост министра земледелия на короткое время займет А.Н. Наумов. Курс переселенческой политики в

---

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ *Лурье С.* Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1997. № 2 (8). С. 20—24; *Каганович А.* Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия и Кавказ. 1997. № 5 (11). С. 117—120.

отношении кочевого населения был резко и круто изменен. Однако было слишком поздно. Летом—осенью 1916 г. в регионе развернулось широкомасштабное антирусское восстание.

Дума и восстание 1916 г. в Туркестане

25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». В ответ на огромной территории Туркестана разгорелось повстанческое движение.

Обеспокоенные ситуацией, члены Государственной думы 21 июля 1916 г. составили «адрес» на имя военного министра и начальника Штаба верховного главнокомандующего, в котором потребовали отложить набор рабочих и выработать подробные условия их призыва²⁰. Военное руководство не отреагировало на это обращение.

Государственная дума решила отправить в край свою комиссию, состоящую из члена мусульманской фракции Государственной думы К.Б. Тевкелева и представителя фракции трудовиков — А.Ф. Керенского.

Депутаты Государственной думы пробыли в Туркестане с 15 августа по 2 сентября 1916 г. Характерно, что во время своей официальной поездки они уделили основное внимание важнейшим промышленным центрам и хлопковым районам края, т.е. главным точкам приложения капиталов. Джизаку, несмотря на его огромную известность в связи с восстанием, был уделен только один день²¹. В итоге причины и реальная картина восстания так и не были донесены до депутатов Государственной думы в полной мере.

В декабре 1916 г., на фоне дальнейшего развития восстания, группа депутатов обратилась от имени фракций прогрессистов, кадетов, мусульманской фракции и меньшевиков с запросами к председателю Совета министров, к министру внутренних дел и юстиции и к военному министру по поводу событий, имевших место в Туркестане и Степном крае. В них члены Государственной думы обвиняли правительство в нарушении основных законов империи и в частности 86-й статьи, гласившей, что никакой новый закон не может пос-

---

²⁰ Переписка о событиях в Туркестане. 1916 г. // ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 51.

²¹ Ковалев А.П. Восстание 1916 года в Средней Азии и русская буржуазия // Труды САГУ. Ташкент, 1953. С. 40.

ледовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и утверждения Государя Императора.

События в Туркестане стали предметом особого рассмотрения на закрытом заседании пятой сессии Государственной думы IV созыва 13 и 15 декабря 1916 г. Керенский открывал и закрывал слушания, дважды выступал, возложив главную вину за беспорядки на краевую администрацию²².

Приезд комиссии Государственной думы в Туркестан не дал на практике ощутимых результатов. Направив ее, Дума попыталась устранить последствия восстания, но никак не причины, их породившие. Поэтому закономерным является тот факт, что Дума, заслушав отчет комиссии и выступления ряда депутатов, так и не приняла никакого определенного политического решения. Такими решениями, позволившими несколько стабилизировать непростую ситуацию в регионе, на наш взгляд, могли стать восстановление отнятых избирательных прав и принципиальный пересмотр стратегии переселенческой политики.

Причиной и историческим фоном восстания 1916 г. был системный кризис российской этнорегиональной политики, усугубленный с конца XIX в. противоречиями между коренным населением и поддержанными российским правительством европейскими переселенцами. В сложившейся ситуации стереотипы мышления, в сочетании с инстинктивным желанием политического самосохранения, не оставляли за основной массой депутатского корпуса возможностей политического маневра.

Восстановление представительства

Народы Туркестана смогли на практике приобщиться, пусть даже в усеченной форме, к формирующимся парламентским принципам государственного устройства в Российской империи в 1906—1907 гг.

На протяжении десятилетия с 1907 по 1917 г. вопрос о восстановлении избирательного права для Туркестана параллельно обсуждался как депутатами Думы, так и передовой туркестанской общественностью.

---

²² «Такое управление государством — недопустимо». Доклад А.Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной думы. Декабрь 1916 г. / Публ. Д.А. Аманжоловой // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4—22.

Дебаты в Думе по данной проблеме возникали: во-первых: либо в процессе рассмотрения того или иного законопроекта, касавшегося Туркестана (бюджет, сметы переселенческого Управления, земские повинности и т.д.); во-вторых: в результате депутатских запросов; в-третьих: в ходе обсуждения законопроектов о реформировании избирательной системы в России и введении всеобщего избирательного права.

Внутри самого Туркестана это движение условно можно разделить на два этапа:

Первый этап: с июня 1907 г. по август 1915 г. В это время выступления за возвращение Туркестану избирательного права носили единичный характер и выражалась в основном в форме петиций и ходатайств местного населения, а также публикаций в печати.

Второй этап: с августа 1915 г. до февраля 1917 г. На этом этапе к решению проблемы подключились члены Ташкентской городской думы, направившие официальный запрос правительству о возвращении избирательных прав хотя бы русскому населению.

Своего кульминационного момента проблема Туркестанского представительства достигла во время восстания 1916 г. и приближавшихся выборов в V Государственную думу. Нужно отметить, что активность в обсуждении этой темы каждый раз совпадала с очередной избирательной кампанией. Но все попытки вернуть утраченные гражданские права были тщетны, так как вернуть их означало развязать руки оппозиции и национально-освободительному движению, по сути дела узаконить его. На это царская администрация пойти не могла.

* * *

В ходе работы Государственной думы различных созывов вопросы, касавшиеся Туркестана, далеко не всегда рассматривались как важные и первоочередные, если они не затрагивали непосредственно сферы имперского доминирования в регионе. Причин этому было несколько. Во-первых, темпы и масштабы экономической эксплуатации региона еще не достигли своей максимальной отметки. Во-вторых, Россия опасалась дальнейшего усиления сепаратистских движений на окраинах империи.

В результате анализа существующих документов становится очевидным, что думское большинство в отношении Туркестана не просто являлось пассивным инструментом в руках царя и правительства, а в подавляющем большинстве случаев поддерживало проводимую ими политику. Поэтому за все время своего фактического функционирования с 1906 по 1917 гг. ни Дума, ни правительство не инициировали ни одной серьезной реформы, направленной на развитие или улучшение социально-экономической, политико-правовой, национально-культурной сферы жизни Туркестана.

В.В. КАРА-МУРЗА

Попытка образования ответственного министерства в I Государственной думе

Обновление государственного строя, проведенное царским Манифестом 17 октября 1905 года под давлением охватившего страну протестного движения, было половинчатым. Обретя законодательное учреждение и встав на путь конституционной монархии, Россия не становилась страной полноценного парламентаризма. Государственная дума получала законодательную власть, но не могла контролировать тех, кому надлежало исполнять принимаемые ею законы: министры, как и прежде, несли ответственность перед царем, а не перед народным представительством. Такая двойственная система была неспособна справиться с ключевой задачей, обозначенной лидером конституционно-демократической партии (партии народной свободы) П.Н. Милюковым: «разоружить революцию»¹. Волнения и забастовки, охватившие страну в 1905 году и утихнувшие после октябрьского манифеста, могли возобновиться, покуда вызвавшие их глубинные проблемы оставались нерешенными. Предотвратить социальный взрыв могли лишь масштабные реформы, в том числе в аграрном вопросе: кадетская программа на выборах в I Государственную думу предполагала «увеличение площади землепользования населения... государственными, удельными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путем отчуждения за счет государства... частновладельческих земель»².

Необходимым условием для реформ было дальнейшее преобразование государственного устройства: Россия, подчеркивалось в программе кадетов, должна была стать «конституционной и парламентарной монархией», в которой «министры ответственны перед собранием народных представителей»³. «Нет настоящего конституционного строя, где нет ответственности министров!» — гласил кадетский предвыборный плакат⁴. Вологодский губернский комитет партии требовал, «чтобы царь назначил министров из выборных депутатов Государственной думы, потому что они лучше других будут знать народ-

---

¹ Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 169.

² Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х т. М., 1997. Т. 1. С. 193—194.

³ Там же. С. 190, 191.

⁴ Партия народной свободы (конституционно-демократическая). М., 1906 // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 147. Л. 5.

ные нужды, и чтобы министрами назначались депутаты той партии, к которой принадлежит большинство Государственной думы»⁵. «Чтобы правительство в самом деле заботилось о народных нуждах, надо, чтобы народ сам, через своих выборных, заявил царю о своих нуждах, сам, через своих выборных, писал законы и сам, через тех же выборных, смотрел за тем, чтобы эти законы исполнялись как следует министрами... — разъяснялось в памфлете киевских кадетов. — Министрами будут назначаться только такие лица, которые согласятся править государством, как укажет Государственная дума»⁶.

По итогам выборов конституционно-демократическая партия получила в Государственной думе 153 места из 448 и сформировала наиболее многочисленную фракцию⁷. По подсчетам члена I Думы Н.А. Бородин, вместе с союзниками (в том числе из партии демократических реформ и группы «автономистов») кадеты могли рассчитывать на 289 голосов⁸. Кроме того, созданная крестьянскими депутатами трудовая группа, насчитывавшая 107 депутатов, в целом поддерживала идеи кадетов в области государственного устройства.

С открытием Думы кадеты повели публичную кампанию за ответственное министерство. «Мы можем написать какие угодно законы, но если министров Думе не подчиним, то мы ничего не сделаем... — говорил на заседании 3 мая кн. Д.И. Шаховской. — Подчинить министров Думе — только в этом наша задача, в этом главная потребность страны»⁹. Либералы пытались убедить власть, что установление парламентской формы правления необходимо и самой династии. «Монарх должен парить над партиями. Его нельзя делать ответственным за изменчивое направление политики, — говорил лидер партии демократических реформ М.М. Ковалевский. — Вот почему в Англии, в которой всего раньше осуществилась политическая ответственность министров, члены оппозиции называют себя членами оппозиции Его Величества, а не Его Величеству»¹⁰. В компромиссе между царской властью и народным представительством кадеты видели «последнюю попытку бескровного... решения основных вопросов нашего общественного бытия»¹¹. В статье «Реформа или револю-

---

⁵ Чего хотят люди, которые принадлежат к конституционно-демократической партии. Вологда, 1906 // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 140. Л. 4 об.

⁶ Чего хочет конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы). Киев, 1906. С. 4—5, 7.

⁷ Бородин Н.А. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 40.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. I. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 158—160.

¹¹ Речь. 1906. 21 апреля.

ция?», опубликованной в «Речи» в день открытия I Государственной думы, историк Э.Д. Grimm утверждал, что если Николай II откажется идти на уступки парламенту, то «тогда неизбежно должна разразиться революция»¹².

Перечень реформ, на которых настаивало парламентское большинство, был приведен в ответном адресе на тронную речь Николая II. В нем говорилось о необходимости политической амнистии и всеобщего избирательного права, отмены смертной казни и режима «чрезвычайной охраны», упразднения Государственного совета, снятия ограничений на пересмотр Думой основных законов, введения законодательных гарантий политических свобод и охраны труда, гражданского равноправия, принудительного отчуждения частновладельческих земель в пользу крестьянства и всеобщего бесплатного обучения. Одним из главных пунктов думского обращения стало требование ответственного министерства: «Никакое умиротворение страны невозможно доколе, доколе не станет ясно народу, что отныне не дано властям творить насилия, прикрываясь именем Вашего Императорского Величества, доколе все министры не будут ответственны перед народным представительством»¹³.

5 мая Дума единогласно одобрила ответный адрес, поручив своей депутации под руководством С.А. Муромцева передать его текст императору¹⁴. Однако Николай принимать депутацию отказался. Вместо этого 13 мая в парламент был отправлен председатель Совета министров И.Л. Горемыкин. Зачитанная премьером декларация, которая была составлена министром внутренних дел П.А. Столыпиным и министром юстиции И.Г. Щегловитовым, отвергала все основные требования депутатов, включая аграрную реформу, всеобщее избирательное право и политическую амнистию¹⁵. Тему ответственного министерства Горемыкин отказался даже обсуждать. Выступление премьера вызвало негодование в зале. «Выход из этого положения может быть только один: раз нас призывают к борьбе, раз нам говорят, что правительством является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то... мы можем сказать только одно: «исполнительная власть да покорится власти законодательной!!»», — заявил с думской трибуны кадет В.Д. Набоков¹⁶. В тот же день депутаты (при 11 голосах «против») приняли формулу «перехода к очередным делам», в которой вырази-

¹² Речь. 1906. 27 апреля.

¹³ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. С. 240.

¹⁴ Там же. С. 243.

¹⁵ Там же. С. 321—323.

¹⁶ Там же. С. 326.

ли «полное недоверие к безответственному перед народным представительством министерству» и высказались за «замену его министерством, пользующимся доверием Государственной думы»¹⁷. Это был первый в российской истории вотум недоверия кабинету.

Для достижения своей цели — формирования ответственного министерства — партия народной свободы нуждалась в союзниках во власти. Еще в ноябре 1905 года, выступая на земско-городском съезде в Москве, кадет Ф.И. Родичев заявил о готовности к переговорам: «В таком практическом вопросе следует держаться правила, завещанного старой итальянской школой: “Сделайте Италию хотя бы в союзе с чертом”»¹⁸. Наиболее активным сторонником соглашения с Думой в окружении Николая II неожиданно оказался комендант императорских дворцов ген. Д.Ф. Трепов — «душа реакционной партии», бывший петербургский генерал-губернатор, запомнившийся во время революционных событий 1905 года приказом «патронов не жалеть, холостыми не стрелять!»¹⁹. Убежденный монархист, преданный правящей династии, после 1905 года Трепов пришел к выводу о том, что единственный способ сохранить монархию — это принять требования оппозиции, в том числе в земельном вопросе. Брат Д.Ф. Трепова (и убежденный противник уступок) А.Ф. Трепов рассказывал, что комендант «твердит одно — “все пропало и нужно спасти государя и династию от неизбежной катастрофы”»²⁰. «Этот «дилетант», — вспоминал о ген. Трепове П.Н. Милюков, — был, очевидно, дальновиднее официальных политиков»²¹.

В середине июня 1906 года ген. Д.Ф. Трепов попросил о встрече с П.Н. Милюковым. В роли посредника, передавшего кадетскому лидеру просьбу коменданта, выступил «корреспондент американской газеты» (в других источниках упоминается «некто Ламарк») ²². По всей видимости, речь идет о Генри Ла Марке, петербургском корреспонденте американской газеты «The Chicago Daily News»²³. «Уклонить-

¹⁷ Там же. С. 353.

¹⁸ Шелухаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. С. 154.

¹⁹ Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. С. 137; Кетриц Б.Э. Первая Государственная дума. СПб., 1907. С. 9.

²⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919. Париж, 1933. Т. I. С. 200.

²¹ Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Нью-Йорк, 1955. С. 384.

²² Речь. 1909. 17 февраля; Маклаков В.А. Первая Государственная дума (воспоминания современника). Париж, 1939. С. 189.

²³ Dr. Henry J. La Marc. Correspondent of «The Chicago Daily News». St. Petersburg, Russia. [Визитная карточка] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3А. Д. 146. Л. 1.

ся от встречи я считал невозможным, когда речь шла о нашем главном требовании», — вспоминал Милюков²⁴. Беседа проходила в ресторане «Кюба» на Большой Морской улице, д. 16²⁵. По свидетельству Милюкова, «свидание протекало в очень любезных тонах»²⁶. «Затруднения... чрезвычайно велики. А потому и меры для преодоления их должны быть чрезвычайными, — заявил дворцовый комендант в начале беседы. — Когда дом горит, то выбор может быть только один: или сгореть в нем, или рискнуть на скачок с пятого этажа, хотя бы и с риском сломать себе ноги». «Таким рискованным, но неизбежным прыжком, — вспоминал П.Н. Милюков, — и казалось генералу обращение к кадетам»²⁷. В ответ на предложение Трепова называть условия, на которых партия народной свободы согласилась бы составить министерство, Милюков перечислил семь пунктов: всеобщая амнистия, отмена смертной казни, снятие исключительных положений, замена высшего состава провинциального чиновничества, реформа Государственного совета, введение всеобщего избирательного права и аграрная реформа по программе кадетов²⁸.

«К своему удивлению, — вспоминал П.Н. Милюков, — я не только не встретил со стороны моего собеседника принципиальных возражений, но нашел полное согласие с принципами [аграрной] реформы, и речь шла лишь о подробностях ее выполнения»²⁹. Комендант, в частности, высказал пожелание, чтобы наделение крестьян землей было осуществлено не думским законом, а царским манифестом «как особая монаршая милость»³⁰. Всеобщее избирательное право, по свидетельству кадетского лидера, также «никакого сопротивления не встретило»³¹. Согласился комендант и на замену губернаторов; реформу же Государственного совета посчитал «излишней», поскольку «эти старички пойдут за всяким правительством»³². Серьезное возражение вызвал лишь вопрос о всеобщей амнистии: Трепов высказал мнение, что «неполную амнистию провести было бы возможно; но амнистия полная, включающая бомбистов, встретила бы самое решительное противодействие» царя³³. После обсуждения программных вопросов дворцовый комендант, по словам Милюкова, «потребовал от меня

---

²⁴ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 377.

²⁵ Там же. С. 378.

²⁶ Там же.

²⁷ Речь. 1909. 17 февраля.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 379.

³² Речь. 1909. 17 февраля.

³³ Там же.

списка кандидатов в министры и... записал некоторые мои соображения»³⁴. «Общее впечатление, произведенное на Трепова нашей беседой... не исключало дальнейших переговоров, — вспоминал лидер партии народной свободы. — Как признак возникшего между нами взаимного доверия, Трепов дал мне на прощанье номер своего телефона в Петергофе и предложил сноситься с ним непосредственно»³⁵.

Спустя несколько дней дворцовый комендант представил Николаю II записку с предполагаемым составом будущего министерства, в которое намечались П.Н. Милюков (министр внутренних дел), В.Д. Набоков (министр юстиции), И.И. Петрункевич (министр земледелия), Н.Н. Кутлер (министр финансов), А.А. Мануйлов (министр народного просвещения), Н.Н. Львов или кн. Е.Н. Трубецкой (обер-прокурор Св. синода), кн. Г.Е. Львов, Ф.Ф. Кокошкин и Н.Н. Щепкин (товарищи министра внутренних дел)³⁶. Кандидатура военного министра оставлялась на усмотрение императора; в записке лишь указывалось, что кадеты «добиваются замены генерала Редигера другим лицом»³⁷. Для назначения на пост председателя Совета министров в списке ген. Трепова указывались три возможных кандидата: П.Н. Милюков, И.И. Петрункевич и С.А. Муромцев³⁸.

Дворцовый комендант был не единственным, кто пытался убедить царя в необходимости соглашения с кадетами. 25 июня, во время еженедельной аудиенции в Петергофском дворце, министр иностранных дел А.П. Извольский передал Николаю II докладную записку, подготовленную по просьбе министра депутатом Н.Н. Львовым³⁹. В ней говорилось, что «всякое министерство, составленное исключительно из представителей бюрократии, неизбежно обречено на отсутствие доверия со стороны представительных учреждений... а так как симпатии народа остаются с Думой, вся враждебность направляется против министерства, и это не может не вызвать роковых последствий для управления государством и для спокойствия страны»⁴⁰. Выходом из ситуации автор записки считал формирование «министерства смешанного характера» с участием членов Государственной думы⁴¹. «На пост председателя Совета министров, — говорилось в докладе, — нельзя найти лучшего кандидата, чем настоящий председатель Думы

---

³⁴ Речь. 1909. 17 февраля.

³⁵ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 379.

³⁶ Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 217.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Извольский А.П. Указ. соч. С. 121.

⁴⁰ Там же. С. 117.

⁴¹ Там же. С. 118.

Муромцев, который пользуется громадным авторитетом среди членов этого учреждения»⁴². «Незаменимым» кандидатом на вхождение в кабинет назывался и П.Н. Милюков, который мог бы стать «наиболее сильным защитником министерства» от нападков революционеров⁴³. Николай выслушал Извольского «с большой благосклонностью» и, по впечатлению министра, «был в общем расположен к соглашению с Думой», а через несколько дней вновь вызвал его и, сказав, что «был поражен силой и справедливостью аргументов», «уполномочил... войти в переговоры с лицами, указанными в докладной записке... [и] привлечь к этому делу Столыпина»⁴⁴. В скором времени министр иностранных дел уже «имел секретное совещание с руководящими членами Думы, прежде всего с ее председателем Муромцевым»⁴⁵.

В переговорах с кадетами участвовал и член Государственного совета А.С. Ермолов, встретившийся с П.Н. Милюковым «по поручению государя» на квартире С.А. Муромцева⁴⁶. О желательности думского министерства говорил министр императорского двора барон В.Б. Фредерикс, выразивший мнение, что это «было бы даже лучше для государя, так как сложилось бы с него ответственность за действия исполнительной власти»⁴⁷. Милюков позднее признавался, что «не ожидал такого сильного течения среди сановников против роспуска Думы»⁴⁸. Тем временем приглашенный на высочайшую аудиенцию 28 июня председатель ЦК Союза 17 октября Д.Н. Шипов сказал императору, что «в настоящее время и при сложившихся условиях возможно образование кабинета только из представителей большинства Государственной думы»⁴⁹. В беседе с Николаем Шипов выразил мнение, что «присутствие П.Н. Милюкова в кабинете на посту министра внутренних дел или министра иностранных дел будет... необходимо» и что «на посту председателя [Совета министров] желательно было бы видеть С.А. Муромцева», который «пользуется общепризнанным авторитетом»⁵⁰. На это император заметил, что «вынес самое хорошее впечатление» от знакомства с Муромцевым и отно-

⁴² Там же. С. 119.

⁴³ Там же. С. 120.

⁴⁴ Там же. С. 121, 123.

⁴⁵ Там же. С. 123.

⁴⁶ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 380.

⁴⁷ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 211.

⁴⁸ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 388.

⁴⁹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом // Российские либералы: кадеты и октябристы: Сб. / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 220.

⁵⁰ Там же. С. 222.

сится к нему «с полным уважением»⁵¹. Два дня спустя Ермолов сообщил Шипову, что его предложение было «встречено благоприятно»⁵². Сам Муромцев подтверждал, что «из сообщения.. близких к сферам лиц знал, что возбужден вопрос о кадетском министерстве» и что он сам «по желанию двух-трех “сановников” беседовал с ними у себя о том же»⁵³.

Эхо закулисных переговоров доносилось и до газетных полос. 16 июня «Русские ведомости» со ссылкой на газету «Слово» сообщили, что «в Петергофе очень благосклонно относятся к созданию общественного министерства», и привели предполагаемый состав будущего кабинета, в котором пост премьера отводился С.А. Муромцеву, пост министра народного просвещения — Милюкову, а пост министра земледелия — Н.Н. Кутлеру⁵⁴. Тем временем Д.Ф. Трепов в интервью агентству Рейтера подтвердил свое мнение о том, что новое правительство должно быть образовано из кадетов, «потому что они — сильнейшая партия в Думе» и потому что «ни коалиционное министерство, ни министерство, взятое вне Думы, не дадут стране успокоения»⁵⁵. 21 июня «Речь» сообщила, что «на состоявшемся 20 июня заседании Совета министров И.Л. Горемыкин, который накануне экстренно вызван был в Петергоф, заявил, что совету предложено подать в отставку», а 30 июня «Русские ведомости» со ссылкой на «Биржевые ведомости» передали слова министра путей сообщения Н.К. Шауфуса о том, что отставка кабинета — «дело нескольких часов»⁵⁶. 4 июля та же газета писала, что, по сведениям журналистов «XX века», тремя днями ранее «Муромцев должен был быть в Петергофе»⁵⁷. Сам председатель Государственной думы, по свидетельству Милюкова, «в те дни... совершенно серьезно ждал приглашения в Петергоф»⁵⁸. Готовясь к предстоящему назначению, Муромцев предложил сотруднику думской канцелярии Я.В. Глинке последовать за ним в правительство⁵⁹. «...В один из дней [Муромцев] с несколькими своими софракционерами должен был ехать в Царское Село, — вспоминал Глинка. — Все сидели во фраках и ждали сигнала к отъезду»⁶⁰.

⁵¹ Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 222.

⁵² Там же. С. 224.

⁵³ Муромцев С.А. Письмо о переговорах по созданию кадетского министерства. 1907. (Написано собственной рукой С.А. Муромцева) // ГА РФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

⁵⁴ Русские ведомости. № 155. 16.06.1906. С. 2.

⁵⁵ Речь. 1906. 27 июня.

⁵⁶ Речь. 1906. 21 июня; Русские ведомости. 1906. 30 июня.

⁵⁷ Русские ведомости. 1906. 4 июля.

⁵⁸ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 395.

⁵⁹ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 44.

⁶⁰ Там же.

Сигнал так и не поступил. 7 июля И.Л. Горемыкин привез императору проект указа о роспуске Государственной думы. Проект был подготовлен министром внутренних дел П.А. Столыпиным, который одновременно с роспуском получал назначение на пост председателя Совета министров. Для предотвращения возможного сопротивления со стороны депутатов указ было решено хранить в тайне до воскресенья 9 июля — Столыпин дважды звонил С.А. Муромцеву и просил назначить заседание Думы на 10 июля, чтобы заслушать его выступление⁶¹. На рассвете 9 июля Таврический дворец и здание центрального клуба конституционно-демократической партии на Потемкинской улице оцепили войска. «Свершилось! Дума сегодня закрыта», — написал Николай II в своем дневнике⁶². Первый российский парламент просуществовал всего 72 дня. Вместе с ним, были уверены кадеты, исчезла и надежда на мирные преобразования. «Закрыт прямой путь к обновлению государственного строя, к умиротворению измученной невзгодами, истерзавшейся страны... — писали «Русские ведомости» 11 июля. — Быть может, над бедной русской землей уже занесен тяжелый молот, который должен разбить оковы на ее груди, а вместе с тем и ее залить потоками крови»⁶³.

Решающая роль в срыве переговоров с кадетами принадлежала министру внутренних дел П.А. Столыпину. По свидетельству А.П. Извольского, «если [Николай] и соглашался вначале с предложениями генерала [Трепова], он все же не решался одобрить их без предварительного совещания со Столыпиным... Столыпин протестовал против этого со всей присущей ему силой... Император, окончательно убежденный Столыпиным, приказал генералу Трепову отказать от осуществления его проекта и прервать переговоры с Милюковым»⁶⁴. По словам министра финансов В.Н. Коковцова, еще в мае Столыпин «не скрыва[л] ни от кого из нас убеждения, что роспуск Думы совершенно неизбежен» и заявлял о своем намерении убедить царя в необходимости такого шага⁶⁵. После того как Николай поручил Извольскому привлечь Столыпина к переговорам с кадетами, министр внутренних дел получил практическую возможность не допустить их успешного завершения. Состоявшаяся во второй половине июня встреча Столыпина и Извольского с П.Н. Милюковым оставила у последнего впечатление, что министр внутренних дел участвовал в ней «только для того, чтобы формально исполнить дан-

---

⁶¹ *Винавер М.М.* Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907. С. 180.

⁶² Дневник императора Николая II. Берлин, 1923. С. 244.

⁶³ Русские ведомости. 1906. 11 июля.

⁶⁴ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 138—139.

⁶⁵ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 188, 204.

ное ему поручение и при этом найти мотивы для подкрепления собственного отрицательного мнения о кадетском министерстве»⁶⁶. «В намерения Столыпина не входило дать мне возможность высказаться по существу», — вспоминал лидер кадетов, назвавший министра внутренних дел «злейшим врагом парламентарного министерства, преследовавшим с самого начала цель расстроить комбинацию, в которой для него самого не находилось места»⁶⁷. Д.Н. Шипов, встретившийся со Столыпиным в конце июня 1906 года, почувствовал «недовольство во всей его фигуре» тем, что Николай II склоняется к идее ответственного министерства⁶⁸. «Уходя от П.А. Столыпина, — вспоминал лидер октябристов, — я уносил уверенность, что им будет оказано все возможное противодействие осуществлению мысли об образовании кабинета из руководящих элементов Государственной думы»⁶⁹.

В 1909 году свою роль в срыве переговоров об ответственном министерстве подтвердил и сам П.А. Столыпин. В ответ на напоминание П.Н. Милюкова об их разговоре в июне 1906 года Столыпин распространил сообщение о том, что «разговор этот был немедленно доложен Его Величеству с заключением министра внутренних дел о том, что выполнение желаний к.-д. партии могло бы лишь самым губительным образом отразиться на интересах России»⁷⁰.

Немаловажным фактором в определении позиции П.А. Столыпина могли стать личные соображения: по свидетельству П.Н. Милюкова, его отрицательное отношение к идее ответственного министерства стало особенно очевидным после того, как лидер кадетов дал понять, что о вхождении в новый кабинет самого Столыпина «не может быть и речи»⁷¹. Д.Н. Шипов вспоминал, что в ходе его беседы со Столыпиным 27 июня министр внутренних дел «перевел речь на вопрос об образовании коалиционного кабинета», в состав которого должны были войти «общественные деятели и представители бюрократических кругов в лице некоторых членов настоящего кабинета, причём в числе последних... П.А. дал понять, что имеет в виду себя...»⁷². Но все же списывать поведение Столыпина исключительно на карьерные соображения было бы неверно: немалое значение

---

⁶⁶ Милюков П.Н. Три попытки (к истории русского лжеконституционализма). Париж, 1921. С. 33.

⁶⁷ Милюков П.Н. 1) Воспоминания (1859—1917). С. 385; 2) Три попытки. С. 27.

⁶⁸ Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 223.

⁶⁹ Там же. С. 223—224.

⁷⁰ Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). С. 386—387.

⁷¹ Милюков П.Н. Три попытки. С. 33—34.

⁷² Шипов Д.Н. Указ. соч. С. 214.

имели его политические взгляды. По воспоминаниям А.П. Извольского, мировоззрение министра внутренних дел «находилось под сильным воздействием известного течения, которое... носило название “славянофильство”»⁷³. Сам Столыпин объяснял свое неприятие западных образцов конституционного устройства тем, что «нельзя к нашим русским корням... прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок»⁷⁴. В борьбе с народным представительством Столыпин был весьма последователен, на что указывает его роль не только в обстоятельствах роспуска I Думы, но и в «третьеиюньском перевороте» 1907 года. Именно кабинет Столыпина инициировал судебное преследование бывших депутатов I Думы по делу о «выборгском воззвании»: 167 человек были признаны виновными по ст. 129 Уголовного уложения в призывах «к неповиновению или противодействию закону» и приговорены к трехмесячному тюремному заключению с последующим лишением избирательных прав при выборах в Государственную думу и в органы земского и городского самоуправления⁷⁵. Этим приговором власти намеренно устранили из политической жизни наиболее ярких представителей либеральной оппозиции.

«Роспуск Думы — конец либеральной гегемонии, сдерживавшей и принижавшей революцию», — торжествовал летом 1906 года лидер большевиков В.И. Ленин⁷⁶. П.Н. Милюков называл ответственное министерство «той первой зарубкой, на которой революционный процесс мог задержаться»⁷⁷. Обманув надежды на изменение существующих порядков законодательным путем, царская власть подтолкнула страну к дальнейшей радикализации и подготовила почву для новых революционных потрясений. Трудно не вспомнить известное изречение О. фон Бисмарка: «Сила революционеров не в идеях их вожаков, а в небольшой дозе умеренных требований, своевременного не удовлетворенных»⁷⁸.

---

⁷³ Извольский А.П. Указ. соч. С. 68.

⁷⁴ Рутыч Н.Н. Думская монархия. СПб., 1993. С. 32.

⁷⁵ Глинка Я.В. Указ. соч. С. 223.

⁷⁶ Ленин В.И. Перед бурей // Ленин В.И. ПСС. М., 1968. Т. 13. С. 334.

⁷⁷ Милюков П.Н. Три попытки. С. 40.

⁷⁸ Российский либерализм: Идеи и люди / Под ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 702.

Н.А. ПОРТНЯГИНА

Дебаты по проблеме амнистии в I Государственной думе

Амнистия, террор, отмена смертной казни стали едва ли не самыми дебатруемыми темами в I Государственной думе. С вопроса об амнистии Дума начала свою работу, а одним из двух законопроектов, которые она одобрила, был законопроект об отмене смертной казни. Этим, недостаточно освещенным в отечественной историографии проблемам, имеющим большое значение для изучения становления конституционной монархии в России, посвящена данная статья. Как известно, сразу после избрания председателя I Государственной думы с требованием амнистии политическим заключенным выступил кадет И.И. Петрункевич. По воспоминаниям А.В. Тырковой, он на трибуну не поднялся, «говорил с места и произнес слово «амнистия», которое было у всех на устах»¹.

Вопросы амнистии и отмены смертной казни были тесно связаны с проблемой террора, так как значительная часть заключенных, которые сидели в тюрьмах в 1906 г., были осуждены за политические преступления: террористические акты или экспроприации. А.В. Тыркова вспоминала: «...террор, аграрные беспорядки, революционные насилия продолжались и в тюрьмы попадали новые нарушители общественного порядка, для которых оппозиция тоже добивалась амнистии»². Перед открытием Думы амнистия была одной из самых обсуждаемых тем на страницах российской печати. Либеральное «Русское слово» писало: «Вот вопрос, который теперь занимает всех и каждого... Факт мудрости, который устранил бы один из наиболее острых вопросов, стоящих между будущей Думой и правительством. Но для этого нужна действительная, широкая амнистия. Страна горячо требует и ждет амнистии»³. Об амнистии «неустанно повторялось на избирательных собраниях»⁴ и в наказах депутатам. Так, в 108 наказах I и II Государственным думах крестьян четырех губерний Среднего Поволжья требование политической амнистии содержалось в 68 или 63 % случаев⁵.

---

¹ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 259.

² Там же.

³ Русское слово. 1906. 31 марта.

⁴ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 259.

⁵ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 343—344.

Правительство также хорошо было информировано об общественных настроениях в отношении амнистии как из материалов печати, так и из писем частных лиц и общественных организаций, поступавших на имя царя и председателя Совета министров после опубликования 18 февраля 1905 г. именного высочайшего указа Правительствующему сенату. Консервативная общественность передавала в письмах тяжелую атмосферу страха, посеянного террором, выступала против амнистии и за сохранение смертной казни. Так, губернский гласный Полтавского земства В.И. Мезенцов в конце 1905 г. в письме С.Ю. Витте писал: «Совершенно терроризировано все мирное, благоразумное общество. Вы напрасно взываете к поддержке благомыслящих людей, — они не могут, они не смеют пикнуть против обуявшего их террора, — хотя нисколько не сочувствуют революции»⁶. Ему вторил Э. Шильдер-Шульднер в письме от 3 ноября 1905 г.: «Они [либералы, революционеры — Н.П.] ратуют против уничтожения смертной казни, а сами терроризируют мирных рабочих и железнодорожных служащих именно страхом смерти от неизвестной, подосланной ими руки... Вся их сила в страхе других!». Автор письма ратовал за применение смертной казни для террористов⁷.

Либеральная общественность, напротив, настаивала на отмене смертной казни и на полной политической амнистии, полагая, что это остановит революцию и террор. Так, 21 октября 1905 г. в Совет министров поступило письмо из Риги от Л.Ю. Иониной, бывшей жены посла России в Швейцарии, которая писала, что до созыва Государственной думы Совет министров мог бы обсудить вопрос об отмене закона о смертной казни как несоответствующий «степени развития человечества в 20 веке»⁸. 20 декабря 1905 г. С.Ю. Витте получил письмо от анонимного корреспондента, который предлагал дать евреям равноправие, провести переговоры и заключить перемирие с вождями эсеров на следующих условиях: «Партия приостанавливает всякие активные враждебные правительству действия и пропаганду до открытия Государственной думы и потом еще на 1 год», а правительство «освобождает арестованных, за исключением совершивших убийство и участвовавших в открытых мятежах в России»⁹.

⁶ В.И. Мезенцов — С.Ю. Витте // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 57. Л. 73.

⁷ Э. Шильдер-Шульднер — С.Ю. Витте, 3 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 57. ЛЛ. 168—170.

⁸ Письмо Л.Ю. Иониной, 10 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 10. Л. 129.

⁹ Письмо неизвестного С.Ю. Витте, 20 декабря 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 59. ЛЛ. 16—17.

Даже крестьяне Рижского уезда просили Совет министров освободить от заключения всех арестованных по политическим делам¹⁰.

Почему проблема амнистии, безусловно, важная, но все же не первостепенная, выдвинулась на первый план в Думе? Представляется, что это было обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, настроением улицы. Когда депутаты после тронной речи императора двинулись из Зимнего дворца в Таврический, их сопровождали массы народа с одним требованием: «Амнистии!», а из «Крестов» неслись крики узников: «Ура! Свободы! Амнистии!». В ответ все депутаты, «как один человек, замахали шляпами». У многих на глазах стояли слезы¹¹. Во-вторых, депутаты сознавали, что созыв Думы является итогом долгой освободительной борьбы, и «с ее стороны — долг чести, прежде всего, протянуть руку помощи к тем, кто еще томится в заключении»¹². Кроме того, эти вопросы стали средством давления Думы на правительство. Новая элита, возникшая в России в ходе модернизации, хотела большей власти, чем та, которую она получила по Основным государственным законам от 23 апреля 1906 г. Эту мысль кадетский депутат В.Д. Набоков выразил следующими словами: «...исполнительная власть да покорится власти законодательной».

Вопрос об амнистии в Думе был инициирован кадетами и, разумеется, он возник в нижней палате парламента не спонтанно, как это могло показаться со стороны или как это выглядит в воспоминаниях многих осведомленных кадетов. Например, у А.А. Кизеветтера, который писал в эмиграции, что именно возгласы толпы «Амнистия, амнистия!» по пути в Таврический дворец побудили «членов Думы устроить так, чтобы первая речь в первом русском парламенте была посвящена призыву к амнистии»¹³. В.А. Маклаков также вспоминал, что речь И.И. Петрункевича в собрании объединенной оппозиции 26 апреля не предусматривалась и стала полной неожиданностью¹⁴. Безусловно, следует отдать дань «ораторским страстям», которые гос-

---

¹⁰ Прощение крестьян Рижского уезда, 15 мая 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

¹¹ *Локоть Т.В.* Первая Дума. Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной думы. М., 1906. С. 158; *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 339.

¹² *Езерский Н.Ф.* Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 23.

¹³ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881—1914 гг. / Вст. ст., коммент. М.Г. Вандалковской. М., 1996. С. 293.

¹⁴ *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 70.

подставали в Думе. Они и раньше оказывали влияние на работу кадетских съездов и заседаний ЦК, мешая составить «конкретный план действий для Думы»¹⁵. Но все же вопрос об амнистии обсуждался на трех заседаниях ЦК кадетской партии и на двух съездах перед открытием Думы, он продолжал обсуждаться в ЦК партии и после открытия первой сессии парламента. В.Д. Набоков в отчетном докладе о деятельности кадетской фракции в Думе 4-му съезду партии в сентябре 1906 г. назвал борьбу за полную политическую амнистию «первой задачей фракции в Думе»¹⁶.

Уже на 2-м съезде партии 6 января 1906 г. Ф.Ф. Кокошкин в докладе «О тактике в I Государственной думе» предложил бороться в парламенте за полную политическую амнистию, которая, по его мнению, была «необходима...как ввиду неполноты амнистии, данной 21 октября, так и для ликвидации последствий борьбы между правительством и оппозиционными элементами общества...», а также, чтобы перейти «от настоящего состояния дезорганизации к творческой работе». Ф.Ф. Кокошкин полагал тогда, что все эти меры можно осуществить быстро, в одну сессию¹⁷. Кадеты намеревались внести законопроект об амнистии в самом начале сессии Думы¹⁸. На заседании ЦК 8—9 апреля 1906 г. они обсуждали проблему амнистии в связи с вопросом о предании суду должностных лиц, виновных в различных злоупотреблениях властью. Оба эти вопроса были переданы в комиссию, в которую вошли В.Д. Набоков, И.В. Гессен и Л.И. Петражицкий¹⁹. В.Д. Набоков составил законопроект об амнистии, рассматривавшийся в заседаниях ЦК, предшествовавших 3-му съезду партии. Он был напечатан в бюллетенях, но на съезде не обсуждался за недостатком времени²⁰.

На заседание ЦК 19 апреля 1906 г. доклад об амнистии делал, по видимому, М.М. Винавер²¹. Он беспокоился о том, чтобы амнистия не распространялась на организаторов еврейских погромов в городах черты оседлости, поскольку «этот первый шаг Государственной

¹⁵ Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917) / Сост. и авт. вст. ст. М.Г. Вандалковская. М., 1990. С. 362.

¹⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х т. М., 1997. Т. 1. С. 359.

¹⁷ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 75—76.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 386.

¹⁹ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. М., 1994. Т. 1. С. 68.

²⁰ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 386.

²¹ Протоколы Центрального Комитета. Т. 1. С. 488.

думы произведет на еврейское население» негативное впечатление²². На 3-м съезде партии 21—25 апреля 1906 г. проблема амнистии также вызвала бурные прения, в результате которых съезд принял следующее постановление о тактике партии в Думе: «...во имя требования элементарной справедливости и для умиротворения общественной совести, съезд считает необходимым в самом же начале внести законопроект о полной политической амнистии и об отмене смертной казни и назначить парламентское расследование противозаконных действий представителей администрации, совершенных после 17 октября в борьбе с общественным движением»²³. Однако в опубликованных перед открытием Думы Основных законах амнистия была изъята из законодательной компетенции парламента и по 23-й статье стала прерогативой монарха. На заседании ЦК 26 апреля кадеты решили, что об амнистии необходимо будет упомянуть в ответном адресе императору и наряду с этим в особом предложении монарху²⁴. После открытия Думы, 30 апреля, ЦК обсуждал вопрос о том, не следует ли об амнистии говорить раньше адреса и отдельно от него²⁵. Думская фракция кадетов также всесторонне обсудила вопрос о внесении законопроекта об амнистии и решила, что подобный законопроект приведет к роспуску Думы. По словам В.Д. Набокова, во фракции решили иначе: «Указание на необходимость амнистии было первым словом депутата партии конституционных демократов, раздавшимся в стенах Таврического Дворца. И во втором же заседании Думы, по предложению Родичева, единогласно принятому, было постановлено возложить на комиссию по составлению адреса в ответ на тронную речь непрременную обязанность включить указание на безусловную необходимость объявления ныне же полной амнистии...»²⁶.

Хотя порядок действия в отношении амнистии был определен кадетами заранее, они все же еще раз решили его обсудить с авторитетными общественными деятелями перед началом работы Думы. Так, сразу по прибытии в Таврический дворец, к М.М. Ковалевскому, с научным авторитетом которого считались и левые, и правые, подошел С.А. Муромцев и спросил его мнения о своевременности

---

²² Там же. С. 70.

²³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 242—250.

²⁴ Протоколы Центрального Комитета. Т. 1. С. 71.

²⁵ Там же.

²⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 386—387.

разговора об амнистии. М.М. Ковалевский «высказался в смысле утвердительном»²⁷.

При обсуждении проекта ответного адреса императору в нижней палате развернулись дебаты по вопросу об амнистии. Депутаты подчеркивали, что амнистия — это всенародное требование к верховной власти, а не просьба, так как амнистия касается не заблудших, а невинных, которые «томятся в тюрьмах не потому, что они преступники, а потому, что они борцы, потому что добивались того, чего мы здесь добиваемся», отмечали, что амнистия является условием мира в стране и должна быть всеобщей²⁸. Рабочий социал-демократ В.Н. Чуриков предложил, не дожидаясь составления ответного адреса, послать императору телеграмму о необходимости освобождения всех политических заключенных, а до тех пор не приступать ни к каким делам²⁹. И хотя большинство депутатов высказались против этой меры, полагая, что она спровоцирует открытый конфликт с верховной властью³⁰, тем не менее требование Думой амнистии выглядело именно угрозой царю и правительству. На 4-м заседании Думы В.Д. Набоков озвучил кадетский проект обращения к государю в ответ на тронную речь, в котором отмечалось, что отсутствие амнистии не дает возможности Думе приступить к законодательной работе. Амнистия — требования народной совести, «в которых нельзя отказывать, с исполнением которых нельзя медлить». Дума ждет «полной политической амнистии, как первого залога взаимного понимания и взаимного согласия между царем и народом»³¹.

5 мая Дума единогласно приняла кадетский вариант ответного адреса императору, в который были внесены незначительные изменения, уточняющие понятие: «полной политической амнистии», т.е. «амнистии, распространённой на все предусмотренные уголовным законом деяния, вытекавшие из побуждений религиозных или политических, а также на все аграрные правонарушения»³². Однако ожидание амнистии оказалось тщетным. В июне трудовая группа еще раз поставила вопрос о внесении законопроекта об амнистии, но кадетская фракция на заседании 15 июня решила не поддерживать эту инициативу. Она посчитала, что нецелесообразно «переносить центр внимания страны от главного вопроса — конфликта с министерством

²⁷ Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917. С. 362.

²⁸ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 1. С. 24, 27—28.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Там же. С. 35—38.

³¹ Там же. С. 76.

³² Там же. С. 241.

и борьбы за его скорейшую отставку — на вопросы, которые являются естественным последствием этой отставки»³³. В результате трудовая группа не внесла этот законопроект. Таким образом, амнистии Дума не добилась. Между тем, по мнению современников, у нее был способ сделать это. Для этого Дума должна была осудить террор³⁴. Без этого требовать амнистии от власти, которая опасалась, что выпущенные на свободу заключенные вновь возобновят террор, было бессмысленно. Так, А.В. Богданович 3 мая записала в дневнике: «Б.В. Никольский рассказывал, что когда царю было доложено про убийство адмирала Кузьмича, он топнул ногой и воскликнул: “После всех этих убийств смеют еще говорить об амнистии”»³⁵.

Предложение осудить террор было высказано в I Думе депутатами-октябристами. Первым эту идею озвучил 2 мая октябрист А.А. Остафьев. Он подчеркнул, что нельзя требовать амнистии без того, чтобы сказать, что в «культурной стране, какой должна быть Россия, когда будут гарантированы все свободы, никаких смертных казней и покушений одного человека на другого не может быть...»³⁶. Одна из лучших речей в I Думе была произнесена членом ЦК партии октябристов М.А. Стаховичем в защиту осуждения террора. 4 мая он предложил принять поправку к адресу императору, осуждающую террор. Террор, с его точки зрения, являлся преступлением, вызванным жестокостью власти и бесправием народа. Но в Думе нужно «добиваться своего или общественного права не силой, а по закону». В поправке говорилось: «...Государственная дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым Дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они ни исходили»³⁷. По свидетельству А.В. Тырковой, М.А. Стахович говорил «вдохновенно и заразительно», не искал популярности, «да и заслужить ее в Думе он не мог, так как шел в разрез с массовыми чувствами, взбудораженными смутой»³⁸.

³³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 387—388.

³⁴ Маклаков В.А. Указ. соч. С. 109.

³⁵ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 387—388.

³⁶ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Т. 1. С. 82.

³⁷ Там же. С. 228.

³⁸ Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 261.

При баллотировке поправки М.А. Стаховича октябристы требовали поименного голосования. П.А. Гейден настаивал: «Я за поименную баллотировку, так как против насилия большинства над меньшинством и желаю, чтобы мое мнение было отделено от мнения других и чтобы было удостоверено, что я высказал то мнение, которое я желал здесь высказать»³⁹. Однако Дума проголосовала и против поименной баллотировки и против поправки М.А. Стаховича. Председатель С.А. Муромцев предложил несогласным письменно сообщить бюро свое мнение. 5 мая, когда депутаты голосовали за окончательный кадетский вариант ответного адреса императору, содержащий требование полной политической амнистии, 7 депутатов во главе с П.А. Гейденом, не разделявшие идеи адреса, но и не желавшие нарушать единодушие Думы, покинули зал заседания. 8 мая секретарю Думы подали заявление еще 4 члена Думы, таким образом присоединившись к мнению группы П.А. Гейдена по вопросам об амнистии и терроре.

Дума оказалась не в состоянии осудить террор, потому что она, в отличие от депутата М.А. Стаховича, не видела в нем преступления. Террористы представляли в речах народных избранников героями, совершавшими теракты «из любви к родине и из желания ей блага», а не преступниками⁴⁰. Депутат И.Л. Шраг, входивший в кадетскую фракцию, полагал, что террористы совершили наивысший подвиг: «жизнь свою положили за други своя!», они — «жертвы невольные», «...идя на то, что с формальной стороны называется преступлением, может быть мучились, страдали, ибо им, по их взглядам и убеждениям, противны все насилия, противно посягательство на жизнь человека. Они шли на это, как на подвиг, на борьбу и думали, быть может, заблуждались, что они спасают то, что им дорого, что они идут на борьбу с тем, что и нам одинаково ненавистно»⁴¹. Ему вторил профессор М.М. Ковалевский. В разговоре с друзьями он находил, что «гораздо действеннее писать статьи, чем бросать бомбы»⁴², но на думском заседании называл террористов святыми, поскольку им свойственно самопожертвование. Именно поэтому, с его точки зрения, Дума и не решается «поднимать секиру над головами политических преступников»⁴³. Ф.И. Родичев и В.Д. Набоков не сомневались, что,

³⁹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Т. 1. С. 234.

⁴⁰ Там же. С. 34, 1487.

⁴¹ Там же. С. 231.

⁴² Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 116.

⁴³ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Т. 1. С. 436.

после амнистии, «лица, которые в настоящее время наполняют тюрьмы, дадут ... целую толпу деятелей самоотверженных, потому что туда их привело самоотвержение, которого нет в рядах истязателей!», смогут быть «вождями народными»⁴⁴.

Таким образом, инициированная кадетами борьба Думы за политическую амнистию стала средством ее давления на правительство. Дума хотела не столько освободить заключенных, сколько выиграть у правительства борьбу за власть. Нежелание Думы осудить террор сделало для нее совершенно невозможным найти действенные пути для решения проблемы амнистии и способствовало ее роспуску.

---

⁴⁴ Там же. С. 230; Там же. Т. 2. С. 1487.

Е.А. БЕСЕДИНА

Фракция трудовиков I Государственной думы Российской империи: повседневные практики парламентария

Парламентская трудовая группа кажется грубо срубленной из кряжистых бревен избой.

Григорьев С.Т. (Патрашкин С.)¹

Трудовая группа, в спектре политических организаций и течений России начала XX века, относившаяся к народническому направлению, была представлена во всех четырех составах Государственной думы. «Трудовическая» (по терминологии тех лет) группа сформировалась в апреле 1906 г. за несколько дней до начала работы российского парламента. Значительное число перводумцев — крестьян и интеллигенции, к ним примкнувшей, были выбраны как беспартийные. Наиболее многочисленным составом (от 96 до 107 человек) фракция трудовиков представляла в Думе первого созыва, являя собой довольно пестрое сообщество парламентариев. Большинство из них объединяли крестьянское происхождение, активная общественная, нередко антиправительственная деятельность, грамотность, уважение в среде крестьян, а также нацеленность на первоочередное решение аграрного вопроса. В составе трудовой группы II Государственной думы было 104 депутата, в составе III Думы — 14, Четвертой — 10.

Один из организаторов Крестьянского союза Тан (В.Г. Богораз), способствовавший созданию группы, замечал: «Все это хорошие, бесстрашные, надежные люди. Но я сказал бы, что это воины третьего призыва. Бойцы первого призыва попали в тюрьму или прямо на тот свет. Второй призыв бойкотировал. В Думу попали ратники ополчения»².

Изучению истории трудовой группы как парламентской фракции с точки зрения выработки ею программных установок, стратегии и тактики политической деятельности, взаимоотношений с другими политическими силами, прежде всего эсерами и народными социалистами, посвящены работы С.М. Сидельникова, Д.А. Колесничен-

---

¹ Ау [Патрашкин С.] Народ и правительство (Первая Гос. дума). Саратов, 1907. С. 34.

² Тан [Богораз В.Г.] Мужики в Государственной думе: Очерки. М., 1907. С. 47.

ко, Л.Т. Сенчаковой, Козбаненко, О.Л. Кияшко, Т.Ю. Горобченко³ и др. С 1990-х гг. наблюдается рост числа публикаций регионального характера, в которых нашли отражение результаты анализа вклада депутатов отдельных губерний в становление парламентской деятельности в России⁴.

Исследование истории трудовой группы может получить развитие в контексте сформулированной И.К. Кирьяновым проблемы изучения формирования нового политического пространства публичной политики и становления человека политического⁵ как феноменов политической повседневности Российской империи начала XX века⁶.

Повседневность парламентариев, в том числе представителей трудовой группы, следует рассматривать как с точки зрения форми-

---

³ Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962; Колесниченко Д.А. 1) Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; 2) Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах: Сводная таблица членов фракции. М., 1988; Сенчакова Л.Т. Крестьяне и Государственная дума: (1906—1907 гг.) // Россия — XXI. 1996. № 9—10. С. 164—180; Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России, 1906—1907. М., 1996; Кияшко О.Л. Трудовая группа в Государственной думе (1906—1917): Автореф. дисс. ... к. ист. н. Волгоград, 1999; Горобченко Т.Ю. Трудовики в III Государственной думе (1907—1912 гг.): Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 1999.

⁴ Буланова Л.В., Токарев Н.В. Представители тамбовского крестьянства — депутаты Государственной думы первого-четвертого созывов // Общественно-политическая жизнь российской провинции: XX век. Тамбов, 1996. Вып. II. С. 35—37; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. Ч. 1—2; Князева И.С. Региональное представительство в Государственной думе Российской империи по материалам Рязанской губернии: Автореф. дисс. ... к. ист. н. Рязань, 2010; Жидков С.В. Деятельность депутатов трудовой группы в 1906 г. в контексте отражения интересов крестьянства (по материалам Пензенского края). Саранск, 2011; и др.

⁵ Кирьянов И.К. Российские парламентарии в начале XX века: новые политики в новом политическом пространстве: Дисс. ... д. ист. н. Пермь, 2009. С. 8.

⁶ См., напр., о повседневных практиках революционного подполья начала XX века: Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999; Беседина Е.А. Историко-антропологический подход к изучению революционной практики (Российская социал-демократия в 1905—1907 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 2006. № 5—2(47). С. 98—101.

рования поведенческих стандартов на основном «поле битвы» — в зале заседаний Таврического дворца, так и за его пределами — в пространстве российской столицы. К числу аспектов, характеризующих повседневный мир парламентария, можно отнести: его внешний вид, манеры, привычки, увлечения, условия проживания, нормы общения со сторонниками и противниками, особенности ораторского мастерства и другие аспекты.

Структура повседневных практик предусматривает, с одной стороны, механизм адаптации парламентских представителей самого многочисленного сословия Российской империи к жизни в столичном городе, с другой — приобщение неискушенных людей к большой политике.

Наиболее заметным элементом повседневности, формирующим имидж, в том числе и публичного политика, становится его внешний вид, одежда. Многие мемуары современников — государственных деятелей содержат свидетельство того контраста, который проявился во внешнем облике участников императорского приема в Зимнем дворце 27 апреля 1906 г. по случаю начала работы Государственной думы «На фоне блеска и торжественности, — писал С.Е. Крыжановский, — толпа «депутатов», кто в пиджаках и косоворотках, кто в поддевках, нестриженные и даже немывые, немногие в сюртуках, один-два во фраках, являлась резким и вызывающим контрастом»⁷. А.П. Извольский отмечал «группы провинциальных адвокатов и докторов, одетых в сюртуки», причем «только изредка среди них можно было заметить мундир», «но над этими буржуазными костюмами доминировало простое платье — крестьянские кафтаны и рабочие блузы...»⁸.

В.И. Гурко усмотрел нарочитость в блеске одних и «преднамеренную» бедность облика других. «Контраст получился поразительный. С одной стороны двор, правительство в расшитых и украшенных многочисленными орденами мундирах, а с другой — серая, почти сермяжная толпа, представлявшая народную Россию. Исходя из наивной мысли, что народных представителей, среди коих было множество крестьян, надо поразить великолепием двора, члены царствующего дома женского пола надели на себя едва ли не все имеющиеся у них драгоценности. <...> Но результат получился обратный. Восточный прием внушения уважения к носителям верховной власти был при данных условиях совершенно нецелесообразным. Полу-

---

⁷ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 91.

⁸ *Извольский А.П.* Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 63.

чилось как бы противоположение народной нищеты и безграничной царской роскоши <...> Народные представители отнюдь не принадлежали к тем первобытным натурам, которым могла бы импонировать внешняя обстановка»⁹.

Известный публицист М.О. Меньшиков на страницах столичного «Нового времени»¹⁰ делился своими впечатлениями о крестьянских депутатах, ехавших на прием по Невскому проспекту в Зимний дворец. «Меня поразило нерящество одежды у некоторых. Грошевые рыночные пиджаки, измятые войлочные шляпы. Дурное впечатление это произвело и в Зимнем дворце. <...> Конечно, нельзя требовать, чтобы крестьянские депутаты одевались богато, но они обязаны одеваться прилично, и уж они в состоянии это сделать. Если у вас не нашлось двадцати рублей на опрятный костюм, неужели ваши избиратели, пославшие вас законодательствовать, не могли одеть вас прилично»¹¹. По мнению Меньшикова, крестьянские депутаты именно внешним обликом старались подчеркнуть свое происхождение, свой особый статус. Однако в их выступлениях на митинге 27 апреля 1906 г., свидетелем которого был корреспондент, он услышал не «язык крестьянский», а «жаргон подпольных листов». «Новая соль земли» произносила чужие речи, вместо того, чтобы «учить трудовым опытом, доподлинным знанием крестьянской жизни, наконец, здравым смыслом»¹². Конечно, «по платью встречают», отмечал Меньшиков, но «раз крестьяне попали в законодатели <...> нужно сделать все усилия, чтобы не скovyрнуться с этакой-то высоты»¹³.

В.Г. Тан вспоминал, например, что посланец Курской губернии И.Е. Соломко «выдавался крайней бедностью одежды. На нем была сорочка грубого холста и какой-то дерюжный пониток. Сапоги у него были старые, с заплатами, шапка с надорванным козырем»¹⁴. Прошло не так много времени до того момента, как и крестьянские парламентарии стали привыкать к городскому костюму как обычному элементу парламентской повседневности.

---

⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 551—552.

¹⁰ Патрикеева О.А. Зарождение парламентской журналистики в России в начале XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2: История. 2012. № 4. С. 31—39.

¹¹ Меньшиков М. Письма к ближним // Новое время. 1906. 30 апреля.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Тан [Богораз В.Г.] Указ. соч. С. 66.

Среди «неопрятных, нескладных» фигур депутатов-трудовиков, которые, как писали газеты, «по внешнему виду, по платью, по лицу, и даже по движению выделяются среди петербуржцев», своим внешним видом выделялся наиболее европеизированный Алексей Федорович Аладьин, избранный от родной Симбирской губернии, а до этого почти десять лет проживший за границей. Знаменитые желтые перчатки, английские манеры порой служили ему плохую службу. С. Патрашкин свидетельствовал о существовании скептических настроений среди крестьян по поводу деятельности Аладьина: «Он кругом всю землю объехал. Нынче здесь, а завтра за морем. Нужна ему земля!» «Пройди свет, что и говорить!»¹⁵. Вообще же тот «трудовический» депутат демонстрировал «буржуазные замашки». По словам В.Г. Тана, «выяснилось, что депутат Аладьин большой поклонник английской гимнастики и гигиены и даже в свободные минуты переводит на русский язык какое-то практическое руководство о «гармонии движений» в боксе»¹⁶.

Аладьин поселился на квартире Скитальца (Петрова С.Г. — поэта и писателя) на 8-й Рождественской улице. Этот адрес был известен думцам, там обсуждались многие важные вопросы деятельности трудовой фракции.

В связи с появлением нового государственного учреждения в Петербурге стал обсуждаться «квартирный вопрос». Столичные журналисты рассуждали о том, что в городе не хватит гостиничных номеров для народных представителей, и высказывали мнение о необходимости «локализации» мест проживания депутатов. Необходимо построить «парламентское общежитие, — настаивал все тот же М. Меньшиков, — общий отель или общий казенный дом», а также «дачный уголок», ведь лето в Петербурге несносно. Все эти постройки должны иметь аудитории, библиотеки, залы для проведения собраний, что, в свою очередь, даст возможность парламентариям находиться в непрерывном рабочем процессе и обеспечит слаженную и дружную работу на благо народа и отечества»¹⁷.

Предложенный проект, как известно, не был реализован, однако попытка организации «пансиона» для крестьянских депутатов была предпринята весной 1906 г.

«Кирочная 52» — петербургский адрес, получивший известность благодаря затее властей, в частности министра внутренних дел

---

¹⁵ Ау [Патрашкин С.] Народ и правительство. С. 102.

¹⁶ Тан [Богораз В.Г.] Указ. соч. С. 50.

¹⁷ Цит. по: Хмельницкая И. «День незабываемый и полный очарования»... [О дне открытия Первой Государственной думы] // Родина. 2006. № 8. С. 14—16.

П. Н. Дурново. Правительство предприняло запоздалую попытку повлиять на ход выборов, «организовать избираемых в Думу крестьян и взять под свое наблюдение, чтобы предохранить от захвата левыми партиями». В результате родился план устроить под руководством М. М. Ерогина, депутата от Гродненской губернии, «особые общежития и направлять в них крестьян-членов Думы по прибытии их в Петербург, чтобы там Ерогин и другие члены Думы консервативного лагеря могли на них воздействовать»¹⁸. С. Е. Крыжановский в своих воспоминаниях подробно описал план и осуществление той затеи и назвал возможную причину ее провала. В Саратовской губернии, главой которой был тогда П. А. Столыпин, «распоряжение Дурново получило огласку, и члены Думы из крестьян были приглашены к губернатору для собеседования через полицию. Возможно, что это вышло случайно или было результатом неосмотрительности канцелярии губернатора, но Дурново понял эпизод как демонстрацию против него»¹⁹.

Между тем 21 апреля 1906 г. «Новое время» сообщало: «В конце Кирочной улицы находится только что отстроенный 4-этажный дом, половина которого принадлежала для пребывающих в столицу народных представителей из крестьян. Небольшие, но очень светлые комнаты меблированы скромно. В каждой комнате стоит одна или две кровати, стол и стул. Большинство комнат было уже занято в последние два дня. Дома кого-нибудь застать можно только случайно, почти все целый день проводят на совещаниях крестьянской группы».

По словам депутата-кадета В. А. Оболенского, «приезжавшие в Петербург крестьяне, останавливавшиеся в гостиницах самого последнего разбора, хозяева которых обирали их как могли, охотно переселялись из своих грязных и дорогих номеров в опрятное и дешевое общежитие. А туда приходили пропагандисты, ведшие монархическую и антисемитскую агитацию»²⁰.

В Думе, как вспоминал переводумец Т. В. Локоть, «беспартийных» огулом окрестили именем «ерогинцев». «Правда “Ерогинец” — столь же мало определенное понятие, как и “беспартийный”: ведь депутат Ерогин не проронил в Думе ни слова и вообще почти ничем не проявил своей политической личности»²¹.

---

¹⁸ Крыжановский С. Е. Указ. соч. С. 89.

¹⁹ Там же. С. 90.

²⁰ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 335.

²¹ Локоть Т. В. Первая Дума. Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной думы. М., 1906. С. 145.

Ту неуклюжую затею правительства крестьяне «раскусили» довольно быстро, восприняли ее как давление «сверху» и переехали в более дорогие гостиницы или обратились за помощью к своим землякам, предложившим им на время свои квартиры²². «Из затеи Ерогина вышел только срам и для него, и для правительства», — позже писал В.И. Ленин²³.

В прессе, в том числе и в газетах, издаваемых трудовой группой, появлялись заметки о «состоянии дел» в «ерогинской живопырне». «Русское слово» от 16 мая 1906 г. сообщало, что в ерогинском общежитии началась деятельная агитация. В общежитие явился депутат священник (угощал депутатов водкой). В конце мая случилась «возмутительная сцена»: швейцар того дома был отчитан «хозяином» за то, что «принял с почты корреспонденцию, адресованную бывшим жильцам»²⁴.

Значительная часть крестьянских парламентариев крайне болезненно относилась к малейшим слухам по поводу их причастности к той правительственной аванюре. «Ерогинец» или «неерогинец» — эти определения, превратившиеся в ярлыки, становились ведущими в характеристике депутатов.

Так, к думцу А.К. Стефашину приезжала «жена и сообщила ему, что про него в уезде ходят слухи, что он живет на казенной квартире и проданся начальству»²⁵. 16 мая 1906 г. скончался А.П. Андреянов, депутат от Сибирской губернии. В числе причин, приведших к гибели крестьянского парламентария, назывались и разочарования в деятельности Думы, и его переживания по поводу обвинения в сотрудничестве с М.М. Ерогиным, которые были высказаны в газете его родного уезда «Сызрань». Правые же были уверены, что причиной первой думской смерти стала «белая горячка от пьянства»²⁶.

Судя по информации «Русского слова», в 1907 г., в период работы II Государственной думы, также была предпринята попытка повлиять на крестьянских депутатов извне: «Взамен прошлогоднего ерогинского общежития в этом году на Сергиевской ул., в доме № 42-й, заготовлена на 30 человек казенная квартира из 10 комнат, с красивым парадным ходом, лифтом и швейцаром. Заведующим общежитием состоит небезызвестный организатор правых председатель “про-

---

²² Крестьянские депутаты в Петербурге // Новое время. 1906. 21 апреля.

²³ Ленин В.И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства // Ленин В.И. ПСС. М., 1968. Т. 19. С. 92.

²⁴ Известия крестьянских депутатов. 1906. 31 мая.

²⁵ Там же. 16 мая.

²⁶ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 94.

грессивно-патриотического» общества «Россия — для русских» С.А. Короленко, который зорко следит за тем, чтобы посторонние не являлись туда и не мугили «истинно-русский» дух крестьянских депутатов. Несмотря на дешевизну и удобства, в квартире поселились только десять человек, а один, как только раскусил, в чем дело, немедленно покинул дешевую квартиру»²⁷.

Особую важность для деятельности трудовой группы приобрел еще один петербургский адрес — Невский пр., д. 116. В небольших апартаментах близ Николаевского вокзала (что было крайне удобно) 19 апреля 1906 г. открыл свою работу своеобразный клуб, созданный для того, чтобы крестьянские депутаты могли «познакомиться друг с другом, обменяться мыслями и принять участие в происходящих совещаниях, столь необходимых для выработки общей позиции по тому или иному вопросу»²⁸. Инициаторами его учреждения стали А.Ф. Аладьин, С.В. Аникин, П.А. Быстров, В.Ф. Лебедев, Ф.М. Онипко, Г.Н. Шапошников. Такой парламентский клуб (не единственный, кадеты тоже открыли свой в доме на пересечении ул. Потемкинской и Сергиевской, недалеко от Таврического дворца) способствовал сближению участников группы, установлению неформальных отношений вне рамок думского зала заседаний, помогал решению бытовых проблем. Здесь же хранили необходимую литературу, принимали ходоков.

Тот адрес стал центром притяжения изначально разрозненных крестьянских сил. На первом заседании 19 апреля 1906 г. присутствовало 39 человек, 20 апреля — 50, 22 апреля — 70, 24 апреля — 124, 26 апреля — уже 130 депутатов²⁹. Заседания на Невском, 116 стали важными для дела объединения группы, был избран Временный комитет трудовой группы, выработаны основы ее программы.

Общение в стенах клуба могло стать своеобразной «школой парламентаризма» для не искушенных в политике людей, не привыкших «к дисциплине правильных собраний». С. Патрашкин сравнивал общий говор, срывавший речи только начавших выступление ораторов с хором голосов, стоящим на сельских сходах³⁰.

Между тем важность ораторского искусства как необходимого условия успешности думской деятельности осознавалась участниками трудовой группы. Ведь умение говорить, убеждая и увлекая за собой массы, было важнейшим качеством политика революционной

---

²⁷ Русское слово. 1907. 15 марта.

²⁸ Новое время. 1906. 20 апреля; Русское слово. 1906. 20 апреля.

²⁹ Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой российской революции. С. 28.

³⁰ Патрашкин С. Указ. соч. С. 34.

поры. Среди трудовиков заметными ораторами на думской трибуне стали: А.Ф. Аладьин, С.В. Аникин, С.И. Бондарев, Л.М. Брамсон, И.С. Жилкин, Г.В. Локоть и др. По мнению В.А. Оболенского, именно «демагогическое красноречие»³¹ помогло Аладьину стать лидером трудовиков.

В ходе думских дебатов раскрылся и ораторский талант тамбовского крестьянина Ивана Терентьевича Лосева. 13 мая 1906 г., в ответ на заявление премьер-министра И.Л. Горемыкина о недопустимости обсуждения земельного вопроса в Думе, он выступил с речью, получившей широкую известность. Сравнив русское крестьянство с библейским могучим, но слепым Самсоном, этот «простонародный оратор» стал одной из популярных личностей в первом составе Думы.

Яркая речь сподвигла соратников Лосева на поэтическое творчество. В газете трудовиков «Крестьянский депутат» было опубликовано посвященное ему стихотворение: «Самсон молился богу мести: / «Дай силы мне; пускай умру / Я с филистимлянами вместе, / Но пусть врагов с земли сотру!...».... / Самсон погиб... / Душой воспрянув, / Зажженный гневом умер он, / Похоронив своих тиранов / Под грудой рухнувших колонн... » (Михаил Пустынин)³².

Трудовики внесли свой вклад и в развитие своеобразного парламентского фольклора. Например, «скучных» ораторов, балта Темнисона и литовца Массониуса, прозвали первого Тяни-в-сон, второго — Мотай-на-ус³³.

Все же наиболее яркие думские ораторы находились в стане кадетской фракции, и на парламентской трибуне у них было не так много конкурентов³⁴. Это понимали и участники трудовой группы. Позиционируя себя в качестве представителей всего трудового народа, они особое внимание уделяли непосредственному общению с этим самым народом: «в кулуарах, на вольных митингах, больше говорят одни мужики и дают сражения всем желающим»³⁵, «трудоикам некогда думать о дипломатии. Они рубят напрямик по крестьянской простоте»³⁶.

---

³¹ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 336.

³² Крестьянский депутат. 1906. № 1.

³³ Тан [Богораз В.Г.] Указ. соч. С. 37.

³⁴ Патрикеева О.А. Конституционные демократы в Государственной думе (1906—1917 гг.): зарождение парламентского ораторского искусства в России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2: История. 2013. № 2. С. 52—59.

³⁵ Тан [Богораз В.Г.] Указ. соч. С. 31.

³⁶ Там же. С. 48.

Подчас депутатов поджидали у выхода из Таврического дворца их земляки, обосновавшиеся в столице, и тогда, по выражению В.Г. Тана, начиналось «единение Думы и народа, осуществляемое в обиходном порядке»³⁷.

Поддержание «обратной связи» с избирателями было важным направлением деятельности депутатов-трудовиков. Публикации крестьянских наказов Думе, своей группе или отдельному депутату занимали значительное место в сменявшихся друг друга изданиях трудовой группы в 1906 г. Обращения к депутатам отражали весьма идеалистические народные представления о Государственной думе как о той самой «последней инстанции», в которой находится истина: «Все ждут от нее облегчения своего положения; все надеются, что Дума поможет изголодавшемуся, измученному народу», «крестьяне смотрят на Думу, как на свою защитницу от притеснителей; только от Думы ищут они себе земли и воли»³⁸.

Крестьяне связывали со своими депутатами надежды на разрешение вопросов даже своей личной жизни. Доверие к народным избранникам было так велико, что в трудовую группу поступали обращения и курьезного характера. Так, один псаломщик писал депутату С.В. Аникину: «Я потерял всякое доверие к духовным и светским властям и прошу жениться на свояченице, которую очень люблю и она является матерью моих осиротевших детей. Но все законы против этого, а, главное, духовное начальство»³⁹. Но крестьянские корреспонденты думали не только о своих интересах, иногда их волновали и более основательные проблемы: «Один пишет, что изобрел летательную машину и секрет только передаст трудовой группе. Другой несет шкурки сусликов и просит обратить на это внимание; по его расчету истребление сусликов обогатит Россию»⁴⁰.

Между тем сам депутатский корпус состоял не только из самоотверженных «борцов за идею», «трудовическая» фракция не стала исключением. Парламентская деятельность привлекала и меркантильными соображениями, так как денежное довольствие депутата было весьма высоким. Оно определялось из расчета 10 руб. в сутки, вне зависимости от того, насколько активно участвовал депутат в думской деятельности. Нередки были случаи, когда крестьяне «должны были посылать деньги тем обществам, от которых они были избраны, желавшим иметь долю в барышах, выпадающих избранному в

---

³⁷ Там же. С. 35.

³⁸ Известия крестьянских депутатов. 1906. № 1.

³⁹ Майоров И. Трудовая группа // Известия крестьянских депутатов. 1906. № 7.

⁴⁰ Там же.

члены Думы»⁴¹. В дальнейшем, как установил И.К. Кирьянов на основании отчетов губернаторов, изменилось и электоральное поведение крестьянства, выражавшееся формулой «покорился и довольно»⁴².

По мнению С.Е. Крыжановского, крестьянские депутаты собирались «использовать свое пребывание в Петербурге возможно выгоднее для увеличения своего благосостояния. Некоторые открыли мелкую торговлю, один — курятню, поступили в швейцары, дворники и другие подобные должности»⁴³.

Таким образом, в том числе и через освоение повседневных практик, связанных с осуществлением парламентской деятельности, состоялось приобщение к большой политике значительной части депутатов I Государственной думы, позиционировавших себя как защитников интересов трудового народа. Этот опыт, в котором проявилось причудливое смещение представлений крестьян и выходцев из этого сословия о политике и городской жизни, свидетельствовал о достижении ими определенного уровня политической культуры, свойственной тому сложному периоду российской истории.

---

⁴¹ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 91.

⁴² Кирьянов И.К. Указ. соч. С. 191—192.

⁴³ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 90—91.

Р.А. ЦИУНЧУК

**Холмский вопрос в Государственной думе:
католики — православные — униаты / поляки — русские —
малороссы?**

Сто лет назад в сентябре 1913 года, в год, когда в Российской империи с размахом шло празднование 300-летия династии Романовых, состоялось открытие новой губернии — Холмской, последней губернии, образованной в Российской империи до начала Первой мировой войны. В контексте предвоенной внутренней и внешней политики Российской империи есть смысл шире посмотреть на вопрос, который рассматривался в Государственной думе 100 лет назад — о создании на территории Царства Польского новой губернии Холмской с присоединением ее к губерниям Европейской России, в том числе на его предысторию, а также проследить отражение этого вопроса в контексте думской политической дискуссии. На холмском примере можно также попытаться проследить соотношение двух процессов: конструирования властью «русской» идентичности на западной окраине империи и самоидентификации местного населения.

Надо отметить, что в думский период Холмский вопрос был ареной острейшего противостояния в межнациональной политике, что отразила публицистика и первая волна научной литературы¹. Ныне

---

¹ *Францев В.А.* Карты русского и православного населения Холмской Руси. Варшава, 1909; Комиссия по Холмскому вопросу: заседания 1—17 ноября 1909 г. — 20 ноября 1910 г. СПб., 1910; *Антонович П.* Что пережила Холмская Русь? Популярный исторический очерк. Холм, 1912 // Прил. к газете «Холмская Русь». 1912. Апрель-май; *Каретников С.М.* Холмская губерния: географическо-исторический очерк: с приложением карты Холмской губернии и 8-ми родословных таблиц Волынских и Галлицких князей, дома Гедимины и пр. Лубны, 1913; Холмский вопрос. Обзор русской периодической печати (с 1 января 1909 г. по 1 октября 1911 г.). СПб., 1911; Речи в Государственной думе и Государственном совете в защиту законопроекта о выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии: в 2-х ч. Холм, 1912; *Закревский А.* Материалы к вопросу об образовании Холмской губернии. Варшава, 1908; *Дымша Л.К.* Холмский вопрос. СПб., 1910; *Dymsha L.* Sprawa Chełmska. Warszawa, 1911; *Dymsha L.* La question de Khelm. Paris, 1911; *Wircieński H.* W sprawie wydzielenia Chełmszczyzny. Warszawa, 1910; *Wasilewski L.* Chełmszczyzna i sprawa jej oderwania. Krakow, 1911; *Janowski A.* Chełmszczyzna. Warszawa, 1918; *Wasilewski L.* Kresy wschodnie; Litwa i Bia-

этот вопрос заметно менее национально политизирован в польской, российской, а также в украинской научной литературе².

Итак, в чем же суть холмского вопроса?

Это вопрос территориальной принадлежности участка украинско-польского православно-католического пограничья на левом берегу реки Западный Буг, а также вопрос длительного и сложного этнического конфессионального и социокультурного контакта, конфликта и меняющегося этноконфессионального баланса в этой контактной зоне.

Холмские земли (Забужье, Забужья, Червоная Русь, Червона Русь, Холмская Русь, Хелмщизна, *Chelmszczyzna*, Холмщина і Підляшшя и т.д.) с X попеременно века входили то в Польское королевство, то в Киевскую Русь, с конца XII до конца XIV века — в Галицко-Волынское княжество, затем почти четыреста лет — в Речь Посполитую. В 1815 году по Венскому договору холмские земли были включены в состав Царства Польского, где находились еще сто лет до 1912 года.

---

loruś, Podlasie i Chelmszczyzna, Galicya Wschodnia, Ukraina. 1917; *Wasilewski L.* La Paix avec l'Ukraine. Podlachie et Chelm. Genève, [1918] и др.

² *Werzchowski M.* Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa. 1966; *Wrzyszc A.* Gubernia Chelmska. Zarys ustrojowy. Lublin, 1997; *Los R.* Chelmszczyzna w polityce rosyjskiej a stosunki polsko-ukrainie w pierwszej wojnie swiatowej // *Od Zolkiewskiego i Kosinskiego do Pilsudskiego i Peltury: Z dziejow stosunkow polsko- ukrajskich od XVI do XX wieku.* Warszawa, 2000. S. 232—236; *Lukawski Z.* Koto Polskie w Rosyjskiej Dumie Panstwowej w latach 1906—1909. Wroclaw, 1967; *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970; *Gerus O.W.* The Ukrainian Question in the Russian Dumas, 1906—1917: An Overview // *Studia Ukrainica.* 1984. № 2; *Szabaciuk A.* Geneza utworzenia stanowiska przedstawiciela ludności prawosławnej Chelmszczyzny i Padlasia w Dumie Państwowej // *Z dziejów pewnego eksperymentu. Parlamentaryzm rosyjski na porogu XX stulecia w kontekście kształtowanie się świadomości politycznej narodów imperialnej Rosji.* Radom, 2008. P. 177—196; *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и третья Дума. М., 1968; *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; *Белов Ю.С.* Оппозиция и власть: холмский законопроект в III Государственной думе // *Общество и власть: в 2-х ч. Межвуз. сб. науч. тр. СПб., 2001. Ч. 1. С. 32—39; Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны. (1914—1917 гг.). М., 2004; *Западные окраины Российской империи.* М., 2006; *Резнт О.П.* Українці в Державній Думі Російської Імперії // *Проблеми історії України ХІХ—ХХ ст. Київ, 2009. Вип. ХVІ. С. 318—335* и др.

Холмский вопрос в истории Российской империи занимал особое место. Он касался как минимум четырех народов: поляков, украинцев, русских, евреев. Он также касался территории, где столетиями чересполосно соседствовали католики, православные, где появились, затем были дважды упразднены и дважды восстановлены униаты (греко-католики), которых только на Украине сейчас насчитывается не менее 4 миллионов. На этой территории также веками традиционно проживали иудеи, протестанты, представители других конфессий.

И это единственный прецедент в парламентской истории Российской империи, когда Дума законодательно одобряла создание новой административно-территориальной единицы — Холмской губернии. В поздней Российской империи холмский проект, предполагавший выделение этой многонациональной и поликонфессиональной территории из состава Царства Польского, прошел три этапа.

Первый этап затронул период с 1863 г. по 1905 г. Проблема образования новой губернии с заметным православным (украинским, частично и белорусским) населением и с изъятием ее на этом основании из Царства Польского возникла вскоре после подавления восстания 1863 года, которое, как известно, охватило не только Польшу, но и Литву, Белоруссию и правобережную Украину. Это была инициатива главного директора комиссии внутренних и духовных дел в Царстве Польском князя В.А. Черкасского³. Русская православная церковь и российская власть воспринимали униатскую церковь как проводника западного, католического влияния, как форму ополячения украинцев и белорусов. Идея образования новой губернии была связана с планом по окончательной ликвидации греко-католической церкви, которая была упразднена в Западном крае еще в 1839 году, а в Царстве Польском в 1875 году. Указ о ликвидации унии зачитывался в деревнях Холмского края в присутствии солдат, бывали случаи применения оружия. Свыше 100 тыс. человек числились «упорствующими», уклоняясь от православия, что являлось уголовным преступлением и преследовалось законом.

В дальнейшем такие предложения создания новой губернии выдвигались еще не менее 7 раз, как правило представителями местного православного духовенства, однако не находили полной поддержки даже у местной администрации и имперских министров внутренних дел, опасавшихся проблем в военно-мобилизационном отношении, потери управляемости и сложностей с введением в новой губернии русских законов⁴.

³ *Wiryszcz A. Gubernia Cheimska. Zarys ustrojowy.* Lublin, 1997. S. 19—20.

⁴ *Демин В.А.* Холмский вопрос // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 687.

Второй этап развития холмского проекта начался с 1905 г., когда после Манифеста 17 апреля 1905 г. до 200 тысяч человек перешли из православия в католичество⁵. Возвращение униатов-малороссов в православие представлялось власти усилением их «русскости» в составе «большой русской нации», а выход из православия — опасным примером ополячивания. В 1905 г. тема Холмской губернии как спасения от окатоличения вновь поднимается по инициативе холмского епископа Евлогия (Георгиевского), который лично пишет Обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву: «Здесьние русские люди, объединившись вокруг Холмского православного братства, намереваются подать всеподданнейшее прошение, подписанное десятками тысяч народа, Государю императору и умолять Его Императорское величество о том, чтобы Высочайше повелено было русскому населению Холмщины и Подляшья выбрать отдельно от поляков и евреев Царства Польского своего русского (т.е. православного — Р.Ц.) депутата в Государственную думу»⁶. Уже 8 октября 1905 года К.П. Победоносцев направляет записку епископа Евлогия председателю Особого совещания по подготовке выборных законов графу Д.М. Сольскому со следующим сопроводительным текстом: «Долгом почитаю обратить внимание Вашего Сиятельства на прилагаемое письмо епископа Холмского. Оно выражает вопль всего русского населения Холмского края о предстоящей его участи. Все имеют повод бояться, что выборы в этом крае будут иметь такую же судьбу, как выборы в Галиции, где преобладающее польское население не допускает в Думу (!? — Р.Ц.) русских представителей. Общее желание состоит в том, чтобы русскому населению обеспечено было участие в Думе, хотя бы одного члена из русских»⁷.

И это оказалось единственным из десятка других ходатайств об изменении, которое одобрил император Николай II, подписав 22 апреля Правила о порядке избрания члена Государственной думы от православного населения Седлецкой и Люблинской губерний⁸, практически уже после выборов в Польше, то есть за 5 дней до открытия

---

⁵ *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970. P. 112.

⁶ Дело о рассмотрении ходатайств городских дум, представленных Министерством внутренних дел в Особое совещание, о предоставлении им права самостоятельно избирать в Государственную думу независимо от губерний, в которые они входят // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 8. ЛЛ. 53—55.

⁷ Там же. ЛЛ. 52—53 об., 62.

⁸ Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.). 2-е изд. СПб., 1908. С. 563—565.

Думы 27 апреля 1906 года. Выборы этого депутата в I Думу из-за ее разгона не успели состояться, а уже во II Думе избранный от Холмского православного округа епископ Евлогий стал добиваться при поддержке П.А. Столыпина создания Холмской губернии с присоединением ее к «коренной России».

Третий этап охватил 1909—1912 гг. и был связан с реализацией практических законодательных шагов по созданию губернии. Он начался в III Думе, куда в мае 1909 года был внесен проект создания Холмской губернии, подготовленный главным конструктором всей думской системы товарищем министра внутренних дел С.Е. Крыжановским (дед которого был православным священником, отец — выпускником Киевской духовной семинарии, православным начальником Седлецкой училищной дирекции, а также автором работ по проблеме унии и Холмщины). С.Е. Крыжановский подготовил в 1907—1908 гг. проект выделения Холмского края из состава Польши, который имел, по признанию самого С.Е. Крыжановского, двойную мотивацию, официально — «имел нормальное основание в соответствующих ходатайствах местного русского населения, т.е. вернее православного духовенства, являвшегося в качестве выразителя настроений этого населения, поддерживаемых национальными кругами в России, которые надеялись охранить этим путем население от полонизации и слить с общерусской стихией», но в то же время, «по первоначальной — официально никогда открыто не высказанной — мысли, мера эта имела целью установление национально-государственной границы между Россией и Польшей на случай возможного в будущем предоставления отдельным местностям упомянутой выше самостоятельности в устройении местных дел, которая в применении к Польше могла выразиться в даровании царству автономии». Первоначально также предполагалось, что к Польше «будут прирезаны» населенные поляками части Гродненской губернии, но «Столыпин на это не решился, опасаясь подвергнуться нападкам со стороны националистических кругов»⁹.

По переписи 1897 г. в двух восточных губерниях Царства Польского — Люблинской и Седлецкой — католическое население составляло 63—66 % (в основном, польское), а 21—22 % приходилось на православное (малороссийское) население¹⁰.

---

⁹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского последнего государственного секретаря Российской империи. [Берлин], 1938. С. 133—134.

¹⁰ Большая энциклопедия СПб., 1904. Т. XVI. Прилож. II к ст. «Россия», Отд. «Население».

В новой губернии — Холмской, в которую входили бы отдельные уезды и гмины из Люблинской и Седлецкой губерний, по подсчетам МВД, православное население должно было составить 304,6 тыс., а католическое — 310,6 тысяч¹¹. Составители проекта рассчитывали изменить этноконфессиональный состав новой губернии, формируя границы не по конфессиональному принципу, а впервые в истории Российской империи на основании данных о родном языке, рассматривая всех, кто указал своим родным языком малороссийский, русскими, значит и православными (или желающими вернуться в православие). Холмская губерния становилась внутренней губернией Российской империи, подчиненной киевскому генерал-губернатору, а Седлецкая губерния ликвидировалась. На поляков и католиков в Холмской губернии должны были распространиться все ограничения, применяемые к ним после восстания 1863 года в Западном крае. П.А. Столыпин был даже готов провести создание Холмской губернии по ст. 87 в обход Государственной думы.

Холмский проект оказался главным имперским проектом в Думе. Вокруг него развернулась острейшая полемика, основными участниками которой стали две группы депутатов: членов фракции русских националистов, фракции правых и членов Польского коло и Польско-литовско-белорусской группы. Здесь в невиданных ранее масштабах столкнулись два национализма — русский и польский. С двух сторон были подготовлены книги и подробные этнографические карты, аргументирующие польскую и русскую позиции. Велась активнейшая пропаганда в печати и в обществе. Русские называли это борьбой за единую Русь, а поляки — борьбой с четвертым разделом Польши. Историк А.Я. Аврех считал этот вопрос «первым парадным выходом нового столыпинского “центра” — националистов»¹².

Правые, русские националисты и даже часть октябристов полагали, что холмское население — это русское племя, говорящее на «малороссийском наречии» и введенное в заблуждение католическими ксендзами и греко-католическими священниками. Известно, что холмско-подляшский диалект украинского практически всегда требовал перевода на великорусский.

Позицию власти формулировал товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров, когда убеждал депутатов, что проектом предполагается «не рознь и не гонения», а только «дать возможность проживающему там русскому народу сохранить свою самобытность, развить

---

¹¹ *Wierzchowski M. Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa, 1966. P. 188.*

¹² *Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 168.*

и укрепить в нем национальное самосознание и связанное с ним чувство приверженности русской государственности»¹³.

Минский священник А.Д. Юрашкевич (правый), поддерживая проект, заявлял, что в Холмском вопросе дело идет «о спасении горсти русского народа от потопления в море Польши»¹⁴.

Черниговский помещик Г.В. Скоропадский признавал, что это вопрос «не чисто польский и не чисто русский» и считал, что этого уже достаточно для обособления Холмщины от Царства Польского. Скоропадский выступил за поддержку законопроекта, чтобы он стал «флагом борьбы за русские интересы и за объединение русской нации»¹⁵.

Организатор Галицко-русского общества националист граф В.А. Бобринский убеждал Думу, что Холмщина — «это особенно больной и истерзанный русский край, и вот его хотят выделить, чтобы особенно внимательно и бережно его лечить», для того «чтобы он был всеми признан национальным народным достоянием, искони русской землей, т.е. Русью»¹⁶. Как прошла попытка «вылечить» Холмщину и каковы были последствия «лечения» стало ясно позднее.

Известно, что имперской властью традиционно определяющим фактором принадлежности к русскому народу, «русскости» рассматривалось православие, а в исключительно сложном Холмском случае сторонники выделения губернии из состава Польши впервые решили применить языковой и этнографический факторы идентификации местного населения.

Докладчик по законопроекту, председатель Западно-Русского общества, секретарь Русской национальной фракции Д.Н. Чихачев (Подольская губерния) пытался доказать, что «численность русского (т.е. украинского населения — *Р.Ц.*) надо определять не по религиозному, а по этнографическому принципу» и что «одним фактом перехода из православия в католичество русская народность никоим образом утрачиваться не может»¹⁷. С.Е. Крыжановский вспоминал, что шталмейстер Д.Н. Чихачев, «человек очень старательный, но узкий, одержимый манией величия, прочитав кое-какие книги по истории края и объехав наскоро его пределы», выступил за расширение будущей губернии за счет включения в ее состав разных местностей, связанных с «историческими воспоминаниями, начиная от времен Владимира Святого». В результате были намечены такие гра-

¹³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. I. Стб. 2619.

¹⁴ Там же. Ч. II. Стб. 280.

¹⁵ Там же. Стб. 136—140, 141.

¹⁶ Там же. Ч. I. Стб. 2746, 2746.

¹⁷ Там же. Стб. 2599.

ницы новой губернии, при которых русское, т.е. православное население, оказалось в меньшинстве, не превышавшем 30 %». И весь смысл этой меры, с какой бы стороны на нее ни смотреть, сводился на нет и она фактически отражала лишь одну задачу — «во что бы то ни стало урезать пределы Польши»¹⁸.

Варшавский депутат В. Яблоновский отметил, что царские комиссии еще в 1865 году признавали, что значительная часть населения в Люблинской и Седлецкой губерниях говорит по-малороссийски и принадлежит к греко-униатской церкви, а теперь правительство считает его русским и православным. По мнению В. Яблоновского, принятие холмского законопроекта является «слиянием государственной политики с националистической политикой русского общества, политики бюрократического паразитизма с политикой общественно и политического карьеризма в смысле порабощения народностей, присоединенных к империи»¹⁹. Разбирая законопроект, депутат от предполагаемой к упразднению Седлецкой губернии, приват-доцент Петербургского университета Л. Дымша заявил, что этот проект «ни государству, ни краю, ни силы и мощи империи никакой принести не может»²⁰.

Таким образом, это оказался единственный случай в новейшей истории Российской империи, когда за основу административной группировки при создании новой губернии был принят языковой/национальный принцип определения ее границ.

Объективную оценку в дискуссии дали лишь оппозиционные, чаще всего нерусские депутаты. Социал-демократ Е.П. Гегечкори (Кутаисская губерния) и предложил отклонить проект без передачи в комиссию, назвав документ «косвенным ответом на законные требования поляками автономии»²¹.

Социал-демократ И.П. Покровский (Кубанская и Терская области и Черноморская губерния) критиковал правых, а также польских националистов, полагая, что они «стоят своих собратьев русских и ничем от них не отличаются», доказывая, что только «демократизация государства и автономия обеспечат и свободу национального самоопределения населению Холмщины и свободу совести и положат конец их вековым мучениям»²². Трудовик литовец А.А. Булат (Сувальская губерния) указал, что объект спора «народ холмский» — укра-

---

¹⁸ Крыжановский С.Е. Указ. соч. С. 135—136.

¹⁹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 146, 153.

²⁰ Там же. Ч. I. Стб. 2649.

²¹ Там же. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1442.

²² Там же. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 248.

инская народность, об интересах которого меньше всего помнят в споре о том, «кому заботиться об ассимиляции этой народности для себя: русскому ли правительству, русским ли чиновникам и русским ли священникам заботиться о русификации украинской народности, или польским помещикам и польским ксендзам заботиться, сколько они могут, о полонизации этой народности»²³. Причем единственным справедливым способом выяснения мнения населения Холмщины А. Булат считал референдум²⁴. Это первое прозвучавшее в Думе предложение о проведении в Российской империи демократической процедуры референдума по вопросу национального самоопределения.

Правые хотели доказать, что вообще никакой Польши уже нет, обсуждение выделения губернии из Царства Польского создает «фикцию польской национальности». Член Главной палаты «Союза Русского народа имени Михаила Архангела», правый депутат Г.А. Шечков (Курская губерния) призывал игнорировать существование особых польских интересов: «Берите линейку и линуйте так, как это требуется... и приводить в свое оправдание довод..., что здесь такой-то процент русского населения, а такой-то польского... все это совершенно лишнее»²⁵.

Позиция крестьян часто определялась вопросом о земле. Это было понятно не только радикалам. На это указывал и С.Е. Крыжановский: «За десятину земли крестьянин продаст и царя, и Бога»²⁶.

Весьма откровенно высказал в ходе дискуссии о холмском вопросе позицию крестьян о земле как о главном аргументе для селян в политике, в том числе и в национальной, витебский беспартийный (ранее член Русской национальной фракции) депутат В.Г. Амосенок, подчеркивая, что «ни одна вера, не забывают, кнутом не удерживается — вера удерживается увещеваниями, словами Святого Писания,

---

²³ Там же. Стб. 219. При обсуждении Холмского вопроса А. Булат выступил защитником украинского народа, перейдя на украинский язык, он с думской трибуны констатировал, «Усі размовы, порозумення и змагання ведуться ... через голову той української людности, яка живе в Холмщині». Депутат напомнил о существовании во II Думе Украинской громады с требованиями автономии края, квалифицированно ссылаясь по украинским вопросам на статью М. Грушевского в фундаментальном сборнике «Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия» (СПб., 1910) и брошюру Белоусенко (А. Лотоцкого) «Холмска справа» (Там же. Стб. 222—223, 225—226).

²⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 224.

²⁵ Там же. Ч. I. Стб. 264—265

²⁶ Демин В.А. Крыжановский Сергей Ефимович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 302.

смирением и кротостью» и предлагал: «если хотите поддержать религиозную нравственность крестьян», то за счет казны приобретайте землю для безземельных и малоземельных холмских крестьян, «и тогда каждый крестьянин скажет: зачем мне быть поляком, когда мне лучше быть православным, больше имущественных прав и преимуществ»²⁷.

Полагаем, что в этой позиции, может, и кроется хотя бы частичное объяснение феномена поддержки «русской» идеи в массовом крестьянском сознании в украинских и белорусских губерниях в период III—IV Думы и быстрого разочарования в этой идее в 1917 году.

Накануне окончательного голосования 26 апреля 1912 г. Я. Гарусевич (Ломжинская губерния) заявил: «Конец этой законодательной трагедии есть вместе с тем начало нашей защиты этой польской губернии. Она есть и будет польская губерния, хотя станет называться Холмской»²⁸.

Проект обсуждался на 17 заседаниях Думы, был одобрен Думой 4 мая 1912 г. и уже 23 июня 1912 г. утвержден императором²⁹.

Формально сторонники осуществления холмского проекта победили, но фактически в деле укрепления государственного общенационального единства в канун Первой мировой войны проиграли. Властное силовое решение проблемы увеличения числа русских, православных губерний не сняло ни социального, ни конфессионального, ни национального конфликта. Холмский конфликт не раз обострялся вплоть до середины XX века, завершившись массовыми перемещениями населения на территории польско-украинского пограничья, и даже сегодня, несмотря на признание сложившихся этнополитических реалий и границ, его наследие является весьма болезненной проблемой межнациональных и межконфессиональных отношений.

---

²⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 2850.

²⁸ Там же. Ч. III. Стб. 1341.

²⁹ Обзор деятельности Государственной думы Третьего созыва. 1907—1912 гг. СПб., 1912. Ч. 2. С. 21, 25.

Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ

**Фракция кадетов и вопросы торгово-промышленной политики
(по речам А.И. Шингарева в III Государственной думе)**

В советской историографии партия кадетов считалась буржуазной. Это определение подразумевает, что конституционные демократы на всех уровнях, в том числе и с думской трибуны, отстаивали нужды буржуазии. Между тем на I съезде Конституционно-демократической партии (октябрь 1905 г.) ее лидер П.Н. Милюков заявил, что его партия «никогда не будет стоять на страже» «узких классовых интересов» промышленников (равно как и «аграриев»)¹. Этим заявлением Милюков на долгие годы определил направление политики КДП по отношению к предпринимательскому сообществу.

Как мы постарались показать в своих исследованиях, в 1905—1917 гг. партия народной свободы находилась в жесткой оппозиции к самодержавию. Ее руководители (многие из которых сами прошли через тюрьмы и ссылку) считали своими предшественниками декабристов и Герцена, а отнюдь не либералов XIX века. Преобладающее в КДП поколение «сорокалетних» духовно сформировалось под влиянием народнических идей. Некоторые его представители входили в партию «Народной воли» и связанные с ней организации. Другие являлись либеральными народниками.

Усвоив комплекс народнических идей, будущие кадеты восприняли и народническое отношение к промышленному капитализму как к искусственному и вредному порождению царского правительства. Соответственно буржуазия, в виду ее тесной связи с самодержавием, виделась им реакционной и враждебной силой².

Наша точка зрения была подвергнута критике А.Н. Егоровым³. Это побуждает нас привести в ее защиту дополнительные аргументы. Они будут касаться позиции кадетов в сфере торгово-промышленной политики. Следует сказать, что в программе кадетов не име-

---

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3-х т. гг. М., 1997. Т. 1. С. 21.

² См. подробн.: Селезнев Ф.А. 1) Либералы и социалисты — предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9; 2) Конституционные демократы и буржуазия (1905 — 1917). Нижний Новгород, 2006; 3) Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 6.

³ Егоров А.Н. Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии // Российская история. 2009. № 2.

лось раздела, посвященного проблемам торговли и промышленности. Официальную позицию конституционных демократов по принципиальным моментам торгово-промышленной политики мы можем узнать только из выступлений кадетских ораторов при обсуждении сметы Министерства торговли и промышленности в Государственной думе.

Первое такое обсуждение состоялось в мае 1908 года. С основной речью от конституционно-демократической фракции выступал А.И. Шингарев — бывший земский врач из Воронежской губернии⁴. Символично, что оратором поручили быть именно ему — человеку абсолютно чуждому предпринимательскому сообществу, хотя в кадетской фракции имелось и несколько представителей делового мира, например владелец 4-х кирпичных заводов М.В. Челноков⁵. Этим кадеты лишней раз подчеркивали свою удаленность от интересов промышленников.

Неудивительно поэтому, что большую часть своего ораторского времени Шингарев посвятил не торгово-промышленной тематике, а рабочему вопросу. Что касается отношения кадетов к конкретным проблемам экономической жизни, то в речи Шингарева можно выделить два принципиальных момента. Во-первых, главной экономической проблемой России была названа низкая покупательная способность внутреннего рынка из-за бедности основной массы населения (крестьянства). Во-вторых, устами своего главного думского оратора по финансово-хозяйственной проблематике конституционные демократы высказались против государственной поддержки отечественной промышленности, которая, по их мнению, должна была «отучиться ходить на помочах государственного кредита»⁶. В связи с этим Шингарев высказался за «здоровую самостоятельность торгово-промышленных кругов», «организацию торговых палат», «развитие биржевых комитетов». В то же время государство, по мнению кадетского докладчика, должно было помочь русским предпринимателям в изучении и освоении внешних рынков через сеть торговых консулов⁷.

Итоги бюджетных прений 1908 г. были подведены А.И. Шингаревым в работе «Вопросы государственного хозяйства и бюджета в

---

⁴ Николаев А.Б. Шингарев Андрей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 702.

⁵ Николаев А.Б. Челноков Михаил Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 672.

⁶ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 12.

⁷ Там же. Стб. 11—12.

третьей Думе» («Русская мысль», 1908, № 8, 9, 10). Большая ее часть касалась неурядиц в государственном секторе экономики. При этом важно отметить, что Шингарев сочувственно комментировал предложения о передаче в частные руки некоторых государственных функций и производств, например в области лесозаготовок⁸.

В 1909 г. при обсуждении сметы Министерства торговли и промышленности программную речь от конституционно-демократической фракции вновь произнес А.И. Шингарев. Выступление кадетского оратора состояло из тех же основных элементов, что и в 1908 году. Как и тогда, он в духе партийной программы коснулся рабочего вопроса, высказавшись за страхование рабочих, законодательную охрану труда и полную свободу рабочих организаций. Опять прозвучал призыв к «самостоятельности» промышленников, под которой понималось их дистанцирование от государственной помощи-опеки — Шингарев выразил надежду, что «наш торгово-промышленный класс отучится вечно надеяться на какие-то подачки из государственного казначейства». Для этого, в качестве необходимого шага, называлось создание органов самоуправления торгово-промышленного класса: либо в форме торговых палат западного типа, либо в виде собраний торгово-промышленных гласных по правительственному законопроекту 1906 года.

Вообще проблема создания торгово-промышленных палат — организаций нового вида, более равномерно и правильно представляющих бы интересы всех предпринимателей — была поднята на совещании при Министерстве финансов еще в 1903 году. Однако биржевые деятели (верхи буржуазии) предложили вместо создания новых структур просто реформировать давно существовавшие биржевые общества. Тогда правительство избрало компромиссный вариант. По проекту 1905 г. учреждались новые организации («собрания гласных торгово-промышленного класса»), но фактически на основе старых — биржевых обществ. Однако в 1906 г. этот законопроект был существенно переработан. Было признано необходимым все-таки ввести новые самостоятельные учреждения — торгово-промышленные палаты, а не преобразовывать биржевые комитеты⁹. Этот законопроект неоднократно обсуждался на разных съездах представителей буржуазии. Отношение к нему было изменчивым и настороженным, особенно со стороны ее верхов, входивших в биржевые общества. Торгово-промышленные палаты должны были отнять представительные фун-

---

⁸ Шингарев А.И. Вопросы государственного хозяйства и бюджета в третьей Думе (продолжение) // Русская мысль. 1908. № 9. С. 124.

⁹ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 109—112.

кции у биржевых комитетов¹⁰. Естественно их руководителям такая перспектива не улыбалась. Таким образом, данный вопрос вызвал целый ряд противоречий в предпринимательском сообществе: между крупной и средней буржуазией, между действующим (как правило, политически консервативным) руководством биржевых комитетов и рвущимися к власти «молодыми» либералами, между петербургской, московской и провинциальной буржуазией.

Кадеты в этом конфликте были явно против старых капитанов российского бизнеса. Они однозначно выступали за торгово-промышленные палаты, причем к созданию этих органов, по словам Шингарева, должны были быть «привлечены не только представители крупной промышленности и биржевых кругов, но и широкие слои торгово-промышленного населения»¹¹.

В речи 1909 г. А.И. Шингарев также вновь сказал о «благоустройстве внутреннего рынка» за счет подъема «благополучия широких народных масс». Опять им был поднят вопрос и о «завоевании внешнего рынка». В связи с этим кадетский оратор более подробно, чем в 1908 г., коснулся проблем организации русской консульской службы за рубежом. Он предложил не создавать особый институт заграничных агентов ведомства торговли и промышленности. По мнению представителя партии конституционных демократов, достаточно было подчинить Министерству торговли и промышленности по торговым делам консулов МИД. При этом на консульские должности Шингарев предлагал назначать людей из торгово-промышленного мира, имевших специальное коммерческое образование¹².

По сравнению с речью 1908 г. А.И. Шингарев затронул только два новых вопроса — об иностранном капитале и синдикатах. В связи с проблемой зарубежных инвестиций кадетский оратор высказался за отмену «устарелого законодательства», которое «всячески тормозит и мешает развитию торгово-промышленной жизни». В качестве примера он привел закон 6 июня 1904 г. о недопущении иностранного капитала в акционерные предприятия, строящие торговые суда для России¹³. Что касается синдикатов, то Шингарев от имени своей партии заявил: «Мы считаем, что законодательные нормы и управление должны быть направлены против всякого похода на потре-

¹⁰ [Енифанова Л.М.] Представительство интересов. Биржевые общества и комитеты // История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 2. С. 317—321.

¹¹ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. III. Стб. 662—666.

¹² Там же. Стб. 669—670.

¹³ Там же. Стб. 666.

бителя, против всяких преступных соглашений крупнейших промышленных организаций». В то же время он указал: «Важно не преследование здорового свободного соглашения, а важно преследование преступного направления деятельности»¹⁴.

Следующая программная речь А.И. Шингарева по смете Министерства торговли и промышленности (1910) в основном повторяла тезисы его предыдущих выступлений. Необходимо, однако, особо отметить резкий протест кадетского оратора в связи с планировавшимся правительством обложением импортных сельскохозяйственных машин и орудий¹⁵. Этот, казалось бы, частный вопрос имел принципиальное значение. Ведь промышленники наоборот активно поддерживали эту меру¹⁶. Таким образом, представитель конституционно-демократической фракции занял позицию, нарочито противоречившую интересам отечественной промышленности. Впрочем, это не удивительно, поскольку кадетская программа предусматривала снижение таможенных пошлин.

Зато в другом вопросе А.И. Шингарев выразил солидарность со Съездом представителей промышленности и торговли, члены которого тщательно ходатайствовали об отмене ограничений для учащихся иудейского вероисповедания при обучении в коммерческих училищах¹⁷. Это также вполне объяснимо, ведь программа КДП провозглашала одной из целей отмену всех национально-религиозных ограничений, в том числе и для евреев. В развитие этого положения программы А.И. Шингарев заявил: «Промышленная жизнь страны, в которой существует целый ряд государственных, правовых, социальных и национальных ограничений, развиваться не может». Он также отметил, что эти ограничения тормозят появление в России в более крупных масштабах иностранного капитала, привлечение которого, по мнению Шингарева, стало бы благом для экономики страны.

В 1910 г. Шингаревым также вновь были подняты вопросы о свободе профсоюзов, свободе организации торговых палат и подъеме покупательной способности населения¹⁸. Слабую покупательную способность населения А.И. Шингарев назвал главным хозяйствен-

---

¹⁴ Там же. Стб. 667.

¹⁵ Там же. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. III. Стб. 462—463.

¹⁶ *Изгаршев В.В.* Представительные организации крупной буржуазии: Московский биржевой комитет и Съезды представителей промышленности и торговли: Дисс. ... к. ист. н. М., 1998. С. 134.

¹⁷ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. III. Стб. 466.

¹⁸ Там же. Стб. 464.

ным недугом страны. Но на этот раз кадетский оратор впервые четко указал причины этого явления, а именно: 1) «несложившийся правовой уклад»; 2) слабое распространение образования; 3) массу тормозов, «которые вредно отражаются на развитии свободной хозяйственной жизни страны»; 4) «тяжелую финансовую политику»; 5) «неправильное распределение государственных расходов»; 6) отсутствие больших средств у органов местного самоуправления. При этом все указанные причины, по мнению оратора, коренились «далеко вне области торговли и промышленности»¹⁹, т.е. носили политический характер и, соответственно, требовали не хозяйственных, а политических перемен.

Вообще из всех трех указанных речей А.И.Шингарева следовало, что любые торгово-промышленные проблемы в России имеют политические причины и лечить их чисто хозяйственными методами бесполезно. Такова была официальная точка зрения конституционно-демократической партии. Между тем большая часть буржуазии отнюдь не желала резких политических перемен. Наоборот, как справедливо пишет В.В. Шелохаев, «основная масса крупной российской буржуазии» «срослась с авторитарным режимом и была консервативной...»²⁰. В этой связи встает закономерный вопрос: насколько корректно кадетскую партию считать выразительницей интересов буржуазии?

---

¹⁹ Там же. Стб. 461, 462.

²⁰ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 11.

В.А. ДЁМИН

Государственная дума, Государственный совет и борьба с пьянством

Введение государственной монополии на продажу водки в 1895 г., как известно, с финансовой точки зрения оказалось очень успешным. В тоже время это преобразование (как и большинство реформ С.Ю. Витте) было провальным с политической стороны. До ее проведения народ спаивали отдельные предприниматели, что являлось делом их совести. Теперь же в глазах общественного мнения государство оказалось ответственным за народное пьянство. Пошли рассуждения о «царевом кабаке», «пьяном бюджете» и т.д. и т.п.

После призыва левых в 1906 г. к финансовому бойкоту правительства значительная часть изъятых из сберкасс средств была внесена в водочные лавки. Таким образом, монополия приобрела политическое значение как финансовая опора правительства. По воспоминаниям харьковского помещика и земского гласного, видного члена III и IV Государственных дум Н.В. Савича, «к моменту созыва третьей Государственной думы в обществе и прессе идея упразднения винной монополии была достаточно распространена»¹.

I и II Государственные думы не уделяли внимания проблеме пьянства. В третьей этот вопрос был поднят по инициативе самарского предпринимателя из крестьян (владельца торговых заведений и бань²) М.Д. Чельшева. Он считал водку «ядом самым ужасным», видел в пьянстве причину едва ли не всех бед и полагал, что «недалек тот момент, когда в этом проклятом пойле потонет все святое в русском человеке»³. Он являлся решительным сторонником «сухого закона».

В мае 1907 г. II съезд Союза 17 октября по предложению Чельшева принял резолюцию о необходимости «немедленной энергичной борьбы правительства совместно с обществом» против пьянства⁴. По инициативе октябристов в числе первых думских комиссий была создана комиссия о мерах борьбы с пьянством, которую возглавил викарный гомельский епископ Митрофан (правый).

Во исполнение решения съезда октябристов в декабре 1907 г. в Думу за подписью 31 депутата было внесено разработанное предсе-

---

¹ Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 134.

² В которых, по уверениям противников Чельшева, подавалась водка.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 2094, 2102.

⁴ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. I. С. 338.

дателем думской финансовой комиссии предпринимателем Г.Г. Лерхе законодательное предположение о незначительных ограничениях торговли спиртным. Предусматривалось прекращение продажи водки в мелкой посуде, введение права сельского общества запрещать продажу спиртного в своем поселении и сокращение времени питейной торговли.

21 февраля 1908 г. Дума признала это предположение желательным. Товарищ министра финансов И.И. Новицкий от имени Министерства согласился разработать на его основе законопроект. Тем не менее Дума поручила комиссии по борьбе с пьянством параллельную разработку, не имевшую, впрочем, реальных последствий, так как уже 11 октября 1908 г. соответствующий проект Министерства финансов был внесен в Думу. Его основные положения сводились к праву сельских обществ запрещать продажу водки на своей территории, а также к усилению наказаний за нелегальную продажу.

Дума передала проект в комиссии по борьбе с пьянством и финансовую, а также на заключение комиссии по судебным реформам (в уголовно-правовой части). Комиссия по борьбе с пьянством под влиянием Чельшева предложила усилить ограничения, стремясь запретительными мерами максимально сократить потребление спиртного. В ее докладе говорилось: «В широких массах населения потребление спиртных напитков хотя и является распространенным бедствием, но не пользуется никаким особым уважением... это зло действительно сознается, о нем думают с отвращением, и всякий сознает свою слабость. Следовательно, исходя именно из факта сознания рабочим населением всего этого зла, но вместе с тем и сознания своей слабости, специальной комиссии казалось, что здесь идти на помощь воззрениям широких масс населения... не обладающих достаточной энергией для собственной борьбы, является обязательным... специальная комиссия и находила, что не надо смотреть на это потребление спиртных напитков как на совершенно справедливую потребность широких масс, ибо сами они сознают, что эта потребность, в сущности, является нежелательной, а что следует идти на помощь и бороться, как это соответствует сознанию широких масс». Поэтому комиссия предложила сделать законопроект значительно радикальнее.

Финансовая комиссия сочла проект непрактичным, однако признала необходимой «некоторую манифестацию, направленную против народного недуга» и одобрила проект в значительно смягченном виде.

Общее собрание Думы рассмотрело проект в 1-м и 2-м чтениях в 10 заседаниях в январе-феврале 1911 г., в третьем чтении — в 3-х заседаниях в ноябре 1911 г. Левые от социал-демократов до прогрессистов включительно критиковали усиление карательных постановле-

ний и предлагали бороться с пьянством путем введения политических свобод, всеобщего голосования, дополнительного наделения крестьян землей и т.п. Некоторые крестьяне из национально-правого крыла и октябристов критиковали проект как ограничивающий права умеренно пьющих, предлагали различные смягчающие поправки и даже высказывались за удешевление водки. Отдельные депутаты (волынский крестьянин правый Е.В. Герасименко, бывший волостной писарь из вятских крестьян трудовик А.Е. Кропотков) выступили за отмену монополии⁵.

Выступлений за отклонение проекта почти не было. Лишь херсонский помещик В.Р. Буцкий (национальная фракция правых) еще при обсуждении проекта на предмет желательности объявлял недопустимой «борьбу с правом отдельного человека... пользоваться умеренно дарами природы»⁶ и возражал против запрета мелкой посуды (затем речь была прервана из-за истечения 10-минутного срока)⁷. При дальнейшем обсуждении проекта он не выступал. Кроме этого, бывший преподаватель гимназий и землевладелец русский националист И.Я. Павлович (Минская губ.) резко возражал против почти всех положений проекта, особенно увеличения посуды, как не достигающих цели, и соглашался только с уменьшением крепости водки⁸.

Думское большинство поддержало основные положения проекта комиссии о борьбе с пьянством. В частности, Дума предложила снизить крепость водки до 37°, предоставить право запрещать ее продажу не только сельским обществам, но и городскому и волостному самоуправлению, допустить с решающим голосом в сельские сходы при рассмотрении соответствующих вопросов наряду с домохозяйками их матерей и совершеннолетних жен, запретить продажу крепких напитков на частновладельческих землях и в поселениях с числом жителей менее 500, запретить продажу спиртных напитков (кроме импортных) в посуде меньше 1/20 ведра (0,61 л, использовались емкости до 1/200 ведра включительно). Предлагалось запретить продавать спиртное в различных местах публичных увеселений (в общественных парках, театрах, кинотеатрах и т.п.) и буфетах государственных учреждений, а также в радиусе 100 (в столицах и губернских городах — 40) саженей от церквей и учебных заведений. Также Дума предлагала запретить питейную торговлю по воскресеньям и всевозможным праздникам (94 дней в году), а также в местные праздники

---

⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. II. Стб. 790—798, 984—988.

⁶ Там же. Стб. 49.

⁷ Там же. Стб. 49—51.

⁸ Там же. Стб. 927—935.

(определяемые духовным начальством), дни крестных ходов, набора новобранцев, сельских ярмарок, созыва сельских сходов и волостных судов. В субботы и предпраздничные дни торговля должна была прекращаться в 14 часов.

Предлагалось усилить борьбу с нелегальной продажей водки. В частности, предлагалось возложить ее преследование на общую полицию (вместо акцизного надзора), а также предавать суду без согласия начальства чинов полиции и крестьянского самоуправления, обвиняемых в попустительстве такой торговле. Редакция проекта была одобрена Думой 9 декабря 1911 г.

Государственный совет столкнулся с проблемой борьбы с пьянством в конце 1907 г. После признания одобренных II Думой проектов отпавшими в связи с ее роспуском верхняя палата осталась без предметов занятий. Поэтому группа членов внесла законодательное предположение об упразднении попечительств о народной трезвости — созданных питейной реформой Витте бюрократических учреждений, действующих на казенные средства и не добивавшихся видимых результатов. Авторы предположения считали свою инициативу бесспорной, однако большинство Совета сочло такую реформу неприемлемой по политическим причинам: она могла быть воспринята как отказ государства от борьбы с пьянством. Законодательное предположение по докладу особой комиссии было отклонено Советом в 1909 г. Большинство членов комиссии во главе с ее председателем центристом А.С. Ермоловым (бывшим министром земледелия) внесло законодательное предположение о новой организации этих попечительств, которая должна была повысить эффективность их работы. Это предположение в том же году было признано желательным. Правительство согласилось выработать соответствующий законопроект, но внесло его лишь в 1913 г. Он был одобрен Советом в 1914, но утратил актуальность из-за начала войны и не был рассмотрен Думой.

Более важные последствия имело обсуждение в верхней палате думского проекта об ограничении продажи водки. Он был передан в особую комиссию во главе с центристом А.Д. Зиновьевым, бывшим санкт-петербургским губернатором.

Она предложила не вводить радикальные стеснения употребления спиртного, а лишь бороться со злоупотреблением им. Общее собрание Государственного совета рассмотрело проект по докладу специальной комиссии в 16 заседаниях в январе-феврале 1914 г. Основные предложения комиссии были отклонены, взамен были приняты поправки в духе думского проекта. В частности, верхняя палата одобрила право городского, волостного и сельского самоуправления запрещать продажу крепких напитков на подведомственной территории.

Взамен думского постановления о запрете водочной продажи на государственных и частновладельческих землях вне городов было предложено правило об открытии соответствующих заведений с разрешения уездного земского собрания путем одобрения им соответствующего 3-хлетнего плана и поправок к нему⁹. Также был принят ряд других поправок.

В частности, было предложено предоставить губернатору право запрещать питейную торговлю в населенных рабочими местностях в день выдачи зарплаты. Думские предложения о безусловном запрете продажи крепких напитков в радиусе 40 или 100 сажень от церкви и учебных заведений, а также об отмене «административной гарантии» для чинов полиции и сельского самоуправления, обвиняемых в попустительстве нелегальной торговли спиртным, были отклонены. Также было предложено не снижать крепость водки высшей очистки.

Важное политическое значение имели выступления бывшего председателя Совета министров беспартийного графа С.Ю. Витте. Он утверждал, что в свое время добился введения водочной монополии якобы для сокращения пьянства путем установления государственного контроля над ним, а также обеспечения потребителей качественной водкой. Стремление же к росту питейных доходов якобы появилось лишь после его отставки с поста министра финансов и назначения им В.Н. Коковцова. Граф объявил проект «покушением с негодными средствами» и организовал внесение поправки 40 членов, предусматривавшей ограничение питейного дохода на 900 млн руб. (примерно на уровне бюджета 1914 г.) с использованием превышающих эту величину поступлений на борьбу с пьянством¹⁰.

Эта поправка была отклонена 102 голосами против 21¹¹, однако выступления Витте против «пьяного бюджета», закулисно поддержанные весьма влиятельным главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным¹², вызвали окончательную дискредитацию водочной монополии в глазах монарха и отставку ее последовательного сторонника Коковцова с постов председателя Совета министров и министра финансов. В рескрипте Николая II новому министру финансов П.Л. Барку содержалось осуждение «зависимос-

---

⁹ Однако в случае несогласия губернатора с решением собрания вопрос должен был окончательно решаться губернским присутствием по земским и городским делам.

¹⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 9. Пг., 1914. Стб. 341—348, 368—370, 460—466, 841—854, 1016—1023.

¹¹ Там же. Стб. 1065—1066.

¹² Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988. С. 173.

ти благосостояния казны от разорения духовных и хозяйственных сил... верноподданных»¹³.

26 февраля 1914 г. Совет вернул проект в IV Государственную думу, которая, в свою очередь, передала его в свою комиссию о народном здравии (заменившую третьедумскую комиссию о борьбе с пьянством). Ее доклад был внесен в конце мая 1914 г., но общее собрание не успело рассмотреть его до начала I мировой войны.

Тем временем в июле 1914 г. на время мобилизации высочайшим повелением (в порядке управления) была прекращена государственная торговля водкой (хотя соответствующие доходы были включены в утвержденный бюджет). 22 августа 1914 г. последовало новое высочайшее повеление (в том же порядке) о продлении запрета на ее продажу до конца войны.

1 сентября 1914 г. в чрезвычайном-указном порядке (ст. 87 Основных законов 1906 г.) было утверждено положение Совета министров об изменении порядка открытия пивных лавок и оптовых складов пива и меда. Оно отменяло право открывать такие заведения без разрешения подлежащего начальства¹⁴. 27 сентября 1914 г. в том же порядке было утверждено положение Совета министров о сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений. Оно предоставляло крестьянскому и городскому самоуправлению право запрещать на своей территории и в радиусе 100 сажень от ее границ продажу спиртных напитков¹⁵. 11 ноября 1914 г. было утверждено (ст. 87) положение Совета министров о повышении акциза с пивоварения, которое, в частности, ограничило крепость пива 3,7 градусами¹⁶. 10 июля 1915 г. было утверждено (также по ст. 87) положение Совета министров об ответственности за некоторые нарушения постановлений уставов об акцизных сборах и за появление в публичном месте в состоянии явного опьянения. В частности, вводилась ответственность за переработку технического спирта для пищевого употребления и продажу его продуктов, а также за производство кваса или подобных напитков крепостью свыше 1,5° или с «одуряющими» добавками. Устанавливались наказания за появление в общественном месте «в состоянии явного опьянения» (штраф от 25 до 300 руб. или арест от 7 дней до 3 месяцев).

---

¹³ Дякин В.С. Указ. соч. С. 178.

¹⁴ Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных государственных законов. Дополнение к сборнику, изданному в 1913 году. Пг., 1915. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 57—58.

¹⁶ Там же. С. 213—215.

Тем временем в августе 1915 г. Дума вернула проект об ограничении питейной торговли в комиссию для переработки, так как предусмотренные им ограничения были меньше введенных постановлениями 1914—1915 гг. Комиссия соединила проект с законодательными предположениями 82 и 78 депутатов, внесенными 3 августа 1915 г. и 26 февраля 1916 г. и направленными на закрепление принудительного введения трезвости.

Общее собрание Думы рассмотрело проект в трех заседаниях в июне 1916 г. Показательно, что, в отличие от III Думы, ни один оратор не выступил в поддержку умеренного потребления алкоголя. Также никто не рассуждал об использовании суррогатов и иных путей уклонения от трезвости.

Было предложено запретить в военное время свободную продажу любых напитков крепостью свыше 1,5 градусов. Их изготовление разрешалось лишь для технических, медицинских, богослужебных и тому подобных целей, а также для экспорта. Впрочем, разрешалось производство вина не крепче 12 градусов в винодельческих районах. В военное время его вывоз в другие регионы допускался лишь для собственного потребления. Спустя год после окончания войны предполагалось разрешить продажу вина российского производства во всей империи. При этом предлагалось предоставить земскому и городскому (в винодельческих местностях — еще и сельскому и станичному) самоуправлению право запрещать или ограничивать винную торговлю. Редакция проекта была одобрена 16 декабря 1916 г.

Государственный совет передал проект в новую особую комиссию во главе с бывшим обер-прокурором Синода правым В.К. Десятовским (Саблером). 22 февраля 1917 г. она единогласно одобрила проект в редакции Думы¹⁷. Общее собрание Совета из-за начавшейся революции не успело рассмотреть дело.

В итоге можно сделать следующие выводы. Государственная дума могла оказать значительное влияние на государственную политику. Как известно, именно поддержка Николая II в свое время позволила Витте ввести водочную монополию вопреки мнению общественных кругов и высшей бюрократии в целом и Государственного совета в частности. Соответственно ее критика в законодательных палатах, инициированная Думой, привела к радикальному изменению позиции монарха и государственной политики.

История борьбы Думы с пьянством показывает также способность отдельных депутатов в случае удачного выбора темы выступлений получать значительное влияние. В частности, Челышев не входил в

---

¹⁷ Новое время. 1917. 23 февраля.

руководство Думы в целом и фракции октябристов в частности, но сумел изменить государственную политику по важному вопросу.

Фактическое введение сухого закона, возможно, показывает преобладание патернализма в политической культуре России: как указывалось, в основу реформы было положено мнение комиссии III Думы о мерах борьбы с пьянством, исходившей из «слабости» народа и необходимости его опеки. Впрочем, почти одновременно с Россией (в 1920 г.) сухой закон был введен в США. Однако там он вытекал лишь из одной субкультуры (сельских протестантов) и, в отличие от России, не имел под собой консенсуса.

М.А. ЗЛАТИНА

Обсуждение законопроекта «О мерах по обеспечению участи беженцев» на закрытых заседаниях IV Государственной думы и Государственного совета: столкновение мнений и принятие итоговых решений

До августа 1915 года основную работу по оказанию помощи беженцам выполняли различные благотворительные и общественные организации: от Комитета ее императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны до всероссийских Земского и Городского союзов и различных центральных национальных комитетов помощи жертвам войны. Данные учреждения, имея свои источники денежных средств, дополнительно периодически запрашивали кредиты на оказание содействия беженцам у Совета министров. Таким образом, изначально часть денег на вспомоществование жертвам войны давалась государством, но организацией помощи занимались прежде всего общественные и благотворительные комитеты. Проблема с вынужденными мигрантами с трудом, но решалась. К лету 1915 года ситуация начала становиться критической. «Великое отступление» русской армии сопровождалось столь же великим перемещением беженцев вглубь Российской империи. Причем уходило население из прифронтовой зоны западных губерний не столько добровольно (хотя и таких было немало), сколько оно насильственно поголовно выселялось по распоряжению военных властей. Уже в июне 1915 года на заседании Совета министров Н.Б. Щербатов говорил о том, что наблюдается «движение массовое по дорогам», и «необходима организация и план устройства движущихся»¹, к августу 1915 года ситуация стала еще более плачевной. Возникла необходимость выделить на оказание помощи беженцам гораздо большую денежную сумму, чем это делалось ранее (согласно законопроекту об обеспечении участи беженцев, одновременно должны были выдать 25 млн руб.², предполагались последующие постоянно отпускаемые кредиты). Вставал насущный вопрос: кто будет настолько крупными деньгами распоряжаться, можно ли все опять отдать на откуп общественным организациям. Кроме того, необходимо было скоординировать работу множества учреждений по оказанию помощи беженцам в цент-

---

¹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 192.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 799.

ре и на местах, упорядочить движение беженцев, четко прописав пути их перемещения и места нового поселения.

С целью ввести централизованное управление делом оказания помощи беженцам и передать его в ведение государства земским отделом МВД был разработан законопроект «О мерах по обеспечению участи беженцев» (от 5 августа 1915 г., за № 14004), переданный для утверждения в порядке спешности в Государственную думу и Государственный совет.

Рассмотрение законопроекта в обеих законодательных палатах проходило в закрытом режиме. Принятие подобного решения было вполне обоснованным, так как проблема беженцев была тесно связана с ситуацией, складывавшейся на фронте, с данными, не подлежащими оглашению или нежелательными для открытого обсуждения. При сравнении текста опубликованной версии стенограммы закрытого десятого заседания Государственной думы от 14 августа 1915 г.³ с ее первоначальным архивным вариантом⁴ выясняется, что в основном были «порезаны» речи депутатов Думы, выступавших на этапе «общего обсуждения» законопроекта. Из сообщений депутатов Г.И. Свенцицкого (группа Западных окраин⁵), Л.К. Дымши (Польское коло⁶), Н.О. Янушкевича (трудовик⁷), Н.М. Фридмана (кадет⁸) и Ф.И. Лошкейта (беспартийный⁹) были вычеркнуты данные об убийствах и насилии над местным населением со стороны русских войск, имевших место при проведении поголовного принудительного выселения жителей из районов военных действий¹⁰. Из речи Г.И. Свенцицкого изъяли данные о ложном обвинении одного из местных

³ Там же. Стб. 795—856.

⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. 10 заседание (закрытое) от 14 августа 1915 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 213.

⁵ Николаев А.Б. Свенцицкий Генрих Ипполитович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 550.

⁶ Николаев А.Б., Постников Н.Д. Дымша Любомир Клеофасович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 177—178.

⁷ Николаев А.Б. Янушкевич Николай Осипович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 724.

⁸ Николаев А.Б. Фридман Нафталъ Маркович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 652.

⁹ Николаев А.Б. Лошкейт Федор Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 333.

¹⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. 10 заседание (закрытое) от 14 августа 1915 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 213. ЛЛ. 13—19, 30—31, 40—44, 53—54, 65.

жителей в шпионстве, осужденного на смертную казнь только из-за того, что пытался спасти свою подопечную от насилия со стороны офицеров¹¹. Смягчена, а часто и вовсе была убрана информация о том, что нижние воинские чины и офицеры отнюдь не всегда выполняли приказы высшего командного состава армии. Например, по словам Г.И. Свенцицкого: «Я убедился воочию, так как все время отступал вместе с армией, что это распоряжение главнокомандующего [о том, что население не должно быть выселяемо со своих мест поголовно и пр.] имело силу не более одной недели»¹². Ф.И. Лошкет передавал слова местного исправника: «...теперь распоряжается у нас все, кто только захочет. Придет солдат и скажет старосте: пойдем в такое-то имение, заберем, и что делать, идем»¹³. У Н.О. Янушкевича слова о том, что «не только полковник, всякий есаул, подъесаул поступает на свой лад. Администрация тоже, как хочет, и извольте радоваться...»¹⁴ в опубликованной версии превратились во фразу «всякий молодец толкует на свой образец»¹⁵. Вырезаны были и наиболее ужасающие данные о положении вынужденных переселенцев (например, информация о беженцах в окрестностях Влодавы¹⁶), остались лишь общие фразы о голоде и страданиях беженцев. Были убраны наиболее резкие высказывания депутатов о том, что необходимо прекратить поголовное насильственное выселение жителей районов военных действий и прифронтовых зон, поскольку подобная политика лишь вредит государственным интересам (Л.К. Дымша)¹⁷. И «выселяемое населения не может понять, что это, может быть, высокие соображения каких-нибудь плохих стратегов» (Н.О. Янушкевич)¹⁸.

На закрытом восьмом заседании Государственного совета при общем обсуждении законопроекта об обеспечении нужд беженцев, члены Совета поднимали, в основном, те же самые вопросы, и звучали практически те же обвинения в адрес властей, что и на заседании Думы. Иногда даже в более жесткой форме (например, И.А. Ше-

---

¹¹ Там же. ЛЛ. 16—17.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 68.

¹⁴ Там же. Л. 41.

¹⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 809.

¹⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. 10 заседание (закрытое) от 14 августа 1915 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 213. Л. 21.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ Там же. Л. 40.

беко (Польское коло, группа Центра¹⁹) в своей речи назвал ответственных за поголовное выселение лицами, «охваченными психозом этой Наполеоновской эпопеи»²⁰, С.И. Зубчанинов (Правый центр²¹), чуть смягчая критику, отметил, что «это был психоз, который руководил некоторыми нашими воинскими начальниками, вопреки приказаниям верховного главнокомандующего»²²).

Выступавшие с объяснениями по общим основаниям законопроекта И.А. Шебеко, А.Э. Мейштович (Польское коло²³) и даже С.И. Зубчанинов сошлись на том, что все желают отмены принудительного выселения и что стратегия «выжженной земли» в данном случае ошибочна и может привести к катастрофе²⁴. Члены Государственного совета, как и думцы, рассказывали о бесчинствах, которыми сопровождалось насильственное выселение жителей прифронтовых территорий. Отмечали плохую организацию эвакуации беженцев и расписывали в красках мытарства и бедствия вынужденных переселенцев. Вновь подчеркивалась проблема противоречивости распоряжений военного командования, рассогласованность действий высшего и местного командного состава, неподконтрольность исполнителей приказов — солдат, «очень часто выходивших из правил дисциплины и не подчинявшихся никому»²⁵.

Иначе говоря, опасения властей о том, что на заседаниях Государственной думы и Государственного совета при обсуждении законопроекта о беженцах всплывут и другие, пограничные заявленной проблеме, опасные темы, были вполне реалистичны, так что подстраховались и провели совещания в закрытом режиме, видимо, не зря.

В целом, выступая по вопросу общей характеристики законопроекта и необходимости его принятия в порядке спешности, депутаты и Думы, и Совета сам текст будущего закона упоминали лишь

---

¹⁹ *Бородин А.П., Постников Н.Д.* Шебеко Игнатий-Людвиг Альбертович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 319.

²⁰ Дело с протоколами заседаний Государственного совета. XI Сессия. 19 июля — 3 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 2. Л. 94.

²¹ *Бородин А.П.* Зубчанинов Сергей Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 101.

²² Дело с протоколами заседаний Государственного совета. XI Сессия. 19 июля — 3 сентября 1915 г. Л. 96

²³ *Бородин А.П., Постников Н.Д.* Мейштович Александр Эдуардович // Государственный совет Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 166.

²⁴ Дело с протоколами заседаний Государственного совета. XI Сессия. 19 июля — 3 сентября 1915 г. ЛЛ. 93 об., 95 об., 96.

²⁵ Там же. Л. 93.

вскользь, просто подчеркивая необходимость как можно более скорого принятия положения об обеспечении нужд беженцев. Затем думцы, в отличие от членов Госсовета, не менее подробно, чем на обсуждении общих вопросов, остановились и на постатейном рассмотрении проекта закона и положения.

Первые довольно существенные постатейные поправки к законопроекту, составленному МВД, были внесены еще в комиссии Государственной думы по направлению законодательных предположений, куда проект был отправлен 7 августа 1915 года. Таким образом, проект закона, предложенный на утверждение Думе на заседании 14 августа 1915 года, уже серьезно отличался от того, что первоначально запланировало правительство. Именно те статьи, в которые комиссией были внесены поправки, подверглись наиболее бурному обсуждению на закрытом заседании Государственной думы. Остановимся на статьях, вызвавших наибольший резонанс, при обсуждении которых как раз и проявились столкновения мнений как среди думцев, так и между членами Государственной думы и правительством.

Во 2-й статье законопроекта речь шла о ведомствах, должностных лицах и учреждениях, на которые планировалось возложить обязанности по заведованию делом оказания помощи беженцам. Согласно проекту МВД, высшее руководство данной деятельностью поручалось министру внутренних дел, далее были обозначены губернаторы и градоначальники, земские учреждения и городские общественные управления и, наконец, местные «обывательские» комитеты²⁶. При постатейном обсуждении законопроекта на закрытом заседании Думы кадет М.И. Пападжанов²⁷ внес предложение исключить из текста 2-й статьи из предложенного перечня «губернаторов и градоначальников», аргументируя это тем, что комиссия Государственной думы по направлению законодательных предположений уже в своих правках к проекту изъяла губернаторов из списка лиц, оказывающих содействие беженцам на местах²⁸. Более того, в 5-й статье данного же положения и так определяется, что все должностные лица обязаны содействовать МВД в деле оказания помощи беженцам, стало быть, упоминание о губернаторах и градоначальниках можно благополучно удалить из текста законопроекта²⁹. М.И. Пападжанова поддержали

²⁶ Материалы к заседаниям общего собрания Государственного совета. 19 июля — 3 сентября 1915 г. // РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 388. Л. 346 об.

²⁷ Николаев А.Б. Пападжанов Михаил Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 441.

²⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стб. 824.

²⁹ Там же.

и другие депутаты, правда, обосновывали они свою точку зрения чуть ли не с кардинально разных позиций. Кадет П.П. Гронский³⁰ и октябрист И.В. Годнев³¹ подчеркивали, что забота о беженцах как о части населения исконно входит в обязанности начальников губерний, поэтому подобное лишнее упоминание будет смотреться как упрек в адрес губернаторов, что они не выполняют своих прямых начальных обязанностей³². Член мусульманской фракции М.-Ю. Джафаров³³, напротив, предлагал исключить губернаторов и градоначальников из списка лиц, заведующих помощью беженцам, именно потому, что в данном деле главы губерний успели дискредитировать себя³⁴. Но если подходы у депутатов были разные, то цель одна: изъять упоминания о начальниках губерний из законопроекта. Против данной инициативы выступили товарищ министра внутренних дел Н.В. Плеве и докладчик, представлявший проект закона от лица комиссии Государственной думы по направлению законодательных предположений Н.И. Антонов (земец-октябрист³⁵). Н.В. Плеве обосновал неприемлемость данной поправки тем, что деньги спускаются МВД, и законопроект отныне определяет оказание помощи беженцам как дело государственное, а не общественно-благотворительное, стало быть, и губернаторы как представители исполнительной власти на местах должны быть упомянуты в законе³⁶. Н.И. Антонов заявил, что высказанные противоречивые мнения о роли начальников губерний в деле помощи беженцам как раз подтверждают необходимость включить губернаторов в означенный список³⁷. В итоге, при голосовании, поправка М.И. Пападжанова была отклонена. Губернаторы и градоначальники сохранили свои позиции. Кроме того, по

³⁰ Николаев А.Б. Гронский Павел Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 150.

³¹ Николаев А.Б., Усманова Д.М. Годнев Иван Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 132.

³² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стб. 826—828.

³³ Николаев А.Б., Усманова Д.М. Джафаров Мамед-Юсуф // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 162.

³⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стб. 828—829.

³⁵ Николаев А.Б. Антонов Николай Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 24.

³⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стб. 825—826.

³⁷ Там же. Стб. 829.

предложению Н.В. Плеве, в перечень лиц, отвечающих за дело помощи беженцам, были включены главноуполномоченные по устройству беженцев. Но эта поправка была резонной, и она была утверждена единогласно.

Законопроект об оказании помощи беженцам предусматривал не только официальное провозглашение дела помощи беженцам обязанностью государства, с возложением высшего руководства на министра внутренних дел, но и, согласно 8-й статье положения, создание Особого совещания по устройству беженцев, куда должны были войти, в том числе, выборные представители от Государственной думы и Государственного совета. Задачей Особого совещания было обсуждение и объединение всех мер по обеспечению нужд беженцев и наблюдение за целесообразным применением данных мер. П.П. Гронский, продолжая политику отстаивания общественно-благотворительных начал в деле оказания помощи беженцам, предложил отказаться от идеи учреждения Особого совещания, передав соответствующие полномочия и функции уже существующим и имеющим опыт в данной работе общеземскому и общегородскому всероссийским союзам³⁸. Но поправка была отклонена.

Наибольший резонанс вызвала 10-я статья законопроекта, в которой говорилось о составе Особого совещания. Шумно и долго обсуждали предложение депутата Г.Г. Замысловского (правый³⁹), требовавшего вернуть в число членов Особого совещания представителя ведомства православного исповедания⁴⁰. Согласно проекту МВД действительно предполагалось наличие представителя данного ведомства в Совещании⁴¹, но комиссия по направлению законодательных предположений его из состава Особого совещания вывела⁴². В итоге поправка Г.Г. Замысловского была отклонена. Не менее оживленная дискуссия развернулась вокруг поправки земца-октябриста Д.П. Капниста 2-го⁴³, предложившего отменить постоянное членство в составе Особого совещания представителей Центральных национальных комитетов помощи жертвам войны⁴⁴. В итоге и эта поправка

³⁸ Там же. Стб. 835.

³⁹ *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 202.

⁴⁰ Там же. Стб. 837—843.

⁴¹ РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 388. Л. 351 об.

⁴² Там же. Л. 346 об.

⁴³ *Николаев А.Б.* Капнист (Капнист 2-й) Дмитрий Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 234.

⁴⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Стб. 837, 844—845.

была отклонена. В этом раунде победу одержали левый и центральный сектора Думы.

Наконец, почти полностью переработанная 21-я (в конечной редакции 22-я статья) законопроекта была явной уступкой общественным силам. В ней речь шла о руководстве и организации дела помощи беженцам на местном уровне. Тут, в отличие от решения по 2-й статье, Н.В. Плеве не удалось провести поправку о включении в 21/22-ю статью после текста «попечение о беженцах и об устройстве их судьбы возлагается» фразы «на губернаторов, на градоначальников»⁴⁵. Поправка была отклонена. Более того, земским учреждениям и городским общественным управлениям в рамках оказания помощи беженцам на местном уровне были даны дополнительные полномочия: право образовывать особые комитеты в тех местах, где указанные органы самоуправления признают нужным. Право приглашать для сотрудничества лиц обоего пола как из местных деятелей, так и из беженцев⁴⁶.

В виду утвержденной спешности, рассмотренный законопроект был принят Государственной думой сразу во втором и третьем обсуждении и передан в редакционную комиссию. В основном корректировка затронуло структуру законопроекта⁴⁷.

Окончательный вариант положения о беженцах был утвержден Думой на одиннадцатом заседании 18 августа 1915 года⁴⁸, тогда же проект был передан на рассмотрение в комиссию законодательных предположений Государственного совета.

Комиссия Государственного совета планировала внести существенные поправки в текст будущего закона (прежде всего, в уже упомянутые нами статьи 2-ю (в редакции Совета — 3-ю статью), 10-ю и 22-ю (ранее шедшую под номером 21), вернув им содержание, близкое по тексту проекту МВД)⁴⁹. Но, поскольку принятие данных поправок привело бы к передаче законопроекта на рассмотрение согласительной комиссии, а министр внутренних дел настаивал на беззамедлительном принятии обсуждаемого положения о беженцах, на закрытом восьмом заседании Государственного совета был полностью, без внесения изменений, утвержден законопроект об обеспечении нужд беженцев в редакции Думы⁵⁰.

В итоге, законопроект был принят в компромиссном варианте: Дума одобрила отнюдь не самые радикальные из предложенных при

---

⁴⁵ Там же. Стб. 825—826, 849, 853.

⁴⁶ Там же. Стб. 847—853.

⁴⁷ Там же. Стб. 854.

⁴⁸ Там же. Стб. 861—862.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 388. ЛЛ. 320, 321 об., 323 об. — 324.

⁵⁰ Там же. Оп. 10. Д. 2. Л. 100 об.

Актуальные проблемы парламентаризма

обсуждении поправок, правительство готово было пойти на умеренные уступки, чтобы как можно быстрее провести данный закон. Государственный совет, под давлением правительства, снял свои замечания к проекту и целиком принял вариант закона, предложенный Государственной думой.

30 августа 1915 года был высочайше утвержден закон «Об обеспечении нужд беженцев», в котором государство брало на себя попечение о беженцах, но при этом государственные и общественные учреждения примерно на равных участвовали в организации помощи вынужденным мигрантам.

А.В. ГЛУШКОВ, М.Н. ЛУКЬЯНОВ

Прогрессивные националисты: путь в блок и в блоке

Одной из наименее изученных в российской историографии думских фракций остаются прогрессивные националисты. Эта немногочисленная группа из чуть более чем 30 человек, занявшая в 1915 году нишу между консервативными и либеральными объединениями, традиционно не рассматривается как сколько-нибудь самостоятельная политическая сила и чаще всего упоминается в контексте генезиса Прогрессивного блока и «штурма власти». Между тем есть все основания полагать, что ФПН не только сыграла важную роль в объединении думских фракций летом 1915 года, но и явила яркий пример «политического просветления», смены курса под влиянием изменившихся условий и общественных настроений.

Путь левых националистов в Прогрессивный блок начался задолго до Первой мировой войны. Начало XX века стало временем формирования и развития русского национализма как особого идейно-политического течения. Помимо думской фракции националистов и умеренно правых, образовавшейся в 1909 году, возник ряд внепарламентских националистических организаций. Наиболее заметными среди них оказались Всероссийский национальный союз (ВНС) и Киевский клуб русских националистов (ККРН). В состав последнего, созданного для объединения политиков-националистов Западного края¹, входил весь «цвет» будущей фракции прогрессивных националистов: помимо наиболее известных лидеров группы А.И. Савенко и В.В. Шульгина, активными членами клуба были также В.Я. Демченко, Н.Н. Чихачев и К.Е. Сувчинский.

Современники отмечали, что политическая консолидация русского национализма происходила при деятельной поддержке премьер-министра П.А. Столыпина. Действительно, со смертью Столыпина и приходом на его место В.Н. Коковцова отношения националистов с правительством заметно ухудшились. «После смерти Столыпина сотрудничество Думы и правительства прекратилось, обе стороны пошли вразброд. В результате — законодательство в России затормозилось и почти вовсе прекратилось», — рассуждал незадолго до начала Первой мировой войны Савенко².

Некоторые исследователи склонны полагать, что именно потеря поддержки со стороны власти стала главной причиной раскола наци-

---

¹ *Кальченко Т.В.* Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев, 2008. С. 5.

² Киевлянин. 1914. 23 февраля.

ональной фракции, когда «наименее идейные» националисты в поисках лучшей жизни вошли в состав думского праволиберального большинства. Представляется, что такой подход к деятельности националистов-прогрессистов явно упрощает политическую ситуацию в России накануне и в начале Первой мировой войны.

С началом работы IV Думы в ноябре 1912 года в националистической среде заметно усилились центробежные процессы. Все более заметными становились расхождения между правыми и левыми флангами парламентской фракции. Внутри нее шла борьба за лидерство между подольским помещиком П.Н. Балашевым, вокруг которого группировались правые националисты, и В.В. Шульгиным, ставшего центром притяжения более умеренных элементов. Заметную брешь в русском националистическом лагере пробило «дело Бейлиса». Считая, что обвинение в ритуальном убийстве скомпрометирует дело сторонников монархии, Шульгин не поддержал сторону обвинения. По его мнению, обвиняя Бейлиса, правительство и правые «сами совершали человеческое жертвоприношение»³. В ответ на это Шульгин стал объектом резкой критики справа.

Большое значение с точки зрения развития конфликта между националистами имели разногласия на локальном уровне — в Киевском клубе русских националистов. Они положили начало распаду националистического лагеря в целом. В ходе очередных выборов председателя думской фракции националистов в ноябре 1912 г. конфликт между левыми и правыми элементами выплеснулся наружу. В конце концов на этот пост представитель правой группировки П.Н. Балашев был переизбран. Вместе с тем из шестидесяти восьми депутатов двадцать один не поддержал его кандидатуру⁴.

Спустя две недели два лидера левых, А.И. Савенко и В.Я. Демченко, опубликовали схожие воззвания в «Киевлянине». Говоря о существовании левого и правого крыла фракции, они подчеркнули, что разногласия между ними носили чисто тактический характер и могут быть разрешены внутри нее самой⁵.

К тому же в 1913 году умер воспитатель В.В. Шульгина Д.И. Пихно⁶, который силой личного авторитета сдерживал мелкие стычки внутри всей организации. Когда его не стало, борьба за влияние среди националистов заметно обострилась. И так, уже в 1913 году существование правого и левого крыла фракции стало самоочевидным.

---

³ Киевлянин. 1913. 27 сентября.

⁴ *Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: the Nationalists Party. 1905—1917. New Brunswick, 1980. P. 180.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid. P. 212.*

В январе 1914 года Савенко был переизбран председателем Киевского клуба русских националистов. В ответ ориентировавшиеся на официальное руководство фракции националистов элементы во главе с С.М. Богдановым демонстративно покинули Клуб.

Савенко объяснял произошедший раскол тем, что крайне правые элементы, входившие в состав ККРН, стремились сделать клуб «крайне правой и резко партийной» организацией, что противоречило самой его идее. «Перетягивания крайне правого крыла клуба казались его основателям тем более безосновательными, что для партийной деятельности в резко правом духе в распоряжении партийных правых имеется «Русское собрание», организация старая и очень почтенная», — разъяснял Савенко⁷.

Однако решающий вклад в распад фракции националистов внесла Первая мировая война. Подчеркнем, что левые элементы националистической фракции тяготели к сотрудничеству с либералами с первого года войны. Такая линия пользовалась определенной поддержкой в верхах и соответствовала политической стратегии ключевого деятеля Совета министров А.В. Кривошеина⁸. Зимой 1914 года Савенко заговорил о «просветлении» П.Н. Милюкова⁹. Аналогичным образом повел себя и Шульгин. Вернувшись с фронта накануне возобновления думской сессии в июле 1915 г., он выразил в разговоре с Милюковым восхищение патриотизмом кадетской партии¹⁰.

В день возобновления думской сессии — 19 июля 1915 года — с кафедры зала заседаний Таврического дворца прозвучала речь будущего прогрессивного националиста графа В.А. Бобринского, предложившего формулу перехода. В ней содержался призыв к примирению и забвению старой политической розни, внутреннему миру и «борьбе до успешного конца»¹¹. В ней же прозвучал лозунг «министерства доверия», вокруг которого сплотились будущие участники Блока¹². Соратник В.А. Бобринского по фракции А.И. Савенко так охарактеризовал речь своего коллеги: «Эта формула сказала главное, на чем ныне объединилась Государственная дума. Это и есть тот голос русской земли, которого ждал царь, ждала вся страна, ждала армия»¹³.

---

⁷ Киевлянин. 1914. 9 января.

⁸ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи. Рязань, 2004. С. 86.

⁹ Киевлянин. 1915. 22 января.

¹⁰ Edelman R. Op. cit. P. 210.

¹¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 72.

¹² Куликов С.В. Указ. соч. С. 86.

¹³ Киевлянин. 1915. 23 июля.

10 августа 1915 г. Савенко, рассказывая в письме к своей жене Н.К. Савенко о положении дел в Думе, жаловался, что сторонники П.Н. Балашева «устроили тесный блок» с представителями крайних правых. «Одно скажу: моя совесть и честь больше не позволяет мне оставаться в рядах балашевцев и быть в одной компании с Дурново и Марковым¹⁴», — писал Савенко, видевший в себе главного виновника массового выхода депутатов из фракции¹⁵. Через несколько дней было принято решение об образовании думского большинства.

Итак, в августе 1915 года большая группа левых националистов примкнула к Прогрессивному блоку, назвав себя «националистами прогрессивного толка»¹⁶. В заявлении о выходе из фракции подчеркивался принципиальный характер разногласий между двумя флангами националистов. В частности, в нем говорилось: «Разразившаяся над Россией война, к нашему великому сожалению, подчеркнула разницу в наших взглядах»¹⁷. Вступление в Прогрессивный блок левые националисты объяснили необходимостью концентрации усилий представительных учреждений на решении военных задач на фоне неудач на фронте.

Эти действия встретили решительное осуждение и обвинение в ренегатстве со стороны тех, кто остался в составе фракции. Аналогичные обвинения выдвигали и думские правые. Чаще всего националистов, присоединившихся к блоку, упрекали в отсутствии сколько-нибудь определенных стратегических установок.

И в самом деле, нельзя отрицать, что чисто тактические расчеты сыграли известную роль в действиях прогрессивных националистов. В каком-то смысле к лету 1915 г. они оказались в безвыходном положении. В случае распада фракции националистов, предпосылки которого сложились еще до начала войны, левые националисты рисковали «раствориться» среди других партий. Поэтому, как только у них появилась возможность войти в состав Прогрессивного блока как самостоятельная политическая единица, они покинули место, на котором им стало некомфортно и которое не сулило сколько-нибудь значительных политических перспектив.

Считается, что при вступлении в блок прогрессивные националисты вынуждены были пойти на значительные уступки либералам, пожертвовав, в частности, своими взглядами по еврейскому и польскому вопросам и даже отказались от последовательной защиты

---

¹⁴ Письмо А.Н. Савенко к Н.К. Савенко // ГА РФ. Ф. 2. Оп. 265. Д. 1031. Л. 632.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Киевлянин. 1915. 20 августа.

¹⁷ Киевлянин. 1915. 17 августа.

аграрных интересов в Западном Крае¹⁸. Тем не менее нельзя не признать, что уступки были взаимными. Так, кадеты заменили лозунг «ответственного министерства», который долгие годы был основополагающим элементом их программы, на несколько более мягкий — «министерством доверия». Лидеры прогрессивных националистов подчеркивали взаимность уступок консервативного и либерального фланга в блоке. «Если кадеты пошли на большие уступки и жертвы, — писал Савенко, — то и правому крылу блока необходимо было решиться на то же. И мы это сделали в полном и глубоком убеждении, что это необходимо для блага отечества»¹⁹.

По мнению Шульгина, большинство пунктов программы Прогрессивного блока в принципе не противоречило взглядам националистов. «Уравнение крестьян в правах» — вопрос, предпрешенный еще Столыпиным, — утверждал он, — вполне вегетарианское «волостное земство»; прекращение репрессий против «малороссийской печати», которую никто не преследовал; «автономия Польши» — нечто совершенно уже академическое в то время ввиду того, что Польшу заняла Германия»²⁰. К тому же польский и финляндский вопросы намеренно были сформулированы в программе нарочито неопределенно, поскольку в ином случае они могли породить острые противоречия.

Для лучшего понимания мотивов тех националистов, кто вошел в состав думского большинства, важен анализ социального состава фракции прогрессивных националистов. Согласно данным Р. Эделмана, после распада единого фронта националистов в левом крыле осталось меньше людей с высоким социальным статусом (44 процента против 66) и больше крестьян (32 процента против 9)²¹. Прогрессивные националисты были более «подвижны», ближе к «общественности» и несравненно красноречивее. Среди них оказались наиболее яркие ораторы-националисты (Бобринский, Демченко, Савенко, Шульгин), широко известные за пределами Думы. Все это свидетельствует скорее не о «конъюнктурном» характере поступка левых националистов, а о том, что их «встраивание» в оппозиционную среду происходило в соответствии с их собственными установками.

Стоит подчеркнуть, что прогрессивные националисты обладали солидным политическим опытом и если их лидеры были широко известны своей активностью на общеимперском, то рядовые думцы из их числа пользовались большой известностью на локальном уровне. Типичным примером в этом отношении могли служить прогрес-

¹⁸ *Edelman R.* Op. cit. P. 213.

¹⁹ Киевлянин. 1915. 3 сентября.

²⁰ *Шульгин В.В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 117.

²¹ *Edelman R.* Op. cit. В своих расчетах автор оперировал сведениями о 36 балашевцах и 31 прогрессивном националисте.

сивные националисты из Пермской губернии. В Государственной думе четвертого созыва губерния была представлена девятью депутатами. Четверо из них были националистами, причем трое после распада фракции стали прогрессивными националистами. З.М. Благонравов был неперменным членом Пермского губернского по земским и городским делам присутствия, входил в состав Пермского губернского училищного совета, редактировал неофициальную часть газеты «Пермские губернские ведомости»²². Д.И. Шаховской служил земским начальником в Камышловском уезде Пермской губернии, в 1904—1912 гг. был председателем Соликамского уездного съезда земских начальников²³. А.И. Будрин был настоятелем собора в Красноуфимске и председателем Красноуфимского уездного отделения епархиального училищного совета²⁴.

Войдя в состав Прогрессивного блока, прогрессивные националисты последовательно придерживались линии парламентского большинства как в своих высказываниях с думской трибуны, так и в газете «Киевлянин». «Радовались мы как дети, что наконец вышли из тесной балашевской тюрьмы, где все мы задыхались от трупного запаха», — писал Савенко в Киев²⁵.

Стоит оговориться, что подавляющее большинство членов фракции особой активности не проявляли; от ее лица выступал ограниченный круг политиков, главным образом Бобринский, Демченко, Савенко, Шульгин. При этом рядовые прогрессивные националисты не оспаривали высказывания своих лидеров, которые, очевидно, адекватно отражали настроения фракции в целом.

С течением времени конфликт между правительством и думской оппозицией усилился. Вместе с блоком смещались влево и прогрессивные националисты. Если в октябре 1915 г. Савенко говорил о «деловой оппозиции» правительству, то через месяц на совещании у председателя бюро блока А.Н. Меллер-Закомельского уже готовилась специальная резолюция с прямым осуждением правительства²⁶, которое не понимает необходимости сохранения и укрепления внутреннего мира.

---

²² Николаев А.Б. Благонравов Захарий Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 55.

²³ Николаев А.Б. Шаховской Дмитрий Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 690.

²⁴ Николаев А.Б. Будрин Алексей Иоаннович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 70.

²⁵ Письмо А.Н. Савенко к Н.К. Савенко // ГА РФ. Ф. 2. Оп. 265. Д. 1031. Л. 676.

²⁶ Дневник П.Н. Милюкова // Красный архив. 1932. Т. 3. С. 168.

Осенью 1916 г. Прогрессивный блок вступил в открытую конфронтацию с исполнительной властью. 3 октября состоялось заседание бюро Прогрессивного блока, на котором политические союзники обсудили дальнейшую тактику в отношении правительства. Вслед за кадетским лидером Милюковым прогрессивный националист граф Бобринский заявил, что уже не верит в возможность серьезных реформ во время войны, поэтому стоит всерьез взяться за правительство. Позднее он подкрепил это утверждение думской речью, в которой констатировал, что при бездействии исполнительной власти законотворческая деятельность фактически невозможна²⁷.

Заседание Думы 1 ноября 1916 г. стало началом «штурма власти». Вслед за Милюковым 3 ноября одну из самых знаменитых речей в Думе произнес Шульгин. Он заявил, что готов «бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет»²⁸. Свою лепту в атаку на правительства внес и В.А. Бобринский, выступивший 19 ноября с резкой критикой в адрес Б.В. Штюрмера и А.Д. Протопопова²⁹.

В конце 1916 — начале 1917 гг. левение фракции продолжилось. Давно разочаровавшись в правительстве, прогрессивные националисты теперь демонстрировали свое разочарование в реально существовавшей Думе и ее способности навести порядок в стране. В январе 1917 года Шульгин с горечью заметил, что признание необходимости Государственной Думы 3 июня и укрепление ее положения, достигнутое за последние годы, оказалось недостаточным для них³⁰. Еще до февральских событий сложил с себя полномочия товарища Председателя Думы один из лидеров прогрессивных националистов В.А. Бобринский³¹.

Необходимо отметить, что идейно-политические установки прогрессивных националистов сохраняли прямую преемственность с изначальными установками Всероссийского национального союза. Однако, оставаясь консерваторами, они пришли к убеждению в необходимости уступок либеральным силам и осознали, что действовать по-старому уже нельзя. В течение всего периода существования Прогрессивного блока прогрессивные националисты неуклонно отдалялись от группы П.Н. Балашева и сближались с кадетами.

---

²⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 289.

²⁸ Там же. Стб. 68.

²⁹ Там же. Стб. 296.

³⁰ Киевлянин. 1917. 8 января.

³¹ Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 212.

Однако полностью интегрироваться в оппозиционную среду прогрессивные националисты не смогли и оставались поборниками более авторитарных форм российской государственности, чем считали приемлемыми их либеральные коллеги.

Эта ситуация стала результатом разрыва между российскими консерваторами и либералами. Она показала слабость тенденции к консервативно-либеральному консенсусу в России в начале XX в. Шаги навстречу оппоненту воспринимались с подозрением, как покушение на политическую измену, а тот, кто на такого рода шаг решался, становился «чужим среди своих», не становясь в тоже самое время своим для вчерашних оппонентов. Умеренные консервативные и либеральные элементы в годы Первой мировой войны так и не смогли преодолеть взаимного недоверия, что стало важнейшей предпосылкой политической радикализации страны и, в конечном итоге, прихода большевиков к власти.

И.В. ЛУКОЯНОВ

27 апреля 1916 г.: первый юбилей Государственной думы

---

27 апреля 1916 г. — одна из немногих круглых дат в истории российского парламентаризма, которая прошла почти незаметно. Никакой широкой подготовки к ней не велось: шла война и по большому счету было не до этого. Государственная дума 27 апреля 1916 г. не собиралась, последнее заседание до перерыва сессии состоялось 4 апреля, следующее — 16 мая 1916 г. Пауза была связана с поездкой депутатов российских парламентариев, представлявших обе палаты, за границу. 26 апреля по русскому стилю депутация находилась в Лондоне, получила аудиенцию у Георга V, однако в своей речи монарх ни словом ни обмолвился о годовщине «русского парламента», он говорил о необходимости единства для победы над врагом. Союзники России слабо отреагировали на круглую дату. В делах Думы не сохранилось ни одного специального приветствия по случаю 10-летия палаты из-за границы¹. Пресса все-таки вспомнила 1906 г. и обстоятельства создания «русского парламента». Французская «Юманите» утешилась после анализа наказов с мест депутатам первого созыва: в них, по мнению газеты, не было шовинизма и звучали протесты против расовой ненависти². Газеты нейтральных и воюющих с Россией стран внимательнее отнеслись к годовщине Думы, но только затем, чтобы еще раз подчеркнуть серьезные противоречия между народным представительством и самодержавной властью, а также отметить бессилие Думы. «Новые цюрихские известия» подчеркивали пассивность и «покорность судьбе» Думы, даже не вспомнившей о своей круглой дате³. Будапештская немецкая газета «Pester Lloyd» с ностальгией вспоминала I Думу, перед которой «трепетало» самодержавие. «Дума умерла 10 июля 1906 года» — печальное заключение издания⁴. Конечно, эта печать выискивала любые проявления кризиса политического строя в России, но их критические ремарки нельзя признать несправедливыми.

Русская пресса, конечно, не пропустила круглую дату: все умеренные и либеральные газеты, за исключением правых (вроде «Русского знамени»), откликнулись на событие, опубликовав 27 апреля

---

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1232. Это приветствия и обращения из-за границы в адрес М.В. Родзянко во время войны.

² Обзоры иностранной прессы // РГИА. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 101. Л. 312.

³ Там же. Л. 293.

⁴ Там же. Л. 306.

1916 г. разные по объему, но, как правило, заметные статьи, посвященные Думе. Например, кадетская «Речь» «праздновала» дату в двух номерах, за 27 и 28 апреля, представив в газетных номерах даже подборку портретов депутатов во главе с С.А. Муромцевым. В основном речь шла о первой Думе, что, конечно, было показательным. Тогда, в 1906 г., Дума «народного гнева» противостояла самодержавной власти, поэтому напоминание о ней, да еще и в героических тонах, конечно, само по себе являлось оппозиционным жестом, невзирая на войну. В общем, это отражало текущий момент: к началу 1916 г., после создания Прогрессивного блока и значительных перестановок в правительстве стало очевидно, что «единение» окончилось, оппозиция, опять ставшая преобладающей в нижней палате силой, как и в 1906 г., прямо заявила о необходимости ее контроля над правительством, пока — в виде «министерства доверия». Умеренная пресса рассматривала Государственную думу не столько как ветвь власти, сколько как результат и часть народного, массового движения, намекая на противостояние Думы и самодержавия. Так, «Биржевые ведомости» в вечернем выпуске 27 апреля 1916 г. вспомнили о намерении в эпоху III Думы, при Н.А. Хомякове, поместить на Таврическом дворце памятную доску с текстом Манифеста 17 октября 1905 г. О деятельности других Дум, кроме первой, писалось кратко, суммарные итоги думского десятилетия также фиксировались фрагментарно.

Сама Дума, действительно, никаких инициатив в связи со своим 10-летием не предприняла. Самодержавная власть в этом оказалась солидарной с палатой, причем невнимание было демонстративным. Хотя незадолго до этого, 9 февраля 1916 г., царь впервые посетил Таврический дворец, тот визит никак не был связан с предстоящей годовщиной. Идею появления самодержца в столь нелюбимом им народном представительстве предложили царю начальник канцелярии Думы Я.В. Глинка и М.В. Родзянко через лично известного Николаю бывшего в прошлом мелким чиновником А.А. Клопова⁵. Инициаторы затеи особо не надеялись на положительный эффект и были сильно изумлены, когда в ночь перед открытием сессии им сообщили, что император посетит Думу⁶. Возможно, что самодержец согласился приехать и потому, что инициатива думцев совпала с

---

⁵ *Витенберг Б.М.* М.В. Родзянко или князь Г.Е. Львов? Проблема лидерства в объединенной оппозиции (осень 1915 г. — рубеж 1916—1917 гг.) // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 1997. Т. 24. Nos. 1—2. P. 105—106.

⁶ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 145—146.

пожеланием Г.Е. Распутина. Влиятельнейший фаворит царской семьи опасался роспуска нижней палаты и призывал царя ладить с ней.

Подготовка визита велась в глубокой тайне. О приезде царя не были осведомлены ни депутаты, ни М.В. Родзянко, ни, вероятно, министры. Сам Б.В. Штурмер позднее утверждал, что узнал о предстоящем появлении царя в Таврическом дворце лишь накануне. «Только курьеры, развозящие билеты на заседание, точно знали, что будет государь, поэтому требовали расписок не лакеев, а самих получателей билетов»⁷. Отсутствие подготовки означало, что никакого серьезного разговора с депутатами не предполагалось, это был красивый жест и не более того.

«Перед входом в залу заседаний, в колонной зале Таврического дворца было импровизировано молебствие; царя окружили депутаты». После небольшой речи императора М.В. Родзянко «провел Николая в зал заседаний, и публика с хор присоединилась к овации; он показал царю другие помещения Думы, причем царь делал незначительные по содержанию замечания. В круглой зале (ближайшей ко входу во дворец) были собраны члены сеньорен-конвента, и Родзянко при выходе царя представил их Николаю. Он называл по имени каждого, и царь молча пожимал каждому руку»⁸.

Однако самодержец не собирался оставаться в Таврическом дворце надолго. Сразу после молебна он покинул депутатов, так и не задержавшись, чтобы поприсутствовать на общем собрании. На заседание Думы остался Михаил Александрович, он находился там до конца, но, разумеется, это было не то⁹. Такое «исчезновение» самодержца не смягчало его отношения с Думой: разумеется, если бы он остался подольше, эффект от его поездки в Таврический дворец был бы иным.

Несмотря на отсутствие официальных приготовлений к годовщине Думы, в январе 1916 г. группа депутатов первого созыва, проживавших в Петрограде, решила издать сборник статей, посвященных первому созыву народного представительства¹⁰. Возможно, это решение имело под собой и политические мотивы. Как уже говорилось, конец 1915 г. прошел под знаком резко усилившейся конфронтации

⁷ П. Апраксин — А.В. Кривошеину 17 февраля 1916 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 249. ЛЛ. 7—7 об.

⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 194—195.

⁹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914—1920, 1923 годы). М., 2005. С. 104. Запись 9(22) февраля 1915 г. У Марии Федоровны Михаил Александрович появился в 17.30, после того, как Николай II уже приехал.

¹⁰ Предисловие // К 10-летию I-ой Государственной думы. 27 апреля 1906 — 27 апреля 1916. Сборник статей перводумцев. Пг., 1916. С. III.

общества и власти, краху надежд на «правительство доверия», не говоря уж об ответственном министерстве. В такой атмосфере книга напоминала о временах политических грез и мечтаний о новой жизни России, связанных с учрежденной Государственной думой и как ее авторы позднее разочаровались в российской действительности. То, что сборник не носил совершенно безобидного характера, свидетельствуют многочисленные «белые пятна» на его страницах — следы цензуры. Их особенно много в статье М.М. Винавера. Книга, несомненно, была призвана напомнить читателю как о I Думе, так и об атмосфере того времени, давая повод для некоторых параллелей применительно к 1916 г.

Показателен еще один аспект книги. В ней появились материалы о судьбах перводумцев, в частности о тех из них, кто ушел из жизни. Для оставшихся «последумская» биография как правило не выглядит утешительно. Конечно, свою роль сыграло Выборгское воззвание, закончившееся для 180 народных избранников тюремным заключением и поражением в политических правах. Но ведь и судьба других депутатов не выглядит благополучно. Большинство их кануло в политическую лету, их опыт работы в палате оказался никому не нужен, они не смогли стать видными деятелями хотя бы на местном уровне, особенно это касается крестьянских депутатов. Не случайно в эпоху третьей Думы бывшие депутаты даже пытались создать специальную общественную организацию, которая бы помогала коллегам найти после Думы достойную работу и защищала их от возможного произвола властей.

27 апреля 1916 г. в адрес Думы и ее председателя М.В. Родзянко пошли приветственные телеграммы. В соответствующем деле, хранящемся в архиве Думы, телеграмм и писем всего 150. В основном — от органов городского самоуправления и земств, а также родственных по духу общественных организаций. Заметны различия в содержании приветствий от «идейно близких» и остальных. Первые видели в нижней палате «первый камень» будущего «конституционного строя великой свободной России»¹¹, возлагали на Думу надежду, что она сумеет вывести Россию «на путь светлой новой и свободной жизни»¹², а в круглой дате — 10 лет «конституционного обновления» империи¹³. Конечно, эти приветствия открыто демонстрировали

¹¹ Телеграмма от съезда представителей городов Петроградской области М.В. Родзянко 27 апреля 1916 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1231. Л. 3.

¹² Телеграмма главного комитета Всероссийского земского союза М.В. Родзянко 28 апреля 1916 г. // Там же. Л. 66.

¹³ Телеграмма Московского областного военно-промышленного комитета М.В. Родзянко 27 апреля 1916 г. // Там же. ЛЛ. 11—13.

оппозиционность самодержавию, призывая, пусть косвенно и осторожно, но к смене государственного строя. Наоборот, в других приветствиях от менее близких по духу упор делался на необходимости единства народного представительства и правительства в войне ради победы, охранения русской государственности (так считали, например, старообрядцы)¹⁴. Коллективное приветствие сохранилось лишь одно — от рабочих Московско-Казанской железной дороги (300 человек), с подлинными подписями. Интересно ее содержание. Рабочие выступали одновременно за осуществление «до конца» Манифеста 17 октября и за войну до победы, за ответственное перед Думой министерство и равные для всех выборы в палату, за исключением немцев¹⁵. То есть популярные либеральные лозунги перемежались с военно-националистическими. Конечно, такие воззрения нельзя рассматривать как общие для рабочей среды, но это причудливое сочетание национализма и либерализма отражало, думается, действительные взгляды масс, неблагоприятные для самодержавия, но еще не критические для него.

Депутаты I Думы каждый год собирались 27 апреля на торжественный ужин в честь учреждения в России народного представительства. Предполагалось, что 27 апреля 1916 г. этот ужин пройдет в особо торжественной обстановке и на него приедут те, кто обычно не посещал это мероприятие. Ужину предшествовала панихида на могиле С.А. Муромцева на кладбище Донского монастыря, заказанная кадетами, которая состоялась в 17 часов. На этом список мероприятий в честь десятилетия первого российского народного представительства исчерпывается.

Скромность первого думского юбилея, отсутствие официальных мероприятий свидетельствовали не только о тяжелой войне и об отношении самодержавной власти, а также и о месте палаты в общественном сознании. Несмотря на то, что народное представительство получило известное признание, в том числе и за границей, оно все-таки не стало органической частью российской политической жизни и культуры. Существовало убеждение, что Дума нужна. Но она не сумела окончательно интегрироваться в систему управления империей. С одной стороны, ее воспринимали как нечто чуждое самодержавной власти, возлагали на нее надежды на будущее, но с другой стороны, она оказывалась не столько необходимым институтом власти, сколько лидером либерального движения, авангардом оппозиции, защищенным в законе от прямых репрессий (свобода слова,

---

¹⁴ Телеграмма от имени петроградских старообрядцев М.В. Родзянко 26 апреля 1916 г. // Там же. Л. 45.

¹⁵ Там же. ЛЛ. 119—120.

личная неприкосновенность депутатов, ограниченные возможностью досрочного роспуска в любой момент, а также угрозой некоторых репрессивных мер, что продемонстрировало, например «дело Чхеидзе» еще перед началом мировой войны)¹⁶. Это специфическое место Думы в массовом сознании сказалось менее, чем через год, когда толпа, пришедшая к Таврическому дворцу 27 февраля 1917 г. и требовавшая поддержки у народных избранников, буквально через несколько дней забыла о них, низвергнув таким образом «надежду на светлое будущее России» в политическое небытие.

---

¹⁶ 11 марта 1914 г. в своей речи с думской трибуны депутат социал-демократ Н.С. Чхеидзе заявил, что для обновления России наиболее подходящим является «режим демократический, режим парламентский и, если хотите еще более точное определение, режим республиканский» (Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. II. Стб. 1642). Зал заседаний Таврического дворца слышал и куда более резкие заявления, но именно «делу Чхеидзе» был дан ход, и 19 апреля 1914 г. он был привлечен к судебной ответственности Первым департаментом Государственного совета за открытый призыв к ниспровержению государственного строя (*Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 119).

А.А. ДОРСКАЯ

Парламентаризм как конституционная ценность: уроки российского парламента начала XX века

Двадцатилетие Конституции Российской Федерации подразумевает извлечение уроков, оценку настоящего и определение перспектив. Сегодня понятия «конституционализм» и «парламентаризм» неразрывно связаны. И эта традиция была заложена еще в начале XX века: Государственная дума и Государственный совет в 1906—1917 гг. должны были не только стать первыми представительными органами конституционной монархии в России, но и заложить принцип представительства в зарождающееся российское конституционное право. Современные исследователи отмечают, что «в сфере исследований парламентаризма ныне востребуется междисциплинарный подход. При этом обязательными и приоритетными должны стать ряд принципов — верховенство права, законность в гражданском обществе, демократизм и высокая политико-правовая культура населения»¹. Деятельность российского парламента начала XX века дает нам в этом отношении бесценный материал, так как, во-первых, большинство членов обеих палат парламента работали в состоянии духовного подъема, с ощущением, что законодательным путем можно решить многие проблемы российской жизни, во-вторых, именно в этот период закладывались парламентские традиции, часть которых была сознательно или бессознательно заимствована в современный период, в-третьих, как показала практика, дореволюционный российский парламента зачастую работал «на опережение», и его законодательные разработки потом неоднократно заимствовались и Временным правительством, и Советской властью.

Первый урок состоит в том, что парламентаризм имеет ценность только тогда, когда представительная власть выражает интересы всех (по крайней мере, подавляющего большинства) слоев населения и групп. Прекрасным примером в этом отношении являлась I Государственная дума. Так, А.П. Извольский вспоминал о встрече депутатов с императором в Зимнем дворце в апреле 1906 г.: «Там и сям можно было видеть группы провинциальных адвокатов и докторов, одетых в сюртуки, и только изредка среди них можно было заметить мундир. Но над этими буржуазными костюмами доминировало простое платье — крестьянские кафтаны и рабочие блузы»². «Послушное» вла-

---

¹ Бакушев В.В. К профессиональному парламентаризму: методологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3. С. 123.

² Извольский А.П. Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 63.

сти представительство теряет свои исконный смысл и назначение — услышать различные точки зрения по важнейшим вопросам жизни страны и решить их на основе общественного консенсуса. Однако для того, чтобы представительство всех общественных сил состоялось, должны проводиться реальные избирательные кампании. Иначе возникает ситуация, похожая на ту, которую описывал в 1905—1906 гг. П.Н. Милюков: «В текущей избирательной кампании обращает на себя внимание одна чрезвычайно характерная... черта. Мы говорим о необычайно значительном количестве священников, которые проходят в выборщики от крестьян и от мелких землевладельцев... Часто выбирают священников, потому что не успели сговориться ни на ком другом и потому что из незначительного числа случайно ссехавшихся избирателей священники оказываются наиболее популярными людьми»³. Современная ситуация не сильно отличается. Например, сохранение правила связанных списков (закрытых списков) на парламентских выборах приводит к тому, что первые номера в партийных списках отдаются наиболее популярным в стране людям, многие из которых сразу после выборов отказываются стать депутатами парламента.

Близок к первому и второй урок. Даже если избрать в парламент самых образованных людей страны, он не будет функционировать эффективно. Высочайший уровень образования имели многие депутаты I Государственной думы. Достаточно вспомнить такие имена, как С.А. Котляревский, Л.И. Петражицкий, Н.И. Кареев, П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин, В.Д. Набоков, М.М. Ковалевский, М.Я. Острогорский и другие. Похожая ситуация была и в Государственном совете. Однако кроме высокого уровня теоретической подготовки, осознания глобальных проблем, необходимо понимание конкретных жизненных вопросов, столкновения интересов, представление об особенностях регионов России и т.д. Но работа интеллектуальной элиты в парламенте все равно очень важна. «...Старая вера и связанный с ней духовный строй рушится, — писал С.Н. Булгаков, — дичку народной души делается совершенно новая прививка. Такой силы, столь исключительной важности прививки, которую теперь делает народу наша интеллигенция, не делала и не могла сделать ему ни Москва, ни татарщина, ни Петербург; только Владимир Святой совершил равного значения дело»⁴.

Третий урок состоит в том, что представительная и исполнительная ветви власти не должны вступать в конфронтацию, так как это

---

³ Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906 гг. СПб., 1907. С. 205.

⁴ Булгаков С.Н. Моя родина. Статьи. Очерки. Письма // Новый мир. 1989. № 10. С. 226.

вредит конструктивному решению жизненно важных проблем. Отрицательным примером в этом отношении служит I Государственная дума. Враждебная позиция по отношению к правительству И.Л. Горемыкина привела к тому, что вместо положенных по закону пяти лет Дума проработала чуть более двух месяцев. Депутаты не оправдали надежд своих выборщиков. Кроме того, непримиримость парламентариев к правительству восстановила против них и часть политических партий. Так, Е.Д. Черменский подчеркивал «лояльное отношение октябристов и мирнообновленцев к роспуску Государственной думы»⁵. Такая же ситуация повторилась и во II Государственной думе. Во многом это было связано с неправильной позицией именно парламентариев, а не членов правительства П.А. Столыпина. Например, если правительство Горемыкина встретило I Государственную думу, по образному выражению В. Герье, «с пустыми руками»⁶, в результате Дума выразила недоверие правительству, то кабинет П.А. Столыпина подготовил к открытию II Думы уже 17 важных законопроектов. Хотя преодолеть негативное отношение к народному представительству премьер-министру так до конца и не удалось. Так, Ф.А. Головин говорил о «нелепом положении, которое занял Столыпин по отношению к Думе. Он смотрел на нее как на учреждение, ему подчиненное»⁷.

«Господство» исполнительной власти по отношению к представительной приводит к неверию последней в свои силы. Если депутаты I Государственной думы активно разрабатывали законопредложения, то в IV — думская законотворческая работа практически не велась. Причина была одна. За первый год деятельности (1912—1913) «ни одно предположение IV Думы окончательно принято не было»⁸.

Огромная роль в установлении нормальных, конструктивных отношений между законодательной и исполнительной властями лежит на главе государства. Например, С.В. Куликов отмечает, что «создавая законодательную Думу, Николай не питал иллюзий относительно способности народного представительства быстро вписаться в политическую систему Российской империи»⁹, поэтому считал, что

---

⁵ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 323.

⁶ Герье В. Значение III Думы в истории России. СПб., 1912. Ч. 1. С. 8.

⁷ Головин Ф.А. Воспоминания о II Государственной Думе // Исторический архив. 1959. № 5. С. 146.

⁸ Первый год жизни IV Государственной Думы. СПб., 1913. С. 20.

⁹ Куликов С.В. Парламент без парламентаризма: Государственная дума в царской России (1906—1917 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 72.

создает себе не помощника, а врага. Такой подход заведомо закладывает возможность конфликтов между правительством и парламентом.

Необходимость осознания палатами своего единства в рамках одного представительного органа страны — четвертый урок, который дает нам дореволюционная парламентская деятельность. Государственный совет 1906—1917 гг. в этом смысле представляет собой отрицательный пример. Ярким примером того, как деятельность высшей палаты парламента может свести на нет плодотворную работу нижней палаты, является время работы III и IV Государственной думы (1907—1914 гг.). Депутаты Государственной Думы III созыва, выбрав тактику «бережения Думы», разработали и приняли огромное количество проектов законов. Причем, как показывают стенографические отчеты, часто трудились даже по воскресеньям. Однако большинство законопроектов и законопредложений законами так и не стали, так как были блокированы в дальнейшем Государственным советом, а иногда — императором. Например, если в период деятельности III Думы комиссия по делам православной церкви пыталась практически любой законопроект взять на свое рассмотрение или, в крайнем случае, на заключение¹⁰, то в IV Думе она всячески стремилась отдать законопроекты в другие комиссии. Так, 15 января 1913 г. на рассмотрение комиссии был передан законопроект «О переходе из одного исповедания в другое». Ее ответ был следующим: «...переданный ... законопроект по существу затрагиваемых вопросов должен подлежать рассмотрению комиссии по вероисповедным вопросам»¹¹, хотя, естественно, данный вопрос напрямую относился к компетенции комиссии. А.Я. Аврех, говоря о I и II сессиях IV Думы, писал, что, по образному выражению журналистов или депутатов, это время было определено как «скука», т.е. «неверие в возможность сдвинуться с мертвой точки»¹².

Пятый урок состоит в том, что парламентарии обязаны занимать принципиальную активную гражданскую позицию, но при этом не превращать народное представительство в орган, занимающийся частными вопросами. Например, депутат А. Цитрон писал: «Трагедия нашего парламента заключается в том, что, несмотря на все страстное желание приступить к законодательству, он этого пока осуществить не в состоянии. Голод, безработица, избиеение депутата — разве

---

¹⁰ Журналы комиссии по делам православной церкви // РГИА. Ф. 1278 (III созыв). Оп. 2. Д. 3568.

¹¹ Журналы комиссии по делам православной церкви // РГИА. Ф. 1278 (IV созыв). Оп. 5. Д. 594. Л. 3.

¹² Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 52—53.

это законодательные вопросы? Беда наша вся в том, что Дума, как представительное учреждение, была слишком поздно собрана, и в русской жизни накопилась масса зла... У меня лично есть опыт I Думы, когда она буквально завязла в запросах. Я помню, 350 запрос поступил тогда, когда Дума раскусывала 90-й»¹³.

Шестой урок заключается в том, что власть, которая идет на роспуск народного представительства, заведомо обрекает себя на общественную критику. В сознании большинства народа эта мера не может быть популярной. Исследования, основанные на изучении местных архивов, показывают, что, например, роспуск I Государственной думы вызвал чувство неудовлетворенности не только в среде интеллигенции, но и среди крестьян. «Роспуск Первой Государственной думы, — пишет Б.А. Трехбратов, — был встречен с тревогой. Весть об этом «ужасном и трагическом известии», как назвал его корреспондент екатеринодарской газеты «Утро», быстро разнеслась по всей стране. В Ставропольской губернии, проникнув в самые глухие села и деревни, она вызвала бурю негодования, а затем и антиправительственные беспорядки. «Собственно говоря, не «беспорядки», а организацию масс для борьбы...». Роспуск первого российского парламента разбил последние остатки доверчивости народа к правительству, всколыхнулась волна негодования и протеста, в некоторых местах сопровождавшаяся открытым возмущением: «Народные представители, те, кому крестьяне, провожая, наказывали без земли и воли не возвращаться, отсылаются домой с пустыми руками! Ни земли, ни воли!.. Полный отказ!..»¹⁴.

Досрочный роспуск парламента, как правило, используется властью для принятия тех нормативно-правовых актов, которые тяжело было бы провести через народное представительство. Еще один урок российского парламентаризма начала XX века состоит в том, что верховная власть проводит в этот период очень активную законодательную политику. Так, например, В.И. Короткевич приводит интересные цифры: между I и II Государственной думой император и правительство приняли 60 нормативно-правовых актов, между — II и III Думой — 18 актов¹⁵.

Таким образом, о парламентаризме как о конституционной ценности можно говорить с начала XX века. Дореволюционный россий-

---

¹³ Цитрон А. 103 дня II Думы. СПб., 1907. С. 64, 68.

¹⁴ Трехбратов Б.А. Роспуск Государственной думы Первого созыва и крестьяне Ставропольской губернии // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 4 (47). С. 82.

¹⁵ Короткевич В.И. Государственная Дума России в прошлом и настоящем // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3. С. 33.

ский парламент, несмотря на непродолжительность своей работы (1906—1917 гг.), представлял собой орган народного представительства и являлся первой российской попыткой построения демократического государства. Опыт начала прошлого века показывает, что, несмотря на то, что в современную информационную эпоху важнейшими нормотворцами являются органы исполнительной власти, без представительной власти или при минимизации ее деятельности для государства могут наступить самые неутешительные последствия.

А.Б. НИКОЛАЕВ

Частные совещания членов Государственной думы в марте 1917 года

Частным совещаниям членов Государственной думы, проходившим в марте 1917 года, в отечественной историографии не повезло. Вплоть до сегодняшнего дня так и не появилось ни одного специального углубленного исследования, посвященного им. Заметим, что долгое время историки вели историю частных совещаний с 22 апреля 1917 года. Поэтому, чтобы «спрятать» мартовские совещания они выдавались за заседания Временного комитета Государственной думы¹ или о них вообще не упоминалось². В 1963 году вышла работа В.В. Комина, в которой он пишет о пяти частных совещаниях, прошедших 4, 6, 14, 16 и 25 марта³. В энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» сообщалось уже только о четырех частных совещаниях — 4, 6, 14 и 24 марта⁴. А.В. Смолин в статье 2006 года перечисляет эти же совещания со ссылкой на энциклопедию 1987 года⁵. В энциклопедической статье 2008 г. указано восемь частных совещаний — 4, 5, 6, 11, 14, 16, 24 и 28 марта⁶, т.е. впервые сообщается о трех совещаниях (5, 11, и 28 марта), которые ранее истори-

---

¹ *Ознобишин Д.В.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 290.

² *Гальперина Б.Д.* Частные совещания Государственной думы — центр сплочения буржуазных партий России // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 111—117; *Лукоянов И.В.* У истоков российского парламентаризма: Историко-документальное издание. СПб., 2003. С. 370.

³ *Комин В.В.* Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия. Март—октябрь 1917 года // Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М.И. Калинина. Калинин, 1963. Т. 34. С. 241, 242—244, 255, 256, 265.

⁴ Частные совещания членов 4-й Государственной думы // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 578.

⁵ *Смолин А.В.* Частные совещания Временного комитета Государственной думы и их роль в формировании идеологии белого движения // Парламентаризм в России: проблемы и перспективы. Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова. СПб., 2006. С. 169.

⁶ *Николаев А.Б.* Частные совещания членов Государственной думы // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 670—671.

кам не были известны, но не упоминается о совещании 25 марта. Вместе с тем указанными мартовскими совещаниями их список не ограничивается. Дискуссионным является и утверждение А.В. Смолина о том, что частные совещания, проходившие в марте 1917 г., «напоминали скорее декорации, которые забыли убрать со сцены, чем полноценный орган государственной власти»⁷. Данная статья ставит своей целью восполнить, насколько это возможно, пробелы в истории частных совещаний: восстановить хронику их заседаний, прояснить вопрос о характере и содержании их деятельности.

Источниковая база данного исследования бедна. При раскрытии темы работы не использовались стенограммы совещаний, так как они не велись. Вместе с тем привлекались материалы периодической печати 1917 года. Но и они зачастую лишены подробностей, так как журналисты на совещания не допускались. Поэтому в газетах печатались статьи, основанные на телеграммах ПТА⁸. Несомненно, что и они являлись источником информации для прессы при освещении хода частных совещаний членов Государственной думы. Справедливости ради отметим, что авторские статьи и от собственных корреспондентов, посвященные частным совещаниям, иногда все-таки появлялись на страницах петроградских⁹ и московских¹⁰ газет.

Прежде чем перейти непосредственно к истории деятельности частных совещаний, укажем те условия, в которых оказалась Государственная дума в результате Февральской революции. Напомним, что указом императора Николая II от 25 февраля 1917 г. заседания Государственной думы были прерваны с 26 февраля 1917 г. до апреля 1917 г. Дума указу не подчинилась и продолжила свою работу, созвав 27 февраля частное совещание. Данная ситуация означала, что Государственная дума на каникулы не ушла, а находилась в состоянии технического перерыва, выйти из которого на сессию могла решением думского руководства. В начале марта М.В. Родзянко согласился принять активное участие в демонтаже царского режима в обмен на реализацию формулы новой власти, согласно которой устанавливалось верховенство власти ВКГД и ответственное Временное правительство при одновременном действии двух законодательных палат. Договоренность о введении этой формулы власти была достиг-

---

⁷ Смолин А.В. Указ. соч. С. 169.

⁸ В конце этих статей в круглых скобках содержалась аббревиатура «ПА». См., напр.: В Таврическом дворце. Петроград, 12 / Последние новости // Последние новости. 1917. 12 марта (Киев).

⁹ Гессен А. Гос[ударственная] дума существует // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

¹⁰ Совещание Госуд[арственной] думы // Раннее утро. 1917. 12 марта.

нута во время формирования Временного правительства в начале марта между М.В. Родзянко, с одной стороны, А.Ф. Керенским и князем Г.Е. Львовым, с другой¹¹. Иначе говоря, в постреволюционный период было возможно развитие трех сценариев событий: по первому из них Государственная дума должна была находиться до апреля 1917 года на каникулах; второй сценарий предполагал сохранение ВКГД и использование его при реализации новой формулы власти в апреле 1917 года; третий — включал в себя ликвидацию всех революционных органов Государственной думы и выход Государственной думы из состояния технического перерыва на сессионные заседания по усмотрению председателя Государственной думы. Выбор сценария во многом зависел от думского руководства и депутатов Государственной думы, но ими, конечно, не ограничивался.

В марте 1917 года, как и в предыдущий период, частные совещания проходили под председательством М.В. Родзянко. Первым из них стало совещание, которое состоялось 4 марта 1917 года в библиотеке Таврического дворца. Судя по сообщениям прессы, на повестке дня стоял один вопрос: ехать ли депутатам «на места для организации населения или остаться в Петрограде». После продолжительных прений думцы единогласно приняли решение «остаться в столице и принять все меры для поддержки Временного правительства»¹². Первую часть решения можно было бы трактовать как сигнал к тому, что в любой момент Государственная дума могла вернуться к прерванной сессии. Но, исходя из договоренности М.В. Родзянко и руководящей группы Временного правительства, возобновление заседаний двух палат российского парламента должно было произойти в апреле 1917 года. Хотя об этом знали только договаривающиеся стороны. В связи с этим можно уверенно предположить, что первая часть решения неразрывно была связана со второй. Иначе говоря, депутаты IV Думы оставались в столице, рассчитывая, что Временное правительство задействует их при решении тех или иных вопросов, привлечет в новый государственный аппарат на различные должности. В свою очередь, М.В. Родзянко и его сторонники в думском Комитете, опираясь на первую часть решения, могли запустить

---

¹¹ Николаев А.Б. Вопрос о судьбе Государственной думы в марте - апреле 1917 года // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сборник научных статей. СПб., 2013. Ч. 1. С. 270—271.

¹² Частное совещание членов [Государственной] думы / В Таврическом дворце // Петроградский листок. 1917. 5 марта. См. также: Частное собрание членов Думы // Биржевые ведомости. 1917. 5 марта (утр. вып.). См. также: РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1882. Л. 40.

в дело третий сценарий, т.е. предпринять шаги к возобновлению сессионного заседания.

5 марта 1917 года на частном совещании, которое проходило в беспокойной обстановке¹³, обсуждался вопрос о функциях Временного комитета Государственной думы. Газеты писали, что депутаты Государственной думы попросили членов ВКГД дать отчет о своих действиях. В прессе также сообщалось, что совещание «склонилось к тому, что, если будет признано необходимым, члены Думы не должны настаивать на сохранении Временного комитета»¹⁴. Можно утверждать, что впервые после 27 февраля депутаты Государственной думы поставили вопрос об ответственности ВКГД перед частным совещанием, предупредив его членов, что он может быть распущен. Напомним, что на частном совещании 27 февраля депутаты Государственной думы предоставили думскому Комитету неограниченные полномочия, пообещав «поддерживать и оказывать содействие Временному комитету Государственной думы во всех тех его действиях, которые ему придется предпринять в будущем»¹⁵. Чем были вызваны мартовские настроения ряда членов совещания на демонтаж ВКГД? Думается, что вопрос о ликвидации думского Комитета подняли те депутаты, которые считали его роль в революции сыгранной и выступали за немедленное возобновление думской сессии или даже за прекращение технического перерыва и уход Государственной думы на каникулы. Но такие варианты не устраивали Родзянко, который предполагал в апреле использовать ВКГД в качестве органа верховной власти. Заметим, что на последующих мартовских частных совещаниях этот вопрос более не поднимался. Заслуга в этом, несомнен-

---

¹³ Во время частного совещания к Таврическому дворцу «подошла толпа с красными знаменами, в числе которых было знамя с надписью «Да здравствует революция. Смерть арестованным», а среди толпы раздавались соответствующие крики» (*Керенский А.* От министра юстиции. 6 марта 1917 // Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта).

¹⁴ Совещание членов Гос[ударственной] думы // Русская воля. 1917. 6 марта (веч. вып.). См. также: РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1882. Л. 48. об.

¹⁵ Февральская революция 1917 года: Сборник документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. Отв. ред. А.Д. Степанский, В.И. Миллер. М., 1996. С. 115; *Николаев А.Б.* «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст и комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. / Научн. ред. А.Б. Николаев. СПб., 2012. С. 244.

но, принадлежит М.В. Родзянко, который начал перестройку работы совещания за счет переключения внимания депутатов с внутридумских на общегосударственные вопросы.

Третье частное совещание членов Государственной думы поздно вечером 6 марта 1917 г. начало¹⁶, а в третьем часу утра 7 марта закончило свою работу¹⁷. Совещание проходило в большом кабинете председателя Государственной думы¹⁸. М.В. Родзянко, «встреченный общими дружными аплодисментами», «обратился к депутатам с краткой речью, в которой указал, что аплодисменты эти должны быть направлены по адресу всей Г[осударственной] думы, т.к. он явился лишь выразителем настроений и желаний Г[осударственной] думы, которые он сумел угадать и почувствовать»¹⁹. Вслед за этим Родзянко охарактеризовал общеполитическое настроение в стране. Он заявил, что «во всей России нет и признака событий, которые возбуждали бы опасения». Но тут же уточнил: «Было получено известие о брожении в Гельсингфорсе». В ответ на это Родзянко «послал туда телеграмму с призывом к спокойствию и получил восторженную телеграмму, в которой Балтийский флот заявляет о полной готовности поддержать Временное правительство и дело освобождения России»²⁰. По словам «Маленькой газеты», вслед за сообщением о «брожении» в Гельсингфорсе Родзянко заявил: что «посланные туда члены Гос[ударственной] думы и Совета рабочих депутатов были с радостью приняты Балтийским флотом. Там восстановлено спокойствие»²¹.

Затем на частном совещании выступил министр земледелия Временного правительства А.И. Шингарев, который сообщил о положении продовольственного дела в России. Он указал, что «в городах вопрос о продовольствии обстоит менее остро, так как быстро создаются всевозможные организации, заботящиеся о продовольствии населения». По словам Шингарева, «в деревнях хуже». В связи с этим министр земледелия заявил, что «необходимо обращение Госуд[ар-

---

¹⁶ Частное совещание Гос[ударственной] думы // Маленькая газета. 1917. 7 марта.

¹⁷ Гессен А. Гос[ударственная] дума существует // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Совещание членов Гос[ударственной] думы // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (утр. вып.).

²⁰ Война до победного конца / Совещание членов Гос[ударственной] думы / Последние новости // Петроградская газета. 1917. 7 марта; Новый строй / Совещание членов Государственной думы // Русский инвалид. 1917. 8 марта.

²¹ Частное совещание Гос[ударственной] думы // Маленькая газета. 1917. 7 марта.

ственной] думы к сельскому населению с призывом придти на помощь Родине». Выслушав Шингарева, частное совещание поручило М.В. Родзянко «выработать текст обращения к населению»²².

Вслед за этим совещание обсудило вопрос «о поездке депутатов на фронт и на места для разъяснения армии и населению смысла совершившихся событий». В ходе совещания было образовано «специальное бюро для записи депутатов, желающих выехать на фронт и провинцию». В связи с этим укажем, что частное совещание приняло решение послать на Черноморский флот депутатов-кадетов В.А. Степанова и А.М. Александрова. После завершения этой командировки они должны были проследовать в Екатеринославскую губернию «для организации подвоза оттуда хлеба»²³.

Как известно, 5 членов ВКГД вошли в первый состав Временного правительства: П.Н. Миллюков, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, А.И. Коновалов и В.Н. Львов. Но только 6 марта частное совещание приняло решение «пополнить комитет новыми членами»²⁴, т.е. признало членов Временного правительства выбывшими из состава думского Комитета. Заметим, что не всех членов ВКГД, ставших министрами Временного правительства, это решение частного совещания устроило. Во всяком случае, кадетская фракция Государственной думы 9 марта 1917 года заявила, что П.Н. Миллюков и А.И. Шингарев, войдя в состав Временного правительства, «не перестали быть <...> членами Временного комитета»²⁵. Можно предположить, что эта позиция думских кадетов опиралась и на личное мнение Миллюкова и Шингарева. Характерно, что на частном совещании присутствовал и другой член ВКГД, выбывший из его состава в результате этого решения — В.Н. Львов²⁶, стоявший после Февраля 1917 года казалось бы на антидумских позициях.

Частное совещание также рассмотрело вопрос об отношении к Временному правительству. Совещание постановило «поддержать правительство во всех его начинаниях, клонящихся к установлению порядка и восстановлению нормальной жизни в стране и доведению войны до победного конца»²⁷.

---

²² Война до победного конца / Совещание членов Гос[ударственной] думы / Последние новости // Петроградская газета. 1917. 7 марта.

²³ В частном совещании членов Г[осударственной] думы / В Таврическом дворце // Петроградский листок. 1917. 7 марта.

²⁴ Там же.

²⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1158. Л. 22.

²⁶ Гессен А. Гос[ударственная] дума существует // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

²⁷ Война до победного конца / Совещание членов Гос[ударственной] думы / Последние новости // Петроградская газета. 1917. 7 марта.

Сразу же после принятия этого постановления в кабинет Родзянко вошел министр юстиции А.Ф. Керенский, встреченный «дружными аплодисментами». По словам прессы, «узнав о принятых совещаниях постановлений, министр благодарил депутатов за оказанное ему доверие и указал, что все его надежды на то, что ему удастся направить на правильный путь деятельность министерства юстиции, заждятся на том, что ему оказывает доверие Г[осударственная] дума»²⁸. По словам А. Гессена, А.Ф. Керенский, обращаясь к думцам, заявил, что Государственная дума «является полноправной и законнейшей представительницей русского народа. Ее воля для меня священна. Я слушаю вашего приказа»²⁹. На следующий день А.Ф. Керенский в беседе с московскими журналистами, вспоминая о решении частного совещания, разъяснил свою позицию (и Временного правительства в целом!) по вопросу об отношении к Государственной думе: «Мы<...> считаем, что нашим появлением у власти мы обязаны народу и Государственной думе и поэтому с народным представительством у нас будут сохранены самые лучшие отношения». Тут же он разъяснил, каким образом Временное правительство расплачивается за поддержку, которую ему оказывает Дума: «Все наиболее видные депутаты привлекаются к ответственной государственной работе: они назначаются комиссарами в армию и в отдельные ведомства и им даются ответственные поручения»³⁰. Вместе с тем Керенский ни словом не обмолвился о возможности возобновления заседаний Государственной думы. Хотя вопрос этот, если верить А. Гессену, обсуждался членами частного совещания в ночь с 6 на 7 марта 1917 года. Депутат Л.Г. Люц (земец-октябрист) заявил: «— Она может собраться, <...> если председатель ее созовет». В.А. Ржевский (прогрессист) говорил, что «председатель не должен ее созывать». Вместе с тем он считал, что Государственная дума «должна устроить торжественное заседание, чтобы провозгласить новый строй, к которому нас привела только что пережитая неделя». Подавляющее большинство членов Временного комитета, как писал Гессен, стояло на той позиции, что «Гос[ударственная] дума существует и может быть созвана по первому распоряжению ее председателя»³¹.

Частное совещание показало себя как орган, обладающий следующими полномочиями: во-первых, председатель ВКГД не только

---

²⁸ В частном совещании членов Г[осударственной] думы / В Таврическом дворце // Петроградский листок. 1917. 7 марта.

²⁹ Гессен А. Гос[ударственная] дума существует // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

³⁰ Беседа с журналистами // Утро России. 1917. 8 марта.

³¹ Гессен А. Гос[ударственная] дума существует // Биржевые ведомости. 1917. 7 марта (веч. вып.).

отчитывался перед частным совещанием, но и выполнял его решения; во-вторых, частное совещание создавало новые думские структуры (бюро для записи депутатов) и решало вопрос о пополнении уже существовавших думских органов (ВКГД); в-третьих, направляло депутатов в командировки для решения тех или иных общегосударственных вопросов (военный и продовольственный); в-четвертых, определяло позицию по отношению к Временному правительству. Нельзя не отметить и то, что в частном совещании 6 марта приняли участие три члена Временного правительства (А.Ф. Керенский, В.Н. Львов и А.И. Шингарев), двое из которых (А.Ф. Керенский и А.И. Шингарев) выступили на нем с речами, в которых явно прослеживалось желание получить поддержку со стороны Государственной думы в лице частного совещания ее членов. Важнейшим итогом частного совещания стало то, что оно признавало Временным правительством полноценным органом Государственной думы, ее олицетворением, а сама Государственная дума объявлялась полноправной и законной «представительницей русского народа». Подчеркнем и то, что Государственная дума впервые после Февраля 1917 года признала, что основной ее программой в области внешней политики является доведение войны до победного конца.

Четвертое частное совещание состоялось 11 марта 1917 года. Открыл совещание М.В. Родзянко, который вновь обратился к его участникам с просьбой не разъезжаться из Петрограда³². В качестве дополнительной мотивировки следовать ей, он рассказал о случае с депутатом М.Х. Готовицким (центр), который «в начале революции»³³ выехал в Саратовскую губернию, т.к. ВКГД «назначил его своим комиссаром этой губернии». По словам Родзянко, «население Саратовской губ. отказалось признать Готовицкого <...>, мотивируя это тем, что депутат в такое ответственное время не должен покидать свой пост в Гос[ударственной] думе»³⁴. Заметим, что М.В. Родзянко, рассказывая о неудаче Готовицкого на посту комиссара, не договаривал. Дело в том, что Готовицкий, прибыв 3 марта в г. Камышин, сначала был принят местными жителями с восторгом³⁵. Но постепенно отношение к нему стало меняться в худшую сторону. 6 марта 1917 г. он обратился к волостным властям с рекомендацией не до-

---

³² Совещание членов Гос[ударственной] думы // Новое время. 1917. 12 марта.

³³ М.Х. Готовицкий писал, что 28 февраля 1917 г. получил разрешение от ВКГД за подписью Н.В. Некрасова на выезд в г. Камышин (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1386. Л. 237).

³⁴ Совещание Госуд[арственной] думы // Раннее утро. 1917. 12 марта.

³⁵ Камышин / Областной отдел. (От наших корреспондентов) // Саратовский вестник. 1917. 11 марта.

пускать земельных переделов до созыва Учредительного собрания, что вряд ли могло понравиться местным крестьянам. 10 марта 1917 г. на имя председателя ВКГД М.В. Родзянко пришла телеграмма от Камышинского биржевого комитета. В ней сообщалось о растущем недовольстве солдат и местного населения «на председателя уездной управы, члена Государственной думы Готовицкого, назначенного по должности своей комиссаром уезда»³⁶. Одну из претензий к нему сформулировало Золотовское волостное собрание. Она состояла в том, что при вступлении в должность уездного комиссара Готовицкий «назначил бывших приставов заведующими народной милицией и канцеляриями станом»³⁷. Об этой претензии местного населения к Готовицкому Родзянко, судя по газетной публикации, членам частного совещания не сообщил. Вместе с тем он довел до их сведения, что «население Саратовской губ. обратилось к Временному комитету с просьбой разрешить ему самому выбрать нового комиссара»³⁸. Видимо, члены совещания не стали обсуждать вопрос о выборах комиссара в Камышинском уезде, ограничившись тем, что «вполне согласились» с предложением Родзянко «не разъезжаться из Петрограда»³⁹.

Затем М.В. Родзянко сообщил, что «с фронта получают успокоительные известия и что порядок в действующей армии не нарушается»⁴⁰. Не исключено, что в основу этого сообщения были положены сведения из доклада депутата IV Государственной думы В.И. Дзюбинского (трудовик), который 6 марта был командирован на Северный фронт, где находился до 10 марта 1917 г.⁴¹ В своем докладе, сделанном, видимо, на заседании ВКГД, он говорил: «Войска прекрасно настроены, рады предстоящим переменам и заявляют, что они теперь знают, за что будут сражаться и жертвовать жизнью»⁴².

Последними в повестке дня стояли доклады депутатов о положении на местах, из которых, по словам «Раннего утра», «выяснилось, что в общем везде спокойно и эксцессов не замечается»⁴³. Кто конкретно, выступал на частном совещании, в прессе не сообщалось⁴⁴.

---

³⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 4. Л. 88.

³⁷ Там же. Оп. 5. Д. 1364. Л. 17.

³⁸ Совещание Госуд[арственной] думы // Раннее утро. 1917. 12 марта.

³⁹ Совещание Госуд[арственной] думы / Петроград. 11 марта // Русское слово. 1917. 12 марта.

⁴⁰ Совещание Госуд[арственной] думы // Раннее утро. 1917. 12 марта. См. также: РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1882. Л. 87.

⁴¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 8; Оп. 10. Д. 6. Л. 21

⁴² Доклад Дзюбинского / Петроград, 12 // Последние новости. 1917. 12 марта (Киев).

⁴³ Совещание Госуд[арственной] думы // Раннее утро. 1917. 12 марта.

По нашим сведениям, в Петроград 11 марта должен был уже вернуться депутат IV Думы А.И. Рыслев, который с 6 (7) и до 10 марта находился в Архангельске вместе с думцами И.В. Кривоноговым и П.А. Леванидовым для приветствия воинских частей и организации власти⁴⁵.

Можно утверждать, что совещание 11 марта носило в большей степени информационный характер, каких-либо постановлений оно в этот день не принимало. Исключение составило лишь согласие членов частного совещания следовать призыву М.В. Родзянко «не разъезжаться из Петрограда». Любопытно, что частные совещания обходили молчанием вопрос о созыве Учредительного собрания. В связи с этим представляет интерес статья в киевских «Последних новостях», в которой утверждалось, что «среди депутатов в Таврическом дворце много разговоров о созыве Учредительного собрания». По словам газеты, среди депутатов существуют различные взгляды относительно времени его созыва: «одни утверждают, что в выборах должны участвовать все граждане, поэтому необходимо подождать конца войны, другие возражают, что нельзя откладывать его, ибо война может затянуться, а затем начнутся мирные переговоры, которые отымут также много времени, поэтому Учредительное собрание необходимо собрать в ближайшие полгода с участием выборных фронтов». Депутаты, как писали «Последние новости», были единодушны по вопросу о программе Учредительного собрания: сначала оно должно решить вопрос о том, какой будет парламент (одно- или двухпалатный), а затем «выработать Основные законы». Газета также утверждала, что «вопрос о республике считается решенным всеми партиями»⁴⁶. Можно, конечно, предположить, что газета излагала ход обсуждения этого вопроса в частном совещании 11 марта, так как статья эта была опубликована как раз после его проведения. Но, скорее всего, речь шла о кулуарных разговорах думцев в Таврическом дворце, которые и были изложены на страницах «Последних новостей».

Любопытно отметить то, что в повестке частного совещания 11 марта не оказалось вопроса об утверждении решения Совета старейшин от 10 марта 1917 г., которым состав ВКГД был пополнен шестью новыми членами⁴⁷. Напомним, что 27 февраля 1917 года состав ВКГД, избранный Советом старейшин, был затем утвержден част-

⁴⁴ Это умолчание было вызвано тем, что в телеграмме ПТА от 11 марта 1917 г. фамилии депутатов, выступивших на этом частном совещании, не назывались (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1882. Л. 87).

⁴⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 6, 14.

⁴⁶ В Гос[ударственной] думе. От соб[ственного] кор[респондента] // Последние новости. 1917. 14 марта (Киев).

⁴⁷ РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1882. Л. 80 об.

ным совещанием членов Государственной думы⁴⁸. Почему этого не произошло в этот раз? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Можно, конечно, предположить, что М.В. Родзянко тем самым возвращал Совету старейшин тот высокий статус, который у него был в дореволюционный период, готовясь к реализации третьего сценария развития событий, т.е. к возобновлению сессионных заседаний Государственной думы. Хотя, скорее всего, Родзянко стремился упрочить позиции думского Комитета, отдавая окончательное решение вопроса о персональных изменениях в его составе Совету старейшин. Сохранение и упрочение позиций ВКГД свидетельствовало в пользу того, что Родзянко предполагал в дальнейшем следовать второму сценарию, т.е. реализовать новую формулу власти в апреле 1917 года.

Укажем, что 11 марта начала формироваться повестка следующего частного совещания: рассмотрение вопроса о получении некоторыми депутатами Государственной думы денежных средств из секретного фонда Департамента полиции. «Современное слово» сообщало, что в кабинете А.Д. Протопопова в здании МВД один из милиционеров «нашел две расписки следующего, совершенно тождественного содержания от 1 ноября и 1 декабря 1915 г.: «1 ноября 1915 года на правое дело и поддержание правой печати двенадцать тысяч рублей получил Николай Евгеньевич Марков». Автор статьи пришел к выводу: «Итак, только Н.Е. Маркову 12 000 р. ежемесячно на «правое дело» угнетения народа и продажи России»⁴⁹. Провокационно небрежный вывод автора, несомненно, будил фантазии читателей, которые теперь могли высчитывать, сколько десятков тысяч рублей получил Марков 2-й, начиная хотя бы с 1 ноября 1915 года⁵⁰. Несколько позднее Н.Е. Марков 2-й сообщал, что среди членов Государственной думы «распущены слухи о найденной моей расписке в 150 000 р., выданной бывшему министру Протопопову»⁵¹. Можно утверждать, что именно с этой публикации в газете «Современное слово» началась атака на думскую правую. Буквально на следующий день выяснилось, что заказчиком ее является министр юстиции А.Ф. Ке-

---

⁴⁸ [Рыслев А.И.] Как произошел переворот (Сообщение депутата А.И. Рыслева) // Амурское эхо. 1917. 18 апреля (Благовещенск).

⁴⁹ Как кормились рептилии // Современное слово. 1917. 11 марта.

⁵⁰ А.А. Иванов пишет о получении с осени 1915 г., в частности, Н.Е. Марковым 2-м негласных субсидий от Департамента полиции на организацию помощи раненым. Правда, о размерах денежных выплат автор не сообщает (Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917) / Научн. ред. И.В. Алексеева. М.; СПб., 2013. С. 126).

⁵¹ Объяснение Маркова 2-го // Дело народа. 1917. 18 марта.

ренский. «Биржевые ведомости» писали, что «по распоряжению министра юстиции официально сообщается, что в Департаменте полиции найдена следующая расписка члена Гос[ударственной] думы Н.Е. Маркова 2-го». И далее приводился текст расписки от 1 декабря 1915 г., полностью совпадающей по содержанию с распиской от 1 ноября 1915 г., текст которой был опубликован «Современным словом». Автор статьи в «Биржевых ведомостях», подогревая интерес читателей, писал, что «подобных расписок Н.Е. Маркова 2-го пока найдено на 132 тыс. руб.»⁵². Вскоре к разоблачению депутатов IV Государственной думы (и не только правых!), получавших деньги из секретного фонда, подключился государственный контролер И.В. Годнев. Он сделал выписку из официальных документов и предал ее огласке. В частности, 13 марта они были опубликованы в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей»: «<...> П.Н. Крупенский получил из секретного фонда 20 000 руб., Г.Г. Замысловский — 25 000 руб., [Г.М.] Дерюгин — 10 000 руб. <...> Марков 2-й — 8 000 руб.». По сообщению газеты, «И.В. Годнев сегодня (т.е. 13 марта — А.Н.) открыто сообщил депутатам эти любопытные цифры»⁵³. Заметим, что в данной публикации не указывалось, за какой период получены эти суммы. Во всяком случае, они разительно отличались от приведенных ранее в прессе. Если Годнев утверждал, что Марков 2-й получил из секретного фонда 8 000 руб., то автор статьи в «Биржевых ведомостях» писал уже о 132 000 руб. Обратим внимание и на то, что государственный контролер не ограничился только Марковым 2-м, а привлек внимание депутатов IV Государственной думы еще к трем думцам — Крупенскому, Замысловскому и Дерюгину. Любопытно и то, что о В.М. Пуришкевиче как о получателе денежных средств речи пока не шло. На следующий день, т.е. 14 марта, Годнев должен был принять участие в частном совещании членов Государственной думы. Естественно, что вопрос о получении депутатами Думы денежных средств из секретного фонда Департамента полиции должен был включен в повестку дня частного совещания. Так оно и произошло.

Пятое частное совещание состоялось в Таврическом дворце 14 марта 1917 г. Открыл совещание М.В. Родзянко, который сообщил, что «на основании данных государственного контроля, удалось выяснить, что несколько членов Государственной думы получали деньги из секретного фонда Департамента и Министерства внутренних дел». В связи с этим он предложил «выяснить, как относится Государствен-

---

⁵² Судебные вести // Биржевые ведомости. 1917. 12 марта (II изд-е).

⁵³ Из секретного фонда // Биржевые ведомости. 1917. 13 марта (веч. вып.).

ная дума к этому печальному явлению». Обменявшись мнениями, члены совещания единогласно постановили затребовать от депутатов Государственной думы Г.Г. Замысловского, Н.Е. Маркова 2-го, Г.М. Дерюгина, П.Н. Крупенского и В.М. Пуришкевича «объяснения по поводу получения ими средств из секретного фонда». Совещание разъяснило, что оно должно быть дано в трехдневный срок. Если же тот или иной депутат не представит объяснение во время или оно будет расценено членами частного совещания неудовлетворительным, то «ему будет предложено сложить свои депутатские полномочия».

Вслед за этим выступил государственный контролер И.В. Годнев, который «сделал краткое сообщение о мероприятиях», предпринятых им «с целью проверки правильности расходов из средств Государственного казначейства». Судя по газетным сообщениям, какого-либо обсуждения доклада не было. Совещание лишь одобрило все «принимаемые И.В. Годневым меры».

Затем слово снова взял М.В. Родзянко, который доложил присутствовавшим о взаимоотношениях между думским Комитетом и Временным правительством. Он заявил, что между ними «существует полная солидарность». Кроме этого, он сделал весьма ценное заявление: «Временное правительство понимает, что Гос[ударственная] дума является<...> впредь до созыва Учредительного собрания, выразительницей мнения страны»⁵⁴.

Частное совещание затем заслушало доклады депутатов IV Государственной думы, которые по заданию ВКГД ездили на фронт и в провинцию, И.Т. Евсеева (кадет) и Н.И. Родзевича (прогрессист), командированных в Ревель⁵⁵; И.Н. Ефремова (прогрессист) и от Ф.Д. Филоненко (центр), направленных на Северный фронт. Кстати, Филоненко, вернувшийся в Петроград 13 марта, успел сделать накануне частного совещания доклад на заседании ВКГД⁵⁶. «Вестник Временного правительства» писал: «Все делегаты Гос[ударственной] думы единодушно свидетельствовали, что армия настроена бодро и уверенно и что все сознают необходимость дальнейшей упорной борьбы с врагом». Газета указывала, что поездки депутатов на фронт «везде» способствовали «установлению прочной связи между офице-

---

⁵⁴ Совещание членов Госуд[арственной] думы // Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта.

⁵⁵ Своими впечатлениями И.Т. Евсеев успел поделиться с прессой (Впечатление депутатов от поездки в Ревель // Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта).

⁵⁶ Возвращение депутации с Северного фронта // Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта.

рами и солдатами и взаимного доверия». Подчеркивалось и то, что «авторитет Гос[ударственной] думы везде очень велик».

Последним выступал комиссар Временного правительства по делам Финляндии депутат IV Государственной думы Ф.И. Родичев (кадет), который «поделился впечатлениями, вынесенными им во время своего пребывания в Финляндии»⁵⁷.

Совещание 14 марта показало, что члены ЧСГД поддержали атаку на ряд думцев, инициированную министром юстиции А.Ф. Керенским и проявили готовность провести очистку своих рядов от депутатов, получавших денежные средства из секретного фонда Департамента полиции. Отчеты депутатов, командированных на фронт, свидетельствовали об эффективности этой деятельности Государственной думы и о том, что авторитет ее в воинских частях высок. Подчеркнем, что и на этом частном совещании присутствовал представитель Временного правительства в лице комиссара по делам Финляндии депутата Думы Ф.И. Родичева, который фактически отчитался о своей деятельности на этом посту. Немаловажное значение имело то, что на совещании Родзянко была озвучена позиция Временного правительства, подтверждавшая высокий статус Государственной думы как выразительницы мнения всей страны.

Выполняя постановление частного совещания, председатель Государственной думы М.В. Родзянко обратился 14 марта 1917 г. к Г.М. Дерюгину, Г.Г. Замысловскому, П.Н. Крупенскому, Н.Е. Маркову и В.М. Пуришкевичу с просьбой «сообщить мне в трехдневный срок со дня получения объяснение по поводу напечатанных в газетах сведений о получении Вами денежных сумм из секретного фонда»⁵⁸. 15 марта 1917 г. «Вестник Временного правительства» опубликовал список лиц, получавших денежные средства из секретного фонда Департамента полиции с 15 октября 1915 г. и по 1 марта 1916 г.: «в октябре 1915 г. выдано б[ывшему] товарищу министра внутренних дел Белецкому для передачи члену Гос[ударственной] думы Замысловскому — 25 000 р. <...>. В ноябре выдано: <...> члену Гос[ударственной] думы Дерюгину — 10 000 р. <...>. В декабре выдано: <...> члену Гос[ударственной] думы Крупенскому — 20 000 р. <...> члену Гос[ударственной] думы Н.Е. Маркову — 3 000 р. <...> члену Гос[ударственной] думы Пуришкевичу — 10 000 р. <...> в январе 1916 г. выдано: <...> члену Гос[ударственной] думы Маркову — 8 000 р.»⁵⁹.

⁵⁷ Совещание членов Госуд[арственной] думы // Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 230. Л. 23; Д. 281. Л. 15; Д. 401. Л. 18; Д. 484. Л. 18; Д. 646. Л. 26.

⁵⁹ Расходование секретного фонда Департамента полиции // Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта.

Обратим внимание на то, что в этой публикации уже не указываются денежные выплаты Маркову из секретного фонда за ноябрь и декабрь 1915 г. общей суммой 24 000 р., а претензии ограничиваются 11 000 р. за декабрь 1915 г. и январь 1916 г.

В связи с начавшейся в прессе разоблачительной кампании, а также решением частного совещания членов Государственной думы, депутаты отреагировали заявлениями и объяснениями, которые посылались на имя М.В. Родзянко и публиковались в печати. Заметим, что еще 13 марта, т.е. до проведения частного совещания, П.Н. Крупенский обратился к М.В. Родзянко с заявлением, в котором сообщил о появившихся в периодической печати указаниях «на якобы неблагоприятные с моей стороны поступки». Сославшись на то, что у него нет «в настоящую минуту» материалов, которыми он мог бы оправдаться от «инкриминируемых» ему действий, а также «не желая давать риск к умалению достоинства Государственной думы», Крупенский заявил, что считает своим долгом «сложить с себя почетное звание члена Государственной думы»⁶⁰. Укажем, что заметка о сложении П.Н. Крупенским с себя звания депутата Государственной думы была опубликована 15 марта «Вестником Временного правительства» сразу же после статьи о частном совещании 14 марта 1917 г.⁶¹ Благодаря этому, а также недостаточной осведомленности, некоторые провинциальные газеты включили сюжет с Крупенским в изложение хода частного совещания 14 марта⁶², создав тем самым ложное представление о том, что он тоже принимал в нем участие. Сложение Крупенским думских полномочий было положительно воспринято прессой. Так, А. Гессен писал, что П.Н. Крупенский «поступил совершенно правильно, ибо его роль осведомителя перестала нравиться и вызывала чувство презрения среди членов Прогрес-

---

⁶⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 401. Л. 19. Вместе с заявлением о сложении с себя депутатских полномочий П.Н. Крупенский прислал в думский Комитет чек на 20 000 руб., который был отослан ВКГД в Министерство внутренних дел (П.Н. Крупенский // Дело народа. 1917. 18 марта).

⁶¹ По словам прессы, П.Н. Крупенский в заявлении о сложении с себя депутатских полномочий писал, что «считает появившиеся в газетах сведения о нем инсинуацией, но, не имея возможности в настоящее время восстановить свое доброе имя, признает необходимым сложить свои депутатские полномочия, чтобы на Гос[ударственную] думу не падало ни малейшей тени» (Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта). Другие газеты тоже дали материал о заявлении Крупенского (Отказ П.Н. Крупенского от депутатских полномочий // Современное слово. 1917. 15 марта).

⁶² Депутаты [—] питомцы секретного фонда / Последние новости // Последние новости. 1917. 15 марта (Киев).

сивного блока еще до революции»⁶³.

15 марта 1917 г. Г.Г. Замысловский в ответ на письмо М.В. Родзянко заявил: «<...> двадцать пять тысяч рублей от С.П. Белецкого, о коих сказано в газетных сообщениях от 14 марта 1917 г., я не получал вовсе. Заявляю это совершенно определенно и категорично»⁶⁴. В своем письме, которое Замысловский просил предать гласности, он заявил, что записи о получении им 25 000 руб. и членом Государственного совета А.А. Римским-Крсаковым 13 000 руб. «являются фиктивными, измышленными». Кстати, Римский-Корсаков, по словам Замысловского, решительно отрицал получение им означенной суммы⁶⁵.

В этот же день, т.е. 15 марта, В.М. Пуришкевич, возвращаясь с фронта, отправил из Луги телеграмму М.В. Родзянко, которая была получена в Петрограде 16 марта⁶⁶ и опубликована в прессе с некоторыми изъятиями 17 марта⁶⁷. Пуришкевич писал, что получил деньги «от Владимира Федоровича Джунковского по моей просьбе помочь мне в устройстве даровых библиотек для воинских чинов на фронте, ибо на средства Красного креста этого делать я не мог». Пуришкевич подчеркнул, что указанная сумма была выдана ему один раз, а в дальнейшем он стал читать лекции по России и на вырученные деньги⁶⁸ «периодически снабжал солдат и офицеров книгами на всех фронтах». По его словам, всего им было «по сей день роздано в армиях более миллиона солдатских книг и до ста тысяч офицерских»⁶⁹. В телеграмме также содержатся сведения, которых нет в газетной публикации, а точнее о том, что у Пуришкевича имеется «документ по покупке книг на сумму до ста тысяч рублей»⁷⁰. Кстати, А.А. Иванов, со ссылкой на монографию С.В. Куликова⁷¹, пишет о том, что

---

⁶³ Гессен А. Кто брал, за что брал и зачем брал // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта (веч. вып.).

⁶⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 281. ЛЛ. 17—18 об.

⁶⁵ Гессен А. Кто брал, за что брал и зачем брал // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта (веч. вып.).

⁶⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. ЛЛ. 27—28.

⁶⁷ Объяснение М.В. Пуришкевича о получке из секретного фонда // Петроградская газета. 1917. 17 марта.

⁶⁸ В третьей редакции объяснения В.М. Пуришкевич писал, что за лекции он выручал от 2 800 до 4 000 руб. за каждую (Объяснение В.М. Пуришкевича // Утро России. 1917. 17 марта).

⁶⁹ Объяснение М.В. Пуришкевича о получке из секретного фонда // Петроградская газета. 1917. 17 марта.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 646. Л. 27.

⁷¹ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 447—455.

«В.М. Пуришкевич получал для своей деятельности довольно крупные суммы от правительства (около 100 тыс. руб. за 1914—1916 гг.)»⁷².

16 марта 1917 г. датировано заявление Г.М. Дерюгина на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко, в котором он писал, что газетные сообщения о получении им будто бы из секретных фондов в 1915 г. 10 000 руб. могут быть истолкованы как затрагивающие его доброе имя и честь. Поэтому он прежде всего «принял меры к опубликованию в газетах соответствующего разъяснения»⁷³. По словам Дерюгина, он предварительно передал это разъяснение М.В. Родзянко через председателя фракции русских националистов П.Н. Балашева. Дерюгин писал: «Никаких сумм из секретных фондов или каких бы то ни было других источников я лично для себя никогда не получал и мое имя попало в перечень <...> несомненно по недоразумению. Никогда в Департаменте полиции я не бывал, никакого отношения ни прямого, ни косвенного, к нему не имел и ни с кем из чинов Департамента никаких сношений и никаких дел никогда не имел». Вместе с тем Дерюгин признавал, что принимал участие в депутации как один из издателей газеты «Голос Руси» к министру внутренних дел А.Н. Хвостову по вопросу о продлении издания этой газеты. Хвостов же перенаправил депутацию к своему товарищу С.П. Белецкому, которому было поручено заведование делами печати. Переговоры с Белецким состоялись на его квартире (ул. Большая Морская, д. 61). Депутация получила от него 10 000 руб. на продолжение издания газеты «Голос Руси». Дерюгин подчеркнул, что эта сумма «значится по кассовой книге издательства внесенною соиздателями в кассу газеты от 14 ноября 1915 г. (См.[:] Кассовая книга 1915 г., стр. 127, номер кассового ордера 287)». Тут же Дерюгин заметил, что ни «до этого случая, ни после него, я никаких дел, отношений и свиданий с товарищем министра Белецким никогда не имел»⁷⁴. Далее он охарактеризовал направление газеты. По его словам, «Газета «Голос Руси» была создана для защиты интересов русского государственного и национального дела <...> держалась всегда точки зрения просвещенного консерватизма. Отстаивая исторический государственный строй на прочных основах народного представительства, газета «Голос Руси» никогда ни при каких

---

⁷² Иванов А.А. Владимир Пуришкевич — опыт биографии правого политика (1870—1920) / Науч. ред. И.В. Алексева. М.; СПб., 2011. С. 210.

⁷³ Действительно, в газетах были опубликованы заметки с его объяснениями (См., напр.: Объяснения депутата Дерюгина. «Патриотизм»[,] оплаченный из секретного фонда // Петроградская газета. 1917. 17 марта; Депутат Дерюгин и секретный фонд / Известия, полученные до 6-ти часов веч[ера] 16-го марта // Русские ведомости. 1917 17 марта.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 230. Л. 24.

условиях не отступала от этой позиции, независимо от того, какие течения господствовали в правительственных кругах». Рассуждая о получении денег от государства в увязке с направлением газеты, Дерюгин писал: «<...> газета носила чисто идейный и независимый характер и если государство признавало возможным, не посягая на независимость ее программы, оказывать газете материальную поддержку, то я и мои соиздатели не имели оснований усматривать <...> в поддержке от казны что либо несовместимого с достоинством своего доброго имени». Небезынтересны и рассуждения Дерюгина относительно несовместимости издателя газеты, получающей поддержку от государства, со званием депутата Государственной думы. С точки зрения Дерюгина, она (несовместимость) достигается при следующих условиях: 1) наличие «каких-либо корыстных побуждений[;] 2) отсутствие идейного значения и характера издания»; 3) отказ «от своих убеждений в угоду лицам, выдававшим пособия»; 4) безнравственность характера самого издания⁷⁵. И далее Дерюгин доказывает, что ни одно из этих условий не имело никакого отношения к издателям газеты «Голос Руси». Говоря о механизме кредитования издания, он заметил, что это предмет «внутреннего чисто ведомственного распорядка». Закончил свое «разъяснение» Дерюгин следующими словами: «<...> участвуя идейно и бескорыстно в издании газеты «Голос Руси», я добросовестно не усматривал в получении газетой поддержки из казны ничего несовместимого с высоким званием члена Государственной думы»⁷⁶. До созыва очередного частного совещания не успел предоставить свои объяснения только один депутат — Н.Е. Марков 2-й, который, как писал А. Гессен, «просто куда-то скрылся и с первого дня революции его никто и нигде не видел»⁷⁷.

Шестое частное совещание прошло 16 марта 1917 года, на котором, по словам прессы, главным образом обсуждался вопрос «о депутатах, получавших субсидии из секретного фонда». Председатель Государственной думы М.В. Родзянко доложил членам совещания о присланных объяснениях Г.М. Дерюгина, В.М. Пуришкевича и Г.Г. Замысловского. Несомненно, что с содержанием объяснений Дерюгина и Пуришкевича депутаты Государственной думы были уже отчасти знакомы по газетным публикациям. Вместе с тем в распоряжении Родзянко имелись заявления депутатов, которые несколько отличались от их газетных версий. Любопытно, что Родзянко, излагая объяснение Пуришкевича, приписал ему слова, которых не было ни в телеграмме, которую Пуришкевич прислал ему из Луги, ни в газетных публикациях: Пуришкевич якобы заявил, что ему не было

---

⁷⁵ Там же. Л. 24 об.

⁷⁶ Там же. Л. 25.

известно, что деньги, полученные им от Джунковского, «отнесены на счет секретного фонда»⁷⁸ С какой целью Родзянко приписал Пуришкевичу слова о секретном фонде, неизвестно. Но, похоже на то, что Родзянко попытался создать смягчающее обстоятельство для Пуришкевича в этом вопросе.

После доклада М. В. Родзянко развернулись продолжительные прения. А. Гессен писал, что при обсуждении вопроса о получении депутатами денежных средств из секретного фонда И. И. Дмитриуков, Н. В. Савич, бар. А. Ф. Мейендорф и др. говорили: «— Братъ с такого источника недопустимо. Источник грязный. Лица, бравшие из него деньги, не могли не знать, что это за источник и на что из него отпускают деньги. Они не могли этого не чувствовать, ибо свои полочки скрывали, когда им о них говорили, они отмалчивались, а когда это выплыло наружу, иные спешат сложить полномочия, иные заявляют, что они не брали, но все-таки взяли». Заметим, что эти слова имели отношение только к двум из пяти депутатов — Замысловскому и Крупенскому! Не исключено, что обсуждались также объяснения Дерюгина и Пуришкевича, но Гессен об этом не упомянул. И если члены частного совещания оказались единодушны в осуждении самого факта получения денежных средств из секретного фонда Департамента полиции, то по вопросу о принятии мер против провинившихся депутатов, проявились разногласия. Так, П. П. Гронский, по словам Гессена, «предложил разрешить вопрос об этих господах». Другие члены совещания не поддержали его, поэтому вопрос был «передан в комиссию личного состава Г[осударственной] думы»⁷⁹. Вместе с тем в газетном отчете о частном совещании о таком решении его участников не сообщалось. Пресса писала о том, что «совещание постановило поручить» думскому Комитету «рассмотреть этот вопрос» и «решение Комитета будет считаться окончательным и явится выражением мнения всей Государственной думы»⁸⁰.

В конце заседания слово снова взял М. В. Родзянко, который «поделился с депутатами сведениями, полученными им с фронта». По его словам, «положение дел на фронте вполне благополучно», «ни о каких прорывах и речи нет и вообще вряд ли можно ожидать в бли-

---

⁷⁷ Гессен А. Кто брал, за что брал и зачем брал // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта (веч. вып.).

⁷⁸ Частное совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта.

⁷⁹ Гессен А. Кто брал, за что брал и зачем брал // Биржевые ведомости. 1917. 17 марта (веч. вып.).

⁸⁰ Частное совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта; Совещание членов Гос[ударственной] думы // Утро России. 1917. 17 марта.

жайшие дни решительных действий в виду наступающей распутицы». Правда, Родзянко тут же предупредил: «несомненно, однако, что враг накапливает силы на нашем фронте»⁸¹. На этой тревожной ноте совещание закончилось.

Это частное совещание интересно, конечно, тем, что оно продолжило борьбу с думцами, получавшими средства из секретного фонда Департамента полиции. Не менее важным является то, что оно позволяет характеризовать думский Комитет как орган, который подчинился частному совещанию. Вместе с тем тот факт, что предполагалось принять постановление думского Комитета о судьбе депутатов, получавших средства из секретного фонда, без какого-либо обсуждения, говорило о высоком уровне делегирования ему полномочий частным совещанием членов Государственной думы.

17 марта 1917 г. состоялось седьмое частное совещание. Началось оно около или несколько позднее 7 часов вечера, когда из Таврического дворца ушел Измайловский полк, перед которым выступал председатель Государственной думы М.В. Родзянко⁸². В этот раз совещание было коротким, на повестке дня стояло два вопроса: 1) принятие постановления ВКГД о субсидиях депутатам от правительства; 2) о Г.Г. Замысловском. Повестка должна было привлечь внимание думцев к частному совещанию. «Последние новости» писали: «Сейчас небывалое количество депутатов, больше 300 человек»⁸³.

По сообщению прессы, совещанию было доложено постановление ВКГД, которое частное совещание одобрило без прений. Постановление гласило, что «получение каких бы то ни было субсидий для каких бы то ни было целей из секретных фондов правительства несовместимо со званием члена Государственной думы, поэтому депутаты, получавшие такие субсидии на политические цели, не могут считаться в дальнейшем членами Г[осударственной] думы»⁸⁴. В изложении же «Петроградской газеты», ВКГД вынес постановление, согласно которому «получение членами Госуд[арственной] думы субсидий от правительства для политических целей, является несовместимым с высоким званием народного представителя»⁸⁵. В такой же

---

⁸¹ Частное совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 17 марта.

⁸² Манифестация в Государственной думе / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 18 марта.

⁸³ В Таврическом дворце. От соб[еседованного] кор[респондента] / Последние новости // Последние новости. 1917. 18 марта.

⁸⁴ Совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 18 марта; Совещание членов Гос[ударственной] думы // Петроградский листок. 1917. 18 марта.

трактовке это постановление дано в «Вестнике Временного правительства» от 17 марта 1917 года. Скорее всего, в постановлении речь шла исключительно о субсидиях на политические цели. И в связи с этим можно предположить, что частное совещание не признало политическими субсидии, выданные депутатам Дерюгину, Пуришкевичу и Маркову, объяснение которого было опубликовано в прессе на следующий день⁸⁶. Во всяком случае, сведений о том, что они были лишены звания депутатов Государственной думы, не имеется.

Вопрос о Замысловском «был выделен», так как он отрицал «получение им каких бы то ни было сумм через С.П. Белецкого». Если верить газетному отчету, то совещание решило «обратиться к министру юстиции А.Ф. Керенскому с просьбой расследовать, получал ли Г.Г. Замысловский какие-либо суммы из секретного фонда или нет»⁸⁷. В изложении «Биржевых ведомостей», совещание просило провести это расследование государственного контролера И.В. Годнева⁸⁸. Скорее всего, правы были «Биржевые ведомости», так как 26 марта 1917 г. ВКГД за № 616 отправил депутату Государственной думы Г.Г. Замысловскому копию «сообщения государственного контролера по поводу получения денег из секретного фонда»⁸⁹. Укажем, что Г.Г. Замысловский не был лишен звания члена Государственной думы и после проведенного Годневым расследования.

---

⁸⁵ Недопустимо получение депутатами субсидий // Петроградская газета. 1917. 17 марта

⁸⁶ Н.Е. Марков 2-й писал, что 1) в Департаменте полиции «я не был ни разу в жизни» и никаких сумм из него «не получал»; 2) «От бывшего министра внутренних дел Протопопова 150 000 рублей или иной подобной суммы никогда не получал и никаких в том расписок не выдавал». Вместе с тем Марков 2-й признался в том, что, будучи «руководителем одной из крупнейших монархических организаций», «начиная со времени Столыпина, получал от правительства субсидии для расходов, как организационных, так и по издательству». Подчеркнем, что Марков 2-й не назвал общей суммы субсидий, полученных им, но заметил: «Сравнительно с действительной организационной потребностью помощь прежнего правительства была, конечно, ничтожна» (Объяснение Маркова 2-го // Дело народа. 1917. 18 марта; Объяснение Маркова 2-го // Петроградский листок. 1917. 18 марта).

⁸⁷ Совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 18 марта; Совещание членов Гос[ударственной] думы // Петроградский листок. 1917. 18 марта.

⁸⁸ Государственная дума о субсидиях депутатам // Биржевые ведомости. 1917. 18 марта (II изд-е).

⁸⁹ РГИА. Ф. 1278. оп. 10. Д. 28. Л. 36.

Пожалуй, наиболее важным итогом этого совещания было то, что оно одобрило постановление ВКГД, которое вводило революционную меру по снятию с депутатов Государственной думы их полномочий. В чем же состояла революционность этой меры? Напомним, что согласно ст. 21 «Учреждения Государственной думы» член Государственной думы признается выбывшим из ее состава (ст. 18 и 19) <...> по постановлению Государственной думы». Естественно, что ст. 18 и 19 не содержали нормы, согласно которой депутат лишался своих полномочий за получение государственных субсидий из секретного фонда для политических целей. Иначе говоря, частное совещание членов Государственной думы, утвердив постановление ВКГД, внесло дополнение в закон «Учреждение Государственной думы», нарушив тем самым ст. 44 Основных государственных законов⁹⁰.

Следующее, восьмое по счету, частное совещание состоялось под председательством М.В. Родзянко 21 марта 1917 г. Пожалуй, это было единственным мартовским совещанием, объявление о котором было напечатано перед его проведением. «Вестник Временного правительства» сообщал: «21-го марта состоится совещание членов Государственной думы, на котором министр финансов сделает сообщение о предстоящем займе свободы»⁹¹. В действительности вопрос о займе свободы был основным, но не единственным вопросом повестки дня этого частного совещания. Согласно газетному отчету, министр финансов М.И. Терещенко сообщил «о предстоящем выпуске нового внутреннего займа, который предполагается назвать «Заем Свободы», а также об общем финансовом положении России».

Терещенко рассказал о схеме нового займа, который «предполагается выпустить, не определяя суммы, по 85 р. за сто, из 5-ти процентов годовых, с погашением через 49 лет». Для подписки на «Заем Свободы» предполагалось отвести 2 месяца. По словам «Вестника Временного правительства», М.И. Терещенко высказал надежду, что подписка даст «значительные суммы, вероятно, не менее 5 миллиардов рублей». Кроме этого, Терещенко, говоря об общем финансовом положении России, указал, что и фонды, и курс рубля поднялись, особенно в Америке и в Англии»⁹². В газетах сообщалось, что

---

⁹⁰ Ст. 44 ОГЗ гласила: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора» (Российское законодательство X—XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 48).

⁹¹ Совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 21 марта.

⁹² Совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта.

«выступление министра финансов произвело весьма благоприятное впечатление на членов, а его предложение относительно займа встретило полное доверие»⁹³.

В конце совещания выступил М.В. Родзянко, который «доложил совещанию, что по полученным им сведениям на фронте все обстоит вполне благополучно во всех отношениях»⁹⁴.

Основное значение совещания 21 марта состояло в том, что Временное правительство получило одобрение весьма рискованной финансовой операции от частного совещания членов Государственной думы, которая, несомненно, сыграла свою роль в подписке на «Заем Свободы» тех групп населения, которые продолжали ее поддерживать.

Частные совещания членов Государственной думы конца марта 1917 года весьма скупо освещались периодической печатью. Поэтому сколько-нибудь полного представления о них составить трудно. Среди них, частные совещания 24, 25 и 28 марта 1917 года.

24 марта на девятом частном совещании вновь выступал министр земледелия А.И. Шингарев. В этот раз он сделал доклад «об основных положениях проектируемого закона об установлении монополизации хлебной торговли». Вокруг доклада развернулись прения, правда, непродолжительные. В конечном счете, совещание «единогласно одобрило все предположения» министра земледелия⁹⁵. Как и в случае с проектом «Заема Свободы», частное совещание одобрило введение хлебной монополии в России. Именно в этом и был главный итог частного совещания 24 марта 1917 г.

25 марта на очередном, десятом, частном совещании с основным докладом выступил М.В. Родзянко. Он рассказал депутатам Думы о положении дел на фронте в связи «с определяющимся намерением Германии» «сосредоточить на нашем фронте крупные силы», используя революционный момент в России, а также и «в связи с нашей неудачей на Стоходе». По сообщению прессы, совещание единогласно признало необходимым принять два обращения, во-первых, к армии с призывом напрячь все свои силы в борьбе за свободу против внешнего врага, и, во-вторых, к населению «с воззванием сплотиться для поддержки армии». Совещание поручило текст обоих воззваний выработать ВКГД⁹⁶.

---

⁹³ В Таврическом дворце // Вестник Пермского края. 1917. 24 марта.

⁹⁴ Совещание членов Государственной думы / Петроград // Вестник Временного правительства. 1917. 22 марта.

⁹⁵ Совещание членов Гос[ударственной] думы / Хроника // Вестник Временного правительства. 1917. 25 марта.

⁹⁶ Совещание членов Гос[ударственной] думы // Петроградский листок. 1917. 26 марта.

Думская биографика

Л.П. МУРОМЦЕВА

С.А. Муромцев во главе I Государственной думы

Впервые идею создания в России представительного учреждения под названием «Государственная дума» изложил выдающийся реформатор М.М. Сперанский в своем проекте преобразований «Введение к уложению государственных законов» (1809)¹. Осуществить эту идею удалось лишь через сто лет. В критической для российского самодержавия ситуации — в разгар революции 1905—1907 гг., столкнувшись с необходимостью легитимации собственного режима, верховная власть решилась на частичную модернизацию государственного устройства империи. В 1905 г. в ответ на активные революционные действия народных масс и требования либеральной общественности Николай II пошел на уступки, издав 17 октября Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором провозглашались политические свободы и устанавливалось как незыблемое правило, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей». За Манифестом последовал именной указ Сенату от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу»².

Еще продолжалась революция, а в Петербург в конце апреля 1906 г. начали съезжаться со всех концов Российской империи народные избранники. Всего в Думу было избрано около 500 человек. На торжественном открытии I Государственной думы, состоявшемся 27 апреля (по старому стилю) в Георгиевском тронном зале Зим-

---

¹ Конституционные проекты в России XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 348—410.

² Российское законодательство X—XX веков: В 9-ти тт. М., 1994. Т. 9. С. 41.

него дворца с краткой приветственной речью выступил император Николай II, после чего депутаты отправились в Таврический дворец на свое первое деловое заседание. Относительное большинство мест (свыше одной трети) на выборах в Думу завоевали конституционные демократы, заранее согласовавшие на своем партийном съезде кандидатуру ее председателя — Сергея Андреевича Муромцева, известного ученого-юриста, адвоката, либерального общественного деятеля. Его кандидатура получила одобрение и думских депутатов, представлявших другие политические партии, и беспартийных парламентариев и при голосовании прошла единогласно. В тот памятный день Сергей Андреевич обратился к депутатам с такими словами: «Кланяюсь Государственной думе... Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду»³. Избрание председателем I Государственной думы стало венцом жизненного пути С.А. Муромцева, его многолетнего служения обществу.

Родился Сергей Андреевич 23 сентября 1850 г. в Петербурге, на Фонтанке, в казармах лейб-гвардии Московского полка, в котором служил офицером его отец Андрей Алексеевич. Происходил он из старинного дворянского рода, корни которого сам Сергей Андреевич проследил до XVI в. Все Муромцевы по мужской линии были военными, принимали участие во взятии Казани, в разгроме польской интервенции в начале XVII в., в Отечественной войне 1812 года. Вопреки семейной традиции Сергея Муромцева совсем не привлекала перспектива военной службы. Он избрал для себя научное, а затем политическое поприще. К этой деятельности он готовился с юных лет.

Особенно запомнились близким Сергея Андреевича его детские игры в «государство». Отличаясь любознательностью и большими способностями, мальчик, прочитав в библиотеке отца «Справочную книгу офицера», содержащую краткие сведения о политическом устройстве зарубежных стран, объявил отцовское имение Лазавку (в Новосильском уезде Тульской губернии) конституционным государством, в котором имелся парламент с верхней и нижней палатами, размещавшимися в двух беседках сада, а резиденция его главы располагалась в господском доме. Сергей сочинил конституцию своего государства, нарисовал карту, разделил на губернии и уезды, составил письменную историю, а чуть позже стал выпускать ежедневную семейную газету. Таким образом, уже в детстве постепенно формиро-

---

³ Государственная дума, 1906—1917: Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 1. С. 36.

вались многие черты характера и будущие интересы Сергея Андреевича.

К сентябрю 1860 г. семья Муромцевых переселилась из тульского имения Лазавка в Москву. Здесь Сергей поступил в гимназию и в 1867 г. окончил ее с золотой медалью⁴.

Становление С.А. Муромцева происходило в годы общественного подъема, вызванного буржуазными реформами 60-х — начала 70-х гг. XIX в. В Москве в свободные от занятий часы гимназиста можно было увидеть на заседаниях окружного суда, интересовала молодого Муромцева и деятельность Московского губернского земского собрания. Так, задолго до окончания гимназии он вполне осознанно и твердо сделал свой жизненный выбор, считая юриспруденцию и самым подходящим для себя, и весьма нужным людям занятием.

Рано проявившийся интерес к государственному праву привел Сергея Муромцева в 1867 г. на юридический факультет Московского университета. Еще в 1869 г. он, будучи студентом, в записной книжке пророчески наметил основные вехи своей научной карьеры: защита магистерской диссертации через шесть лет, чтение лекций, а затем спустя некоторое время отставка «за распространение либерализма»⁵.

И действительно, в 1871 г. С.А. Муромцев был утвержден Советом Московского университета в степени кандидата права «за отличные успехи», а немногим позже оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Для совершенствования образования С.А. Муромцев в 1873 г. направился в Германию. В Геттингене на Муромцева произвели неизгладимое впечатление лекции профессора Рудольфа фон Иеринга, основоположника социологического направления в европейском правоведении. Под его влиянием еще в 70-е гг. XIX столетия, т. е. за полвека до Е. Эрлиха и Р. Паунда, С.А. Муромцев выдвинул, разработал и сформулировал идеи социологического изучения права (с применением функционального и историко-сравнительного методов), предложил понятие права как действующего правопорядка, противопоставил «живое» право «мертвому». С помощью социологической теории права С.А. Муромцев пытался оправдать судейское правотворчество, направленное на эволюционную замену абсолютистского режима либеральным правопорядком⁶.

---

⁴ См.: [В.Н.] Из семейной и личной жизни // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 59—61.

⁵ См.: Милюков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. С. 19.

⁶ См.: Зорькин В.Д. Муромцев. М., 1979; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи, 1906—1917 гг. М., 1998; Аронов Д.В. Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева. Орел, 2001.

По возвращении из зарубежной поездки Сергей Андреевич защитил в 1875 г. диссертацию «О консерватизме римской юриспруденции», получил степень магистра гражданского права и стал доцентом юридического факультета Московского университета. В 1877 г. последовала успешная защита докторской диссертации «Очерки общей теории гражданского права». Обе диссертации были сразу же опубликованы в виде отдельных монографий. Следующие вехи в его послужном списке — экстраординарный и ординарный профессор кафедры римского права (1878), проректор Московского университета (1880—1881). Одна за другой издавались новые книги С.А. Муромцева: «Определение и основное разделение права» (1879); «Гражданское право Древнего Рима» (1883); «Рецепция римского права на Западе» (1886). Кроме них из-под его пера выходили десятки статей, заметок, рецензий. Всего список печатных работ С.А. Муромцева насчитывает свыше 180 наименований⁷. Наряду с напряженными научными исследованиями Сергей Андреевич постоянно читал в университете лекции и, по отзывам слушателей, был прекрасным оратором.

Бывшие ученики с особой теплотой вспоминали о Муромцеве-педагоге, о его поразительном умении соединять результаты своих научных исследований с материалами университетских лекций. «Труды, выросшие из лекций, — писал В.М. Нечаев, — отличаются... необыкновенной строгостью стиля, последовательной логичной стройностью и выдержанностью, — ведь их положения рассчитаны на то, чтобы научно дисциплинировать мысль слушателя — воздействовать не на его чувства, а лишь на его самостоятельное мышление, на его разум. В этом весь Муромцев как профессор»⁸. Нечаев уловил в преподавательской манере профессора-юриста Муромцева черту, которая была свойственна Сергею Андреевичу во всем, что бы он ни делал — это отсутствие в его лекциях, выступлениях, печатных трудах стремления к дешевым, рассчитанным на исключительно внешний эффект приемам⁹.

Природенный либерал, сторонник создания в России правового государства, С.А. Муромцев в воспитании правосознания общества придавал большое значение публицистике. «Будущее не должно застать нас врасплох», — часто говорил он. В 1878—1892 гг. Сергей Андреевич возглавлял журнал «Юридический вестник», а с 1880 г.

---

⁷ См. перечень публикаций С.А. Муромцева: Сергей Андреевич Муромцев. С. 407—419.

⁸ *Нечаев В.М.* С.А. Муромцев — как ученый и профессор. СПб., 1910. С. 8.

⁹ *Шершеневич Г.* Муромцев — как ученый // Сергей Андреевич Муромцев. С. 90.

был избран председателем Московского юридического общества¹⁰. В сотрудничестве с единомышленниками — юристами В.Ю. Скалоном и А.И. Чупровым — Сергей Андреевич весной 1880 г. подготовил «Записку о внутреннем состоянии России» и передал ее получившему от Александра II весьма широкие полномочия графу М.Т. Лорис-Меликову, на которого либералы первоначально возлагали большие надежды, требуя созыва общероссийского земского представительства и гарантий демократических свобод¹¹. Содержавшиеся в «Записке» идеи частично использовались при составлении так называемой «Конституции» М.Т. Лорис-Меликова — проекта ограниченных реформ, представленного императору Александру II накануне 1 марта 1881 г.¹².

Политический климат России между тем постепенно менялся. Как известно, после убийства народовольцами императора Александра II реакция перешла в наступление. С принятием реакционного университетского устава 1884 г. участь либерально настроенных профессоров была решена. С.А. Муромцев вместе с другими профессорами был уволен из университета «за распространение либерализма» и «политическую неблагонадежность». Таким образом, еще раз подтвердилась истина: либерализм в России безнаказанным не остается.

Оторванный от университетской среды, С.А. Муромцев сосредоточил свою деятельность в области практической юриспруденции. Огромная эрудиция, честность и принципиальность создали ему блестящую репутацию адвоката. Как вспоминал известный деятель кадетской партии и адвокат М.М. Винавер, который не раз вел вместе с ним судебные дела, они проводили «много дней, а подчас и ночей, в общей умственной работе»¹³. Защита прав личности от произвола — вот что стояло на первом плане перед Муромцевым-адвокатом, вот, для чего не жалел он своих сил.

Наряду с адвокатской деятельностью Сергей Андреевич продолжал активно заниматься публицистикой, обосновывая на страницах прессы необходимость тесного взаимодействия власти и общества,

---

¹⁰ Юридический вестник. 1882. Кн. I. Приложения. С. 5—6.

¹¹ См. публикацию «Записки»: *Муромцев С.А.* Статьи и речи. М., 1910. Вып. V. С. 11—38.

¹² Юридический вестник. 1880. Кн. X. С. 316—317; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 32—33; *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). М., 1995. С. 105—107.

¹³ *Винавер М.М.* Недавнее (Воспоминания и характеристики). Пг., 1917. С. 59—99.

ратуя за расширение сферы использования суда присяжных, за применение его в гражданском процессе¹⁴.

На протяжении многих лет Сергей Андреевич активно участвовал в земском движении: не раз в 80—90-е гг. XIX в. избирался гласным Московского губернского и уездного земств. Не смог он отказаться и от участия в выборах в гласные Новосильского уездного и Тульско-го губернского земских собраний. Муромцев заслужил репутацию радикала и в качестве гласного Московской городской думы (1881—1884, 1889—1893, 1897—1908). Сохранились свидетельства о его работе в Московском комитете грамотности и комиссии по народному образованию¹⁵. Не жалея сил, он, будучи гласным Думы, немало потрудился над разработкой ее постановлений по многим вопросам жизни крупнейшего города. Особый интерес у него вызывали проблемы создания юридической базы органов городского самоуправления, соотношения между местным и общероссийским законодательством.

Пик плодотворнейшей деятельности С.А. Муромцева пришелся на конец 1904—1906 гг.: начиная с ноября 1904 г. он — активный участник всех земских съездов, автор важнейших программных документов либералов.

Вскоре наступило Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. В стране грянула революция, ознаменовавшаяся не только выступлениями рабочих и крестьян. Невиданного ранее подъема достигло либеральное движение. В это время Сергей Андреевич Муромцев словно переживал вторую молодость. Не жалея сил, захватывая нередко ночные часы, он подолгу сидел над текстами столь нужных стране проектов законов, оттачивая до блеска их формулировки. И по праву проект конституции, представленный на рассмотрение земского съезда в июле 1905 г., именуется «муромцевским». Этот документ стал теоретической основой последующего конституционного движения в России¹⁶. Высшими ценностями для Муромцева и других русских конституционалистов являлись права личности и законность. Все преобразования в России должны были (и в этом состояла его твердая убежденность) осуществляться исключительно правовым путем.

Конституционная модель Муромцева была призвана не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их

---

¹⁴ Кривонос М. Муромцев Сергей Андреевич // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 375.

¹⁵ См.: Астров Н.И. В Московской городской думе // Сергей Андреевич Муромцев. С. 158—179; Шаховской Д.И. Работа в земстве // Там же. С. 180—204; Муромцев С.А. Статьи и речи. М., 1910. Вып. IV.

¹⁶ См.: Кокошкин Ф.Ф. С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев. С. 205—250.

новым содержанием. Муромцев, как и многие другие либералы, считал наиболее целесообразным введение в России конституционного строя с помощью ряда реформ сверху, последовательно осуществляемых самой монархической властью.

«Проект изложен таким образом, — писал С.А. Муромцев, — что мог бы быть включен в Свод законов взамен ныне действующих статей 47—81 первой части первого тома, не затрагивая непосредственно остальных отделов ни первой, ни второй части первого тома свода и предоставляя уже дальнейшему ходу законодательства дать то или другое выражение влиянию новых начал на старые части законодательства»¹⁷.

Впервые проект конституции был опубликован 6 июля 1905 г. в газете «Русские ведомости». Он состоял из 6 разделов и 113 статей, представляя собой достаточно сжатый и четко сформулированный документ¹⁸. Особое значение имело декларировавшееся в нем равенство всех российских граждан перед законом, «не взирая на различия их племенного происхождения, веры или сословного положения»¹⁹. Проект был направлен на введение в стране всеобщего равного избирательного права, последовательным сторонником которого являлся С.А. Муромцев, широко использовавший при его разработке тексты европейских конституций и избирательных законов. Можно, таким образом, считать, что проект Муромцева на определенном этапе создавал основу и возможность исторического компромисса конституционно-либерального движения и монархического правительства, объединения их усилий по преодолению революционного кризиса. Возможность эта оказалась тогда нереализованной²⁰.

С 12 по 18 октября 1905 г. в Москве в разгар Всероссийской политической стачки проходили заседания первого учредительного съезда партии конституционных демократов. С.А. Муромцева, принявшего деятельное участие в его подготовке, избрали в состав Центрального Комитета. В апреле 1906 г. он прошел в I Государственную думу от Москвы²¹. С избранием в депутаты Думы С.А. Муромцев

---

¹⁷ Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 173—196.

¹⁸ Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. Приложение первое. С. 384—406.

¹⁹ Там же. С. 386.

²⁰ См.: Медушевский А.Н. Сергей Андреевич Муромцев // Российские либералы. М., 2001. С. 304.

²¹ Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 183—184.

становился и потенциальным кандидатом от партии на пост ее спикера.

Известный как талантливый председатель еще с 80-х гг. XIX в., времен расцвета Московского юридического общества, блестяще зарекомендовавший себя в 1904—1905 гг. на земско-городских съездах, Муромцев, по мнению многих современников, был лучшей кандидатурой на этот пост. К его известности как председателя добавлялось еще и профессиональное знание парламентских порядков европейских стран, безупречный нравственный авторитет как политика «чистых рук».

Избранный 27 апреля 1906 г. на высокий и ответственный пост председателя I Государственной думы, к которому он готовился всю предшествующую жизнь, Сергей Андреевич возложил на себя огромное бремя ответственности и перед депутатами, и перед всей Россией.

Четкость, последовательность и беспристрастность Муромцева, его некоторая председательская жесткость, культура и корректность дисциплинировали Думу. Плавная речь, античный профиль самого Муромцева, старомодные обращения вроде «господа совет», эстетство — все это способствовало умиротворению депутатов. «Председательствует — как обедню служит», — привел В.А. Маклаков меткое наблюдение одного депутата-крестьянина. Он «в последовательной, систематичной, ясной и красивой речи заставлял всех внимательно себя слушать и подчиняться его доводам»²². Трудно представить кого-либо другого на посту председателя Думы, кто смог бы поддерживать порядок в собрании из почти 500 человек²³.

Установив для себя с первого же дня сверхжесткий режим работы с десяти часов утра и зачастую до трех часов ночи, Муромцев совмещал организационную работу в Думе и председательство на большинстве заседаний парламента с активной законодательной работой, прежде всего в части подготовки основных статей Наказа (регламента) Думы²⁴.

Как подчеркивал депутат I Государственной думы Н. Езерский, «если Дума не блуждала первое время ощупью, не раскалывалась в ненужных вопросах процедуры... по возможности сокращала время, тратимое на выполнение формальностей... то этим в значительной степени Дума обязана такту и твердости своего председателя»²⁵.

---

²² Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. London, 1991. С. 68.

²³ См.: Лукаюнов И.В. У истоков российского парламентаризма. СПб., 2003. С. 145.

²⁴ Винавер М. Муромцев — адвокат и председатель Государственной думы // Сергей Андреевич Муромцев. С. 270.

²⁵ Езерский Н. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 19.

Да, первый опыт парламентаризма давался России с большим трудом. Но вряд ли стоит винить в этом думских депутатов, даже самых радикальных и нетерпеливых, выражавших установки своих политических партий, интересы и настроения своих избирателей. Как председатель I Государственной думы С.А. Муромцев сделал все, что было в его силах, дабы направить ее работу в нормальное парламентское русло.

По словам А.А. Кизеветтера, видного историка и члена Центрального комитета кадетской партии, «свое дело Муромцев выполнял так превосходно, что все члены Думы без различия партий восхищались его председательствованием и признавали его своим общим вождем». Дополняя эту высокую оценку, А.А. Кизеветтер далее писал: «Строгий, суровый, торжественный стоял он на своем месте и вел заседание твердо, в полном сознании правоты своих действий. Но, несмотря на его суровость, все члены Первой Думы не только слушались его, но и сердечно любили его. Они все чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была родина, для блага которой он пошел в Думу»²⁶.

Введение в России законодательной выборной Думы было важнейшим в ее истории событием и крупнейшим завоеванием народа, достигнутым в годы первой российской революции.

Центральным в I Государственной думе стал аграрный вопрос, особенно бурно обсуждавшийся народными избранниками. Депутаты требовали ликвидации крестьянского малоземелья, отмены смертной казни, объявления амнистии политическим заключенным, установления ответственности министров перед представительным учреждением, всеобщего равенства и соблюдения законности в стране. Такая непокорная Дума оказалась слишком большой обузой для царского самодержавия. Созданная на пять лет, она просуществовала всего 72 дня. 8 июля 1906 г. Николай II подписал Манифест о ее роспуске под предлогом того, что думские депутаты «вместо работы строительства законодательного уклонились в не принадлежащую им область». Как видим, ростки парламентаризма приживались в России на заре XX в. с большим трудом.

В знак протеста против роспуска Думы около двухсот депутатов во главе с С.А. Муромцевым собрались в Выборге, где подготовили воззвание «Народу от народных представителей», в котором призвали население к гражданскому неповиновению — отказу от уплаты налогов и от призыва на военную службу до созыва нового всероссийского представительного учреждения²⁷. Наряду с другими поста-

---

²⁶ *Кизеветтер А.А.* Сергей Андреевич Муромцев. Председатель Первой Государственной думы. М., 1918. С. 12—13.

²⁷ Политические партии и движения России: Документы и материалы. М., 2001. Т. 1. С. 26.

вил свою подпись под документом и С.А. Муромцев — человек глубоко порядочный и честный, поборник права и парламентаризма, внутренне, возможно, и не вполне согласный с такой формой протеста. Вскоре власти привлекли к судебной ответственности бывших думских депутатов, подписавших Выборгское воззвание, так и не получившего ожидавшейся широкой поддержки населения. Их лишили избирательных прав и права быть избранными в Государственную думу.

Но Муромцев, не сломленный духовно, продолжал жить с верой в лучшее для страны будущее, занимаясь подготовкой Наказа для будущей Думы. Утешение он находил в изречении из библейской притчи, ставшем его своеобразным жизненным девизом: «Сторож, скоро ли рассвет? Еще темно, но день уже близок...»²⁸. Достоиншим было его поведение и во время суда над депутатами I Государственной думы 12—18 декабря 1907 г. в Петербурге, и в период трехмесячного пребывания в Таганской тюрьме в Москве²⁹. Правда, здоровье Сергея Андреевича после всех сложных перипетий научной и общественно-политической деятельности оказалось резко подорванным. Тем не менее он продолжал напряженно работать: и в роли адвоката, и в качестве профессора по кафедре гражданского права Московского университета, и как преподаватель на Высших женских юридических курсах, в Коммерческом институте, а с 1 октября 1908 г. входил в число лекторов «первого призыва» Народного университета им. А.Л. Шанявского. В судьбе Народного университета Муромцев сыграл важную роль как преподаватель, но прежде всего как юрист и член попечительского совета в процессе становления этого нового типа вуза в России. Он участвовал в подготовке Положения об университете им. А.Л. Шанявского, прошедшего думское обсуждение с незначительными поправками. Ему довелось участвовать и в разработке Устава «Общества для усиления средств Городского университета», и в деятельности академического совета по разработке учебных планов этого вуза³⁰.

В 1908 г. вышла книга С.А. Муромцева «Основы гражданского права. Человек и общество», а через два года — его «Статьи и речи» в пяти выпусках (последние два выпуска уже после кончины автора, успевшего подготовить их к печати).

---

²⁸ Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910. С. 49, 91.

²⁹ См.: Суд над первой Государственной думой 12—18 декабря 1907 г. СПб., 1908; *Обнинский В.П.* 90 дней в тюремном заключении. Тюремные заметки. М., 1917.

³⁰ *Шаховской Д.* Из последних лет жизни // Сергей Андреевич Муромцев. С. 377; Речь. 1908. 6 декабря.

Вот далеко не полный перечень дополнительных обязанностей Сергея Андреевича уже в достаточно пожилом возрасте: председатель суда чести при Обществе деятелей периодической печати и литературы, член редакции Энциклопедического словаря братьев Гранат, один из организаторов Общества мира в Москве, член Общества народных университетов.

В сентябре 1910 г. Сергей Андреевич отметил свое шестидесятилетие и, хотя летом в связи с ухудшением здоровья пришлось обращаться к врачам, юбиляр был переполнен жизненными планами: готовил проекты законов для будущей, либеральной по составу думы; задумывал новый курс лекций, новые научные работы³¹. Но этим планам не суждено было осуществиться. В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. Сергей Андреевич скончался от сердечного приступа.

Весть о смерти С.А. Муромцева разнеслась по всей России от Петербурга до Владивостока. Скорбные некрологи напечатали многие русские и зарубежные органы прессы. Похороны председателя I Государственной думы 7 октября 1910 г. надолго запомнились москвичам. В течение нескольких часов по центральным улицам и площадям первопрестольной к Донскому монастырю двигалась огромная траурная процессия. Такой массовой манифестации Москва не знала, пожалуй, со времен первой русской революции³². Десятки колесниц везли венки с траурными лентами. В центре не работали магазины, учебные заведения. Так провожали в последний путь благороднейшего человека, отдавая дань глубокого уважения его памяти. Имя Сергея Андреевича Муромцева знала тогда вся просвещенная Россия.

Траурная церемония на Донском кладбище продолжалась до позднего вечера. Выступавшие говорили об удивительной целостности личности Сергея Андреевича, о верности его идеалам свободы, о том, что имя Муромцева навсегда останется символом российского парламентаризма.

---

³¹ *Винавер М. М.* Указ соч. С. 59—60.

³² См.: Венки на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1910.

А.М. КУЛЕГИН

**От царского губернатора до советского служащего.
Судьба депутата I Государственной думы князя С.Д. Урусова**

Судьба князя Сергея Дмитриевича Урусова (1862—1937), депутата I Государственной думы от Калужской губернии, примечательна во многих отношениях: в течение жизни он был успешным государственным чиновником, популярным общественным деятелем, неплохим публицистом, с успехом занимался сельским хозяйством, являлся видным масоном, после Октября с полной отдачей трудился на новую власть.

Обращение нашего музея к фигуре С.Д. Урусова произошло 20 лет назад, когда ГМПИР создавал свою первую выставку, посвященную истории отечественного парламентаризма, называвшуюся «Государственная дума вчера. А сегодня?»¹. Именно тогда, зимой 1993—1994 гг., сотрудники музея, работавшие над этой выставкой, обратились через средства массовой информации ко всем, располагавшим материалами о депутатах-перводумцах. К нашей радости на обращение откликнулась жившая в Москве внучка Сергея Дмитриевича Урусова Е.А. Фадеева. От нее сотрудники музея в 1994 г. получили целый комплекс материалов князя С.Д. Урусова: личные вещи бытового характера, документы и, главное, уникальный экспонат — роскошную папку для бумаг².

Сегодня личная жизнь и общественная деятельность С.Д. Урусова получила достаточное освещение в источниках и научной литературе³, в журнальных публикациях увидели свет фрагменты его мему-

¹ См. подроб. об экспозиционных проектах ГМПИР, посвященных истории российского парламентаризма: *Калмыков А.Г.* Научное и экспозиционное освоение думской коллекции Государственного музея политической истории России в 1991—2006 гг. // *Парламентаризм в России: проблемы и перспективы: Сб. статей / Под ред. М.В. Ходякова.* СПб., 2006. С. 347—358.

² ГМПИР. Ф. I-7235; История российского парламентаризма. Коллекция Государственного музея политической истории России. Иллюстрированный путеводитель. СПб., 2006. С. 32, 64; Папка для бумаг, подаренная губернатору Бессарабии, князю С.Д. Урусову сотрудниками его канцелярии. Кишинев. 1904 г. // «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!». 100-летие коллекции Государственного музея политической истории России. 1907—2007. СПб., 2007. С. 82—84.

³ *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009; Урусов Сергей Дмитриевич // *Миндлин А.Б.* Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762—1917 годы: справочник персоналий. СПб., 2007. С. 333—339; *Хайлова Н.Б.*

аров⁴, поэтому ограничимся лишь тезисным освещением биографии князя, сосредоточив главное внимание на деятельности Сергея Дмитриевича непосредственно в качестве депутата I Государственной думы и, прежде всего, на его нашумевшем выступлении с думской трибуны 8 июня 1906 г.

Княжеский род Урусовых, к которому принадлежал С.Д. Урусов, восходил к любимому военачальнику Тамерлана Едигею Мангиту, потомок которого в шестом колене Урус-мурза, князь Ногайский, присягнул в 1580 г. на верность Ивану Грозному и стал родоначальником российских князей Урусовых. К XVIII веку род Урусовых уже входил в число 16 знатнейших фамилий России⁵.

Сергей Дмитриевич родился 7 марта 1862 г. в селе Спасское Ярославской губернии, получил высшее историческое образование в Московском университете, женился на Софье Владимировне Лавровой — двоюродной внучке П.Л. Лаврова, одного из идеологов народничества, и переехал жить в ее калужское имение Росва. Там он начал свое общественное служение и в течение десяти лет избирался уездным предводителем дворянства, председателем съезда мировых судей и председателем Калужской губернской земской управы.

Много сил затратил он на упорядочение финансов земства, борьбу с голодом, холерой в 1890—1892 гг. Позднее земская деятельность весьма пригодилась Урусову, в частности в период работы Тверским губернатором в 1904—1905 гг.

---

1) Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» и «защитника угнетенных при царизме» до «контрреволюционера» и «образца советского работника» // Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.: сб. статей / под ред. Д.Б. Павлова. М., 2010. С. 258—319; 2) Сергей Дмитриевич Урусов: «Реформировать власть, не прибегая к мерам революционного характера...» // Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 484—496; 3) Урусов Сергей Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 639—640; и др.

⁴ Урусов С.Д. «И вот, вдали оказался красавец Ярославль» (из воспоминаний) // Ярославская старина, 1997, № 4. С. 42—64; «Не переоцените моих сил и способностей»: из воспоминаний князя С.Д. Урусова о 1905 г. // Исторический архив. М., 2004. № 1. С. 120—132; Урусов С.Д. О русских монастырях (Беседа в тюрьме в 1919 году) // Историк и художник. М., 2005. № 3(5). С. 158—164.

⁵ См. подробн. об истории рода князей Урусовых: *Нарбут А.Н.* Князья Урусовы. Родословные росписи. М., 1994. Вып. 2; Эда Урусова — актриса из княжеского рода / Автор-составитель Ю.М. Унковский. Владимир, 2007. С. 203—209.

Начало карьеры С.Д. Урусова как государственного чиновника пришлось на лето 1902 г. Ее предопределили две достаточно случайные встречи с всесильным министром внутренних дел В.К. Плеве⁶. После беседы за чаем на его министерской даче князь получил назначение вице-губернатором в Тамбов. Очевидно, Плеве по достоинству оценил деловые качества Сергея Дмитриевича, потому что спустя всего семь месяцев Урусов неожиданно, без предварительного уведомления получил от главы МВД телеграмму о своем назначении губернатором Бессарабии. Это произошло в конце мая 1903 г. после кровавого еврейского погрома в Кишиневе. Тогда было разгромлено свыше полутора тысяч еврейских домов и лавок, 49 человек убито, 586 ранено⁷.

Правительство хотело, чтобы он водворил порядок «средствами курьезными, без репрессий, без военного положения, усиленной и чрезвычайной охраны»⁸. Заключительные слова Плеве, сказанные Урусову при прощании, «были буквально следующие: «Я вам не даю ни советов, ни указаний. Вы совершенно самостоятельны, но за то и ответственны... Поступайте, как знаете, лишь бы результаты получились хорошие. Одно скажу вам на прощание: пожалуйста, поменьше речей и поменьше сентиментального юдофильства». «Я не раз потом вспоминал об этой заключительной фразе прославленного чтеца людских сердец, каким многие считали Плеве, — писал позднее в своих знаменитых «Записках губернатора» С.Д. Урусов. — Действительно, он показал в этом случае свою проницательность: мне пришлось в Кишиневе говорить немало речей, и я уехал оттуда с прочной репутацией юдофила...»⁹.

Перед отъездом из Петербурга Урусов получил аудиенцию у императора. Свои впечатления от этой и последующих встреч с Николаем II Сергей Дмитриевич позднее подробно описал в воспоминаниях и отдельном очерке¹⁰.

---

⁶ Хайлова Н.Б. Сергей Дмитриевич Урусов: «Реформировать власть, не прибегая к мерам революционного характера...Российский либерализм: идеи и люди. С. 486.

⁷ Юрьев Б. Кишиневский погром // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 587.

⁸ Цит. по: Миндлин А.Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762—1917 годы: справочник персоналий. С. 333.

⁹ Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903—1904 г. М., 1907. С. 18.

¹⁰ См. также подробн. о встречах Урусова с императором: «Человек ли царь?» Воспоминания кн. С.Д. Урусова «Беседы с Николаем II» // Историк и художник. 2004. № 2. С. 183—188.

Объясняя в воспоминаниях свое решение занять губернаторский пост, Урусов писал: «Мне показалось заманчивым... разыграть роль губернатора независимого,... не оглядывающегося при каждом своем действии на питерские канцелярии, но действующего, руководствуясь законами по собственному разумению, в интересах вверенной его надзору губернии»¹¹.

Новый губернатор внес успокоение среди кишиневских евреев, принял решение о выводе войск из города, разрешил захоронить оскверненные погромщиками списки Торы, спустя год сумел предотвратить повторение погрома на Пасху 1904 г.¹² Всеми этими шагами он разрядил напряженную обстановку и заслужил благодарность еврейского населения Кишинева. Эффективность проводимых им мер разумных компромиссов так впечатлили румынского короля Карла I, что он наградил его орденом Румынской Короны 1-й степени¹³.

Вскоре служебная карьера Урусова сделала новый виток. В ноябре 1904 г. он был переведен на должность губернатора в Тверь. Обожавшие Сергея Дмитриевича сотрудники его кишиневской канцелярии подарили ему при расставании хранящуюся ныне в музее роскошную папку для бумаг, на кожаной обложке которой были укреплены их подписи, отлитые из серебра, обрамлявшие княжескую корону. Очевидно, в ней хранился приветственный адрес в его честь. Об этих знаках внимания Урусов так писал в заключительной главе «Записок губернатора»: «Все сослуживцы, все кишиневское общество выказали мне и семье моей самые трогательные знаки внимания. Прекрасные, тепло составленные адреса, которые я получил и храню, радушно хлебосольство, которым нас проводили, всегда будут мне памятны, а сохранившиеся до сего времени неизменными дружеские связи с некоторыми бессарабскими семьями дают мне повод окончить свои воспоминания о Бессарабии мысленным приветом по их адресу»¹⁴.

Эта папка, а также часы, столовые приборы и другие вещи Урусова неизменно входили с 1996 года в состав шести выставок ГМПИР, посвященных истории Государственной думы.

---

¹¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 319.

¹² Хайлова Н.Б. Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» до «образца советского работника» // Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 8.

¹³ См.: Хайлова Н.Б. Сергей Дмитриевич Урусов: «Реформировать власть, не прибегая к мерам революционного характера...» // Российский либерализм: идеи и люди. С. 487.

¹⁴ Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903—1904 г. С. 376—377.

Но в Бессарабии он приобрел не только множество друзей, но и нажил немало врагов среди местных правых радикалов. Одним из них стал журналист и издатель газеты «Бессарабец» П.А. Крушеван, об антиурусовском памфлете которого мы еще скажем ниже.

3 декабря 1904 г. император Николай II вновь принял С.Д. Урусова перед тем, как подписать свой Указ от 12 декабря 1904 г., где делался целый ряд уступок либеральной общественности.

Тверским губернатором Сергей Дмитриевич пробыл всего девять месяцев, являя в глазах гласных Тверской городской думы пример «образцового губернатора, сторонника городского и земского самоуправления и всякого рода общественной инициативы». Однако когда в мае 1905 г. такая весьма одиозная в демократических кругах личность, как Д.Ф. Трепов получил при назначении товарищем министра внутренних дел по сути диктаторские полномочия, в частности в отношении органов местного самоуправления, Урусов подал в отставку с губернаторского поста.

В ответ на изъявления благодарности со стороны земства он писал: «В администраторе, наделенном властью от центральных ведомств, Вы узнали старого слугу местных общественных интересов, бывшего председателя губернской земской управы..., человека любящего земство, верящего в его силу, в его достоинство и в его будущее с твердым убеждением, что дружная работа общественных сил поможет нашей стране выйти из всех затруднений и стать на твердый путь государственных усовершенствований»¹⁵.

По решению городской думы его именем был даже назван один из центральных скверов Твери¹⁶.

После Манифеста 17 октября в России впервые было создан объединенный Совет министров во главе с С.Ю. Витте, и С.Д. Урусов 30 октября 1905 г. принял назначение на пост товарища министра внутренних дел. На Урусова возложили заведование Статистическим комитетом, Медицинским и Ветеринарным управлениями, департаментами общих дел (но без личного состава) и духовных дел. Он также ведал канцелярией Министерства по делам дворянства и другими подразделениями¹⁷.

Главным же было поручение разработать новое положение о губернском, уездном, волостном управлении. Впрочем, его деятельность на новом посту также оказалась скоротечной. Подготовленный Урусовым к началу 1906 г. проект нового положения о местном са-

---

¹⁵ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 545.

¹⁶ Там же. С. 543.

¹⁷ Алешкин А.М., Калмыков А.Г. Думы Таврического дворца: Государственная дума России. 1906—2006. М., 2006. С. 225.

моуправлении, знатоком которого он по праву считал себя, не получил одобрения министра внутренних дел П.Н. Дурново. В марте 1906 г. князь вышел в отставку, отказался от назначенной ему пенсии и включился в избирательную кампанию в I Государственную думу.

В марте 1906 г. на выборах в I Государственную думу в Калужской губернии из пяти избранных депутатов с наибольшим преимуществом победил независимый кандидат, отставной товарищ министра внутренних дел, князь С.Д. Урусов. За Урусова в губернском избирательном собрании проголосовало преобладающее большинство выборщиков (50 голосов из 67), «главным образом потому, — объяснял свой успех позднее Урусов, — что выборщики от крестьян единодушно голосовали за меня»¹⁸. Видимо, у них еще сохранялась в памяти его эффективная деятельность в земских учреждениях губернии. Но главным, вероятно, было общее ощущение, что в Думу Урусов идет не ради карьерных выгод, а руководствуясь стремлением к тому, чтобы «личные интересы и классовая борьба уступили бы место идее народного и государственного права», — как заявлял он в своей думской речи 8 июня 1906 года¹⁹.

В Думе Урусов примкнул к немногочисленной партии демократических реформ, неформальным лидером которой был известный социолог, историк и правовед М.М. Ковалевский²⁰. Князь вошел в состав аграрной комиссии и комиссии по разработке законов о гражданском равенстве, на заседаниях которой особое внимание уделялось «польскому» и «еврейскому» вопросам. Кроме того, комиссия намеревалась заняться вопросом о ликвидации сословных ограничений и привилегий²¹.

Депутат С.Д. Урусов выступил с думской трибуны всего один раз — 8 июня 1906 г., но его речь произвела буквально эффект разорвавшейся бомбы.

Возмущенные появившимися сведениями о печатании в Департаменте полиции погромных воззваний, члены I Государственной думы 8 мая 1906 г. приняли срочное заявление о запросе министру внутренних дел по поводу указанного факта. 8 июня новый глава МВД П.А. Столыпин, отвечая на запрос, заявил, что Департамент поли-

---

¹⁸ *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 611.

¹⁹ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. II. С. 1132.

²⁰ *Алешкин А.М., Калмыков А.Г.* Думы Таврического дворца: Государственная дума России. 1906—2006. М., 2006. С. 225.

²¹ *Хайлова Н.Б.* Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» до «образца советского работника» // *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 9.

ции «не оборудовал преступной типографии» и свел дело к «неправильным» поступкам отдельных лиц, действовавших только по собственной инициативе. Столыпин в заключение заверил депутатов, что «министерство обязывается принимать самые энергичные меры» к тому, чтобы подобные действия не повторялись, «и я могу ручаться, что повторения их не будет»²².

После министра первым выступил Урусов, начавший с того, что сообщение о тайной типографии важно для будущего, так как опасность еврейских погромов осталась. Выразив уверенность в искренности Столыпина, Урусов указал на возможность погромов «вне зависимости от отношения к ним того или иного министра внутренних дел». Урусов подробно остановился на процессе подготовки погромов в различных местностях, который проходил везде одинаково. «Группа лиц, составляющих как бы дружину одного из наших самых патриотических собраний (Союза русского народа. — А.К.), задумала борьбу с революцией», — продолжал Урусов. Далее он говорил, что причину «крамолы» они видели в инородцах: поляках, армянах и обитателях черты еврейской оседлости. Повсеместно развозили сотни тысяч экземпляров воззваний, призывавших к борьбе с перечисленными группами инородцев, особенно евреями, а также — к самосуду. Негласные подстрекательства, прокламации и деньги для погромщиков распространялись через цепочки единомышленников, в том числе жандармов, чаще всего служащих охранных отделений. О погромщиках Урусов заметил, что «они действуют в сознании какого-то права, в сознании какой-то безнаказанности». Но как только такое сознание будет в них поколеблено, «погром прекращается необыкновенно быстро и легко».

Из сказанного Урусов сделал вывод, что «никакое министерство, будь даже оно взято из состава Государственной думы, не сможет обеспечить порядок и спокойствие», пока «темные силы, стоящие за недостижимой оградой, будут иметь возможность грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изощрять свое политическое невежество опытами над живыми людьми...»²³.

Сергей Дмитриевич закончил свою речь фразой, мгновенно ставшей знаменитой. Всевозможные издания в 1906 году цитировали ее по-разному²⁴. Вот как она звучит в тексте думской стенограммы: «...эта

---

²² Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Т. II. С. 1127.

²³ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 670.

²⁴ См., напр.: Погромы и погромщики. 1. О черной сотне. 2. В Государственной думе: речи мин. внутр. дел Столыпина и чл. Думы, кн. Урусова. Н. Новгород, 1906. С. 30.

опасность (для мирного развития государственной жизни. — А.К.), смею сказать, не исчезнет, пока на дела управления, а, следовательно, на судьбы страны будут оказывать влияние люди, по воспитанию вахмистры и городовые, а по убеждению погромщики»²⁵.

Эта фраза потонула в «громе несмолкаемых аплодисментов» всего зала заседаний. «Более тяжкого поражения, чем эта речь, старый режим еще не понес...», — писала газета «Биржевые ведомости», — ... г. Столыпин слушал речь Урусова с глубоким смущением...»²⁶.

Свидетельством широкой известности выступления С.Д. Урусова является также хранящаяся в фондах ГМПИР рисованная открытка, на которой изображены вдохновители «темных сил» на фоне их жертв и приведены заключительные слова из речи депутата²⁷.

Как признавался позже Сергей Дмитриевич, последствия этой речи он ощущал до конца жизни то в виде «незаслуженных лавров», то в виде «несправедливых укоров» в собственный адрес. При этом Урусов подчеркивал, что, по сути, в его словах не содержалось никаких разоблачений, так как «всем все было известно», и факты, содержащиеся в запросе Думы, Столыпин публично признал. К самому Столыпину, как писал позднее Урусов, он относился тогда «вполне доброжелательно и не намерен был с ним полемизировать, а хотел только исправить его точку зрения, изложив те же обстоятельства так, как я их понимал»²⁸.

Примечательно, что спустя годы Сергей Дмитриевич сожалел о том, что под воздействием эмоций, нахлынувших на него в зале думских заседаний, он «сказал несколько лишних слов, от которых с удовольствием бы отказался» — в частности, от «грубой» фразы о вахмистре и городовом (под первым подразумевался великий князь Николай Николаевич, а под вторым — Трепов)²⁹.

Реакцией значительной части депутатов на роспуск I Думы стало подписание так называемого «Выборгского воззвания» к населению с призывом к гражданскому неповиновению. В фондах ГМПИР хранится несколько различных листовочных изданий этого документа³⁰. Сам же Урусов, находясь в полном неведении относительно выборгских событий, совершал в тот момент морскую прогулку в окрестностях Гельсингфорса в обществе депутата-калужанина, своего давне-

²⁵ Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Т. II. С. 1132.

²⁶ Цит. по: Биржевые ведомости. 1906. 13 июня. (утр. вып.).

²⁷ ГМПИР. Ф. V-13976.

²⁸ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 665.

²⁹ Там же.

³⁰ ГМПИР. Ф. II-476, 4550, 17993.

го хорошего знакомого В.П. Обнинского. Князь оценил воззвание как «наскоро слаженный компромисс между конституционными и революционными партиями» и явный отход депутатов от принципов легальной деятельности. «Я, вероятно, воздержался бы от подписи под воззванием, если бы присутствовал при его составлении», — утверждал он. Однако собственное положение после опубликования воззвания «Народу от народных представителей» Урусов оценивал как двусмысленное: «Отсутствие моей подписи можно было бы впоследствии понимать двояко: как пропуск, вызванный ... моим случайным отсутствием; или же, как доказательство моего несочувствия воззванию». После непродолжительных раздумий Урусов попросил присоединить и его фамилию к прочим подписям, объяснив, что поступает в данном случае «по старинному правилу», усвоенному им еще в гимназии, «запрещающему обособляться и уклоняться от ответственности за поступки, совершенные товарищеской массой»³¹.

Следствием этого шага стало трехмесячное заключение Урусова вместе с другими «подписантами» в московской Таганской тюрьме с 13 мая по 11 августа 1908 г. и отстранение его по решению суда от государственной и общественной службы.

С.Д. Урусов публикует свои знаменитые «Записки губернатора»³², которые были переведены на 6 европейских языков. 50-тысячный тираж «Записок» быстро разошелся в России, хотя сам автор самокритично считал их книгой, «пригодной лишь для легкого чтения между делом или в вагоне»³³. В «Записках» автор красноречиво отобразил нравы русской бюрократии и провинциальный быт. Там также достаточно взвешенно и непредвзято проанализировано положение евреев в Бессарабии и России в целом. О взглядах Урусова на проблему, в частности, говорят следующие строки: «...законодательное признание еврейского равноправия меня несколько не страшит. ... Я убежден, что русский народ не потеряет при этом ни своих материальных благ, ни своего духовного богатства»³⁴.

В эти же годы Урусов выступил как яркий публицист. Под прозрачным псевдонимом «Князь У...» он публикует за границей ряд антимонархических произведений³⁵. Так, в книге «Император Нико-

---

³¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 619—620.

³² Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903—1904 г. М., 1907.

³³ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 35.

³⁴ Урусов С.Д. Записки губернатора. Кишинев 1903—1904 г. М., 1907. С. 354; Урусов С.Д. В тисках законов. М., 1907. С. 38.

³⁵ Князь У... [Урусов С.Д.] Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя. Изд. 2-е. Лондон, 1909; Урусов С.Д. Русские портреты

лай II. Жизнь и деяния венценосного царя» он писал: «Самодержавие — в предсмертной агонии. Николай II...хочет умереть венценосным царем. Но нам думается, что с ним вместе умрет и венценосное царство произвола. Будет на Руси скоро новое царство: царство законности и свободы!»³⁶.

Правая печать подвергала Урусова яростным нападкам. Один из таких антиурусовских памфлетов, принадлежавший перу уже упоминавшегося П.А. Крушевана, удалось обнаружить в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Автор не жалеет хлестких уничижительных эпитетов для характеристики князя: тот и «герой-плут», и «еврейский божок», и «гибкая, ловко приспособливающаяся и изворотливая...посредственность»³⁷. Крушеван излагает свою версию «карьерной скачки» князя Урусова. «В бытность его бессарабским губернатором...не стеснялся прославлять евреев в синагоге, где прошался с ними перед выездом из Кишинева», затем «Урусов был переведен губернатором в Тверь... Затем был уволен... Затем в эпоху Виттовой пляски — опять вскочил на карьерные салазки...И очутился в амплу товарища министра... но спустя три месяца снова полетел кувырком. Нырнул... Вынырнул членом Государственной думы. Кадетом, врагом и обвинителем того самого министерства, рулем которого руководил накануне и про которое выдумал феноменальную ложь, заявил, что служащие в министерстве принимают заказы на погромы — «и на 10 евреев и на 10 000 евреев»³⁸. Конечно, не мог обойти Крушеван и «выборгский эпизод» в биографии князя: «Думу распустили... Урусов снова нырнул... И вынырнул всего лишь бывшим членом Думы, но при выборгском кренделе»³⁹.

Еще раз С.Д. Урусов вернулся к государственной деятельности в 1917 г. в качестве товарища министра внутренних дел в первом составе Временного правительства. Написанный им проект «Положения о милиции» был утвержден правительством и опубликован⁴⁰. Разочаровавшись в деятельности Временного правительства, Урусов в конце июня 1917 г. уходит в отставку, вновь уезжает в Калугу, где его и застает Октябрьский переворот.

(царей, великих и малых князей, княгинь, баронов, графов, графинь, вельмож и прочих знаменитостей русской истории). Лондон, 1909; *Он же*. Царские амуры. Лондон, 1909.

³⁶ *Князь У... [Урусов С.Д.] Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя*. Изд. 2-е. Лондон, 1909. С. 231.

³⁷ *Крушеван П.А.* Флик и Флок. Два портретика из галереи освобожденного канальства // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Ед. хр. 554. С. 1—3.

³⁸ Там же. С. 2, 3.

³⁹ Там же. С. 3.

⁴⁰ Временное положение о милиции // Вестник Временного правительства. 1917. 20 апреля.

Установление советской власти Урусов воспринял как грандиозный исторический эксперимент, результаты которого будут иметь огромное значение не только для России, но и для всего человечества. И Урусов старался честно работать в новых учреждениях, прилагая весь свой огромный административный и хозяйственный опыт.

Однако мирно вписаться в новую жизнь князю не удалось. Большевистская власть лишила Урусова всех гражданских прав на том основании, что в 1903—1904 гг. он занимал должность губернатора. В ноябре 1917 г. Урусовы как бывшие помещики утратили право собственности на имение Расва.

В 1918—1919 гг. С.Д. Урусов неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению⁴¹. В феврале 1920 г. его вновь арестовывают по делу так называемого «Тактического центра», но в мае князя освобождают, а в августе 1920 г. по решению Ревтрибунала ВЦИК Урусов был полностью оправдан⁴².

Богатый опыт и неизменное желание Урусова быть полезным своей стране сделали его особенно востребованными с началом НЭПа. С 1 ноября 1921 г. до 1 марта 1925 г. Сергей Дмитриевич работал управляющим делами (с 1 октября 1924 г. — зав. общим отделом) Особой комиссии при Президиуме ВСНХ по исследованию Курских магнитных аномалий (ОККМА) под председательством И.М. Губкина⁴³.

В фондах ГМПИР хранится удостоверение, выданное этой комиссией С.Д. Урусову, в том, что Постановлением ВЦИК от 10 мая 1923 г. коллектив работников Особой комиссии награжден орденом Трудового Красного Знамени, «как признание их заслуг перед трудящимися и революцией». В удостоверении говорилось, «что на него, как на лицо, состоящее в коллективе работников ОККМА, распространяется действие Постановления ВЦИК»⁴⁴.

В 1929 г., после восстановления в гражданских правах Урусов обратился в органы социального обеспечения с просьбой о назначе-

---

⁴¹ См. подробн.: *Хайлова Н.Б.* Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» и «защитника угнетенных при царизме» до «контрреволюционера» и «образца советского работника» // *Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.: сб. статей / Под ред. Д.Б. Павлова.* М., 2010. С. 289—296.

⁴² *Хайлова Н.Б.* Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» и «защитника угнетенных при царизме» до «контрреволюционера» и «образца советского работника» // *Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.* С. 309.

⁴³ *Серков А.И.* Русское масонство. 1731—2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 824.

⁴⁴ ГМПИР. Ф. II-49711.

нии пенсии, но получил отказ из-за того, что «до революции был князем»⁴⁵. В декабре 1932 г. с ходатайством о назначении Урусову пенсии выступило Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которое особенно высоко ценило его прошлую деятельность «в разоблачении погромной политики царизма»⁴⁶. Из бывших политкаторжан Сергея Дмитриевича поддержали многие, в том числе В.Н. Фигнер, которая написала: «Гражданин Урусов так известен, что моя поддержка ходатайства о персональной пенсии излишня. Все члены Общества политкаторжан знают его заслуги во времена царизма»⁴⁷.

Однако, по словам дочери Урусова, лишь благодаря вмешательству коллег из Госбанка отцу «была назначена по тому времени большая пенсия в полном размере его зарплаты...»⁴⁸

Несмотря на преклонный возраст, все это время Сергей Дмитриевич продолжал трудиться. В 1931—1932 гг. он работал экономистом в финансовом подразделении Всесоюзного треста племенного и молочного скотоводства, в 1933 г. — в планово-финансовом секторе треста «Совхоззапчасть» Наркомсовхозов, в последние годы жизни был сотрудником библиотеки Союза писателей. Сослуживцы характеризовали его как «человека исключительной добросовестности, отдающего делу все свои знания и силы», который «может служить образцом советского работника»⁴⁹.

С.Д. Урусов не прекращал работать до последних дней жизни. Он умер в Москве 5 сентября 1937 г. от тяжелой формы астмы. Его могила на Даниловском кладбище Москвы не сохранилась⁵⁰.

---

⁴⁵ Алешкин А.М., Калмыков А.Г. Думы Таврического дворца: Государственная дума России. 1906—2006. М., 2006. С. 227.

⁴⁶ Хайлова Н.Б. Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» до «образца советского работника» // Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 23.

⁴⁷ Там же. Примечание 48.

⁴⁸ Цит. по: Хайлова Н.Б. Князь Сергей Дмитриевич Урусов: от «образцового губернатора» до «образца советского работника» // Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 23.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Хайлова Н.Б. Сергей Дмитриевич Урусов: «Реформировать власть, не прибегая к мерам революционного характера...» // Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 496.

Л.Э. СУТЯГИНА

**Думские впечатления. Деятельность С.Н. Булгакова
во II Государственной думе**

«...Величайшее несчастье русской политической жизни, что в ней нет и не может образоваться подлинного («английского») консерватизма <...>еще незрела наша политическая культура, которая предъявляет спрос только или на сервильность, или на «левизну» безответственной оппозиции, или слепой революционизм».

С.Н. Булгаков¹.

Творчество Сергея Николаевича Булгакова (1871—1944) выпало на тяжелые годы испытаний в России. Что привело выдающегося русского религиозного философа во II Государственную думу Российской империи? Булгаков шел в Думу как сторонник идей христианского социализма и известный общественный деятель, искавший единомышленников в работе Думы по стабилизации политической обстановки в России.

Прежде чем осветить деятельность С.Н. Булгакова в работе II Государственной думы, следует остановить наше внимание на основных этапах формирования философских, политических и общественных взглядов и убеждений С.Н. Булгакова. Будучи профессиональным экономистом, в начале своей научной деятельности Булгаков стоял на позициях легального марксизма. Он был знаком со многими видными представителями отечественной и зарубежной социал-демократии (Г.В. Плеханов, К. Каутский, А. Бебель, В. Адлер), но практического участия в социал-демократическом движении почти не принимал.

Изучая фундаментальные основы политической экономии марксизма, Булгаков в результате своих исследований пришел к отрицанию универсальности закона концентрации производства и тождественности развития промышленности и земледелия; к отрицанию положения о превосходстве крупного производства над мелким в земледелии. Это, в свою очередь, привело Булгакова к разочарованию в теоретических основах учения К. Маркса. Философское твор-

---

¹ Булгаков С.Н. На выборах // Булгаков С., прот. Из памяти сердца. Орел, 2001. С. 36.

чество И. Канта, христианские этические идеи Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, встречи с Л.Н. Толстым, глубоко духовное, христианское воспитание в семье, сыграли важную роль в возврате С.Н. Булгакова к религиозным идеям. Легальный марксизм стал той платформой, на которой сформировались либерально-идеалистические взгляды С.Н. Булгакова.

Для С.Н. Булгакова идеалы социальной справедливости и общественного прогресса, свободы, равенства, политического либерализма и социальной демократии не были монополией марксизма или какой-нибудь другой доктрины, но вытекали и обосновывались из основных принципов философского идеализма.

Проблема российского общества начала XX века заключалась в том, что многие представители его образованных слоев предчувствовали надвигающуюся трагедию, но не было внутренней единой нити, которая связала бы и примирила разные точки зрения ради спасения страны.

Революция 1905—1907 годов окончательно развеяла для Булгакова марксистские утопии. Он полностью пересматривает свое мировоззрение. Одной из важнейших тем в его творчестве становится проблема соотношения политики и нравственности. Первой попыткой С.Н. Булгакова оказать влияние на политическую жизнь страны, соединить практическую политику с духовными нравственными идеалами стал проект создания в России христианской социалистической партии «Союза христианской политики» (1905—1906). Об этом Булгаков писал в статье «Неотложная задача» на страницах журнала «Вопросы жизни» 1905 году. В качестве основы политического устройства страны С.Н. Булгаков рассматривал по-христиански понятый западный правовой либерализм, был сторонником принципа разделения властей, выступал за развитие системы широкого местного самоуправления².

«Союз христианской политики» должен был стать универсальным всенародным политическим объединением. Но создать христианскую социалистическую партию С.Н. Булгакову не удалось по ряду причин: Булгаков не сумел найти среди интеллигенции и среди духовенства достаточно сторонников, готовых воплотить идеи «христианской политики»; к повседневной организационной работе по созданию политической партии С.Н. Булгаков и его единомышленники оказались не готовы. П.Б. Струве по этому поводу заметил: «...стремления связать политику с церковной религиозностью могут на практи-

---

² Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 25—60.

ке оказаться либо бесплодными, либо крайне опасными»³. Несмотря на неудачную попытку создания собственной партии, Булгаков не отказался от участия в политической жизни страны. Работу в Государственной думе он воспринял как возможность оказать влияние на политическую ситуацию в России, воплотить идеи «христианского социализма» на практике.

В Государственную думу второго созыва (1907 г.) С.Н. Булгаков избирался от общего состава выборщиков Орловского губернского избирательного собрания⁴ в качестве беспартийного депутата, в то же время при обсуждении основных вопросов в Думе он часто выступал совместно с кадетами. В еженедельнике «Век» в статье «Необходимые разъяснения»⁵ Булгаков писал о том, что он не принадлежит к кадетской фракции и входит в Думу как «христианский социалист».

В Думе Булгаков искал единомышленников-консерваторов на «английский манер», пытаясь таким образом хоть как-то отвлечь Россию от пропасти. К кадетам он примкнул как представитель «культурного консерватизма», так как не мог идти ни с красными, ни с черной сотней. Но и кадетизм, по его мысли, был поражен духом нигилизма и беспочвенности, но на фоне «уличной рвани» большинства в Государственной думе «деловые работники ведомств» представлялись «знающими, государственными, деятельными»⁶.

С.Н. Булгаков был активным и деятельным депутатом: председательствовал в 9-м отделе Думы; участвовал в работе четырех думских комиссий — бюджетной, аграрной, о свободе совести, по церковным вопросам⁷. Он активно выступал на заседаниях по важным и наиболее болезненным вопросам российской действительности; публиковал в печати свои впечатления и заметки о деятельности Думы в еженедельнике «Век».

7 марта 1907 г. в Думе развернулась дискуссия по вопросу о помощи голодающим. С.Н. Булгаков выступил на заседании с предложением к депутатам «мыслить более конкретно по поводу помощи голодному народу»⁸. На последующих заседаниях 10 и 15 марта 1907 г.

³ Струве П.Б. Несколько слов по поводу статьи С.Н. Булгакова // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 317.

⁴ Аронов Д.В. Булгаков Сергей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 71.

⁵ Булгаков С.Н. Необходимые разъяснения // Век. 1907. № 5. С. 58—59.

⁶ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Орел, 1998. С. 50—51.

⁷ Аронов Д.В. Булгаков Сергей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 71.

⁸ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I. Стб. 200—210.

снова на повестке дня встал вопрос о помощи голодающим и безработным. По мнению Булгакова, если будет создана отдельная комиссия помощи голодающим, то она во многом будет дублировать деятельность уже существующих финансовой и продовольственной комиссий. Прежде чем создавать новую комиссию, считал он, надо четко определить ее задачи и функции⁹. Депутаты избрали С.Н. Булгакова в продовольственную комиссию. Заметим, что в думской энциклопедии о членстве Булгакова в продовольственной комиссии не сообщается¹⁰.

12 марта 1907 г., понедельник, 3-й пункт повестки дня: «Об отмене военно-полевых судов» (обсуждение заявления 44-х членов Думы). В.М. Пуришкевич считал, что военно-полевая юстиция — вынужденная мера по борьбе с терроризмом¹¹. Думское большинство, за исключением правых, было решительно настроено за досрочную отмену военно-полевой юстиции. С.Н. Булгаков призывал рассматривать данный вопрос с точки зрения судеб Отечества, а не с партийной точки зрения, заявляя: «<...> та пропасть, которая разъединяет Россию, влечет ее в величайшие опасности, если не к гибели»¹². Булгаков, поддавшись душевному порыву, призвал правительство начать совместную работу по решению судеб Отечества, преодолев опасное междоусобие власти и общества, грозившее гибелью России; забыть обиды и пойти на примирение. В своей пламенной речи он говорил: «<...> я вижу перед собою Россию последнего времени, это взбаламученное море, Россию, которая разрушается междоусобной войной, которая не в состоянии разобраться в понятии о добре и зле, которая притупилась в ценности человеческой жизни и высшей норме человеческой жизни, поколебленной в наше время»¹³. По мнению Булгакова, задача Государственной думы состояла в создании правового государства, в котором юридические нормы должны быть совмещены с христианской моралью. Булгаков предлагал прекратить террор как «не правовой», творимый радикалами, так и «правовой», правительственный, существовавший в форме военно-полевой юстиции, полагая такое положение вещей, где «обе стороны ведут между собой борьбу не на жизнь, а на смерть» безнадежным¹⁴. В России, считал Булгаков, право формальное, а не естественное¹⁵.

---

⁹ Там же. Стб. 210.

¹⁰ Аронов Д.В. Булгаков Сергей Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 71.

¹¹ Там же. Стб. 397—401.

¹² Там же.

¹³ Там же. Стб. 397—399.

¹⁴ Там же. Стб. 400.

¹⁵ Там же. Стб. 399.

20 марта 1907 г., после доклада министра финансов В.Н. Кокорцова по бюджету, Булгаков затронул проблему финансовой стратегии государства, выражением которой и является бюджет. Он предложил выяснить более конкретно позицию правительства по дальнейшему развитию народного хозяйства, предложил «поднять народные силы посредством просвещения и поднятия сознательности народных масс»¹⁶. Но уже к концу марта у Булгакова появилось подозрение, что правительство накапливает материал для разгона Государственной думы¹⁷.

В конце апреля 1907 г. на заседаниях Думы в Таврическом дворце начались дебаты по поводу безобразного содержания заключенных в Акатуе. 7 мая Булгаков выразил свою позицию по этому поводу после выступления министра юстиции И.Г. Щегловитова, объяснявшего результаты проверки Акагуя и содержания политических заключенных в Алгачинской тюрьме. По мнению Булгакова, существовало страшное противоречие между законом, позволяющим применять насилие по отношению к заключенным, и невозможностью самого существования такого закона в правовом государстве. С.Н. Булгаков пламенно говорил: «<...> я, господа, пока не буду касаться того, справедливы или не справедливы эти обвинения, но я должен сказать, что я говорю не как человек, сидящий там или здесь, а просто, как русский человек, любящий свою родину и присутствующий при ужасающей экспертизе современного ее состояния»¹⁸.

Постановлением Думы от 20 марта 1907 г. для рассмотрения законопроектов, направленных на осуществление свободы совести, была образована специальная комиссия в составе 33 человек¹⁹. В состав комиссии вошли С.Н. Булгаков, А.И. Парчевский и М.А. Стахович. Председателем комиссии был избран Н.В. Тесленко. Комиссия успела провести 13 заседаний, с 4 апреля по 25 мая, причем на 7 последних заседаниях присутствовал в качестве представителя Министерства внутренних дел директор Департамента духовных дел В.В. Владимиров²⁰.

Один из главных вопросов, который волновал С.Н. Булгакова, был церковный вопрос. Булгаков подвергал резкой критике линию государства по использованию авторитета церкви для освящения необходимых правительству мероприятий, тем более, когда они про-

---

¹⁶ Там же. Стб. 1245—1249.

¹⁷ *Крупнова Т.С.* С.Н. Булгаков во второй Государственной думе // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2008. № 4. С. 48. С. 52.

¹⁸ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Т. I. Стб. 750.

¹⁹ Там же. Стб. 876—887.

²⁰ Там же.

тиворечили основам христианства (военно-полевые суды и смертная казнь). В статье «Церковь и государство» в еженедельнике «Век» Булгаков писал о том, что такая политика поставила церковь «в почти рабскую зависимость... от общих законов государства. Декларативные заявления правительства об особом внимании к Православной церкви и о намерении ее поддерживать и охранять слишком дорого ей обходятся и подрывают ее авторитет»²¹. По мысли Булгакова, назрел вопрос о «мирном размежевании и независимости областей государственной и церковной жизни»²².

В письме к жене, Елене Ивановне, от 3 апреля 1907 г., Булгаков писал о своем намерении «провести через фракцию кадетов предложение об образовании специальной комиссии по церковным вопросам»²³. Думская комиссия о свободе совести не могла разрешить церковные вопросы, поэтому, Булгаков предлагал образовать специальную комиссию по церковным вопросам. Его поддержали 30 членов фракции кадетов. Работа по созданию комиссии началась 15 мая 1907 г. Общим собранием II Государственной думы была организована комиссия по церковному законодательству, в которую вошло 16 человек, а С.Н. Булгаков был избран ее председателем²⁴. Комиссия занималась различными законопроектами, в том числе вопросами религиозных общин старообрядцев и отделившихся от Православия сектантов; инославными и иноверными религиозными обществами; вопросами отношения государства к отдельным вероисповеданиям; вопросами изменения законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое; вопросами, вызываемыми провозглашением высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. свободы совести в области семейного права и т.п.²⁵ Рассматривался и вопрос об отделении Церкви от государства. Однако большинство членов комиссии, не возражая в принципе против отделения Церкви от государства, признало, что этот вопрос не входит в компетенцию комиссии. Но для Булгакова были важны конкретные дела, касающиеся духовно-нравственного обновления религиозного сознания общества.

5 апреля 1907 г. в Государственной думе была выбрана аграрная комиссия, куда были переданы все законопроекты по данному воп-

²¹ Булгаков С.Н. Церковь и государство // Век. 1907. № 1. С. 129—130.

²² Там же.

²³ Крупнова Т.С. С.Н. Булгаков во второй Государственной думе // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2008. № 4. С. 48.

²⁴ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 577.

²⁵ Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. С. 603.

росу. Среди членов этой комиссии был и С.Н. Булгаков²⁶. Обсуждение аграрного вопроса заняло два с половиной месяца. Основные прения развернулись по поводу законопроекта трудовой группы, предлагавшего фактически идею национализации всей земли и ее радикального перераспределения в пользу крестьян. Кадеты предлагали принудительное отчуждение части помещичьих земель за выкуп и передачи их сельским труженикам. В переговорах между П.А. Столыпиным и кадетами участвовал и Булгаков. С.Н. Булгаков предлагал взвешенно и вдумчиво подойти к решению аграрного вопроса, учитывая особенности экономического развития России и специфику крестьянского хозяйства.

Обсуждался и вопрос о создании правоцентристского думского большинства, которое приняло бы предложенную правительством аграрную программу. Убедить кадетов отказаться от идеи принудительного отчуждения помещичьих земель Столыпин не смог. Прения по аграрному вопросу завершились 26 мая 1907г., но решение Думой так и не было принято.

На Булгакова П.А. Столыпин «произвел сильное впечатление своей личностью, смелостью, своеобразной силой слова (особенно на фоне жалкой брехни). Я совершенно не сочувствовал его политике, но я сохранил веру, что он любит Россию, и, в конце концов, не солжет²⁷.

17 мая 1907 г. на 40-м заседании Государственной думы Булгаков предложил свой проект выхода из состояния «кровавого боя», в котором находилась в то время Россия, — «выход, не состоящий в том, что победит та или иная сторона и затем растопчет противную сторону, а в том, что произойдет какое-то высшее примирение, чем теперешняя борьба, моральной и правовой почве..»²⁸. В конце мая последовало разочарование Булгакова во многих представителях политических партий в Думе, в том числе и в кадеты, которые, по его мнению, провоцировали роспуск Думы. Социал-демократы хотели уничтожить самодержавие, в их планы парламентаризм не входил, кадеты были близоруки, добиваясь создания правового государства, но, не имея политической воли, а эсеры требовали земли.

Размышляя о парламентском опыте, Булгаков позже писал о том, что «нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, ничемность этого собрания, в своем убожестве даже не

---

²⁶ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Т. 1. Стб. 546—548.

²⁷ Булгаков С.Н. Агония // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 303.

²⁸ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Т. 1. Стб. 578—580.

замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства»²⁹.

3 июня 1907 г. II Государственная дума указом императора Николая II была распущена. Дума прошла путь от своеобразного митинга в стенах Таврического дворца до вполне цивилизованной парламентской ассамблеи; формировался новый тип профессионального политика, который отличался и от традиционного бюрократа, и от оппозиционера-нелегала.

Однако С.Н. Булгакову «рев и рычание революционной Думы был гнусен»³⁰; в контекст политических баталий не вписывалось его мировоззрение, хотя с практической точки зрения, Булгаков постарался максимально сконцентрироваться на парламентской работе. Идеиные воззрения Булгакова претерпели эволюцию; как он напишет: «Я стал, по подлему выражению улицы, царист»³¹.

Опыт работы в Думе привел Булгакова к сильнейшему разочарованию не только в парламентской деятельности, но и в работе многих депутатов, недостойных, по его мнению, представлять интересы народа. Думская деятельность развеяла общественно-политические иллюзии Булгакова. Мирозерцание Булгакова шло вразрез с политическими страстями в русском парламенте. Он рассматривал многие явления политической жизни России не только с позиции объективной реальности, но и с глубоко нравственной точки зрения. Заслуга Булгакова в том, что он пытался призвать депутатов разных политических партий объединиться и добросовестно трудиться на благо России, принимая конкретные законодательные акты, но разобщенность членов II Государственной думы привела к ее краху. С.Н. Булгаков выбрал для себя иной путь — путь духовного религиозного совершенствования, при этом занимая активную гражданскую позицию, наполненную христианскими ценностями³².

Этот период связан с активной общественной и публицистической деятельностью философа. Он участвовал в издании журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», сборников «Вопросы религии», «О Владимире Соловьеве», «О религии Льва Толстого», «Вехи», в работе «Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева» и книгоиздательства «Путь», где в 1911—1917 гг. выходили

---

²⁹ Булгаков С.Н. Агония // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 302.

³⁰ Там же. С. 303.

³¹ Там же.

³² Сутягина Л.Э. Антропология войны и мира по взглядам русских религиозных философов рубежа XIX и XX столетий. СПб., 2013. С. 49–50.

в свет важнейшие произведения русской религиозной мысли. В творчестве Булгакова наметился переход от лекций и статей на темы религии и культуры (важнейшие были им собраны в двухтомнике «Два града», 1911) к оригинальным философским раздумьям.

В событиях революции 1905—1907 гг. Булгаков увидел симптомы многих опасных болезней, которые через несколько десятилетий поставят нашу страну на грань катастрофы. Это и надежда на «социальное чудо», и «разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев», что «освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории, глубоко отравленной злой татарщиной и инстинктами кочевников-завоевателей», и «духовная пэдократия»³³ — величайшее зло нашего общества. Многие из этих проблем, озвученные Булгаковым, актуальны и для современной России. С тревогой в начале XX века писал он о судьбе России, понимая, насколько глубоко духовный кризис проник в разные общественные слои. «Ветром с Запада» Булгаков называл государственный, культурный, политический и экономический кризис в России.

За решением проблем о хлебе насущном не стоит забывать о душе народной. Ибо, по мнению Булгакова, «с растлением души народной мы утрачиваем фундамент, на котором зиждется настоящее и будущее России, — и ее государственность, и народное хозяйство, и национальная культура»³⁴.

---

³³ Булгаков С.Н. Два града. СПб., 1997. С. 205.

³⁴ Там же.

Н.В. НЕКРАСОВ

«Это ужас, коль не враки»: избрание и парламентская деятельность П.А. Крушевана в освещении периодической печати (1907 г.)

---

7 февраля 1907 г., в разгар избирательной кампании во II Государственную думу, столичные газеты облетела сенсационная новость: депутатом от города Кишинева голосами 47 выборщиков против 33-х был избран журналист и литератор Павел Александрович Крушеван — глава Кишиневского отдела «Союза русского народа» и издатель местной национал-монархической газеты «Друг». Один из самых известных и узнаваемых правых политиков своего времени, Крушеван пользовался репутацией воинствующего реакционера, юдофоба и скандалиста. В массовом сознании, а затем и в историографии он надолго остался символом кровавой и разнузданной реакции, и до сих пор его в первую очередь вспоминают как одного из главных теоретиков (и практиков) антисемитизма в России — ведь именно Крушеван впервые опубликовал в нашей стране знаменитые «Протоколы сионских мудрецов» и способствовал нагнетанию шумихи вокруг них¹. Современники-либералы беспрестанно обвиняли его в подстрекательстве к еврейским погромам, в том числе к печально известному кишиневскому погрому 1903 г., после которого имя провинциального журналиста стало известно по всей России. На страницах левой печати его называли «буйным маньяком», «апостолом» и «оптовым продавцом ненависти»². «Стиль у него скандальный, безбашенный. И темы скандальны, и тон скандальный, и выводы скандальные»³, — так, например, характеризовал литературную деятельность Крушевана одесский журналист начала прошлого века С.И. Гольдельман. «Сторожевой пес царского самодержавия», «бездарный писатель, не гнушавшийся скандалов, подлостей, лжи и клеветы», изрядный демагог, достигший совершенства в написании пасквилей⁴ — так восемьдесят лет спустя описывал Крушевана Н.В. Бабилунга, видный историк тогда еще советской Молдавии. Чужой, враждебной фигурой Крушеван выступает и в современной румынской истори-

---

¹ Резник С.Е. Непредсказуемое прошлое: выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 2010. С. 327.

² Сиг [Гольдельман С.И.]. Паволакий Крушеван. Одесса, 1903. С. 9—10.

³ Там же. С.18.

⁴ Бабилунга Н.В. Барометр показывает бурю: [О рев. событиях 1905—1907 гг. в Молдавии]. Кишинев, 1987. С. 115.

ографии — как «печально известный публицист», антисемит и анти-румын⁵. Писатель и публицист С.Е. Резник сделал бессарабского политика одним из главных героев своей повести «Кровавая карусель», посвященной еврейскому погрому 1903 года и его фатальном влиянии на последующую историю России. В этой повести Резник пытается проникнуть во внутренний мир Крушевана — все-таки по своему талантливому и энергичному писателя, но при этом одержимого ненавистью к еврейскому народу и видящего в нем корень всех зол народа русского.

Тем не менее несмотря на сложившийся в течение столетия (губо негативный образ Крушевана, в последние годы исследователи пытаются рассмотреть фигуру этого деятеля под другими углами зрения. В связи с этим большое значение приобретают думские выступления этого политика. Анализируя их, исследователь Р.Б. Ромов характеризует нашего героя как своеобразного «правого народника», консерватора-идеалиста, по многим вопросам занимавшего особую позицию, отличную как от взглядов правых, так и от чаяний кадетов и социалистов⁶. И.П. Шорников видит в Крушеване «монархиста, условно поддерживавшего монархию; правого радикала, защищавшего крестьянские интересы»⁷.

Сам Крушеван в кулуарных разговорах называл себя «христианским социалистом» и «сторонником подлинного парламентаризма»⁸, а его немногочисленные думские речи изрядно отдавали «левизной» — к большому недоумению публики и журналистов, ожидавших от него жесткой консервативной риторики, громких скандалов и публичных призывов к еврейским погромам. Во время выборов и первые дни работы Думы, пожалуй, никакой другой депутат не пользовался таким пристальным вниманием печати, как П.А. Крушеван. Левая и либеральная пресса целенаправленно травила вождя кишиневских «союзников», другие издания попросту гнались за дешевыми сенсациями и «жареными фактами».

Путь депутата Крушевана в Таврический дворец был буквально выслан разного рода скандалами и инцидентами. Местная прогрессивная газета «За народ», во главе которой стоял его давний конкурент, кредитор и коллега по Кишиневской городской думе Г.А. Тронин, регулярно публиковала известия о злоупотреблениях и прово-

---

⁵ *Скурту И. и др.* История Бессарабии: (от истоков до 1998 года) Изд. 2-е, перераб. и доп. Кишинэу, 2001. С. 68.

⁶ *Ромов Р.Б.* «Консервативный бомбист» в русском парламенте / Завтра. 2000. 18 апреля.

⁷ *Шорников И.П.* «Христианский социализм» П.А. Крушевана / Русин. 2008. №1—2. С. 133—134.

⁸ *Бабилунга Н.В.* Указ. соч. С.134.

кациях, совершенных «крушевановской бандой» на предвыборных собраниях и избирательных участках. Крушеван и Пронин враждовали еще задолго до выборов, попеременно выплескивая на страницы своих газет взаимные обвинения в клевете и мошенничестве. При знакомстве с этой полемикой невольно вспоминаются бессмертные «Записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса, в которых классик английской литературы со свойственным ему юмором описал борьбу за умы избирателей между газетчиками Поттом и Слерком в вымышленном городке Итенсуилле.

«Бесчестный цыган», «шантажных дел мастер», «циничный клеветник, потерявший всякую совесть»⁹, «артист, ловко выманивающий деньги из чужих карманов»¹⁰, «великий сквернослов, человеконенавистник и тунеядец»¹¹, — такими эпитетами из номер номер награждали Крушевана Пронин и другие авторы газеты «За народ». Многочисленные долги Крушевана к тому времени стали местной притчей во языцех, порождая слухи о том, как спасаясь от кредиторов, Крушеван вылетел из бессарабской столицы на воздушном шаре¹².

Другим популярным сюжетом, который быстро подхватили столичные газеты, стало участие в выборах двух сотен «мертвых душ»¹³, голосами которых, по мнению либералов, и была достигнута победа Крушевана. Юмористы в своих фельетонах изображали то кишиневского дворника, в полумраке своей каморки подписывающего «покойницкие бюллетени»¹⁴, то вконец истомившихся от невыносимых условий преисподней грешниках, посылающих наказ своему избраннику Крушевану с требованием ввести в аду 8-часовой рабочий день...¹⁵

«Одесская газета», полтора месяца спустя, сообщая о старте избирательной кампании в местную городскую думу, иронически отмечала, что если бы в ней участвовал Крушеван, то он бы стал агитировать по-настоящему, начав с городского кладбища¹⁶.

---

⁹ Хроника Бессарабии // За народ. 1907. 23 января; Пронин Г. Крушеваны // За народ. 1907. 21 января (Кишинев).

¹⁰ Крушеваны // За народ. 1906. 1 декабря.

¹¹ Meorerr. Великий подвижник // За народ. 1907. 11 февраля.

¹² Диккий В. Интервью // Петербургский листок. 1907. 1 марта.

¹³ Выборные курьезы // За народ. 1907. 30,31 января.

¹⁴ Сергей Горный [Оцуп А.А.]. «Он человек серьезный» // Современная речь. 1907. 25 февраля.

¹⁵ Сергей Горный [Оцуп А.А.]. По адресу / Маленький фельетон // Современная речь. 1907. 10 марта.

¹⁶ За день // Одесская газета. 1907. 19 марта.

В жалобах, которые собирали противники Крушевана с целью кассировать выборы по Кишиневу, описывались многочисленные нарушения и злоупотребления: раздача городскими воззваний от «Союза русского народа»; участие не имеющего избирательных прав священника Феодосия Воловея, заместителя Крушевана в руководстве местным отделом СРН, в работе участковой комиссии; то ли похищение, то ли выдача посторонним лицам 750 именных объявлений для избирателей-христиан, которыми потом воспользовались другие лица¹⁷. В последнем подозревался Н.А. Шафир — член одной из городских избирательных комиссий и сотрудник крушевановской газеты «Друг». Пронин в своих жалобах сообщал об организованной СРН «дружине», члены которой учиняли буйства и насилия на предвыборных собраниях, терроризировали избирателей и меняли бюллетени на другие, отпечатанные в пользу правых кандидатов¹⁸.

«За народ» сообщала об агентах Крушевана — Глобачеве, Бонзе, Папашике, Комоне, Крылове и Алехновиче, выдававших себя за выборщиков-домовладельцев. Последний из них был изобличен полицией и задержан¹⁹. «Группа под предводительством некоего Чеботаренко (кандидат по списку Крушевана) стала дебоширничать, оглашая зал и Киевскую улицу свистом, гиком и криками: «Долой жидов, долой крамольников!», — сообщала о предвыборном собрании 2-го участка газета «Бессарабская жизнь»²⁰. «Башибузуки из союза Крушевана и Шафира должны быть обузданы энергичным вмешательством власти»²¹, — призывала она же.

В рядах самих «союзников» тоже не все обстояло благополучно. Так, из Киева телеграфировали, что Шафир присвоил себе 1000 р. за предвыборную агитацию, врученные ему П.Н. Крупенским для передачи Крушевану. Последний в гневе выгнал Шафира из редакции «Друга» и местного СРН. В ответ Шафир якобы вызвал своего патрона на дуэль, пригрозив ему скандальными разоблачениями²².

Но, несмотря на всю водевильность событий вокруг выборов и многочисленные материалы о нарушениях, совершенных правыми и их сторонниками в среде местной власти, Крушеван одержал победу. Весть об этом привела столичную либеральную прессу в смятение. «Усилиями и насилиями администрации удалось протащить в

---

¹⁷ РГИА. Ф.1278. Оп.1 (2-й созыв). Д. 560. ЛЛ. 21 об., 22, 24 об., 26.

¹⁸ Там же. ЛЛ. 25 об., 27.

¹⁹ Выборные курьезы // За народ. 1907. 30, 31 января.

²⁰ Свобода собраний / Наши выборы // Бессарабская жизнь. 1907. 26 января.

²¹ Там же.

²² Среди «черных» // Еврейский голос. 1907. № 6. 9 февраля. Стб. 13—14 (Одесса).

Думу несколько десятков реакционеров, наиболее ярким экземпляром которых является пресловутый Паволакий Крушеван»²³, — писала петербургская газета «Телеграф». Другие столичные леволиберальные издания клеймили новоиспеченного депутата «позором России»²⁴, «гнусным ничтожеством» и «убожеством»²⁵, «избранником сонма мертвых душ» и другими нелицеприятными эпитетами. «Бессарабская жизнь» — орган кишиневских прогрессистов — объявила день 7 февраля «черным днем» освободительного движения, ведь в Думу прошел «певец человеконенавистничества и дикой племенной вражды», «апологет кровопролития и самых антиобщественных принципов»²⁶. Почти на две недели имена Крушевана и его соратника по СРН В.М. Пуришкевича, также избранного в Думу, не сходили со столбцов левых газет²⁷.

«Погромщиком» прозвали
Его у нас левши —
Того мы не скрывали:
Громил — от всей души...
Дай срок — пойдет он в Думу,
Такой оплот Руси, —
Наделает в ней шуму,
Святых хоть выноси!
Вструхнет сам Кизеветтер,
Сам папа-Милюков
Воскликнет: «Доннер-веттер!
Так вот он, вот каков!»²⁸,

— острили в преддверии открытия Думы и прибытия в нее кишиневского депутата столичные «акулы пера».

«Злобный, дикий Паволакий —
Кишиневский депутат...
Это ужас, коль не враки
Мы пойдем теперь «назад»!
Дай, о Боже, Думе
Жизнь с расцветом планов,

²³ Вывод // Телеграф. 1907. 9 февраля.

²⁴ События дня // Товарищ. 1907. 7 февраля.

²⁵ Альф. Совестно! // Современная речь. 1907. 9 февраля.

²⁶ Черный день // Бессарабская жизнь. 1907. 7 февраля (Кишинев).

²⁷ Среди газет и журналов // Новое время. 1907. 17 февраля.

²⁸ Поль Бернанжеревич. Песни нового скомороха. XXXVIII. Избранник Кишинева // Голос правды. 1907. 10 февраля.

Удали от Думы
Разных Крушеванов...»²⁹,

— вторили им позднее одесские коллеги.

«Крушеван опозорит Россию, Крушеван опозорит Думу! — ужасался либерально настроенный обыватель в фельетонах газеты «Современная речь». — Подумайте только, Пуришкевич и Крушеван, Крушеван и Пуришкевич! Один только Крушеван портит в моих глазах всю победу оппозиции... <...> Что подумает Европа?»³⁰.

«Эта бешеная брань, — комментировал подобные публикации сам Крушеван, — ясно показывает, какая травля начнется против нас, правых, как только мы переступим порог Думы»³¹.

Еще одной популярной темой, за которую в те февральские дни ухватилась печать, стала частная жизнь бессарабского политика. Приводились курьезные сведения о причудах и привычках Крушевана, всячески подчеркивалась злобность и неуравновешенность его характера (он-де всегда разговаривал со своими сотрудниками и прислугой только с револьвером в руке, а в минуты гнева частенько стрелял из него в стены и даже в телефон³²), о его многочисленных долгах и кредиторах, параноидальной боязни покушений (в каждом его кармане будто бы лежал браунинг, а в ресторан он ходил только с личным поваром). В других публикациях Крушевана изображали таким теневым вершителем судеб Империи; так, в брошюре «Думская неделя» сообщалось, что Крушеван повелевает министрами, поучает сенат, делает выговоры суду и даже «смещает премьеров»³³. Подобная погоня за сенсациями была высмеяна в одном из фельетонов о беспринципном журналисте средней руки Иване Васильевиче, который, «когда не доставало тем, принимался за Крушевана». В правых газетах герой фельетона выступал за Крушевана горой, в левых же «распускал про него всякий вздор» — как ему отказали от квартиры, за то что «Паволакий гнался с ножом за еврейским ребенком», как последнего спасли депутаты Пергамент и Гессен и т.п.³⁴

---

²⁹ *Сириус*. Песни дня / Маленький фельетон // Одесская газета. 1907. 7 марта.

³⁰ *Альф*. Совестно! // Современная речь. 1907. 9 февраля.

³¹ *Крушеван П.* «Крушеван опозорит Россию...» // Русское знамя. 1907. 19 февраля.

³² *Скиталец*. Накануне (Монологи и парадоксы) // Биржевые ведомости. 1907. 18 февраля (утр. вып.)

³³ *Думская неделя*: [Сборник] / Ред.-изд. О.Л. Оршер. СПб., 1907. Вып. 1. Стб. 29.

³⁴ *Бобыль*. Думские хамелеоны / Воскресный фельетон // Голос правды. 1907. 25 марта.

Показывая Крушевана этаким «мелодраматическим злодеем», писала национал-монархическая газета «Русское знамя», «хулиганские еврейские публицисты стараются убедить читающую Россию, что Крушеван не имеет права заседать в Думе и должен быть лишен полномочий»³⁵.

Правая пресса, конечно, восторженно отреагировала на избрание депутатом своего бессарабского коллеги. То же «Русское знамя» считало, что Крушеван, В.М. Пуришкевич и другие правые депутаты в Думе «будут ежечасно напоминать, что Великая Россия не сделалась игрушкой в еврейско-кадюкских³⁶ руках...»³⁷. Председатель Главного Совета СРН А.И. Дубровин поздравил соратника с победой и выразил «непоколебимую уверенность», что Крушеван энергично и порывцарски стойко будет отстаивать коренные интересы русского народа, «преступно попираемые» кадетами, евреями «и других званий предателями»³⁸. Русское Собрание, другая влиятельная правая организация в лице своего председателя князя М.Л. Шаховского слало «горячие поздравления» Крушеванду, «так высоко держащему русское знамя и так энергично защищающего Россию от иноверческого засылья»³⁹.

В свою очередь, Крушеван уже строил планы по созданию в Думе мощной правой фракции, которая смогла бы в будущем стать фундаментом для влиятельной «русской партии». На страницах правых газет он призывал избирателей, пославших в Думу правых и умеренных (особенно крестьян), обратиться с письмами к своим избранникам с просьбой оказать ему доверие, и объединиться в одну общую правую группу⁴⁰. В газеты просочились сведения, что в Петербурге «союзниками» было организовано специальное общежитие для депутатов-крестьян, в котором правые активисты проводили их идеологическую обработку. По аналогии с «ерогинскими квартирами», существовавшими во время работы I Думы, это общежитие было прозвано журналистами «крушевановскими номерами»⁴¹.

---

³⁵ *Русаков И.* Способ влияния еврейских публицистов на общественное мнение // Русское знамя. 1907. 21 февраля.

³⁶ Т.е. кадетских.

³⁷ *Русаков И.* Поражение кадюков и победа Союза русского народа / Русское знамя. 1907. 11 февраля.

³⁸ Деятельность Союза русского народа // Русское знамя. 1907. 8 февраля.

³⁹ Деятельность с.р.н. Телеграммы // Русское знамя. 1907. 13 февраля.

⁴⁰ *Крушеван П.* Необходимо дружное содействие // Русское знамя. 1907. 17 февраля.

⁴¹ *Яблоновский А.* У Карла есть враги... / Маленький фельетон // Товарищ. 1907. 14 февраля.

В поезде, следовавшем в Петербург, бессарабский политик встречал других депутатов — группу крестьян с Волыни, епископа Чигиринского Платона (в миру П.Ф. Рождественского), а также видного черносотенного деятеля иеромонаха Илиодора (С.М. Труфанова), сопровождавшего волынцев. Там же, прямо в вагоне, означенные деятели провели совещание, на котором Крушеван выразил надежду на полное объединение всех правых, включая октябристов⁴².

Павел Александрович прибыл в столицу 17 февраля, но еще за день до этого на одно из кресел правой стороны думского зала, пока пустовавшего, кто-то прикрепил его визитную карточку, о чем не замедлил сообщить «Телеграф»⁴³. Приезд депутата всколыхнул и учебный мир Петербурга. Так, сообщалось, что студент Горного института Осматескул, ранее сочувствовавший кадетской партии, отправил Крушевану приветственную телеграмму. Группа студентов-бессарабцев, возмущенная этим поступком, организовала сходку и даже решила отправить письмо во все «прогрессивные» газеты, дабы «смыть позор с уроженцев Бессарабии»⁴⁴. Не обошла вниманием прибытие депутата и столичная полиция — на перроне вокзала и во дворах была усилена охрана. пышная встреча со знаменами, поднесением икон и приветственного адреса, которую анонсировала московская газета «Утро», однако, не состоялась; скорее всего, оказалось слухом и известие о массовой бесплатной раздаче населению отпечатанных портретов Крушевана и Пуришкевича — факт такой раздачи источниками не подтверждается⁴⁵.

Также, по сообщениям прессы, при столичном СРН была организована специальная дружина телохранителей, в задачи которой, помимо охраны, должны были войти исполнение различных поручений депутатов-«союзников» и некоторые сыскные функции⁴⁶. За несколько дней до открытия Думы газета «Товарищ» распространила слух, что на одном из заседаний СРН было решено привезти Крушевана на открытие Думы в специальном экипаже с национальными флагами, в сопровождении дружинников с хоругвями. «Это уличные сплетни и клевета», — утверждали в «Русском знамени»⁴⁷.

---

⁴² Друг. 1907. 18 февраля (Кишинев).

⁴³ Государственная дума // Телеграф. 1907. 18 февраля.

⁴⁴ В учебном мире // Телеграф. 1907. 18 февраля.

⁴⁵ Перед Думой / Телефон (от наших корреспондентов из Петербурга) // Утро. 1907. 11 февраля.

⁴⁶ По телефону // Парус. 1907. 14 февраля.

⁴⁷ Рында [Пруссаков А.И.]. Товарищеские выдумки // Русское знамя. 1907. 21 февраля.

В день открытия II Думы 20 февраля 1907 г. на «героя города Кишинева» чуть ли не тыкали пальцами, приглашая посмотреть как на некое диво. Оппозиционно настроенная публика, собравшаяся у входа в Таврический дворец, встретила его оглушительным свистом⁴⁸.

«Где Крушеван? Это в белом галстук?» — этот вопрос звучал во всех залах дворца. Журналисты даже предположили, что Крушевана специально «напустили» на левых как «некое наваждение, отягощающее воображение»⁴⁹. «Самый популярный человек стал!», — заметил по этому поводу известный писатель П.Д. Боборыкин, присутствовавший на церемонии открытия Думы⁵⁰.

Внешний вид депутата — черты лица, костюм, походка, жесты — резко выделявший его из среды народных избранников, самым подробным образом обрисовывался на страницах оппозиционной печати. «Темно-красное», бронзовое «румынское лицо»; «подозрительного вида» лысина, черные усы и борода, модный сюртук и белый галстук... Крестьяне видели в нем приодевшегося цыгана, торгующего лошадьми, а журналисты иронизировали над его «истинно-русским происхождением»⁵¹. Пока одни газетные острословы смаковали облик и происхождение депутата, газета «Современная речь» поторопилась признать его еще и психически нездоровым. «Я все старался поглядеть на Крушевана, Пуришкевича и других аспидов, — писал корреспондент этой газеты. — Никогда не ожидал, что он (Крушеван — *Н.Н.*) настолько противен. Вид у него ужасный. Один мой знакомый врач-психиатр сказал, что Крушеван несомненно больной человек и кончит плохо»⁵².

С целой чередой подобных впечатлений резко контрастирует лишь мнение крупного русского религиозного философа и публициста В.В. Розанова, регулярно посещавшего Думу в эти дни. Крушеван не произвел на него отталкивающего впечатления. Напротив, Розанов разглядел в нем «упорного и неумолимого фанатика, правого социалиста-революционера, консервативного бомбиста», «угрюмого и глубоко недвижимого в своем сиденье». «Это — фигура. И я не могу ничего сказать против Крушевана... <...> Что делать — считаться надо»⁵³, — такими словами довершил свои впечатления Василий Васильевич.

⁴⁸ Г. Дума на улице и улица в Г. Думе // Новое время. 1907. 21 февраля.

⁴⁹ Ксюнин Ал. В кулуарах Г. Думы // Новое время. 1907. 21 февраля.

⁵⁰ Суходрев Вс. В Думе // Новое время. 1907. 21 февраля.

⁵¹ Тыркова А. В. Первый день // Народная Свобода — Думский листок. 1907. 21 февраля.

⁵² П.Ш. В парламенте (Из дневника) // Современная речь. 1907. 28 февраля.

⁵³ Розанов В.В. Русская государственность и общество: ст. 1906—1907 гг. М., 2003. С.334.

Уже в первый день от Крушевана ждали скандала, но он был немногословен и вел себя более чем спокойно и корректно. «Ничего пикантного... Не было материалов для сенсационных телеграмм, — сообщали «Биржевые ведомости». — Маврообразный Крушеван был тих, как Дездемона»⁵⁴. Другие журналисты углядели за спокойствием Крушевана испуг и растерянность: «Вот и Крушеван. Что с ним стало? Красное лицо, растерянный вид, испуганные глаза: в общем жалкая, плюгавая фигура. И такой-то господинчик грозиться залить всю Россию кровью!»⁵⁵, — делился наблюдениями фельетонист Скиталец. «Мельком встречаю Паволакия Крушевана. Встревоженное лицо его нервно подергивается. На губах полунасмешливая, деланная улыбка...»⁵⁶, — вторил ему Н. Попов из московского «Утра». Грозная фигура «погромного вождя» начала быстро мельчать среди массы депутатов...

Между тем популярность и авторитет, которую Крушеван имел в среде монархических организаций, способствовали его избранию председателем думской монархической фракции, на первых порах объединившей правых и часть умеренных, включая октябристов⁵⁷. В думском зале Крушеван занял «удобную стратегическую позицию» на самом правом месте в 5-м ряду, сообщал «Товарищ». С этого места ему была прекрасно видна вся Дума, а Дума, в свою очередь, видела его⁵⁸. Свою принадлежность к партиям он определил так: независимый националист, правый⁵⁹. Сидеть Крушеван пожелал в кресле №55, отметив при этом, что «не место красит человека, а человек место»⁶⁰.

Свою деятельность в Думе бессарабский политик начал с того, что попытался применить свои знания о парламентской борьбе за рубежом и расстроить планы левокадетского большинства. Замысел Крушевана был таков: выставить кандидатами все 100 правых депутатов. Баллотировка затянулась бы, таким образом, на несколько заседаний, и изнуренные левые пошли бы на уступки⁶¹. Софракционеры депу-

---

⁵⁴ *Скиталец*. День 20 февраля (Впечатления) // Биржевые ведомости. 1907. 21 февраля (утр. вып.)

⁵⁵ *Скиталец*. В этот день. С берегов Невы / Около Думы // Утро. 1907. 22 февраля.

⁵⁶ *Попов Н.* Впечатления (от нашего корреспондента) // Утро. 1907. 22 февраля.

⁵⁷ Фракция правых. Уход крестьян / Около думы // Утро. 1907. 25 февраля.

⁵⁸ Первый день Второй Думы // Товарищ. 1907. 21 февраля.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 218. Л. 3.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Обзор печати // Русское знамя. 1907. 1 марта.

тата, однако, не решились применить этот оригинальный план. Кстати сказать, на выборах Секретаря Государственной думы за Крушевана была подана 1 записка. В стенограммах заседания даже особо отмечено, как в зал вошел Крушеван, и председатель Думы Ф.А. Головин спросил, не угодно ли ему баллотироваться — под смех других депутатов и голоса «Просим, просим». «Нет не угодно. Я шутить не люблю», — изрек на это правый депутат. Это были его первые слова, занесенные в стенографические отчеты. Также 6 записками Крушеван был предложен в товарищи секретаря Г.Д., но от баллотировки вновь воздержался⁶². «Крушевану в Думе приходится туго, Таврический дворец — это не Пушкинская аудитория, где Крушеван производил все назначения сам, а записки в Думе подают живые, настоящие депутаты, мертвые там из гробов не вставали»⁶³, — посмеивались в кишиневской газете «За народ», в который уже раз припоминая своему заклятому врагу «мертвецкие» бюллетени.

«Нас (Т.е. правых. — Н.Н.) собираются похерить, особенно меня, — делился впечатлениями Крушеван в своей газете «Друг». — Травля продолжается... Принимая во внимание полную законность выборов, нахожу насилие думского сброда над избранником народа наглостью и глумлением над народом русским. Левыми командуют Мошко и Иоська Гессены⁶⁴, среди них нет выдающихся людей, красные какаду усердно зубрят кизветтеровские⁶⁵ шпаргалки из-под гессенской палки. Председатель Головин представляет собой в полном смысле посредственность, замечательную лишь тем, что вместо головы у него дыня»⁶⁶. Кадетская пресса отреагировала незамедлительно. Так, автор заметки под выразительным заголовком «На воре шапка горит» выражал уверенность, что незаконность выборов Крушевана будет скоро обнаружена, поэтому «главарь черной сотни» чувствует себя неловко и «заранее старается приготовить свое отступление, ругая и клеветая на Думу»⁶⁷. Группа депутатов обратилась в президиум Думы с жалобой на Крушевана за оскорбительный отзыв⁶⁸.

⁶² Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I. Стб. 16—17, 42.

⁶³ *Скульптор*. Бедный Крушеван // За народ. 1907. 25 февраля.

⁶⁴ Имеются в виду И.В. и В.М. Гессены — депутаты II Государственной думы, активные члены кадетской фракции.

⁶⁵ Намек на бытовавший в околдумских кругах слух, что кадетские ораторы и даже сам председатель Ф.А. Головин пользуются для выступлений шпаргалками, составленными депутатом А.А. Кизветтером.

⁶⁶ Обзор печати // Русское знамя. 1907. 1 марта.

⁶⁷ На воре шапка горит // Народная свобода — Думский листок. 1907. 27 февраля.

⁶⁸ Думские известия // Русское слово. 1907. 1 марта.

Кружок юристов-кадетов, обсудив этот вопрос, решил, что обвинение против Крушевана должно быть возбуждено не Думой, а двумя особенно оскорбленными депутатами — И.В. и В.М. Гессенами в частном порядке, никаких же запросов об оскорбительном письме Крушевана Дума делать не должна⁶⁹. Было ли это реализовано, пресса умалчивает.

На общих собраниях Думы Крушеван был немногословен, с думской кафедры он произнес только 4 речи: в поддержку правительственной декларации, по поводу продовольственной комиссии, о военно-полевых судах и о бюджете.

Выступая в поддержку декларации, озвученной в Думе П.А. Столыпиным 6 марта, бессарабский депутат заклеил Революцию «кровавым позором» и «безумием всего человечества». Он подчеркивал, что Дума несет ее не только перед родиной, но и перед всем миром, и ее главная задача — умиротворение страны. Также Крушеван отметил, что правые — тоже представители народа, а народ не желает ужаса и велел ему обратиться к Думе с просьбой высказать порицание тем кровавым способам борьбы, к которым во имя своих идеалов прибегают революционеры. Если же депутаты, поставленные народом для наведения в стране «порядка жизни», не сделают этого, то народ «сам встанет, пойдет и все сметет»⁷⁰. «Крушеван говорит почти то же самое, что говорят крайне левые ораторы, но так сказать, с другой стороны: Церетели хлопчет об организации масс, и Крушеван хлопчет об организации масс. Церетели уверен, что дело народа решит сам народ, и ту же уверенность разделяет бессарабский депутат», — отмечала умеренная газета «Голос правды»⁷¹. Левые газеты же безжалостно высмеяли народнический пафос Крушевана. «Речь маньяка, какая-то болезненная спазма страстности... Слова не то из французского уголовного романа, не то из бойкого фельетона, написанного провинциальным трагиком»⁷², — описывали речь кишиневского депутата «Биржевые ведомости».

Через две недели думской работы депутаты и публика уже начали привыкать к Крушевану, и перестали так интересоваться им, как в первые дни заседаний, сообщал «Голос Правды»⁷³. Однако уже на

---

⁶⁹ Думские известия // Русское слово. 1907. 2 марта.

⁷⁰ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Т. I. Стб. 148—150.

⁷¹ Рошин С. В Государственной думе (Заседание 6-го марта) // Голос правды. 1907. 7 марта.

⁷² Прения / Речи крайних правых // Биржевые ведомости. 1907. 7 марта (утр. вып.); Ergo. Думские впечатления // Там же.

⁷³ Рошин С. В Государственной думе. Заседание 7-го марта // Голос правды. 1907. 8 марта.

следующих после оглашения Декларации заседаниях Крушеван вновь начал приковывать к себе внимание, но на этот раз несвойственными ему ранее политическими жестами. Так, во время обсуждения вопросов по поводу создания комиссий по продовольственному вопросу и для помощи безработным Крушеван неожиданно поддержал социал-демократов, проголосовав за отправку думской депутации на места для выяснения положения голодающих и оказания им немедленной помощи, против чего выступили кадеты во главе с Ф.И. Родичевым и присоединившиеся к ним правые. Позднее, в кулуарах, Крушеван заявил журналистам, что голосовал вместе с левыми, потому что был «принципиально согласен с ними»⁷⁴. На прошедшем вскоре после этого совещании правой фракции выяснилось, что соратники недовольны Крушеваном за его нежелание подчиняться партийной дисциплине и было решено больше не поручать ему произносить речи от имени фракции⁷⁵.

Во время обсуждения законопроекта об отмене военно-полевых судов Крушеван с большим отвращением говорил о кровопролитии. «Я весь — любовь! / Чужда мне кровь!»⁷⁶, — так кратко выразил основной посыл речи Крушевана юморист Сергей Горный. Тогда, в ходе ожесточенных прений, правые (В.В. Шульгин⁷⁷, В.М. Пуришкевич⁷⁹, В.В. Стенбок-Фермор⁷⁸ и др.) выступили защитниками военно-полевых судов как вынужденной меры борьбы с революцией, наш герой же вновь занял особую позицию.

«Крушеван начинает замогильным голосом. О чем бы он ни говорил — сбивается на еврейский вопрос», — комментировала «Современная речь», — сказав несколько громких фраз об экономическом гнете и еврейской эксплуатации, оратор приходит к неожиданному выводу: он тоже за отмену военно-полевых судов»⁸⁰. Оппозиция

⁷⁴ Государственная дума // Товарищ. 1907. 22 марта.

⁷⁵ В правой фракции / Думские известия (по телефону из Петербурга) // Русское слово. 1907. 10 марта.

⁷⁶ Сергей Горный [Оцуп А.А.]. Три речи / Мозаика // Одесская газета. 1907. 19 марта.

⁷⁷ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Шульгин Василий Витальевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 709.

⁷⁸ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Пуришкевич Владимир Митрофанович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 509.

⁷⁹ Ромов Р.Б. Стенбок-Фермор Владимир Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 589.

⁸⁰ Заседание Государственной думы. 12 марта // Современная речь. 1907. 13 марта.

встретила это заявление шумом и смехом. Аргументация Крушевана, однако, была совершенно иной, нежели правозащитная риторика либералов: отмена военно-полевой юстиции, утверждал Крушеван, развязала бы руки крестьянам в их борьбе с эксплуататорами, под которыми кишиневский депутат, хорошо знакомый с реалиями Юго-западного края, разумел еврейских арендаторов и посредников⁸¹.

Во время прений по бюджету депутат набросал свое видение экономического оздоровления России, которое он видел во всесторонней поддержке государством частной инициативы, выделении крестьянам средств на покупку земли, широких ассигнованиях в народное образование и культуру, решительной борьбе с пьянством. «Речь его была спокойная, строго деловая, и местами даже «левая»⁸², — отмечал «Голос Правды».

Либеральная печать же относилась к этому неожиданному «полевению» Крушевана с недоверием и иронией. Так, Вас. И. Немирович-Данченко в «Русском слове» сравнивал его выступления с речами гоголевских Манилова и Чичикова и выражал недоумение, как в сознании кишиневского депутата уживаются «мечты о всеобщем благоденствии» и «маниловская идиллия на розовом масле» рядом с «озверелым ревом кровавого босяцкого разбоя»⁸³.

В это же время в кулуарах Крушеван заявлял, что он «не правый, а сам по себе», что не во всем поддерживает тактику СРН, не одобряет скандального поведения своего коллеги В.М. Пуришкевича, а с левыми голосует вполне убежденно и сознательно. «Да я не политик, — скромно отвечивал Крушеван на вопросы любопытных. — Остаюсь одиноким. Обновление России — великое дело, но Дума не может предложить проект всеобщего обновления»⁸⁴. Споря в кулуарах с лидером трудовиков А.Л. Караваевым, Крушеван заявлял, что ему одинаково противен террор как «сверху», так и «снизу», но отмечал, что «другого средства у правительства нет»⁸⁵.

Известный публицист В.Г. Богораз (Тан) так описывал «кулуарный митинг» Крушевана: вокруг толпа, люди лезут друг на друга, дабы уловить каждое слово кишиневского депутата. «У него длинные висячие усы и глаза навывкате. Он носит открытую, ослепительную манишку и белый галстук. Так одеваются мулаты в Америке». По

---

⁸¹ Ромов Р.Б. «Консервативный бомбист» в русском парламенте // Завтра. 2000. 18 апреля.

⁸² Роцин С. В Государственной думе. Заседание 25 марта // Голос правды. 1907. 28 марта.

⁸³ Бессарабские депутаты // За народ. 1907. 7 апреля.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Государственная дума / Из кулуаров // Петербургский листок. 1907. 3 апреля.

словам Тана, в кулуарах Крушеван был «самой кротостью». Так, он призывал устроить в России не один, а сотни местных парламентов, «но так, чтобы автономии и тени не было», только «единство, множество и всеобщее примирение». Решительным образом Крушеван отрицал и свою причастность к погромам⁸⁶.

Такое «полевение» бессарабского депутата стало благодатной почвой для газетных юмористов. Сергей Горный (А.А. Оцуп) обрисовал связанный с этим разлад в СРН в ритме пушкинской «Песни о Вещем Олеге»: «Как ныне собирается правых синклит / Коллегу судить Крушевана. / Понуро среди них подсудимый сидит / Певец Кишиневского стана. / <...> Жестокою карой грозит прокурор / Смирный епископ Евлогий: / «Что делаем, братья? О горе нам всем! / Любимое чадо теряем...»⁸⁷. Действительно, в рядах СРН зрело недовольство Крушеваном, да и сам он все более скептически относился как к Думе, так и к действиям своих соратников. «Он вообще им (правым — Н.Н.) не ко двору пришелся. Там какой-то скандал в благородном семействе, и чем дальше, тем товарищ Паволакий больше и больше отходит от своих заговорщиков»⁸⁸, — писал по этому поводу в «Русском слове» Немирович-Данченко. Другой маститый автор этой газеты — П.Д. Боборыкин отмечал, что постепенно даже пресса левых оттенков признала за Крушеваном темперамент и даже незаурядный дар слова⁸⁹. Едва ли причина этого была только в специфике взглядов «консервативного бомбиста», внезапно прослывшего «народолюбцем». Основываясь на скурых данных газетных хроник вообще довольно трудно сказать, где Крушеван действовал согласно своим убеждениям, а где вел тонкую политику лавирования между правыми и левыми. Еще более трудно сказать, чего он добивался — создания в Думе широкой коалиции правых и умеренных или же стремился «сорвать Думу», провоцируя оппозицию на конфликты. Сведения источников на этот счет противоречивы. Так, «Товарищ» сообщал, что на мартовских заседаниях монархической фракции Крушеван настаивал именно на «взрыве» Думы (т.е. ее дискредитации), ибо этого «так боятся революционеры»⁹⁰, а в Русском собрании доказывал, что с «отменой военно-полевых судов в России настанет

---

⁸⁶ Тан [Богораз В.Г.]. В Думе. Черносотенный день // Общественное дело. 1907. 3 апреля.

⁸⁷ Сергей Горный [Оцуп А.А.]. Гибель Крушевина / Маленький фельетон // Современная речь. 1907. 10 апреля.

⁸⁸ Немирович-Данченко Вас. По поводу. Деловой день в Думе // Русское слово. 1907. 15 марта.

⁸⁹ Боборыкин П. Кто первый оратор? / Думские итоги // Русское слово. 1907. 11 марта.

⁹⁰ Государственная дума // Товарищ. 1907. 13 марта.

страшная пора, кинутся истреблять «истинно-русских» людей (т.е. монархистов и черносотенцев), дисциплина солдат в связи с отменой смертной казни непременно падет и добрая половина войска перейдет на сторону революции»⁹¹ (сравним это с его речью на заседании 12 марта).

От Крушевана продолжали ждать и скандала по еврейскому вопросу; 27 апреля «Русь» сообщала, что Крушеван действительно активно готовится к этому и выступит с докладом от имени крайней правой, как только Дума возьмется за рассмотрение законопроекта о равноправии евреев. Ссылаясь на слова графа Бобринского, газета отмечала, что доклад будет «строго научным»⁹². Однако никакого доклада по еврейскому вопросу с трибуны II Думы так и не прозвучало — ее распустили прежде, чем вопросы национального равноправия были вынесены на повестку дня.

Одно, однако, представляется ясным: бессарабский депутат придавал огромное значение аграрному вопросу и привлечению депутатов-крестьян на сторону правых. Так, на одном из мартовских заседаний монархической фракции Крушеван развивал мысль, что правые должны поступиться узкопартийными интересами и высказаться за наделение крестьян землей по справедливой оценке. В случае удовлетворения земельной нужды крестьян, отмечал Крушеван, крестьяне успокоятся и больше не будут мечтать о даровой прирезке земли. Большинство членов фракции не разделяло мнения Крушевана. Так, В.В. Шульгин утверждал, что «все должно решить правительство», а работа думской аграрной комиссии бесполезна⁹³. «Вербовка» крестьян во фракцию начала давать сбой, многие из крестьян стали отрекаться от монархистов, заподозрив, что те исповедуют противоположные интересы⁹⁴. Ряды монархической фракции сильно поредели. Поводом же к ее окончательному расколу стала скандальная выходка В.М. Пуришкевича на заседании 29 марта 1907 г., осужденная большинством фракции. В начале апреля 50 правых депутатов во главе с В.А. Бобринским выделились в отдельную фракцию умеренно-правых, а с Пуришкевичем остались лишь 7 депутатов, в том числе Крушеван. При этом последние тоже не очень ладили между собой.

В начале-середине апреля либеральная пресса регулярно сообщала о конфликтах и интригах в рядах СРН. Они были связаны как с «де-

---

⁹¹ Государственная дума // Товарищ. 1907. 18 марта.

⁹² *Арбенин*. Отклики из Государственной дума // Русь. 1907. 27 апреля.

⁹³ Около Г. думы // Биржевые ведомости. 1907. 30 марта (веч. вып.).

⁹⁴ Государственная дума // Товарищ. 1907. 13 марта.

вой» тактикой Крушевана, так и с амбициями лидеров. В.М. Пуришкевич интриговал против Крушевана, а тот против Пуришкевича, при этом у обоих депутатов возникли трения с А.И. Дубровиным, углядывавшим в них опасных конкурентов за пост вождя Союза. Уже в начале марта большинство членов СРН якобы высказалось за передачу всех дел Союза в руки Крушевана и избрание его председателем, чему воспротивились некоторые влиятельные «союзники». Также ходили слухи, что Дубровин, узнав об этом, «нервно заболел, предался уединению и истово молился», передав бразды партийного правления В.М. Пуришкевичу⁹⁵.

По сообщениям «Руси», против Крушевана как «неблагонадежного» Дубровиным и его сторонниками была предпринята кампания по дискредитации, вылившаяся в «целый ряд инцидентов», сделавших положение бессарабского деятеля весьма шатким. Газета прогнозировала скорый выход Крушевана из Союза и крупный раскол в последнем⁹⁶.

«Пуришкевич и Крушеван смотрят друг на друга волками, так как первый противник всякого наделения крестьян землей, а второй оказался народолюбом и требует крестьянам земли»⁹⁷, — сообщал «Петербургский листок». По словам газеты, «чтобы подняться в глазах населения», Крушеван даже высказывался за частичное отчуждение помещичьих земель. Кадетский «Думский листок» уже считал «устранение Крушевана из черносотенного лагеря за неблагонадежность» делом решенным, отмечая, что депутат все реже и реже стал посещать коллег по партии⁹⁸.

Кроме того, в газетах появились слухи, что бессарабский депутат якобы был причислен к Министерству народного просвещения⁹⁹ что, видимо, было связано с попыткой Крушевана и Пуришкевича договориться с командирами некоторых полков (в частности, Семеновского) об устройстве лекций для солдат, на которых депутаты выступили бы лекторами. Но, передавал «Петербургский листок», министерство особым распоряжением запретило устройство подобного рода мероприятий¹⁰⁰.

26 апреля в Москве открылся организованный СРН IV Всероссийский объединенный съезд русских людей. Среди 900 делегатов, прибывших со всех концов страны, были и депутаты Думы — Крушеван

⁹⁵ Раскол в союзе // Вести // Одесская газета. 1907. 10 марта.

⁹⁶ Дума и партии // Русь. 1907. 15 апреля.

⁹⁷ Государственная дума. Среди правых // Петербургский листок. 1907. 31 марта.

⁹⁸ Новости дня // Думский листок. 1907. 18 апреля.

⁹⁹ Последние известия // Казанский телеграф. 1907. 7 апреля.

¹⁰⁰ Государственная дума // Петербургский листок. 1907. 28 марта.

и Пуришкевич, видимо, временно примирившиеся ради единства партийных рядов. По предложению Крушевана съезд выразил горячее сочувствие Русской армии, незадолго до этого раскритикованной на думском заседании 16 апреля депутатом А.Г. Зурабовым. Пуришкевич ругал все думские партии, особенно кадетов и польское коло. 1 мая Съезд вынес постановление, включавшее требование роспуска Думы, введение в стране военного положения и обуздание революционной печати¹⁰¹.

К концу мая лидеры крайней правой твердо вознамерились сложить свои полномочия и покинуть Думу. Усилиями оппозиции их главный козырь — требование осуждения политических убийств — был окончательно снят с повестки думских занятий. Дума пережила два крупных скандала: Зурабовский инцидент и так называемый «скандал с тремя правыми» 4 мая, после которого три непреклонных монархиста — Пуришкевич, С.И. Келеповский и И.П. Созонович были удалены из парламента на 15 заседаний. Кстати говоря, к последнему скандалу Крушеван, согласно сообщениям «Руси», отнесся весьма неодобрительно. «В первый же день после моего приезда такой скандал», — говорил депутат в кулуарах. — «Помилуйте, немисливо находиться в Думе при таких условиях»¹⁰².

Крушеван действительно не стал дожидаться развязки. Журналистам он заявил, что не может дальше быть «бессильным свидетелем безобразий». Его намерение «объединить всех патриотов для борьбы с крамолой» встретило препятствие в среде самих же соратников правого политика, поэтому 25 мая Крушеван оставил думское кресло и уехал в Кишинев¹⁰³. Официально своих депутатских полномочий он не сложил и, видимо, предполагал возвратиться. Так, газета «Сегодня» сообщала, что перед отъездом Крушеван созвал «интимное» совещание правых депутатов, которые уговорили его окончательно не прерывать связи с Думой и «временами наезжать в Петербург»¹⁰⁴.

«Сенсация», на которую рассчитывала пресса, не состоялась — главным скандалистом II Государственной думы П.А. Крушеван так и не стал, он повел более гибкую и сдержанную политику. Несмотря на то, что либерально настроенные журналисты не гнушались использовать любые, даже самые фантастические слухи и сведения для демонизации политика, созданный ими образ записного погромщика и архичерносотенца, цель которого — взорвать Думу скандала-

---

¹⁰¹ Четвертый всероссийский съезд с.р.н. // Почаевские известия. 1907. 7 мая.

¹⁰² Еще об удалении Пуришкевича и компании / Отклики из Гос. думы // Русь. 1907. 6 мая.

¹⁰³ Последняя почта // Почаевские известия. 1907. 23 мая.

¹⁰⁴ Отъезд Крушевана / Дума // Сегодня. 1907. 28 мая.

ми, начал постепенно развеиваться. К концу первого месяца работы Думы внимание прессы к П. Крушевану резко ослабло, переключившись на более эксцентричных политиков, наподобие В.М. Пуришкевича, В.В. Шульгина, С.И. Келеповского и других правых «скандалистов». Немногочисленные думские речи Крушевана, его беседы и поведение в кулуарах, голосование вместе с крайними левыми, противоречия с соратниками по правому крылу выявили особую специфику его взглядов на политическую ситуацию в стране. Убежденный противник революции, он выступил против узурпации левыми права говорить от имени всего народа, не раз отстаивал интересы крестьянства и даже выказал свое неприятие террора как инструмента политики, хотя и признавал существование военно-полевых судов вынужденной мерой. При обсуждении бюджета он внес ряд конструктивных предложений либерального характера, не избегал общения с депутатами-крестьянами и рядовыми трудовиками, пытался усилить ряды монархической фракции за счет крестьянских представителей. Возможно, бессарабский депутат лавировал между различными депутатскими группами, пытаясь оторвать умеренные элементы от думского большинства или сплотить вокруг себя новую независимую фракцию? Может быть, он выжидал удобный момент для решающего наступления на Думу с целью ее «срыва» и дискредитации оппозиционного большинства в глазах верховной власти? Отрывочные и противоречивые данные прессы едва ли прольют окончательный свет на вопрос — к чему же стремился во II Думе П.А. Крушеван. Различие во взглядах на решение аграрного вопроса даже вызвало конфликт бессарабского депутата с руководством Союза русского народа и другими депутатами-монархистами, распространив слухи о его «полевении», что вызвало еще большее недоумение среди журналистов и общественности. Крушеван, «консервативный бомбист», как его называл В.В. Розанов, — один из очевидцев его парламентских выступлений, во многом остался непонятым своими современниками и по сей день остается фигурой спорной и загадочной.

А.А. ИВАНОВ

Как Н.Е. Марков с О.Я. Пергаментом стрелялись: к истории депутатской дуэли

В конце июня 1908 г. практически все российские столичные газеты в течение нескольких дней активно обсуждали и смаковали грандиозный думский скандал, грозивший перерасти в кровопролитие: лидер думских правых Н.Е. Марков¹ вызвал на дуэль представителя кадетской фракции О.Я. Пергамент². И хотя призывы к барьеру звучали уже во II Думе³, до реальных поединков дело не доходило, почин депутатским дуэлям был положен III Думой. Помимо того, что поединок должен был состояться между двумя народными избранниками, пикантность этой парламентской дуэли придавало еще и то обстоятельство, что драться за свою честь предстояло двум политическим антиподам, принадлежавшим к разным «мирам» — курский дворянин-черносотенец бросал вызов одесскому еврею-либералу. Этот контраст подчеркивали и секунданты, также члены Государственной думы: Маркова представляли лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевич и будущий лидер русских националистов В.В. Шульгин, а Пергамент — бывший народоволец В.А. Караулов и отставной генерал-лейтенант, поляк и масон А.Ф. Бобянский⁴ (оба кадеты).

Конфликт разгорелся 20 июня 1908 г. в ходе обсуждения Государственной думой законопроекта о реформе сыскной полиции. После того как известный адвокат, кадет О.Я. Пергамент выступил с критикой проекта закона, Н.Е. Марков произнес небольшую речь, в которой в свойственной для него иронично-издевательской манере указал на ис-

---

¹ См. биографию Н.Е. Маркова: *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Марков Николай Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 357—359;

² См. биографию О.Я. Пергамент: Пергамент Осип Яковлевич // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 452.

³ *Некрасов Н.В.* Несостоявшиеся дуэлянты: из истории скандалов во II Государственной думе // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2012. С. 87—100.

⁴ В стенограммах Государственной думы и материалах периодической печати фамилия депутата указывалась исключительно как Бобянский. в то время как в энциклопедии «Государственная дума Российской империи: 1906—1917» (С. 30—31) приоритет отдан написанию фамилии депутата через «а» — Бабянский.

кажения доклада судебной комиссии Государственной думы, допущенные оппозиционным оратором, объясняя их тем, что тот, сам являясь членом этой комиссии, на ее заседаниях никогда не бывал⁵. При этом Марков ввернул в свою речь напоминание о том, что «легализованный» ныне депутат Пергамент в октябре 1905 г. намечался в президенты провозглашенной революционерами «Одесской республики»⁶.

Замечания Маркова настолько задели Пергаamenta⁷, что он, попросив слова по личному вопросу, обвинил своего политического оппонента в принадлежности к сыскному отделению. Стенограмма этого думского заседания так передает речь кадетского оратора: «Я понимаю, почему он (Н.Е. Марков. — *А.И.*) стоит за сыскные отделения: это входит в область его деятельности, ибо он занимался сыском относительно того, как я посещал судебную комиссию. Но если сыскные отделения будут работать так, как депутат Марков, то это аргумент в пользу той теории, которую я защищаю (*Шум; голоса: довольно*). Господа, если у вас, кроме крика, лучшего аргумента нет, то прав я (*возгласы: долой; шум*). Я вышел из судебной комиссии, заявивши об этом официально (*рукоплескания слева*)»⁸. Однако помимо рукоплесканий слева, как отмечал «Петербургский листок», было еще и негодование справа, «выливающееся в довольно бурные формы»⁹.

Поэтому реплика Пергаamenta спровоцировала на очередное заявление Маркова, который с думской кафедры сообщил депутатам о том, что более не будет называть своего оппонента «уважаемым», так как тот «не умеет себя вести в Государственной Думе». И хотя, как заверил правый депутат, в намеке Пергаamenta на то, что он, Марков, состоит в сыскном отделении, не может быть ничего оскорбительного, поскольку служащие сыскной полиции — это государствен-

---

⁵ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 3818.

⁶ Там же. 3819—3820. Речь идет о т. н. «Южно-русской» или «Дунайско-черноморской республике», которая была провозглашена одесскими революционерами в 1905 г. На пост главы «республики» поддержку получила кандидатура О.Я. Пергаamenta, пользовавшегося симпатиями у местных социалистов.

⁷ Как отмечал А.И. Савенко, для Пергаamenta, известного как «лидер тех кадетов, которые решительно стоят за продолжение революционных методов борьбы», «воспоминание о его “президентстве” — нож острый. Вот почему он был так взбешен упоминанием г. Маркова о “Черноморско-Дунайской республике”» (*Савенко А.И.* Политические письма. CLXVII. Марков и Пергамент // *Волинская жизнь*. 1908. 29 июня).

⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Стб. 3823—3824.

⁹ В Государственной думе // *Петербургский листок*. 1908. 21 июня.

ные слуги, исполняющие перед страной свой долг, тем не менее в этих словах просматривается намерение нанести ему личное оскорбление. Поэтому если кадетский депутат не принесет извинений, подчеркнул правый политик, ему будет указан «способ, каким люди моего класса и моих понятий требуют к себе уважения»¹⁰. Заканчивал свое краткое выступление правый депутат уже «не выдерживая спокойного тона», под конец гневно ударив кулаком по пюпитру¹¹.

Далее, как сообщали газеты, Н.Е. Марков, сойдя с трибуны, что-то горячо объяснял обступившим его софракционерам, после чего бывшие рядом с ним депутаты В.М. Пуришкевич и В.В. Шульгин направились к О.Я. Пергаменту и у всех на глазах, «вопреки всяким кодексам дуэли»¹² и «нисколько ни соображаясь с условиями места и времени» в присутствии публики и прессы, передали ему вызов с просьбой определиться, какой способ сатисфакции он выбирает. Одесский депутат в ответ заверил секундантов, что он не имел намерения нанести оскорбление Маркову, но если тот считает себя оскорбленным, то пусть сам и выбирает способ защиты своей чести. Марков же был непреклонен, выразив свое требование следующей фразой: «Либо извинение, либо дуэль!»¹³.

При этом, как отмечали газеты, у многих свидетелей происшествия повод к дуэли вызывал недоумение. В Государственной думе I и II созывов из уст депутатов звучали и более обидные слова, чем намек на сотрудничество с сыской полицией, однако до поединков дело все же не доходило. Кадет А.И. Шингарев выражал недоумение тем, что могло оскорбить Н.Е. Маркова, который публично заявил, что не может считать оскорблением слова о причастности к сыскому отделению. «Где ж тут логика, — вопрошал Шингарев, — если бы Марков вздумал бы меня назвать кадетом, желая оскорбить, то разве я хоть одну минуту подумал бы оскорбиться?»¹⁴. Соглашался с кадетом Шингаревым и умеренно правый В.А. Бобринский, посчитавший

---

¹⁰ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Стб. 3825—3826.

¹¹ В Государственной думе // Петербургский листок. 1908. 21 июня.

¹² Как отмечал депутат-октябрист А.И. Звегенцев, «секунданты Маркова поступили совершенно противоположно тому, чего требует кодекс дуэли», поскольку «не только не охранялась тайна, но и самый вызов был сделан у ложи журналистов, как бы нарочно для того, чтобы придать наибольшую огласку ему» (Дуэль между Пергаментом и Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 22 июня).

¹³ Дуэли между депутатами // Биржевые ведомости. 1908. 22 июня (утр. вып.).

¹⁴ Дуэль между Пергаментом и Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 22 июня.

поступок Н.Е. Маркова «непонятным и несоответствующим здравому смыслу», а потому не видевший для дуэли совершенно никакого повода¹⁵. Но, как указывал кадет К.Л. Бардиж, в этом-то и заключалась самая большая проблема, ведь «если бы такой повод был, посредникам было бы легче найти какой-нибудь компромисс для примирения»¹⁶.

Возникал вопрос и о виновнике скандала. Правые винили во всем О.Я. Пергаменту¹⁷, либералы — Н.Е. Маркова. Досталось и товарищу председателя Государственной думы барону А.Ф. Мейендорфу, под руководством которого проходило заседание, окончившееся скандалом. «Дуэль эту надо поставить на счет Мейендорфу, не сумевшему справиться с заседанием», — отмечал в частном письме депутат М.В. Челноков¹⁸. Так же считал и журналист А.И. Ксюнин, полагавший, что Мейендорф «совершенно не умел остановить расходившихся депутатов и позволил разыгаться небывалому скандалу»¹⁹. А «Биржевые ведомости», явно выражавшие свои симпатии Пергаменту, корили Мейендорфа за то, что он «вовремя не остановил Маркова»²⁰. Удрученный случившимся Мейендорф заявил Пергаменту, что считает себя отчасти виновником вызова на дуэль, сделанного Марковым, а потому и сам готов дать Пергаменту какое угодно удовлетворение²¹ ...

Винили и неопытных секундантов, которые лишь усугубили конфликт, вместо того, чтобы погасить его путем отказа от сомнительной чести быть устроителями дуэли, поскольку для последней решительно не было повода. Обращали внимание и на то, что думская сессия слишком затянулась, депутаты переутомились, и как результат всего этого вышло «нелепое и недостойное заседание Думы»²².

Как бы то ни было, неприятный инцидент был налицо: Н.Е. Марков потребовал удовлетворения от О.Я. Пергаменту, а тот выразил

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Парламентская дуэль // Слово. 1908. 24 июня.

¹⁷ Узнав об инциденте, Курский губернский отдел Союза русского народа направил Н.Е. Маркову телеграмму, авторы которой, в том числе и епископ Курский и Белгородский Питирим (Окнов), возмущались «нахальством и дерзостью Пергаменту», осмелившегося нанести оскорбление «благородному защитнику Престола и Отечества» (Курская быль. 1908. 24 июня).

¹⁸ «У нас беда — страшная привычка к словам...» Письма депутата Государственной думы М.В. Челнокова к графине Е.А. Уваровой. 1903—1912 / Публ. Ф.А. Селезнева // Исторический архив. 2004. № 1. С. 177.

¹⁹ Ксюнин А. В кулуарах // Новое время. 1908. 22 июня.

²⁰ Дуэли между депутатами // Биржевые ведомости. 1908. 22 июня (утр. вып.).

²¹ В Думе // Речь. 1908. 22 июня.

²² Новое время. 1908. 21 июня.

готовность с оружием в руках отстаивать свою правоту. Таким образом, поединок становился практически неизбежным.

Впрочем, попытки предотвратить дуэль были, причем как с той, так и с другой стороны. Представители думского духовенства, в том числе и входящие во фракцию правых, не поддержали намерения Маркова отстаивать свою честь посредством поединка, исходом которого могла стать гибель одного из участников конфликта. «Для них, — отмечал А.И. Ксюнин, говоря о думских священниках, — казалось совершенно несовместимым звание народного представителя и угрозы «лишения жизни»²³. Свое мнение на этот инцидент священники и присоединившиеся к ним крестьяне выразили в особом заявлении, поданном председателю Государственной думы, подчеркивая, что дуэль противоречит духу христианского учения и «не может быть справедливым способом разрешения споров и недоразумений между кем бы то ни было, а в особенности, между членами Государственной думы, являющимися представителями не личных, а народных интересов»²⁴. Выход из этой неприятной ситуации виделся им в публичном осуждении Думой дуэли как способа выяснения отношений и в создании особой примирительной комиссии.

Как сообщали газеты, неодобрительно к дуэли отнесся даже один из секундантов Маркова, но особенно негодовал сподвижник курского депутата по фракции правых Г.Г. Замысловский, который крайне резко осуждал поступок своего софракционера²⁵. Впрочем, мотив у Замысловского был несколько иной, чем у представителей думского духовенства. Как отмечала правая «Курская бль», заявленная дуэль «доблестного сына Курского края» с «одесским шарлатаном» вызвала у монархистов большое удивление, ибо им казалось немислимым, что русский дворянин Марков оказал столь высокую честь еврею²⁶ «Еське

---

²³ Ксюнин А. В кулуарах // Новое время. 1908. 22 июня.

²⁴ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Стб. 3919—3920.

²⁵ Дуэль между Пергаментом и Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 22 июня; В Думе // Речь. 1908. 22 июня.

²⁶ Выходец из иудейской семьи О.Я. Пергамент принял православие, чтобы жениться на христианке — дочери профессора Сокольского, однако «несмотря на это, связь его с еврейством никогда не прерывалась», и «он принадлежал к числу тех немногих прозелитов, которых евреи всегда считают своими» (Бугаевский А.А. Осип Яковлевич Пергамент: к пятилетию со дня смерти (16 мая 1909 г.). Одесса, 1914. С. 4, 12). После смерти Пергамент митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Антонием (Вадковским) особо указывалось, несмотря на то, что депутат принял православие 14 лет назад, он никогда не участвовал в таинствах и обрядах православной церкви, а потому не может быть причислен к православным христианам. (К смерти члена Гос. думы О.Я. Пергамент // Курская бль. 1909. 24 мая).

Пергаменту», тем самым признавая его равным себе. Один из «почтенных курских черносотенцев» при известии о дуэли Маркова с депутатом-евреем даже воскликнул: «не драться на дуэли надо с Пергаментами, а бить их кулаком везде и повсюду!». Желая как-то оправдать поступок своего земляка, «Курская быль» давала такую трактовку этого вызова: «Конечно, курский депутат вызывал не Иоссея Пергамента, прославившегося <...> своим пламенным «президентством» в «южно-русской» республике, а члена Государственной Думы», а потому главным виновником создавшегося положения является витевский закон, допустивший евреев в ряды законодателей²⁷. По мнению же националиста А.И. Савенко, заявившего о том, что хотя он и преклоняется «пред высотой духа Н.Е. Маркова, который, будучи оскорблен, пошел по зову долга чести, смело рискуя жизнью», нельзя не протестовать против этой дуэли, поскольку «в глазах всех честных русских людей доброе имя г. Маркова ничуть не пострадало от того, что деятель революционного лагеря выразился о нем оскорбительно». «Реагировать на мелочные уколы проституттов революции — слишком много чести для них», — заключал А.И. Савенко²⁸.

В кадетской партии также нашлось немало противников выбранного Марковым и Пергаментом способа разрешения конфликта, поскольку сам факт участия известного представителя партии, отрицающей дуэли как таковые, в поединке на пистолетах выглядел довольно странно. Как отмечал один из основателей кадетской партии князь П.Д. Долгоруков, назвавший дуэль «абсурдом» и «варварским пережитком», после того, как фракция, а затем и партийная конференция осудили подобный способ выяснения отношений, «принимающие вызов, поступают вопреки взглядам партии»²⁹. В статье кадетского рупора газеты «Речь» с характерным названием «Стыдно!» отмечалось, что если итогом дуэли станет гибель одного из ее участников, то «каково же будет членам Думы вообще, не говоря уже о той фракции, к которой принадлежал убитый, да еще и невиновный, видеть в Думе убийцу, сидеть рядом и работать с ним, обрызганным свежей, еще не засохшей, пролитой им только что кровью? Как это законодатель-депутат будет писать законы рукой, запачканной в крови другого депутата?»³⁰. В связи с этим инцидентом 22 июня было собрано экстренное заседание кадетской фракции, на котором депутат А.И. Шингарев категорично заявил: «ни в каком случае и ни

---

²⁷ Курская быль. 1908. 25 июня.

²⁸ Савенко А.И. Политические письма. CLXVII. Марков и Пергамент // Волинская жизнь. 1908. 29 июня.

²⁹ Кн. П.Д. Долгоруков о дуэли // Русское слово. 1908. 26 июня.

³⁰ Левитский Е. Стыдно! (К вопросу о дуэлях) // Речь. 1908. 25 июня.

при каких условиях я на дуэль согласиться не могу»³¹.

Но в итоге во фракции, убедившейся, что сломить «железное упрямство» Пергамента, который «решительно заявил, что не изменит своего решения даже и в том случае, если ему будет угрожать исключение из фракции»³², будет не просто, возобладали иная точка зрения. Как заявил депутат В.А. Степанов: «Тут никакой партийной дисциплины быть не может. Поведение Маркова 2-го было настолько характерным, что другого выхода быть не может»³³. Его поддержал и Н.Н. Львов, призвавший «положить конец этой травле правыми кадетов»³⁴. А К.Л. Бардиж особо подчеркнул, что поскольку Пергамент не только кадет, но и еврей, то он просто обязан стреляться, так как в случае уклонения от дуэли правые непременно будут указывать на его национальную и партийную принадлежность как на причину отказа и трактовать нежелание с оружием в руках отстаивать свою правоту как якобы свойственное кадетам и евреям малодушие³⁵. К единому мнению кадеты так и не пришли: одни остались при убеждении, что дуэль невозможна, другие — указывали на то, что правые загнали Пергамента в такое положение, что тому никак нельзя не отвечать. В итоге Ф.И. Родичев призвал кадетскую фракцию поддержать решение Пергамента стреляться, а не осуждать его³⁶. В свою очередь, противники дуэли, находя «все происходящее глубоко ненормальным явлением», признали, «что помочь горю уже нельзя: создавшееся положение совершенно безвыходное»³⁷. Как заявил противник дуэли князь П.Д. Долгоруков, «трудно осуждать Пергамента, как отрицательно не относиться к дуэли»³⁸. «О дуэли говорили как о факте, который почти неизбежен. Представители кадетской фракции, недавно осудившие дуэль на делегатском съезде, и те в большинстве сходились на том, что Пергаменту следовало принять вызов», — резюмировал А.И. Ксюнин³⁹.

³¹ Дуэль Пергамент — Марков 2-й // Биржевые ведомости. 1908. 22 июня (утр. вып.). См. также: Шингарев А. *La bete humaine* // Речь. 1908. 22 июня.

³² Дуэль между Пергаментом и Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 22 июня.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Дуэль Пергамент — Марков 2-й // Биржевые ведомости. 1908. 22 июня (утр. вып.).

³⁶ Дуэль не состоялась // Биржевые ведомости. 1908. 24 июня (утр. вып.).

³⁷ Дуэль между Пергаментом и Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 22 июня.

³⁸ Кн. П.Д. Долгоруков о дуэли // Русское слово. 1908. 26 июня.

³⁹ Ксюнин А. В кулуарах // Новое время. 1908. 22 июня.

Таким образом, кадеты оказались в довольно щекотливом положении. Правые, по сути, загнали Пергаamenta в угол: откажись он от дуэли, как того требовало постановление партии, его бы сочли трусом (и вместе с ним и всех кадетов⁴⁰), а принимая вызов, он сводил на нет только что принятое конституционно-демократической партией решение о недопустимости дуэлей как таковых. Между тем черносотенное «Русское знамя» активно способствовало тому, чтобы выбраться из этого «угла» у Пергаamenta не было никакой возможности. «Мы хорошо знаем, что дуэли не состоится, что гад скорее будет лизать запыленные сапоги своего противника, но на дуэль с ним не пойдет!», — отмечало издание. При этом подчеркивалось, что «Марков не француз, а курский дворянин, который оскорблять себя не позволит и не станет вместо Пергаamenta стрелять по воробьям»⁴¹. А консервативная газета «Свет» указывала на то, что когда поднимался вопрос о дуэли между А.И. Гучковым и П.Н. Милюковым⁴², «г. Пергамент

⁴⁰ В связи с этим можно напомнить, что в отношении кадетов подобные обвинения справа уже звучали. Так, во II Думе кадет Ф.И. Родичев, уклонившись от вызова со стороны В.И. Гурко, удостоился от В.М. Пуришкевича ядовитой эпиграммы, в которой были упомянуты «трусливые пятна» на штанах кадетского депутата, вызванные «нежданной дуэлью» (См.: *Некрасов Н.В.* Несостоявшиеся дуэлянты. С. 95). Схожую трактовку со стороны правых также получило нежелание кадетского лидера П.Н. Милюкова в январе 1908 г. отвечать вызовом на оскорбление («подлец»), отпущенное в его адрес В.М. Пуришкевичем. «Получив оскорбление публичное, вы утерлись... Не имея чести, вы уклонились от действительного способа оправдаться перед общественным мнением, вызвав меня на дуэль. Я ждал весь день вчера секундантов ваших, они не явились, и теперь, посылая настоящее письмо в копии членам Государственной думы различных фракций, я хочу этим выразить вам мое глубочайшее презрение, как трусу...», — заявлял в открытом письме Милюкову Пуришкевич (К инциденту Пуришкевич — Милюков // *Курская быль.* 1908. 31 января). А дальний родственник Милюкова, придерживавшийся правых взглядов, обращаясь к кадетскому лидеру через прессу, констатировал: «Я уверен, что если бы г. Пуришкевич публично плюнул Вам в лицо, вы бы только утерлись, а на дуэль все-таки г. Пуришкевича бы не вызвали потому, что подобно изменникам Родичеву, Зурабову и Наливкину (т. е. депутатам II Думы, также уклонившимся в свое время от дуэли. — *А.И.*), вы — презренный трус» (*А.Ф. В-ъ.* Открытое письмо П.Н. Милюкову // *Курская быль.* 1908. 10 февраля).

⁴¹ Русское знамя. 1908. 24 июня.

⁴² В мае 1908 г. лидер октябристов А.И. Гучков вызвал на дуэль лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, заявившего в Думе, что Гучков по одному из обсуждавшихся вопросов «говорил неправду». Милюков вызов принял, но дуэли не состоялось — пятидневные переговоры секундантов закончились примирением сторон. В связи с этим инцидентом кадеты

уговаривал г. Милюкова стреляться. А если другому советовал, то надо и самому не уклоняться от поединка»⁴³.

И Пергамент, взвесив все «за» и «против», вызов принял, ведь среди правых, как отмечало «Слово», царило глубокое убеждение, что одесский депутат поединка испугается, а «один из правых депутатов открыто выразил уверенность, что г. Пергамент как еврей, конечно, от дуэли откажется»⁴⁴. Сторонники депутата-кадета ликовали, так как, по их мнению, храбрость Пергамента «ошеломила правых»⁴⁵.

Одесский депутат тут же был возведен либеральной прессой в ранг героев: в квартире Пергамента, отмечали газеты, началось настоящее столпотворение, «публика то и дело приходит и уходит», его помощники не успевают всех удовлетворить ответами на все расспросы, а телефон не перестает работать, т. к. «то и дело по телефону спрашивают о дуэли»⁴⁶. Примерно то же самое наблюдалось и в Думе. «В кулуарах все внимание обращено на Пергамента. Его спрашивают коллеги по фракции, согласится ли он на какой-нибудь компромисс. Пергамент энергично заявляет, что только в том случае, если Марков возьмет свой вызов обратно, инцидент может быть исчерпан»⁴⁷. При этом либеральные газеты особенно подчеркивали «поражающее спокойствие» и «удивительную хладнокровность» Пергамента, который, «в полном спокойствии духа», раздает распоряжения «накануне рокового дня»⁴⁸. Пронесся даже слух, что адвокат Пергамент, «на расстоянии 3-х саженей попадающий в серебряную монету без промаха», поставил со своей стороны условие: драться до смерти одного из противников⁴⁹.

Но вознесенный на пьедестал либералами Пергамент получил удар слева. В отличие от кадетов, трудовики и социал-демократы осудили — приняли специальное постановление, гласящее, что «члены фракции ни в каком случае и ни с кем не должны драться на дуэли» (Дуэль между Пергаментом и Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 22 июня).

⁴³ По поводу дуэли депутата Маркова 2-го с депутатом Пергаментом // Свет. 1908. 22 июня.

⁴⁴ К дуэли между О.Я. Пергаментом и Н.Е. Марковым // Слово. 1908. 22 июня.

⁴⁵ Дуэль Пергамент — Марков 2-й // Биржевые ведомости. 1908. 22 июня (утр. вып.).

⁴⁶ И.Н. «Сконапель истоар» // Новое время. 1908. 25 июня.

⁴⁷ Дуэль Пергамент — Марков 2-й // Биржевые ведомости. 1908. 22 июня (утр. вып.).

⁴⁸ Дуэль между Пергаментом и Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 22 июня.

⁴⁹ К дуэли О.Я. Пергамента с Н. Е. Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 23 июня; В Государственной думе // Петербургский листок. 1908. 24 июня.

ли эту дуэль без всяких оговорок. По мнению большевика В.В. Воровского, кадетский депутат, согласившись на дуэль с Марковым, оказался в более смешном положении, чем его оппоненты справа, «ибо он придавал дуэли очень серьезное значение, между тем как противная сторона едва ли верила в ее осуществление»⁵⁰. При этом он тем самым полностью перечеркнул либеральный принцип своей партии, провозглашающей торжество права над силой. «Этот принцип безусловно исключает дуэль как средство разрешения споров и недоразумений, — отмечал Воровский. — Дуэль есть худшая форма силы, вернее, насилия, ибо она маскирует свою примитивную грубость пышными фразами о чести, гордости и пр. Господин Пергамент не имел нравственного права — если только хотел быть последовательным — принять вызов. Но он принял его, мотивируя тем, что он должен защищать свою честь. Этим он только подтвердил свою непоследовательность. Вероятно, в основе его настроения лежала боязнь, как бы господа с правой не подумали, что вот он, кадет, да к тому же еврей, «струсит», как бы они не заподозрили, что его принципиальный отказ есть не что иное, как попытка увернуться от опасности. Если это так, то г. Пергамент совершил непростительное преступление против своих же убеждений. В споре с Марковыми он отказался от своей точки зрения и перешел на их точку зрения. Он начал рассуждать о чести, о гордости, о храбрости так, как рассуждают Марковы и Пуришкевичи, а не так, как подсказывало ему его собственное мировоззрение. Он дал этим пощечину понятиям о чести своей собственной партии»⁵¹.

О том, как развивались события, прекрасно видно из протоколов⁵², которые вели секунданты с обеих сторон. 21 июня секунданты Н.Е. Маркова — В.М. Пуришкевич и В.В. Шульгин, а также секунданты О.Я. Пергаamenta — В.А. Караулов и А.Ф. Бобянский собрались на квартире князя П.Д. Долгорукова, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Пуришкевич и Шульгин заявили, что Маркову было нанесено оскорбление, требующее либо публичных извинений, либо поединка, на что получили ответ, что оскорбления не было, но Пергамент не отказывается от удовлетворения в виде дуэли. На следующий день переговоры доверенных лиц продолжились (сначала на квартире Долгорукова, а затем — Пуришкевича), причем Бобянский и Караулов заявили, что поскольку обе стороны конфликта

⁵⁰ Воровский В.В. Еще о дуэли Пергаamenta // Воровский В.В. Фельетоны. М., 1960. С. 121. Впервые опубликовано: Одесское обозрение. 1908. 27 июня.

⁵¹ Воровский В.В. Еще о дуэли Пергаamenta. С. 121—122.

⁵² См.: Новое время. 1908. 26 июня; Речь. 1908. 26 июня; Курская быль. 1908. 29 июня; Киевлянин. 1908. 29 июня.

проявили резкость и дискутировали на повышенных тонах, а Пергамент не имел намерения оскорбить Маркова, то от поединка следует отказаться. Согласившись с тем, что и речь Пергамента была «язвительной», и ответ Маркова — «ядовитым», Пуришкевич и Шульгин подчеркнули, что именно слова Пергамента «содержали в себе признаки оскорбления», а потому избежать поединка без произнесения последним с думской кафедры извинений, никак невозможно. Не сумев договориться о примирении сторон, 23 июня секунданты, собравшись на квартире у Шульгина, выработали правила дуэли, согласно которым противники должны были стреляться с расстояния 25 шагов⁵³.

Вначале местом дуэли предполагалось выбрать финляндскую территорию — Териоки, затем остановились на окрестностях Петербурга и безрезультатно искали подходящее место на Крестовском острове в районе Яхт-клуба. В конечном счете, было решено, что дуэль должна состояться 24 июня под покровом ночи в Удельном парке, на небольшой лужайке близ Егерского проезда — месте, закрытом от посторонних глаз кустарником и деревьями.

Между тем столичная публика, которая, как и всякая другая толпа, всегда требует хлеба и зрелищ, подогреваемая репортажами газет, почувствовала себя по случаю предстоящей депутатской дуэли в приподнятом праздничном настроении. «Это была настоящая злоба дня», — отмечал А.И. Савенко, по словам которого, некоторые газеты даже выпускали дневные телеграммы о развитии событий, «бравшиеся нарасхват, точно в дни ляолянских и мукденских боев». «Газеты из-за этой дуэли все остальное позабыли, и репортеры, как тени, везде неотступно блуждали за дуэлянтами и их секундантами...»⁵⁴. Газетчики, предвкушая грядущее событие, рисовали его в пафосных и трагических тонах, сообщая о том, что, несмотря на трогательную телеграмму жены Пергамента, просившей подумать мужа о детях, последний готовится к роковому поединку с олимпийским спокойствием. Также сообщалось, что Марков «как-то осунулся, побледнел, но по виду спокоен»⁵⁵. Всецело захватила готовящаяся дуэль и депутатов Государственной думы. «Дуэль между Марковым и Пергаментом камнем легла на всех, — писал «Петербургский листок». — Докладчики выступают, законопроекты принимаются, но депутаты далеки от обсуждаемых вопросов. Одна только тема интересует всех

---

⁵³ Дуэль О.Я. Пергамента с Н.Е. Марковым // Новое время. 1908. 26 июня.

⁵⁴ Савенко А.И. Политические письма. CLXVII. Марков и Пергамент // Волынская жизнь. 1908. 29 июня.

⁵⁵ К дуэли Пергамент — Марков 2 // Петербургский листок. 1908. 24 июня.

— предстоящий поединок»⁵⁶. «Условия [дуэли] установлены очень серьезные и без крови дело не обойдется», — настраивало публику на трагический лад «Русское слово»⁵⁷.

Но вместо драматического акта вышел фарс. Так как о дуэли знали практически все, репортеры устроили «засады» у квартир дуэлянтов, чтобы не упустить момент. Поэтому когда виновники «события» отправились к месту поединка, за ними последовал целый кортеж. «Во втором часу ночи к Удельнинскому парку катили автомобили, — сообщало «Новое время». — За Пергаментом следило четыре автомобиля, за Марковым два. Все они переполнены журналистами, репортерами; некоторые с кодаками, а на одной машине известный заправский фотограф. Налицо все необходимые принадлежности французских парламентских дуэлей, о которых печать заранее знает все подробности»⁵⁸. В 2 ч. 15 мин. прибыл Пергамент, в 2 ч. 37 мин. — Марков. В скором времени, помимо самих дуэлянтов, их секундантов и кареты скорой помощи, на поляне собралось «народу не меньше, чем в дни больших думских заседаний»⁵⁹. По оценкам репортеров, наблюдать за поединком прибыло от 11 до 20 автомобилей с публикой. На месте дуэли были корреспонденты «Слова», «Речи», «Нового времени», «Голоса Москвы», «Русского слова», «Биржевых ведомостей», «Последних новостей» и одной иностранной газеты⁶⁰. По словам репортеров, «большая группа собравшихся оживленно беседовала, курила. Появились откуда-то конфеты, фрукты»⁶¹. «Не хватало только предприимчивого антрепренера, чтобы заблаговременно устроить места для публики, пригласить оркестр для увеселения перед спектаклем и в антрактах», — иронично замечал корреспондент «Нового времени»⁶².

Обменявшись поклонами, дуэлянты разошлись по разные стороны поляны. Предложение Караулова примириться было встречено усилившим трагизм положения молчанием. Шульгин, отмерив дистанцию, обозначил барьеры, положив трости. Пуришкевич не без присущей ему «некоторой суетливости» зарядил пистолеты; Караулов, скинув сюртук, приготовился командовать. Публика замерла, репортеры схватились за блокноты, фотографы изготавились к съемке, Марков и Пергамент встали на отмеченные секундантами места боком друг к другу... Но почти в самый решительный момент на ме-

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Из зала Думы // Русское слово. 1908. 24 июня.

⁵⁸ *Альфа*. Предупрежденная дуэль // Новое время. 1908. 25 июня.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Парламентская дуэль // Слово. 1908. 24 июня.

⁶¹ *Глезеров С.* Удельная. Очерки истории. М., 2012. С. 174.

⁶² *И.Н.* «Сконапель истоар» // Новое время. 1908. 25 июня.

сте дуэли появились полицейские чины, заставившие секундантов разрядить оружие в воздух, а затем конфисковавшие его. Попытка задержать самих дуэлянтов не увенчалась успехом — Шульгин поведал полицейским чинам о депутатской неприкосновенности⁶³, объяснив, что «никто не имеет права понуждать народных представителей идти в участок»⁶⁴. Затем появилось порядка 40 пеших и конных городских, и дуэлянты вместе с разочарованной публикой были вынуждены возвращаться по домам⁶⁵. «Не состоялась... А жалко... Придется третью ночь дежурить...», — заметил какой-то журналист⁶⁶.

Как выяснилось позже, уже за два дня до дуэли по распоряжению петербургского градоначальника были приняты меры по недопущению кровопролития — усилены посты в пригородных зонах и установлено наблюдение за причастными к поединку лицами⁶⁷. Лесничество накануне вечером получили распоряжение от полиции не спать всю ночь и быть настороже, поскольку ночью в пределах Удельного парка ожидалась дуэль⁶⁸. «Всюду следили, — рассказал репортерам один из полицейских, — наряды были расставлены по всему Крестовскому и на других островах. Было приказано во что бы то ни стало остановить дуэль...»⁶⁹.

Естественно, что такой водевильный финал разрекламированного прессой поединка тут же породил разговоры о том, что кто-то из его участников донес в полицию. По свидетельству депутата А. А. Потоцкого, все косились друг на друга, причем в неожиданном появлении полиции правые были склонны винить либералов, а либералы — правых⁷⁰.

Черносотенное «Русское знамя» предполагало, что виновник несостоявшейся дуэли не кто иной как сам Пергамент, который якобы писал письма «фараонам» примерно следующего содержания: «Гевалт,

---

⁶³ Неприкосновенность депутатов устанавливалась статьями 15 и 16 «Учреждения Государственной думы» от 20 февраля 1906 г., которые воспрещали лишать членов Думы свободы «иначе, как по распоряжению судебной власти», а также арестовывать их во время сессии без предварительного согласия Думы (*Демин В.А.* Государственная дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1998. С. 178).

⁶⁴ *К-ин А.* Дуэль между депутатами // Речь. 1908. 25 июня.

⁶⁵ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 328.

⁶⁶ *Альфа.* Предупрежденная дуэль // Новое время. 1908. 25 июня.

⁶⁷ К дуэли Пергамента с Марковым (По телефону от нашего петербургского корреспондента) // Русское слово. 1908. 25 июня.

⁶⁸ Дуэль О.Я. Пергамента — Н.Е. Маркова // Слово. 1908. 25 июня.

⁶⁹ *Альфа.* Предупрежденная дуэль // Новое время. 1908. 25 июня.

⁷⁰ Несостоявшаяся дуэль О.Я. Пергамента с Н.Е. Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 25 июня.

спасайте, друзья! Все меня оставили, я сейчас умру»⁷¹, и интересовалось, «сколько заплатили за «бутафорию» и «статистам» за выход». Подозрение усиливалось тем, что еще 22 июня «Биржевка» отмечала, что к Пергаменту в ресторане подошел прокурор Петербургской судебной палаты П.К. Камышанский «и беседовал с ним, очевидно уже зная о дуэли»⁷². Другое монархическое издание, настаивая на том же объяснении провала дуэли, указывало, что очевидцы якобы слышали, как при появлении полиции Пергамент облегченно произнес: «Наконец!»⁷³. При этом особо подчеркивалось, что столь широкую огласку дуэль получила исключительно благодаря шумихе либеральной прессы и болтливости самого Пергамента, который даже телеграмму своей жены сделал достоянием прессы. «Чья болтливость разгласила, что одесские избиратели просят Пергамента сохранить драгоценную для них жизнь представителя Одессы? Безусловно, и для семьи г. Маркова, и для курских избирателей жизнь Маркова не менее драгоценна, но в печати не проникло никаких подробностей по этому поводу. Ясно, что один из «дуэлянтов» много болтал, создавал себе рекламу, а другой молчал», — отмечало издание, делавшее из этого вывод, что «правы были те, кто от души сожалел, что Марков связался с евреем на поприще чести»⁷⁴. Между тем симпатизировавшее Пергаменту «Слово» винило в появлении полиции Маркова, поскольку тот накануне дуэли, в отличие от депутата-кадета, ни от кого не скрывался, а значит, проследить за ним было проще⁷⁵.

Винили также и секундантов. «Нет, вы подумайте только, — разводят руками депутаты, — ездили на моторах осматривать место, вымерять и т. п. Еще бы вежи поставили!»⁷⁶. Секунданты, проведя 24 июня на квартире В.А. Караулова очередное совещание, выступили с заявлением в свое оправдание: «Мы, посредники, удостоверяем взаимно, что нами были предприняты все доступные для нас меры к сохранению тайны поединка, и что появление полиции, а также присутствие на месте поединка большого числа газетных корреспондентов, явилось для нас полной и прискорбной неожиданностью»⁷⁷.

Однако, как справедливо замечал журналист «Нового времени», каков смысл «судить да рядить — кто выдал?», когда о дуэли с самого

---

⁷¹ Русское знамя. 1908. 25 июня.

⁷² Дуэль Пергамент — Марков 2-й // Биржевые ведомости. 1908. 22 июня (утр. вып.).

⁷³ Вести и слухи из Думы // Курская быль. 1908. 1 июля (перепечатка из «Харьковских ведомостей»).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Дуэль О.Я. Пергамента — Н.Е. Маркова // Слово. 1908. 25 июня.

⁷⁶ Несостоявшаяся дуэль О.Я. Пергамента с Н.Е. Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 25 июня.

начала знали абсолютно все, а некоторые газеты даже успели дать накануне анонсы, напоминающие объявления о борцах в увеселительном саду, в которых указывалось место и время поединка. «В дуэльном кодексе есть статья: «секундант является поверенным своего доверителя и обязан хранить в тайне сообщенные ему факты, мысли и желания». В депутатской истории тайны не было: нам сообщали подробности каждого шага действующих лиц, так что все мы обратились как будто в естествоиспытателей и разглядывали стеклянные банки, в которые посадили гг. Пергамента и Маркова», — говорилось в заметке⁷⁸.

«Полиция чрезвычайно легко могла узнать, где и когда состоится дуэль, — отмечал в свою очередь репортер «Петербургского листка». — Достаточно указать на то, что когда в 12 часов ночи я подошел к Гостиному двору, чтобы нанять себе автомобиль, у меня шофер тотчас же спросил: «Это вам для дуэли?» — «Для какой дуэли?» — Да вот той, что сегодня на рассвете состоится между членами Государственной думы. У нас уже 4 автомобиля взяли и поехали на Пушкинскую улицу»⁷⁹.

Как бы то ни было, столь комичный финал поединка, разочаровавший публику, заставлял Маркова и Пергамента довести начатое дело до конца. «Правые и кадеты оказались единодушны на этот раз и находят, что теперь-то уж дуэль должна быть, — «честь велит», иначе скажут, что нарочно все было подстроено», — отмечала столичная газета⁸⁰. Поддержал это решение и такой авторитетный знаток дуэльного кодекса как генерал А. А. Киреев, заявивший, что хотя сам он противник подобных поединков, но в данном случае, «раз люди решили», то дуэль должна быть доведена до конца⁸¹. В интервью журналистам О.Я. Пергамент так обозначил свою позицию: «Как решат секунданты, так я и поступлю. Я не бретер, но честь свою я защищать готов»⁸².

Между тем весь день 24 июня по городу ползли тревожные слухи, что дуэль якобы уже состоялась: «кто говорил, что г. Марков смертельно ранен, кто, наоборот, утверждает, будто г. Пергамент

---

⁷⁷ Дуэль О.Я. Пергамента с Н.Е. Марковым // Новое время. 1908. 26 июня.

⁷⁸ И.Н. «Сконапель истоар» // Новое время. 1908. 25 июня.

⁷⁹ Несостоявшаяся дуэль О.Я. Пергамента с Н.Е. Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 25 июня.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Дуэль, Марков 2-й — Пергамент // Свет. 1908. 25 июня.

⁸² К дуэли Пергамента с Марковым (По телефону от нашего петербургского корреспондента) // Русское слово. 1908. 25 июня.

убит...»⁸³. А около полуночи разнесся новый слух, что дуэль будет возобновлена 25 июня в 6 часов утра. «Это известие всполошило сотрудников газет. Вновь были заказаны автомобили, и начались розыски депутатов. К этому времени у квартир дуэлянтов появились околоточные надзиратели и городовые, не спускавшие глаз с подъездов», всюду были усилены полицейские посты⁸⁴. Словом, фантазия и страсти разыгрались не на шутку...

В итоге, в «условиях строгой секретности»⁸⁵ было решено перенести поединок на 25 июня в имение Зиновьево, расположенное на правом берегу Невы по направлению к Шлиссельбургу (ныне — Невский лесопарк). По предложению генерала А.Ф. Бобянского, чтобы скрыть от полиции и журналистов место дуэли, было решено устроить ее, не дожидаясь ночи и соблюдая все меры предосторожности. Дабы не вызывать подозрений, дуэлянты и их секунданты приняли в этот день участие в думском заседании⁸⁶, после которого около 16 ч. поодиночке и с разных пристаней направились на пароходе «Федор» к условленному месту, спрятав пистолеты в корзину с припасами. В целях конспирации решили обойтись на этот раз без кареты скорой помощи, вызвав заранее к месту дуэли (под предлогом необходимости оказания помощи одному из депутатов) думского доктора⁸⁷. Добравшись до означенного места, депутаты убедились, что поединку на этот раз никто не помешает (на месте дуэли, впрочем, опять оказались посторонние — бабы с ближайших огородов, увязавшийся с дуэлянтами пассажир парохода, репортеры⁸⁸ и два дачника, заверившие парламентариев, что мешать им в этом ответственном деле они не намерены). Секунданты отмерили 25 шагов, проверили готовность оружия, напомнили противникам условия поединка. Дуэль началась со слов Караулова «Поединок продолжается».

⁸³ Несостоявшаяся дуэль О.Я. Пергамент с Н.Е. Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 25 июня.

⁸⁴ Дуэль между депутатами // Речь. 1908. 25 июня.

⁸⁵ Самих дуэлянтов секунданты поставили в известность о месте поединка за несколько часов до его начала.

⁸⁶ Как сообщал «Киевлянин», при появлении Н.Е. Маркова и О.Я. Пергамент в Государственной думе, «их тотчас окружили депутаты, расспрашивали, одни выражали сочувствие, другие подтрунивали над неудачным исходом дуэли. Сами участники делали вид, что все кончено и старались перевести разговор на другие темы». (Дуэль Маркова 2-го с Пергаментом // Киевлянин. 1908. 29 июня).

⁸⁷ Дуэль Маркова 2-го с Пергаментом // Киевлянин. 1908. 29 июня.

⁸⁸ «Уж как ни скрывали место и время дуэли, все же, как только мы приехали в Зиновьево, первыми нас встретили сотрудники газет», — рассказывал в интервью, данном после дуэли О.Я. Пергамент (Дуэль между депутатами // Речь. 1908. 26 июня).

Противники скинули с себя сюртуки и жилеты и ровно в 18:00 по команде «раз, два, три» Н.Е. Марков и О.Я. Пергамент обменялись выстрелами. «...Раздались одновременно оба выстрела, причем первым, очевидно, стрелял Марков. Стало всем жутко. Пули просвистели мимо ушей противников. Не успели опомниться от этого страшного момента, как всем стало ясно, что оба противника, к счастью, целы и невредимы. Держались они чрезвычайно храбро, оба в одинаковой степени. Секунданты бросились обнимать и целовать своих друзей»⁸⁹. После этого В.А. Караулов, в виду исполнения всех поставленных условий дуэли, признал поединок состоявшимся, а конфликт исчерпанным. Марков и Пергамент, сойдя со своих мест, подошли друг к другу и обменялись рукопожатиями, после чего «искренно и спокойно беседовали». К этому времени на буксирном пароходике подоспела полиция, которой оставалось лишь осмотреть место поединка и изъять дуэльное оружие. На усмешки дуэлянтов один из чинов полиции посетовал: «Далеко-с»⁹⁰.

Как сообщала пресса, на обратном пути все участники дуэли собрались на совместный праздничный ужин, устроенный на пароходе «Петр I». «По заведенному обычаю дуэлянтам было подано шампанское, и все принялись пить за здоровье друг друга. Пили за общее дело, за процветание России. Дело дошло даже до поцелуев»⁹¹. «Высказывалось даже пожелание, чтобы печальный, но благополучно закончившийся инцидент послужил к сближению крайних партий в Г. Думе и к большему единению депутатов»⁹². Затем недавние противники завели оживленную беседу, подтрунивая над опоздавшей полицией, и делились сведениями об участии в дуэлях. При этом Н.Е. Марков, которого пресса называла накануне дуэли «превосходным стрелком», признался, что стрелял он из пистолета первый раз в жизни, а О.Я. Пергамент сообщил, что однажды участвовал в дуэли, будучи еще студентом. «Как оказывается, — сообщало новую «сенсацию» своим читателям «Слово», — В.М. Пуришкевич и О.Я. Пергамент — товарищи по гимназии и по университету; до дуэли они друг с другом не разговаривали... <...> [Но] В.М. Пуришкевич заявляет, что отныне «он будет уважать О.Я. Пергамента так же, как он уважает своего друга Н.Е. Маркова»⁹³.

---

⁸⁹ Дуэль Пергамент — Марков состоялась, оба противника невредимы // Биржевые ведомости. 1908. 26 июня (утр. вып.).

⁹⁰ Дуэль между депутатами // Речь. 1908. 26 июня.

⁹¹ А.Д. Дуэль между О.Я. Пергаментом и Н.Е. Марковым 2 // Петербургский листок. 1908. 26 июня.

⁹² Дуэль Маркова 2-го с Пергаментом // Киевлянин. 1908. 29 июня.

⁹³ Дуэль Пергамент — Марков II // Слово. 1908. 26 июня.

Нетрудно догадаться, что такой мелодраматический финал аукнулся вскоре как депутату-черносотенцу, так и парламентариию-кадету. Как вспоминал приятель последнего — известный петербургский адвокат и либеральный деятель М.С. Маргулиес, друзья Пергаamenta — «мягкого, как воск человека», «никому никогда ни в чем не умевшего отказать» — «корили его за то, что возвращаясь на пароходике по Неве с места, где была дуэль, он чокался бокалом шампанского с Марковым 2-м и Пуришкевичем»⁹⁴.

В свою очередь, крайне правые за то же самое укоряли Маркова. Единомышленники лидера Союза русского народа А.И. Дубровина не без издевки называли Маркова «побратимом» Пергаamenta, отмечая, что все симпатии крайне правых исчезли к нему после того, как он, якобы, «не побрезговал» поцеловаться с депутатом-евреем. «Вы превратились во мнения большинства союзников в самого заурядного «парламентария» и непротивленца конституционному заговору», — резюмировал дубровинец Н.Н. Жеденов⁹⁵. (Надо заметить, что слова эти сильно задели Н.Е. Маркова, заставив его выступить в печати в свое оправдание⁹⁶).

Подводя итог этой скандальной и несколько водевильной истории, «Русское знамя» не без иронии⁹⁷ резюмировало: «Итак, думс-

⁹⁴ *Маргулиес М.С.* Год интервенции. Книга первая (сентябрь 1918 — апрель 1919 г.). Берлин, 1923. С. 119.

⁹⁵ Оракул самообновленцев // *Дубровин А.И.* За родину. Против крамолы / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов. М., 2011. С. 276; *Жеденов Н.Н.* Гроза врагов русского народа / Сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М., 2013. С. 518.

⁹⁶ Отвечая Жеденову, Марков писал: «Основываясь на сведениях жидовской газеты «Речь», Вы утверждаете, будто я «целовался с Пергаментом». Но ведь Вы хорошо знаете, что «Речь», равно как и «Рус<ское> зн<амя>», — суть газеты, коим оболгать правого деятеля так же легко, как чихнуть. С Пергаментом я **стрелялся**, г. Жеденов, но никогда я с Пергаментом не целовался» (Ответ Маркова 2-го на статью Жеденова в «Русском знамени» // *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны темных сил / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов. М., 2011. С. 138—139).

⁹⁷ В связи с этим отметим, что приписываемое Н.Е. Маркову стихотворение «Раздумье», в котором, в частности есть такие строки «Будем Бога славить, / Что нам дан парламент, / Станет нами править / Там еврей Пергамент» (см.: *Ромов Р.Б.* Марков Николай Евгеньевич // Правая.Ру. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://prava.ru/ludi/450/3064>), на самом деле принадлежит не ему, а является не более чем издевкой над правым политиком. Опубликовано в дубровинском «Русском знамени» 29 июля 1908 г., т. е. вскоре после дуэли и последовавшего за ней «братания» дуэлянтов, стихотворение имело подпись «Туй Бур», что явно было намеком на курянина Маркова, нередко выступавшего в прессе под псевдонимом «Буй Тур».

кий инцидент исчерпан, смехотворная дуэль, наконец, состоялась. Она доказала только одно, что наша полиция, если захочет, то может помешать некоторым экскурсиям... особенно, если о них что-нибудь известно»⁹⁸. Впрочем, из этой дуэли можно сделать еще один вывод: она поставила как Н.Е. Маркова, так и О.Я. Пергамента в довольно нелепое положение, что, правда, отчасти компенсировалось той широкой рекламой (а, значит, и популярностью) которую сделали газетчики всем участникам этого фарса.

В качестве постскриптума отметим, что прокурорским надзором Петербургского окружного суда было возбуждено «преследование против лиц, принимавших активное участие в организации дуэли между депутатами Пергаментом и Марковым». Основанием для возбуждения дела послужил полицейский протокол, составленный еще при первом, расстроенном вмешательством полиции поединке. Окончательно же точка в этом деле была поставлена только через десять месяцев — в апреле 1909 г. Окружной суд, выслушав дело по обвинению членов Государственной думы Н.Е. Маркова в вызове на дуэль, а О.Я. Пергамента в принятии вызова, постановил: приговорить Маркова к семидневному аресту на гауптвахте, а Пергамента — к трехдневному⁹⁹.

---

⁹⁸ Обзор печати // Русское знамя. 1908. 27 июня.

⁹⁹ Телефон. (От наших корреспондентов) // Русское слово. 1908. 19 июля; Телеграммы наших корреспондентов и С.-Петербург. агентства // Голос Москвы. 1909. 16 апреля.

Н.С. СИДОРЕНКО, В.В. МУСАТОВ

Депутаты регионов в Государственной думе и общественно-политическая жизнь страны (штрихи к портрету уральского депутата А.А. Бубликова)

История политического лидерства — актуальное направление современной отечественной историографии. Определенное место занимает в нем проблема лидерства в Государственной думе России начала XX в. Вместе с тем следует отметить, что исследование данного вопроса получило наибольшее развитие на общероссийском уровне (на уровне руководства ЦК партий и лидеров фракций Государственной думы). Изучение лидерства «второго плана», в том числе связанного с региональным аспектом, требует дальнейшего развития. Включение его в предмет исследования позволит глубже отразить механизм функционирования Думы, думскую и внедумскую тактику ее основных фракций, выявить взаимосвязь с общественной жизнью страны.

В данной статье рассматривается политическая биография одного из уральских депутатов IV Государственной думы Александра Александровича Бубликова. Обращение к данной персоне объясняется не только тем, что он нес в себе определенные «типичные» черты, характерные для уральского депутатского корпуса в целом, но в первую очередь тем, что он выделялся из его состава по ряду параметров. В историю его имя вошло не столько в связи с активной и плодотворной законотворческой работой, сколько с активной политической деятельностью, в том числе в связи с событиями Февральской революции 1917 г. и отречением Николая II.

Отечественная историография по данному вопросу представлена рядом научных и научно-публицистических статей, в которых освещается преимущественно политическая биография А. Бубликова¹. Упоминания о нем в связи событиями Февральской революции имеют место в работах П.В. Волобуева² и А.Б. Николаева³, в мемуарах

---

¹ Почетные граждане Екатеринбурга: Исторические очерки. 2-е издание, дополненное. Екатеринбург, 2008. С. 26—29; *Баринов А.* Бубликов, пославший телеграмму.... // *Забайкальский рабочий*. 2006. 12. октября (Чита) и др.

² *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 308—309.

³ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 107, 109, 141, 144, 238, 243, 279, 293, 316, 317, 328—330, 332—340, 342—345, 351, 371, 372, 374, 389, 390, 392, 409, 419, 420, 447, 448, 453, 454, 480, 590.

политических деятелей. Думская работа депутата Бубликова освещена лишь в статье, опубликованной в думской энциклопедии⁴, объем которой не позволил автору дать наиболее полную ее картину.

Исследователи обращают внимание на особенности склада личности «героя», которые обусловили его продвижение по служебной карьере и в общественно-политической жизни страны. Сын чиновника Министерства путей сообщения, инженер путей сообщения, по общему выражению А.И. Солженицына, никогда не помещался в жизненном амплуа, никакая работа на действующей дороге или на постройке новой никак его не насыщала⁵. Стремление реализовать свои амбициозные планы привело его к установлению контактов с представителями «делового мира» — российскими предпринимателями и промышленниками, которые в рассматриваемый период активизировали усилия своих корпоративных организаций по укреплению не только экономических, но и политических позиций в жизни страны.

В 1912 г. А.А. Бубликов был избран депутатом IV Государственной думы от общего состава выборщиков Пермского губернского избирательного собрания, хотя сам жил и работал в Петербурге. Практическая возможность пройти избрание от уральской губернии была связана с его производственной деятельностью в качестве начальника по изысканиям на железной дороге Москва-Казань-Екатеринбург⁶. Вхождение в Думу стоило ему немалой суммы. В целях получения мандата по выдвижению в депутаты от Пермской губернии он пожертвовал 100 тыс. руб. для Горного института в Екатеринбурге на учреждение при нем особой лаборатории для научных исследований, которую внес в Министерство торговли и промышленности. Кроме того, он подарил дом для открытия школы в г. Шадринске, получив звание почетного гражданина гг. Екатеринбурга и Шадринска. В литературе обращается внимание на то, что подобный шаг мог иметь место при определенной поддержке его кандидатуры со стороны влиятельных кругов российской буржуазии: А. Бубликов становится одним из членов Всероссийской торгово-промышленной организации⁷. Уточним, что он вошел в Исполком

⁴ Николаев А.Б. Бубликов Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 68—69;

⁵ См.: Солженицын А.И. Красное колесо. Узел 3. Март Семнадцатого. Книга 2 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks180897

⁶ См. Боиович М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Четвертый созыв. М., 1913. С. 65—72.

⁷ Сахаров Н.А. Бубликов Александр Александрович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 46.

Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли⁸.

В Думе А. Бубликов стал членом фракции «прогрессистов», составлявшей так называемый левый центр. Интерес его к данному политическому направлению не был случаен. Накануне выборной кампании в IV Думу сторонники прогрессизма сумели выработать собственную политическую платформу, опиравшуюся на идеи Манифеста 17 октября 1905 г. и их последовательную реализацию, а также заручиться поддержкой «объединенной» буржуазии — Совета съездов представителей промышленности и торговли, заявившего о возможности продвижения своих интересов через данное политическое направление. Прогрессисты развернули кампанию по разъяснению исторической роли, которую призвана сыграть либеральная русская буржуазия — роли законного преемника бюрократии в деле руководства русской государственности. Однако идею превращения экономической организации в политическую, приняло лишь меньшинство Совета во главе с А.А. Бубликовым, большинство высказалось за сохранение внепартийного характера своей организации⁹.

В ходе работы Думы фракция прогрессистов выросла в количественном составе более чем вдвое. По мнению Н.В. Селецкого, Бубликов наряду с такими влиятельными представителями «прогрессивной буржуазии» как А.И. Коновалов, А. А. Барышников, способствовали тому, что она стала ядром в процессе консолидации в политическую партию¹⁰.

Анализ стенограмм заседаний IV Государственной думы свидетельствует о том, что Бубликов пришел в Думу не столько для активного участия в ее законотворческой деятельности, работе комиссий по подготовке законопроектов, сколько для лоббирования интересов российского капитала. С думской трибуны он выступал преимущественно от имени фракции при обсуждении правительственных деклараций, рассмотрении ежегодного бюджета, а также тех законопроектов, вносимых либеральными фракциями, которые имели политическую направленность.

Первым выходом его стало выступление от имени прогрессистской фракции по обсуждению правительственной декларации председателя совета министров В.Н. Коковцова. В ней была выражена приверженность правительства курсу реформ в рамках Манифеста 17 октября при твердом стремлении к охранению традиционных ос-

---

⁸ *Николаев А.Б.* Бубликов Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906—1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 68.

⁹ *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 139—140.

¹⁰ Там же. С. 178.

нов русской государственности. А.А. Бубликов высказал «настроенность либеральной оппозиции» по этому поводу, и выразил тактическую позицию фракции в новых исторических условиях — активизации рабочего движения в стране. Она состояла в отходе от тактики «бережения Думы» и выдвигании лозунга «оздоровления власти», под которым подразумевалась необходимость устранения из правительства ряда наиболее одиозных лиц. По словам Бубликова, это были те, «которые слишком связали себя определенными пагубными или уж слишком в неприличной форме доказали свою неспособность исполнять даже узкие задачи, которые им ставят». Другая часть его речи была адресована непосредственно депутатам, к которым он обращался с призывом создания «конституционного умеренного левого центра». Наличие этих двух условий выдвигалось оппозиционными фракциями в качестве необходимого условия налаживания делового сотрудничества с правительством и преодоления законодательной обструкции: «при известной готовности сделать минимальные уступки, идти на соглашения мы можем дать стране много: из того, что перечислено в декларации, чего она ждет и чего не может дожидаться при розни и партийной борьбе а outrance»¹¹.

Большинством голосов по правительственной декларации была принята формула перехода, предложенная фракцией прогрессистов, где говорилось о необходимости настойчивого проведения в жизнь начал Манифеста 17 октября.

Первая мировая война активизировала общественную деятельность А.А. Бубликова. Он принимает участие в работе совещаний членов фракции прогрессистов в марте-апреле и мае 1915 г., на которых выработывалась тактика «давления» на правительство с целью возобновления работы Думы. Не выступая лично, он поддерживает тезис о «неспособности» правительства справиться с возникшими трудностями и обеспечить победу и необходимости поставить под контроль Государственной думы деятельность правительства¹².

В частных совещаниях представителей фракций 10 и 12 июня 1915 г., на которых обсуждалась программа будущей работы в Думе, А.А. Бубликов поддержал идею создания общей платформы, которая могла бы стать основой сплочения оппозиционных фракций с целью усиления их влияния на правительство. Но с еще большей активностью он проводил идею преобразования недавно созданного Особого совещания при военном министре в Комитет государственной обороны (ГКО). Ему придавался более весомый статус: подчинение

---

¹¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 509—518.

¹² *Селецкий В.Н.* Указ. соч. С. 257—259.

непосредственно верховной власти и осуществление управления министерствами и местными комитетами с привлечением в его состав представителей законодательных палат, всероссийских союзов земств, городов и рабочих. На этом особо настаивали представители Союза промышленников, желавшие иметь такой орган, который помог бы им установить контроль над деятельностью правительства в экономической жизни страны и снабжении армии.

Вне Думы А.А. Бубликов предпринимал активные шаги по продвижению плана российской буржуазии о создании Высшей экономической комиссии, состоящей из представителей соответствующих ведомств и торгово-промышленных кругов, для разработки основных проблем послевоенной экономической политики. На этот институт возлагались большие надежды по укреплению позиций в разработке основных проблем послевоенной экономической политики. Для ускорения реализации идеи Совет съездов представителей промышленности и торговли и Совет представителей биржевой торговли и сельского хозяйства выработали мотивированную записку в адрес премьер-министра. А.А. Бубликов вошел в состав делегации для ее вручения¹³.

В целом позиция А. Бубликова отражала стремление прогрессистской буржуазии к обновлению власти путем привлечения общественных элементов, к созданию новой переходной власти взамен прежней с последующим переходом к ответственному министерству. Данная позиция отчетливо проявилась в ходе возобновившей свою работу Думы. На четвертой сессии Думы (19 июля — 3 сентября 1915 г.) при обсуждении правительственной декларации И.Л. Горемыкина. А.А. Бубликов поддержал лозунг фракции: «правительство в данном его составе при настоящих силах не в состоянии будет принять действенных мер для развития производительных сил страны.»¹⁴ Однако Дума проголосовала против прогрессистской формулы перехода, которая требовала немедленного создания ответственного министерства. Была принята умеренная формулировка националистов-прогрессистов и октябристов.

На возобновившей работу четвертой сессии Думы после каникул в феврале 1916 г. он, не участвуя в непосредственных дебатах, выразил приверженность линии оппозиции, встретившей с видимым холодом выступление премьера Б. Штюрмера, бросив реплику с места: «Декларация правительства темнее ночи»¹⁵.

---

¹³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 90; 94.

¹⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 672; 1110.

¹⁵ *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 186.

А.А. Бубликов активно поддержал ряд законопроектов, выдвинутых кадетской фракцией. Особого внимания заслуживает его выступление по законопроекту об ослаблении цензурных ограничений. Объективно законопроект был направлен на усиление влияния либералов в прессе и возможности использования ее в целях дальнейшей организации общества. Депутат подверг критике деятельность «генералов от цензуры и сверх генералов.., деятельность которых распространяется не на вычеркивание написанного», а на сферу циркуляров и «институт телефонных звонков»¹⁶. А.А. Бубликов высказал ряд критических замечаний в адрес отдельных министров, в том числе бывших военного министра В.А. Сухомлинова и министра путей сообщений. Он фактически возложил на министра путей сообщения основную ответственность за неспособность наладить работу железнодорожного транспорта, стихийный наплыв беженцев и нарушение поставок боеприпасов армии. Наконец он поставил вопрос о гласности в вопросах работы тыла, высказался в поддержку поправки, предложенной кадетской фракцией об ограничении цензуры только областью военных действий. Поправка кадетской фракции получила поддержку большинства Государственной думы, и законопроект был передан комиссии для рассмотрения¹⁷.

Наибольшую активность проявил А. Бубликов в отстаивании экономической программы фракции прогрессистов. В процессе обсуждения бюджета на 1916 г. он сосредоточил внимание на проблеме роста государственных монополий в условиях войны, что не могло не волновать российскую буржуазию: «Общественное мнение, по-видимому, очень увлечено идеей монополизирования целого ряда отраслей промышленности, не выводятся и сторонники выкупа в казну всех частных железных дорог. Но, г., при осуществлении таких идеалов, при нарождении чуть ли не пятнадцати монополий и выкупа всех дорог, во что обратится наш государственный бюджет? Это будет громадный, несбалансированный счет прибылей и убытков громаднейшего в мире хозяйства, с каким-то незначительным придатком в виде расходов общегосударственных». Не игнорируя относительный эффект данной политики в условиях военного времени, позволивший получить казне семимиллиардный доход, он высказывал свои опасения на будущее послевоенное время. Как представитель либеральной буржуазии, ориентировавшейся на поиск сотрудничества с международным капиталом, он акцентировал внимание на внешнеполитической стороне проблемы. Он утверждал, что «капиталистическая Ев-

---

¹⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 1682—1686.

¹⁷ Там же. Стб. 1696.

ропа без всякого восторга глядит на некоторые социалистические и коммунистические склонности русского общества и для нее не понятны мечтания о государственных монополиях за счет бюджетных ассигнований, когда предостоят займы на покрытие бюджетных дефицитов, когда неведомы в точности источники покрытия платежей по старым обязательствам»¹⁸. Источником финансирования таких доходных операций русской казны, по мнению депутата, могли бы стать иностранные инвестиции.

Критике была подвергнута депутатом финансовая политика правительства, приведшая к росту бюджетной недостачи. В то же время тот путь, который предлагал депутат правительству, был ориентирован прежде всего на послевоенное время. Он согласовывался с широким финансово-экономическим планом послевоенного развития производительных сил страны, который вырабатывала российская буржуазия и которая ждала от представительного учреждения поддержки в его продвижении. А. Бубликов, обращаясь к правительству, призывал его: «... освободите народный труд от нелепой административной опеки, избавьте его от устарелых законов, сковывающих его по рукам и ногам, не подчиняйте его всяким непродуманным теориям, политическим фантазиям, злобе и недомыслию, и русский народ, как сказочный богатырь, перестанет спать по восемь месяцев в году и сумеет найти приложение своим талантам, разыщет спрятанные в недрах родной земли богатства»¹⁹. Эти слова, не лишённые здравого смысла, слабо вписывались в конкретно-историческую реальность военного времени и в совокупности с другими критическими выступлениями депутатов-сторонников Прогрессивного блока выполняли функцию «давления» на правительство.

Пиком политической карьеры А. Бубликова стал 1917 год. В февральско-мартовские дни 1917 г. он не просто оказался в самом центре событий, связанных с отречением Николая II, но сыграл в них весьма значительную роль.

Назначенный думским Комитетом комиссаром в Министерство путей сообщения, А.А. Бубликов отстраняет министра Войновского-Кригера. На короткое время он получает контроль над перемещением поездов страны, а также работой железнодорожного телеграфа (другие каналы связи контролировались Министерством внутренних дел). 28 февраля он передает по всей стране информацию о том, что в Петрограде «Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти»²⁰, что ускорило дальнейшее развитие революции. Несомненно его роль в создании препятствий к возможному отражению рево-

---

¹⁸ Там же. Стб. 2027, 2034, 2029, 2030.

¹⁹ Там же. Стб. 2038.

люционного натиска первых дней революции в Петрограде и аресте императора²¹.

Манипулируя информацией и используя соответствующие распоряжения железнодорожному начальству, Бубликов, с ведома думского Комитета, содействовал приостановке движения карательных частей генерала Иванова к Петрограду и предотвратил приход поезда Николая в Царское Село (после остановки в Вишере поезда повернули в г. Псков, где и произошло отречение).

В воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, он достаточно высоко оценивал свою роль в произошедших событиях, именуя их «походом на государственную власть России»²². Откровенно и подробно описывает он свои действия: «Я сейчас же отдал распоряжение, чтобы его (Николая II — авторы) не пускали севернее линии Бологое—Псков, разбирая рельсы и стрелки, если он вздумает проезжать насильно. Одновременно я воспретил всякое движение воинских поездов ближе 250 в[ерст] от Петербурга»²³.

Совместно с представителями думского Комитета и по поручению Временного правительства 8 марта 1917 г. Бубликов участвовал в аресте Царя и препровождении его в Царское Село»²⁴. В результате этих действий, Николай II был отрезан от ближайшего окружения, офицеров свиты, личного конвоя и изолирован, «лишен свободы» в Царском Селе. Процесс удаления «бывшего императора» России с политической арены состоялся.

Дальнейшие действия Временного правительства не вызывали особых симпатий Бубликова. Не получив портфель министра путей сообщения, он не захотел работать в качестве его товарища. Не разделял он и программы «социализации» железной дороги: введение рабочего контроля, необеспеченное деньгами повышение заработной платы и т.п. Выполняя отдельные поручения правительства, выезжал в регионы страны, в том числе на Урал. Картина, которую он наблюдал в стране, не вызывала у него оптимизма. Росло осознание слабости новой власти.

Оставаясь сторонником буржуазного развития России «североамериканского образца», он принял участие в работе Государственного совещания в августе 1917 г., где представлял торгово-промышленную

---

²⁰ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 21.

²¹ Сахаров Н.А. Бубликов Александр Александрович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 47.

²² Бубликов А.А. Указ. соч. С. 22

²³ Там же. С. 24.

²⁴ Там же. С. 47.

буржуазию. Это было его последнее яркое публичное выступление, получившее поддержку большинства. Символическое рукопожатие А. Бубликова и «вождя русской демократии» И. Церетели было представлено прессой в качестве компромисса «делового мира» и русской революции, вселявшего надежды на мир и согласие в российском обществе.

События осени 1917 г. рассеяли надежды Бубликова на достижение этого согласия. Он уехал во Францию, впоследствии перебрался в Америку. В эмиграции продолжал интересоваться всем, что происходило в России. В 1918 г. издал свой основной труд — «Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Впечатления и мысли очевидца и участника». Сотрудничал с «Новым русским словом», написал десяток книг по злободневным вопросам: о восстановлении российского народного хозяйства после гражданской войны, о значении американских инвестиций в развитии российских железных дорог и т.п. Умер в Нью-Йорке в январе 1941 г.²⁵

Политическая судьба А. Бубликова оказалась схожей с судьбами многих «февралистов». По образному выражению В.В. Шульгина, они упали с призрачной высоты, на которую необдуманно взобрались, упали по тому, что не были ее достойны.

---

²⁵ См. *Беркович А.* Почетный гражданин Екатеринбурга А. Бубликов о русской революции [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: mie@etel.ru

П.Н. ГОРДЕЕВ

**Н.Н. Львов — комиссар ВКГД и Временного правительства
над Дирекцией императорских театров**

Деятельность члена I, III и IV Государственных дум Николая Николаевича Львова в качестве комиссара Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства, над Дирекцией императорских театров (2 — 16 марта 1917 г.) уже привлекала внимание исследователей¹, в том числе и автора этих строк². Однако до сих пор она еще не становилась предметом специальной работы, а потому изучена весьма фрагментарно (прежде всего освещение получили сюжеты, связанные с обстоятельствами назначения Львова комиссаром и его первыми шагами на этом посту). В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел, в связи с чем поставлены четыре цели: определить, имелась ли у Н.Н. Львова некая программа действий на новом для него посту; изучить характер его отношений как комиссара к московским театрам; выяснить причины отказа Львова от должности комиссара; наконец, дать общую оценку двухнедельного периода его руководства театрами. Данные цели исследования обусловили ряд задач — найти и систематизировать приказы и распоряжения Львова по театральному ведомству, а также проанализировать его выступления перед артистами и служащими театров и переговоры с ними.

Отданные Н.Н. Львовым приказы являются важнейшим источником для изучения его деятельности в императорских театрах. Единого и систематического их сборника нам обнаружить не удалось; большая часть приказов отложилась (в копиях) в деле под названием «Распоряжения Временного Правительства по Академическим театрам», хранящемся в фонде Московской Конторы императорских театров в РГАЛИ³. Однако самый ранний из имеющихся в этом деле

---

¹ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 320—321, 327, 369—370.

² Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2011. С. 36—47.

³ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. ЛЛ. 1—70. Отметим, что это важнейшее по информативности дело мало использовалось исследователями. Согласно «листу использования документа», до автора этих строк, ознакомившегося с ним в 2012 г., с делом работали два исследователя — Н.Г. Зограф в 1963 г. и Царева (инициалы установить не удалось) в 1979 г. (для дипломной работы). Поскольку Н. Г. Зограф занимался историей

приказов имеет № 3. Можно предположить, что №№ 1 и 2 считались приказ ВКГД о назначении Н.Н. Львова комиссаром, в котором предписывалось «всем чинам Дирекции Императорских театров беспрекословно и немедленно исполнять все распоряжения Комиссара Временного Комитета Государственной Думы Члена Государственной Думы Николая Николаевича Львова»⁴, и составленный Львовым 3 марта в Дирекции театров «Акт». По крайней мере, именно в таком порядке эти документы были опубликованы в самом начале первых послереволюционных «Журналов распоряжений» по петроградским и московским государственным театрам⁵. Что касается «Акта», этот документ представляется нам достаточно важным для изучения деятельности Львова в театрах, поэтому ниже мы приводим его целиком (по машинописной копии, сохранившейся в фондах РГИА):

«АКТ.

3-го Марта 1917 года по приказанию Временного Комитета Государственной Думы от 2-го Марта 1917 года за № 140 Комиссар Временного Комитета Членов⁶ Государственной Думы Член Государственной Думы Николай Николаевич Львов прибыл в Дирекцию Императорских Театров и сделал следующее распоряжение:

1) Впредь до последующих распоряжений Высшей Правительственной власти сохранить за Владимиром Аркадьевичем Теляковским функции по управлению Дирекцией театрами⁷ и Училищами, как Петроградскими, так и Московскими,

2) Предоставить право В.А. Теляковскому разрешать Конторам выдавать ассигновки по неотложным потребностям в установленном порядке,

3) Все новые ассигновки получать из Кабинета Его Величества не иначе, как с моего, Н.Н. Львова разрешения и за мою подписью.

Член Государственной Думы /подп./ Н. Львов

Скрепил: Секретарь при Председателе Государственной Думы /подп./ В. Садыков»⁸.

Наиболее интересная часть документа — это, конечно, первый пункт, предусматривавший сохранение за В.А. Теляковским функций «по управлению Дирекцией». Судя по дневнику Теляковского,

---

Малого театра, ценный материал по истории петроградской казенной сцены в период комиссарства Н.Н. Львова, по-видимому, так и не был введен в научный оборот.

⁴ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 1.

⁵ Там же. Оп. 18. Д. 333. ЛЛ. 1, 2.

⁶ Так в тексте.

⁷ Так в тексте.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 5117. Л. 2.

он сам не был инициатором этого решения: в описании событий 3 марта, после описания митинга в Александринском театре, на котором он выступал (заявив труппе, что «покидаю свой пост, благодарю их за совместную со мной работу в течении многих лет и остаюсь лишь временно, чтобы закончить дела и передать мое управление вновь назначенному лицу»⁹) совместно с Львовым, и затем такого же собрания (с аналогичными выступлениями) в Театральном училище, перед собравшейся там балетной труппой, следует такая запись: «Около 4-х часов Львов пришел ко мне в кабинет и, предъявив бумагу Родзянко о назначении его Комиссаром при Дирекции, составил акт, которым уполномочивал меня временно исполнять обязанности Директора Государственных Театров»¹⁰. Таким образом, Львов, не обладая опытом в сфере театрального управления, предложил Теляковскому временно остаться на своем посту, а последний, не желая расставаться с императорскими театрами, принял предложение.

Целый ряд приказов Н.Н. Львова (№№ 3—6) появился 4 марта¹¹. Отданный им в этот день приказ № 3 был посвящен весьма актуальному для мужской части театрального ведомства вопросу призыва в действующую армию. В приказе говорилось: «Все артисты, чиновники, рабочие и служащие, как призванные в ряды воинских частей, так и находящиеся на учете, впредь до особого распоряжения Военного Министра, откомандировываются в распоряжение мое, Комиссара, и по отбыванию воинской повинности подчиняются моим приказаниям»¹². Приказы №№ 4—6 регулировали важнейшие вопросы, связанные с охраной казенных театров. Первый из них представлял собой, по сути, объявление, которое было вывешено на вход-

---

⁹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 48 об. — 49.

¹⁰ Там же. Л. 49.

¹¹ О том, какие вопросы прежде всего волновали театральное руководство в это время, дает представление записка В.А. Теляковского чиновнику Дирекции театров П.П. Посникову, написанная 4 марта. «Посылаю Вам лошадь и прошу не забыть дать подписать прилагаемую записку Н.Н. Львову для нашей курьерской лошади, которой придется ездить и по его поручениям. Не забудьте выяснить вопросы военнообязанных артистов, хористов и музыкантов, а также спросите, как поступить с Москвой, там, наверное, нужны деньги для рабочих, их в кассе нет. Хотя Н.Н. Львов говорит, что в Москве будет свой комиссар — но так как Н.Н. Львов назначен в сущности по Дирекции — то, может быть, он может сделать распоряжение о высылке туда аванса хотя в 100 000 на первое время — а потом надо запросить Обухова подробнее, сколько надо денег» (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 443. ЛЛ. 1—2). Упомянутый в тексте С.Т. Обухов — управляющий Московской Конторой императорских театров.

¹² РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 29.

ных дверях петроградских императорских театров¹³: «По повелению Временного Комитета Государственной Думы вход в здание сие воспрещен. Какие либо аресты, выемки, осмотр бумаг могут делаться не иначе, как по распоряжению Г. Комиссара Члена Государственной Думы Николая Николаевича Львова. За нарушение Приказа виновные подвергаются строжайшему наказанию»¹⁴. Приказ № 5 был адресован «Подпоручику 87-го Пехотного Нейшлотского полка, состоящему в прикомандировании к Главному Управлению Генерального Штаба Василию Федоровичу Беспалову», которому поручалось «наблюдение за порядком в зданиях Мариинского, Александринского и Михайловского театров и во всех зданиях Дирекции театров за караулами и внешнюю и внутреннюю охрану их и служащих при театрах и зданиях»¹⁵. Приказом № 6 В.Ф. Беспалову давалось право «носить на левом рукаве белую повязку с надписью красными буквами: «Начальник охраны казенных театров»»¹⁶.

Приказ Н.Н. Львова № 7 пока не обнаружен. За № 8 следует не приказ, а отношение, отправленное Н.Н. Львовым уже 6 марта в Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба¹⁷. Львов писал в ГУГШ о своей деятельности как комиссара, сообщая, в том числе и о мерах, касавшихся военной обязанности артистов и служащих театров: «Временный Комитет Государственной Думы назначил меня Комиссаром по делам Дирекции театров, приказом от 2-го марта 1917 г. за № 140 (Копия прилагается).

Составив 3-го марта 1917 г. акт о прибытии моем в Дирекцию и о сохранении за Владимиром Аркадьевичем Теляковским функций по управлению Дирекцией, я отдал приказ об откомандировании в мое распоряжение всех артистов, чиновников, рабочих и служащих как призванных в ряды воинских частей, так и находящихся на учете впредь до особого распоряжения Военного Министра. За сим мною выданы таким военнообязанным особые удостоверения по прилагаемому образцу.

Кроме того[,] мною отдан приказ о назначении Подпоручика 87-го Пехотного Нейшлотского полка, состоящего в прикомандировании к Главному Управлению Генерального Штаба Василия Федоро-

---

¹³ В «императорских» театрах // Новое время. 1917. 5 марта.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 2. Документ не датирован; дата проставлена нами на основании того, что последующие приказы (№№ 5—6) также относятся к 4 марта.

¹⁵ Там же. Л. 38.

¹⁶ Там же. Л. 66.

¹⁷ Приводимый ниже документ не имеет исходящего номера, однако последний устанавливается по сопутствующим бумагам в том же архивном деле (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 443. ЛЛ. 3—4).

вича Безпалова начальником охраны театров и зданий Дирекции и служащих.

Копии с моих приказов сообщаю Главному Управлению Генерального Штаба для сведения»¹⁸.

Что касается приказа № 9, то о его содержании можно узнать из отношения известного артиста Малого театра А.И. Сумбатова-Южина в тот же Мобилизационный отдел ГУГШ, отправленного в марте (день в источнике не указан) 1917 г. «7-го Марта приказом за № 9 Н.Н. Львов назначил меня Комиссаром по Московским Государственным театрам» — писал Южин¹⁹. Этот приказ, сохранившийся в нескольких экземплярах, звучит так: «В силу приказа от 2 марта 1917 года за № 140 я, Комиссар Государственной Думы и Член Государственной Думы Николай Львов, назначаю уполномоченным Комиссаром по Управлению Конторою Московских театров, Большим и Малым Московскими театрами и Московским Театральным Училищем Князя Александра Ивановича Сумбатова-Южина.

Всем его предписаниям должны подчиняться беспрекословно и немедленно все служащие при Московских театрах и Училище.

Более важные распоряжения должны подлежать власти моей, Комиссара Государственной Думы, через представление Дирекции»²⁰.

Вопрос о датировке приказа № 9 является весьма запутанным. В приведенной выше машинописной копии из фондов РГИА дата 7 марта поставлена от руки чиновником особых поручений при Дирекции театров П.П. Посниковым, заверившим соответствие копии подлиннику. Это совпадает с приведенным выше указанием самого Южина. Однако в напечатанных вскоре в Москве (после возвращения Южина из поездки в Петроград) «Приказах Комиссара по Управлению Московскими Государственными Театрами» сам артист писал: «Приказом Комиссара Государственной Думы, Члена Государственной Думы Николая Николаевича Львова 6-го марта 1917 года, по единогласно выраженному ему желанию всех депутатов Московских бывших Императорских, ныне Государственных театров, я назначен уполномоченным Комиссаром по Управлению Государственными Московскими Большим и Малым театрами, Конторою и Театральным училищем»²¹. На отложившемся в фондах РГАЛИ экземпляре приказа Львова о назначении Южина последний написал: «Настоящий приказ вручен мне 6-го Марта 1917 года в Петрограде»²². В формулярном списке о службе артиста также указано, что Львов

---

¹⁸ Там же. ЛЛ. 5—5 об.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 72. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 333. Л. 3.

²² РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 10. Л. 2.

назначил его комиссаром 6 марта²³. При этом в письме Ф.А. Головину от 22 июня Южин указывал, что его назначение комиссаром произошло 5 марта; та же дата приведена в одной из поздних записок о службе Южина²⁴.

Какой же из трех вариантов является правильным? Прежде всего следует отметить как ошибочную датировку 5 марта — по сообщениям, появившимся в печати, делегация московских артистов во главе с Южиным выехала в Петроград вечером 5 марта²⁵ и, следовательно, прибыла утром 6 марта. В этот же день (6 марта) сведения о прибытии московских артистов зафиксированы и в дневнике В.А. Теляковского²⁶. Кроме того, в архивном фонде Московской Конторы театров отложилась телеграмма Теляковского, отправленная им в Контору 6 марта в 22 ч. 46 мин., с сообщением о назначении Южина комиссаром²⁷. Таким образом, назначение состоялось 6 марта. Дата 7 марта возникла, вероятно, из-за того, что в этот день переговоры московской делегации артистов с Н.Н. Львовым продолжились и закончились, после чего Южин и его спутники вернулись в Москву²⁸. В памяти Южина последний день переговоров, в ходе которых он стал комиссаром московских государственных театров, мог соединиться с соответствующим приказом Львова.

Целый ряд последующих приказов и распоряжений комиссара над Дирекцией театров также появились 6 марта. Приказом № 10 предписывалось «всем чинам, рабочим и служащим Дирекции приступить со вторника 7-го марта 1917 г. к занятиям в виду чрезвычайной важности введения трудовой жизни в нормальные условия»²⁹. Приказы №№ 11 — 12 пока не обнаружены; приказ № 13 был адресован «Члену Сопровождающего Технического Комитета при Инспекторе по строительной части Кабинета Его Императорского Величества» Н.В. Попову и предписывал ему «принять все меры к своевременной доставке запасов каменного угля для освещения и отопления зданий Мариинского, Михайловского и Александринского театров а также для зданий Дирекции по Театральной ул. № 2, Тюремному пер. № 3, Алексеевской ул. № 2, Вознесенскому п. № 39, Б. Подъяческой ул. № 20»³⁰. Приказ № 15, отданный на имя заведующего электричес-

---

²³ Там же. Ф. 649. Оп. 2. Д. 404. ЛЛ. 402 об.—403.

²⁴ Там же. ЛЛ. 367, 516, 523.

²⁵ Депутация артистов // Время. 1917. 6 марта; Правительственные театры // Раннее утро. 1917. 6 марта.

²⁶ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 51 об.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 10. Л. 6.

²⁸ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 53.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 24.

³⁰ Там же. Л. 44.

кой станцией Мариинского театра Ф.Ф. Семирадского, содержал в себе поручение «озаботиться восстановлением освещения в зданиях Дирекции театров по Тюремному пер. д. № 3 и принять к выполнению сего все меры»³¹. Приказом № 16 заведующему Экипажным заведением Дирекции театров графу Н.Г. Менгдену поручалось «вести в страховое Общество Россия двести шестьдесят два рубля тридцать девять коп. за страхование здания и имущества Театрального Экипажного Заведения за время с 8 марта 1917 г. по 8-е марта 1918 г.»³².

Большое значение имел приказ № 16, учреждавший в казенных театрах совершенно новую должность: «Подпоручик Василий Федорович Безпалов назначается комендантом всех государственных театров Петрограда с подчинением его приказаниям всех служащих и должностных лиц. Всякое его приказание должно быть немедленно приведено в исполнение»³³. Приведенная выше копия приказа, хранящаяся в РГАЛИ, датирована 6 марта. При этом вопрос о времени назначения В.Ф. Безпалова комендантом петроградских государственных театров является довольно запутанным. Сам Безпалов вспоминал, что Львов назначил его комендантом уже 3 марта³⁴ — что приведенными выше приказами комиссара не подтверждается. В фондах РГИА имеется машинописная копия приказа Львова № 6, датированная 7 марта³⁵. Основываясь на ней, А.Б. Николаев и мы вслед за ним писали о назначении Безпалова комендантом в этот день³⁶. Следует признать, однако, эту датировку ошибочной. Приказ № 16 не только датирован 6 марта в копии из РГАЛИ, но и не мог быть издан ранее, к примеру, приказа № 22, также датированного 6 марта — и в копии, отложившейся в РГАЛИ, и в официальном «Журнале распоряжений по петроградским государственным театрам», сохранившимся в фондах РГИА³⁷.

Приказом № 17 предписывалось «Комиссару Московских Государственных театров Кн. А.И. Сумбатову-Южину выдать единовременное пособие в виде аванса служащим, для чего получить из Московского отделения кассы потребные суммы с представлением впоследствии отчетности»³⁸. Приказ № 18 пока не обнаружен. В приклизе № 19 говорилось: «Наименовать впредь Императорские театры Гоу-

³¹ Там же. Л. 27.

³² Там же. Л. 43.

³³ Там же. Л. 68.

³⁴ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 27–28.

³⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 3.

³⁶ *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 370; *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора. С. 42.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 34; РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. Л. 2.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 1.

дарственными театрами»³⁹. Приказом № 20 Петроградской Конторе государственных театров предписывалось «заказать мастичную печать с надписью: «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА. КОМИССАР»»⁴⁰. Приказ № 21 устанавливал, что «Лошадь с экипажем находится в распоряжении Комиссара Временного Комитета Государственной Думы Члена Государственной Думы Николая Николаевича Львова»⁴¹. Приказом № 22 Львов предписывал «уплачивать, начиная с 6 сего Марта, воинскому караулу, установленному по зданиям Дирекции театров, по два рубля на человека в сутки»⁴².

Помимо перечисленных выше сохранились еще два недатированных приказа Н.Н. Львова. Один из них, приказ № 24, появился не позднее 8 марта (на машинописной копии приказа, отложившейся в РГИА, П.П. Посниковым от руки была проставлена эта дата). Сам приказ был посвящен уточнению прав и обязанностей В.Ф. Безпалова: «Должность коменданта Государственных театров Петрограда ограничивается наблюдением за внешним и внутренним порядком в зданиях»⁴³. Приказом № 26 Н.Н. Львов предписывал «Полицеймейстеров театров впредь именовать Заведывающими зданием театра»⁴⁴.

Для того, чтобы составить объективное представление о деятельности Н.Н. Львова на посту комиссара над Дирекцией театров, необходимо также проанализировать его выступления и переговоры с отдельными группами артистов. Как уже говорилось выше, 3 марта Львов и Теляковский⁴⁵ посетили два подобных собрания — в Алек-

³⁹ Там же. Л. 28. Документ, как и приказы №№ 20—21, не датирован; дата проставлена нами на основании того, что один из последующих приказов (№ 22) был издан 6 марта; кроме того, на машинописной копии приказа № 19 из фондов РГИА имеется пометка о том, что он уже 6 марта был объявлен в «Журнал распоряжений». В дневнике В.А. Теляковского в записи от 7 марта содержится неточное упоминание об издании этого приказа «сегодня» (по-видимому, директор в данном случае не успевал следить за непривычным для него «революционным» документооборотом) (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 4; Оп. 10. Д. 1333. Л. 227 об.; АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 52 об.; *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора. С. 42).

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 33. Приказом № 25 (не датирован) Конторе предписывалось заказать вторую такую же печать (Там же. Л. 31).

⁴¹ Там же. Л. 26.

⁴² Там же. Л. 34.

⁴³ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 5.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 30.

⁴⁵ «Директор театров был в шубе, с красной ленточкой на рукаве» — подметил интересную деталь корреспондент «Петроградской газеты» (Приезд комиссара в Александринский театр // Петроградская газета. 1917. 5 марта).

сандринском театре⁴⁶ и в Театральном училище, где присутствовали артисты балетной труппы⁴⁷. В первом случае, согласно дневнику Теляковского, Львов, обращаясь к артистам, «сказал им приветствие и речь по поводу великих событий, совершившихся на этих днях на пользу и процветание свободной России — громовое ура покрыло его речь»⁴⁸. По сообщениям прессы, Львов «обратился к труппе с речью, в которой говорил о новой заре свободной России, и высказал уверенность, что Александринский театр будет таким же истинным другом искусства, как и России»⁴⁹. В заключение Н.Н. Львов просил артистов продолжать службу искусству и высказал пожелание, чтобы труппа как можно скорее приступила к работе»⁵⁰. После речи комиссара было составлено приветствие Временному правительству от имени артистов⁵¹. В выступлении перед балетными артистами в Театральном училище Львовым было повторено «то же самое»⁵².

4 марта Львов и Теляковский ездили в Кабинет его величества, где добились выдачи аванса для артистов и служащих театров в раз-

---

⁴⁶ На собрании присутствовали не только артисты, но и рабочие и служащие Александринского театра, а также представители Мариинского и французской труппы Михайловского театра (Там же; В «императорских» театрах // Новое время. 1917. 5 марта; *Безналов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 28).

⁴⁷ Согласно дневнику Теляковского, вместе с ними ехал некий Садыков. Он же скрепил «Акт», изданный Львовым 3 марта (там упоминается его инициал — «В.»). Речь идет о В.Н. Садыкове, чиновнике Канцелярии Государственной думы, которого, видимо, Львов взял с собой как помощника в составлении и оформлении приказов и распоряжений (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 48 об.; *Весь Петроград на 1917 год.* Пг., 1917. Отд. III. С. 603).

⁴⁸ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 48 об.

⁴⁹ Так в тексте.

⁵⁰ Приезд комиссара в Александринский театр // Петроградская газета. 1917. 5 марта.

⁵¹ Его текст, впрочем, вызвал небольшую дискуссию, отраженную в дневнике писательницы С.И. Смирновой-Сазоновой, матери актрисы Александринского театра Л.Н. Шуваловой: «Тут же б[ыло] составлено и послано нов[ому] правительству приветствие от всех трупп. Любу [Л.Н. Шувалову — П.Г.] покорила послед[няя] фраза о гнете и позоре прежн[его] режима. Она ждала, не будет ли кто протестовать, но все молчали. Тогда она одна предложила, не лучше ли кончить предыдущ[ей] фразой «Да здравствует свободн[ое] искусство». Карпов [Е.П. Карпов, режиссер Александринского театра — П.Г.] стал объяснять, что, мол, тут говорится о гнете цензуры и вообще о разн[ых] препонах. А в сущности, все спешат лягнуть павшее правител[ьство] и ругательски ругают его» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. Л. 142).

⁵² АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 49.

мере 100 000 руб.⁵³ В тот же день Теляковский записал в дневнике: «Комиссар Н.Н. Львов почти ежедневно приезжает в Дирекцию и производит самое успокаивающее впечатление на всех служащих — своим тактом, спокойствием и благожелательным отношением»⁵⁴.

5 марта Львов выступал перед артистами Мариинского театра. Оперный артист П.З. Андреев, державший речь от имени труппы, высказал пожелание о предоставлении театру «самой широкой автономии»; в ответной речи Львов, судя по газетному отчету, ограничился общими словами и провозглашением здравицы в честь «свободной России», вызвавшей аплодисменты⁵⁵. День 6 марта был потрачен комиссаром в основном на переговоры с делегацией московских артистов. 7 марта⁵⁶ Львову официально представлялись чиновники Петроградской Конторы государственных театров во главе с и. д. управляющего Конторой Л.Д. Мецнером. Собрание происходило в казенной квартире директора театров. Львов обратился к чиновникам с речью, призвав их «с еще большим рвением приняться за дело». Отметив, что «в эту минуту еще не время говорить об открытии спектаклей, что будет сделано в возможно скором времени», комиссар напомнил об обязанности присутствующих «все для этого подготовить». В заключение Львов попросил служащих «выбрать из своей среды уполномоченных для сношений с ним по всем делам внутреннего распорядка»⁵⁷.

8 и 9 марта Львов и Теляковский посещали Петроградское театральное училище, ведя переговоры с представителями 137 пехотного полка, занявшими здание училища вечером 7 марта⁵⁸. 10 марта комиссар, заболев, не выезжал из дома⁵⁹; 11 числа он вновь посетил театральное училище — на этот раз была организована торжествен-

---

⁵³ Там же. Л. 49 об. Финансовые дела Дирекции театров поглощали немалую часть времени Н.Н. Львова. В РГАЛИ сохранилась расписка артельщика Н.И. Огурцова от 3 марта 1917 г. (предъявленная в этот день Львову и удостоверенная последним) в том, что Огурцовым получено 25 000 руб. для раздачи служащим Дирекции (РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 3).

⁵⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 50.

⁵⁵ *Гордеев П.Н.* Февральская революция и Министерство двора. С. 37—38.

⁵⁶ Датировано по заметке в «Петроградской газете», вышедшей 8 марта, в которой говорится, что это событие произошло «вчера» (Комиссар Н.Н. Львов в Дирекции бывших императорских театров // Петроградская газета. 1917. 8 марта).

⁵⁷ Там же; Порядок управления бывшими императорскими театрами // Новое время. 1917. 9 марта.

⁵⁸ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 53 — 55.

⁵⁹ Там же. Л. 57.

ная встреча с администрацией и преподавательским коллективом. После выступления Львова, призвавшего «всех работающих на ние искусства отдать свои силы новой, свободной России», инспектор училища И.М. Мысовский от имени сотрудников и учащихся объявил о «горячем приветствии» училищем нового правительства и «полной готовности подчиниться его распоряжениям, продолжая работать на пользу дорогой родины и на процветание родного искусства»⁶⁰

В десятых числах марта деятельность Н.Н. Львова на посту комиссара над Дирекцией театров носила уже не столь интенсивный характер, как в первые дни после переворота. Он продолжал заниматься текущими вопросами (например, 15 марта вместе с В.А. Теляковским посетил министра финансов М.И. Терещенко и ходатайствовал о выделении театрам обещанной им еще до революции прибавки в размере 800 000 руб.), а также выполнять представительские функции — в тот же день произнес приветственное слово на собрании театральных деятелей под председательством Ф.Д. Батюшкови, посвященном обсуждению программы торжественного спектакля в честь революции (Львов еще 14 марта попросил Теляковского созвать подобное собрание)⁶¹. Это, впрочем, были последние мероприятия Львова в качестве комиссара над Дирекцией театров. Уже 14 марта Теляковский записал в дневнике слова чиновника Дирекции П.П. Посникова, ездившего к Львову, о том, что последнему «хотелось бы отказаться» от управления театрами⁶². Два дня спустя, 6 марта, Львов действительно отказался от должности комиссара, передав свои функции комиссару Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головину⁶³.

---

⁶⁰ Посещение Н.Н. Львовым Государственного театрального училища // Биржевые ведомости. 1917. 12 марта (утр. вып.); Н.Н. Львов в государственном театральном училище // Новое время. 1917. 12 марта.

⁶¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 64, 65; РГИА. Ф. 497. От. 18. Д. 91. Л. 1 об.

⁶² АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 64 об.

⁶³ Львов, взяв в собой Теляковского, лично поехал в этот день к Головину, имевшему резиденцию в Зимнем дворце, чтобы передать дела (Там же. Л. 67 об.). Отметим, что Львов впоследствии еще несколько раз возвращался к театральным делам. 20 марта он приехал к Теляковскому и рассказал, что «заходил в Училище чтобы убедиться, что занятия там начались и идут благополучно», а затем, в тот же день, пытался примирить хористов Мариинского театра с Ф.И. Шаляпиным. 1 апреля Львов вновь посетил директора театров, привезя с собой «пьесу г. Клема [вероятно, имеется в виду В.О. фон Клемм — П.Г.] чиновника Министерства Иностранных дел, хотя и носящего немецкую фамилию, но, по словам Н.Н. Львова, ненавидящего [так в тексте — П.Г.] немцев. Он написал пьесу на современные события войны с Германиею под названием «По-

Причин добровольной «отставки» Н.Н. Львова было несколько. Во-первых, комиссара утомили многочисленные требования театральных служащих, как технического персонала (например, уже 16 марта рабочие Мариинского театра потребовали выдачи им вперед суточных, отказываясь в противном случае от работы; Львов, узнав об этом, посоветовал В.А. Теляковскому закрыть театр — «ибо больше нечего делать»⁶⁴), так и артистов. В дневнике Теляковского сохранился рассказ Львова о его впечатлениях от «бесконечных мелких просьб, с которыми к нему обращаются артисты в такие важные знаменательные дни». Среди последних его в особенности неприятно поразили актеры французской труппы Михайловского театра П. Робер и Л. Роже, приходившие к комиссару 9 марта жаловаться на своего режиссера Ш. Домри⁶⁵.

Во-вторых, Львов, не видевший, насколько можно судить, необходимости в коренной реорганизации бывших императорских театров, сталкивался в этом вопросе со сторонниками подобных мер. В дневниках А.Н. Бенуа, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философова сохранились свидетельства о конфликте, возникшем 5 марта по этому поводу между Н.Н. Львовым и А.Ф. Керенским, в ходе которого Львов отказался от управления имуществом бывшего МИДв (эта функция была на него возложена правительством накануне, 4 марта)⁶⁶. В итоге 8 марта ледний Гогенцоллерн». Н.Н. Львов, незнакомый с нашей театральной техникой, умоляет пьесу поставить непременно в этом сезоне — между тем до окончания сезона остается меньше месяца. Надо срепетировать, выучить роли, сделать костюмы и обстановку. Как я ему это не объяснял, он все же хотел проверить и снестись с Карповым и просил меня поддержать его ходатайство и, пьесу прочитав, послать Карпову» (Там же. ЛЛ. 72 об.—73, 86; Весь Петроград на 1917 год. Отд. III. С. 315). Приведенная запись в дневнике В.А. Теляковского демонстрирует, сколь далеким от театральных дел человеком оставался Н.Н. Львов даже после двух недель управления государственными театрами.

⁶⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 66 об.—67.

⁶⁵ Там же. ЛЛ. 56 — 56 об., 65 об.—66.

⁶⁶ Бенуа А.Н. Дневник 1916—1918 годов. М., 2010. С. 138; Гиппиус З.Н. Дневники. М., 1999. Кн. 1. С. 482; Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 2. С. 198; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации» / Т. VII / Журналы заседаний Временного правительства: Март — октябрь 1917 года. Т. 1. М., 2001. С. 28. Нападки на то, что в театрах все осталось по-старому, имели место и в печати. Такой характер, в частности, имела опубликованная в «Речи» статья Д.В. Философова «Духа не угашайте», вызвавшая резкую реакцию со стороны Львова: 14 марта комиссар звонил В.А. Теляковскому и сообщил ему, что статьей Философова он «очень возмущен» и «немедленно отправил возражение» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 64; Философов Д. Духа не угашайте // Речь. 1917. 14 марта).

комиссаром над бывшим МИДв был назначен Ф.А. Головин, после чего, хотя Львов и остался комиссаром по государственным театрам⁶⁷, положение его стало двусмысленным⁶⁸. Несмотря на то, что Львов и Головин были знакомы уже около двадцати лет, со времен кружка «Беседа», «душой» которого, согласно поздним воспоминаниям Головина, был как раз Львов⁶⁹, тем не менее, неопределенность их деловых взаимоотношений в данном случае (до революции Дирекция императорских театров входила в состав МИДв и никакого официального акта, выведившего ее из структуры придворного ведомства, после Февраля принято не было) могла сказаться на нежелании Львова продолжать свою работу в качестве комиссара.

В-третьих, большое значение имел тот факт, что интересы Н.Н. Львова лежали далеко от сферы театра. Печатные труды, изданные им до революции, посвящены аграрной проблематике и железнодорожному строительству⁷⁰; в беседах с артистами Львов честно признавался, что театрального дела он не знает⁷¹. Назначение именно его в комиссары над Дирекцией театров следует, таким образом, признать малоудачным.

Наконец, в-четвертых, определенную роль в нежелании Львова продолжать управление театрами могла сыграть неприспособленность этого политика к государственной деятельности, отмечаемая многими современниками. А.В. Тыркова-Вильямс так характеризовала Львова в своих мемуарах: «отзывчивый на все благородное, рыцарь бродячий, без определенных обязанностей, богатый помещик, он был до того неделовит, что никогда не открывал писем. Ему было скучно не только на них отвечать, даже их читать. <...> трудно себе представить Николая Николаевича терпеливо, трудолюбиво приготавливающего ответственную парламентскую речь»⁷². Николай II, принимав-

---

⁶⁷ Последние известия // Речь. 1917. 9 марта.

⁶⁸ А.Н. Бенуа занес в свой дневник 9 марта: «Головин назначен, утверждён, и он «всецело на нашей стороне». Однако позже я в газете прочел, что и Н. Львов тоже остается! Как же так?» (Бенуа А.Н. Дневник. 1916 — 1918. С. 153).

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 9590. Оп. 1. Д. 105. Л. 93 об.

⁷⁰ Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности / Изд. Н.Н. Львова и А.А. Стаховича, при участии ред. газ. «Право». СПб., 1904. Т. 1—2; *Львов Н.Н.* Амурская железная дорога. Члена Государственной думы Н. Львова. СПб., 1908.

⁷¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 84.

⁷² Цит. по: *Шевырин В.М.* Николай Николаевич Львов: «Примирить начало власти и начало свободы, чтобы они не пожрали друг друга...» // Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 662.

ший Н.Н. Львова и А.И. Гучкова 20 июля 1906 г. в связи с проектом ввести их в состав правительства, сообщил затем П.А. Столыпину свое мнение: «Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов»⁷³. С оценкой самодержца поразительно схож вывод В.А. Теляковского, записавшего в дневнике 1 апреля 1917 г. о Львове: «Он бесспорно очень правдивый, добрый и симпатичный человек — но едва ли государственный»⁷⁴.

Так или иначе, но «негосударственный» Н.Н. Львов в течение двух недель (и каких!) стоял во главе бывших императорских театров. Можно ли говорить о том, что в течение этого времени он имел и воплощал определенную программу действий? С учетом приведенных выше приказов Львова на поставленный вопрос следует ответить отрицательно. Деятельность комиссара носила характер реакции на тот водоворот событий, в котором он очутился: инициатором охраны театральных зданий был В.Ф. Безпалов⁷⁵, в итоге и назначенный начальником охраны, а затем и комендантом театров⁷⁶; А.И. Сумбатов-Южин, бывший несомненным лидером московской казенной сцены и избранный труппой Малого театра управляющим, утверждается в звании комиссара; неотложные хозяйственные дела, а также острейший вопрос о военнообязанных артистах Львов решал, пользуясь советами В.А. Теляковского. Пожалуй, лишь оставление последнего в должности было единственной крупной и самостоятельно проведенной мерой Львова. Наконец, некоторые реформы (к примеру, переименование императорских театров в государственные) диктовались самой жизнью и были бы осуществлены независимо от личности того, к кому после Февраля перешли бы функции по управлению театрами. Впрочем, учитывая весьма малое знакомство Львова с театральным миром в дореволюционное время, отсутствие у него на посту комиссара над Дирекцией театров какой-либо «программы» удивлять не должно.

Особый интерес представляют взаимоотношения Н.Н. Львова с московскими государственными театрами. После приказов №№ 9 и 17 (оба — от 6 марта) Большой и Малый театры как бы выпадают из сферы его деятельности, перейдя под управление А.И. Сумбатова-Южина. Однако Южин, которого Львов наделил полномочиями комиссара, продолжал считать его своим начальником; 14 марта он отправил большое письмо на имя Львова и Теляковского, в котором

⁷³ Там же. С. 663.

⁷⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 86 об.

⁷⁵ Еще 1 марта Безпалов организовал караулы солдат у трех императорских театров (*Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 25 — 26).

⁷⁶ Инициатива учреждения последней должности, согласно мемуарам Безпалова, исходила от Львова (Там же. С. 27).

давал отчет о делах московской сцены⁷⁷. Тем не менее Львов после 6 марта в московские дела, насколько можно судить, не вмешивался, не зная, что ему делать и с петроградскими театрами. Южин сохранил о нем благоприятное впечатление — встретив Львова на Государственном совещании в Москве, он писал жене 19 августа: «Виделся с благородным Н.Н. Львовым»⁷⁸.

Оценивая деятельность Н.Н. Львова в качестве комиссара над Дирекцией театров, нельзя не коснуться вопроса об «автономии» театров. По этому поводу интересную запись в дневнике сделал 19 апреля 1917 г. уже покидавший свой пост В.А. Теляковский. В тот день у него состоялась беседа с А.И. Зилоти — крупным музыкальным и театральным деятелем, которому вскоре предстояло возглавить оперную группу Мариинского театра. Зилоти, удрученный идущим в театрах «развалом», полагал, что «величайшую ошибку сделал Львов — разрешив вопрос автономии», на что Теляковский «ему пояснил, что при разговоре с Львовым я присутствовал — никакой автономии он не давал, разрешив лишь представить проекты будущей автономии, которую может дать в будущем лишь новое Правительство»⁷⁹. Действительно, насколько можно судить по описанным выступлениям Львова перед группами Александринского и Мариинского театров, он провозглашал здравицы в честь «свободной России» и призывал артистов скорее «вернуться к работе», а в остальном ограничивался самыми общими фразами.

Таким образом, подводя итог двухнедельному управлению Н.Н. Львовым бывшими императорскими театрами, можно сделать ряд выводов. Во-первых, никакой программы Львов, далекий от театра, не имел и действовал по обстоятельствам. Во-вторых, наиболее значительной из его мер стало оставление им в должности В.А. Теляковского, в теснейшем контакте с которым он и осуществлял свои административные функции. В-третьих, Львов являлся высшей инстанцией и для московских государственных театров, хотя и прак-

---

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 12. ЛЛ. 2—4 об.

⁷⁸ АРО ГЦТМБ. Ф. 317. № 3037. Л. 1.

⁷⁹ Там же. Ф. 280. № 1325. Л. 107. Проект устава «Союза деятелей Александринского и Михайловского театров на началах общественного самоуправления» был действительно выработан и, как сообщил Е.П. Карпов на совещании театральные деятели 30 марта, был передан им Н.Н. Львову (ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 66. ГИК 20848. Л. 2; Автономия Александринского и Михайловского театров // Биржевые ведомости. 1917. 16 марта (утр. вып.). Однако утвержден этот проект не был, в связи с тем, что новой администрацией в лице Ф.А. Головина был взят курс на создание общей для всех государственных театров «конституции».

тически не вмешивался в их дела после назначения 6 марта комиссаром А.И. Сумбатова-Южина. В-четвертых, Львов не давал артистам никаких конкретных обещаний в пользу «автономной» организации, но породил у них своими выступлениями определенные надежды в этом направлении. Наконец, в-пятых, уход Львова был вызван рядом причин — среди которых и удаленность театра от основной сферы его интересов, и утомлявшие комиссара многочисленные мелкие просьбы артистов и служащих, и столкновение с А.Ф. Керенским и его окружением, желавшими более радикальной реформы придворного ведомства, и критика в печати, и назначение 8 марта комиссаром над бывшим МИДв Ф.А. Головина.

Таврические чтения 2013

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть первая

Компьютерная верстка *Поповой Н.В.*
Корректор *Аникиева Н.С.*

Подписано к печати 21.11.14. Формат 70x100 1/16.
Печ. л. 22,5. Усл. печ. л. 29,3. Тираж 200 экз. Заказ 152

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Издательство «ЭлекСис», СПб, Новочеркасский пр., д. 1

